

М. БОБРЖИНСКІЙ.

319

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ПОЛЬШИ.

(DZIEJE POLSKI)

Переводъ съ 3 польскаго изданія подъ редакціей профессора С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРБЕВА.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣва.

1888.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ПОЛЬШИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	СТР.
Отъ редактора перевода	I
Оглавленіе	II
Предисловіе къ 1 изданію	1
> > 2 >	3
> > 3 >	23
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
Введеніе. I. О понятіи польской исторіи и дѣленіи ея на періоды	1
 II. О научномъ изслѣдованіи польской исторіи	11
Первоначальная Польша	35
§ 1. Индо-европейскія племена	41
§ 2. Славяне	43
§ 3. Русь и болгары	44
§ 4. Чехи	46
§ 5. Начало Польши. Страна	51
§ 6. Жители	52
§ 7. Политическіе союзы. „Людѣ“	54
§ 8. Религія	56
§ 9. Характеристика отдѣльныхъ племень	58
§ 10. Возникновеніе польскаго государства	60
§ 11. Мѣшко I. Припятіе христіанства	66
§ 12. Болеславъ Храбрый	69
§ 13. Борьба съ сосѣдями	72
§ 14. Устройство первоначальнаго польскаго государства	75
§ 15. Смерть Болеслава Храбраго	87
§ 16. Мѣшко II	88
§ 17. Реакція	89
§ 18. Казиміръ Возстановитель	90
§ 19. Болеславъ Смѣлый	92
§ 20. Владиславъ Германъ	96
§ 21. „Можновладство“ по отношенію къ Кривоустому	99
§ 22. Войны Болеслава Кривоустаго	101
§ 23. Возвращеніе Поморья и проповѣдь въ немъ христіанства	103
§ 24. Внутреннія отношенія	104
§ 25. Завѣщаніе Болеслава Кривоустаго	111

	стр.
§ 26. Владиславъ II и Болеславъ Кудрявый	115
§ 27. Мѣшко Старый и Казимиръ Справедливый.	116
§ 28. Внѣшнія отношенія	119
§ 29. Мазовія и Куявія, Тевтонскій орденъ и Поморье	125
§ 30. Малая Польша	128
§ 31. Великая Польша	129
§ 32. Силезія	131
§ 33. Внутреннія отношенія. Образованность	133
§ 34. Нашествіе монголовъ	136
Средневѣковая Польша	138
§ 35. Очеркъ раздѣленія	142
§ 36. Нѣмецкая колонизація	144
§ 37. Привилегіи церкви	151
§ 38. Привилегіи земянь	154
§ 39. Государь и государство	158
§ 40. Коронація Пржемыслава Великопольскаго	159
§ 41. Чешское господство	163
§ 42. Правленіе Локотка	164
§ 43. Народная война съ Тевтонскимъ орденомъ	168
§ 44. Политика Казимира В. Мирь съ орденомъ и Чехіей	175
§ 45. Присоединеніе Галицкой Руси	177
§ 46. <u>Внутреннее развитіе Польши</u>	184
§ 47. Устройство государства	189
§ 48. Вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ Пястовъ	197
§ 49. Правленіе пановъ отъ имени короля венгерскаго Людовика	199
§ 50. Побѣда можновладства во время безкоролья	202
§ 51. Обращеніе Литвы	205
§ 52. Погромъ ордена	211
§ 53. Характеръ можновладческаго управленія	216
§ 54. Церковная іерархія	220
§ 55. Гуситское движеніе въ Польшѣ	226
§ 56. Торжество Олесницкаго въ чешскомъ и литовскомъ вопро- сахъ	229
§ 57. Планы Сбигнѣва Олесницкаго	238
§ 58. Паденіе Сбигнѣва Олесницкаго	244
§ 59. Присоединеніе Пруссіи и Поморья	250
§ 60. Ягеллоны на тронѣ Чехіи и Венгріи	256
§ 61. Увеличеніе привилегій	260
§ 62. Политическое движеніе шляхты	270
§ 63. Города и нѣмецкій элементъ	273

Свѣдѣнія по исторической географіи средневѣковой Польши	278
Родословныя таблицы. Карта Польши въ 1492 г.	

ОТЪ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА.

Первое изданіе «Очерка исторіи Польши» (*Dzieje Polski w zagysie*). написаннаго профессоромъ исторіи польскаго права въ краковскомъ университетѣ Михаиломъ Бобржинскимъ, вышло въ свѣтъ девять лѣтъ тому назадъ (1879 г.). Появленіе второго и третьяго изданій этой книги въ 1880 — 1881 и 1888 гг. свидѣтельствуетъ о томъ успѣхѣ, какой она имѣетъ въ польской публикѣ, не смотря на то, что журнальные и газетные рецензенты встрѣтили ее крайне враждебно. Польская научная критика въ лицѣ такихъ ученыхъ историковъ, какъ Смолька, Калинка и Шуйскій, вступивъ въ полемику съ Бобржинскимъ по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, въ общемъ признала за его трудомъ не малое значеніе, и одинъ изъ нихъ, именно Смолька, объяснилъ газетныя нападки на автора тѣмъ, что онъ подвелъ общіе итоги подъ результатами монографической разработки польской исторіи, произведшими коренной переворотъ во взглядахъ на прошлое Польши, но оставшимися неизвѣстными громадному большинству публики, которой Бобржинскій и долженъ былъ показаться опаснымъ новаторомъ, не уважающимъ національныхъ традицій. Эта ученая защита Бобржинскаго возымѣла свое дѣйствіе: нападки на него прекратились, и книга его сдѣлалась одной изъ наиболѣе популярныхъ. Въ ней, конечно, много лично принадлежащаго Бобржинскому, т. е. такого, что не раздѣляется другими польскими историками, но, и по ихъ отзывамъ, «*Dzieje Polski w zagysie*» дѣльны именно тѣмъ, что популяризируютъ результаты работы современныхъ историковъ для большой публики. Въ польской національной исторіографіи за послѣднюю четверть вѣка совершился, дѣйствительно, дѣльный переворотъ, все значеніе

котораго впервые, на нашъ взглядъ, стало ясно по выходѣ въ свѣтъ книги Бобржинскаго ¹⁾). Въ нашей періодической печати своевременно было отмѣчено появленіе этого труда въ свѣтъ и выяснено его важное значеніе для науки: мы могли бы назвать нѣсколько рецензій, первая изъ которыхъ (варшавскаго профессора *Θ. Θ. Зигеля*) была помѣщена въ «Критическомъ Обзорѣніи» за 1879 г. Полтора года тому назадъ и пишущій эти строки представилъ критическій разборъ книги въ статьѣ «Новѣйшая польская исторіографія и переворотъ въ ней», помѣщенной въ «Вѣстникъ Европы». Между прочимъ мы высказали тамъ мысль о необходимости перевода польской исторіи Бобржинскаго на русскій языкъ въ виду того, что, кромѣ весьма стараго руководства Бандтке и не особенно удовлетворительнаго сочиненія Шмитта,—притомъ вышедшихъ со всѣмъ изъ продажи, — у насъ нѣтъ ни одной книги, изъ которой читатель могъ бы познакомиться съ польской исторіей. Теперь мысль эта осуществляется, и нужно надѣяться, что книгъ новыхъ рекомендацій не требуется. Замѣчу только о переводѣ слѣдующее: принявъ на себя редакцію перевода, я наблюдалъ только за его точностью, не считая себя въ правѣ что-либо измѣнять въ словахъ автора, даже въ томъ случаѣ, когда находилъ что-либо прямо ошибочнымъ, и не признавая нужнымъ дѣлать свои примѣчанія. Послѣднее—дѣло русской научной критики, которая, конечно, не оставитъ безъ вниманія издаваемый въ русскомъ переводѣ польскій историческій трудъ.

Н. Карѣвъ.

26 мая 1888 г.

¹⁾ См. наши статьи „Вопросъ о религиозной реформациіи XVI в. въ польской исторіографіи“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, ноябрь) и „Новѣйшая польская исторіографія и переворотъ въ ней“ (Вѣстн. Евр. 1886, декабрь), а также II главу печатающейся книги „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Современная исторіографія, состоя почти исключительно изъ небольшихъ изслѣдованій и монографій, разъясняя и самые важные вопросы, и частности, проливаетъ сильный живительный свѣтъ на исторію въ цѣломъ. Передъ глазами историковъ, постоянно обмѣнивающихся результатами своихъ изслѣдованій, вырисовывается контуръ новаго зданія нашей исторіи, совершенно не похожаго на все то, чему мы учились прежде изъ книгъ, излагающихъ польскую исторію. Конечно, пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ изъ матеріала, доставляемаго современными спеціальными изслѣдованіями, будетъ окончательно построено новое зданіе, прежде, чѣмъ эти спеціальныя изслѣдованія все обнимутъ, разсмотрятъ и выяснятъ, прежде, чѣмъ ихъ сплавить въ одно цѣлое какой-нибудь великій историческій талантъ. Но можетъ ли и должно ли общество ждать этого далекаго момента? не должны ли изслѣдователи исторіи дѣлиться съ обществомъ выводами, къ которымъ они уже пришли.

Вотъ причины, побудившія меня написать и издать предлагаемый очеркъ польской исторіи. Цѣль моя состоитъ не въ томъ, чтобы изложить всѣ факты до мелочныхъ подробностей, а въ томъ, чтобы показать измѣненіе основъ и условій нашего общественнаго и политическаго развитія въ прошломъ, выяснить причины этого развитія и послѣдовавшаго за нимъ упадка и дать характеристику народа и болѣе выдающихся личностей въ немъ въ каждой эпохѣ и въ отдѣлахъ, на которые распадается каждая эпоха. Обосновываніе отдѣльныхъ мнѣній ссылками на источники, а также полемика съ прежними историческими воззрѣніями выходятъ, разумѣется, изъ предѣловъ руководства.

Я старался, насколько возможно, быть яснымъ и понятнымъ, но ради понятности я не жертвовалъ предметами, которые кажутся менѣ доступными по самой своей природѣ. Я старался избѣжать неестественнаго растягиванія исторіи XVII и XVIII вѣковъ, за то стремился изобразить какъ можно сильнѣе XV и XVI вѣка—время самаго сильнаго нашего процвѣтанія въ прошломъ. Если исторія должна быть для насъ наставницею жизни, если въ нынѣшнихъ нашихъ предпріятіяхъ мы должны руководствоваться соображеніемъ, что «такъ дѣлали наши отцы», такъ будемъ же подражать нашимъ великимъ предкамъ ягеллоновскихъ временъ, а выродившіяся позднѣйшія поколѣнія, тяжелое бремя грѣховъ которыхъ мы несемъ на себѣ и теперь, пусть послужатъ намъ устрашающимъ примѣромъ.

Я, конечно, знаю и открыто признаю это, что надъ той же задачей работаетъ уже нѣсколько лѣтъ человекъ, болѣе меня способный. Но, такъ какъ давно ожидаемое руководство къ польской исторіи Шуйскаго предполагается въ болѣе широкомъ размѣрѣ, а вслѣдствіе этого окончаніе его можетъ потребовать болѣе продолжительнаго времени, то у меня не было основанія откладывать изданіе предлагаемаго очерка. Я буду польщенъ болѣе всего, если этотъ очеркъ проложитъ дорогу сочиненію Шуйскаго въ тѣхъ щекотливыхъ вопросахъ, въ которыхъ онъ будетъ съ нимъ согласенъ; что же касается того, что онъ найдетъ у Шуйскаго болѣе вѣрную и подробную обработку всѣхъ вопросовъ, то объ этомъ мнѣ не зачѣмъ говорить въ виду всего нашего научнаго и литературнаго міра.

Краковъ, 10-го сентября 1877.

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Наилучшимъ отвѣтомъ на цѣлый рядъ критикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самой лучшей защитой моей книги будетъ ея второе изданіе. Оно представляетъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ удобный случай для отвѣта на сдѣланные мнѣ упреки и для обозначенія положенія, занятого мною по отношенію къ нимъ.

Это чрезвычайно трудная задача, такъ какъ на большую часть упрековъ нѣтъ ни повода, ни возможности отвѣчать.

Прежде всего, чтó отвѣчать рецензентамъ, которые, игнорируя совершенно основную идею моей книги, не обращая никакого вниманія на то, чтó въ ней есть существеннаго, нисколько не вникая ни въ характеристику періодовъ, сдѣланную мною, ни въ изображеніе внутреннихъ отношеній, ни въ способъ уловленія и выясненія путеводной нити нашего историческаго развитія, указывали мнѣ рядъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ ошибокъ въ мелочныхъ датахъ и фактахъ и, нашедши ошибочно написаную или невѣрно напечатанную дату битвы или смерти какого-нибудь князька, нашедши, напр., въ одномъ мѣстѣ договоръ велавско-быдгощскій напечатаннымъ «вавельско-быдгощскимъ», обвинили меня въ историческомъ невѣжествѣ и закричали съ триумфомъ, что нельзя писать исторіи только по вдохновенію? Благодаря за указаніе ошибокъ и мнѣ, и наборщику, сожалѣя, что они не указали ихъ всѣхъ, я однако не думаю ослаблять торжествующаго настроенія этихъ господъ критиковъ. Нужно оставить его людямъ, которые, довольствуясь въ своемъ трудѣ провѣркой нѣсколькихъ или нѣсколькихъ десятковъ историческихъ фактовъ, считаютъ невѣждами всѣхъ товарищей, работающихъ въ другомъ болѣе общемъ направленіи. У

насъ въ послѣднее время .появились историки, которые открыто гордятся тѣмъ, что не имѣютъ представленія о всей исторіи народа, но за то знаютъ до мельчайшихъ подробностей всѣ перипетіи дипломатическихъ сношеній за десять или пятнадцать лѣтъ и въ этой области сдѣлали великія открытія. Эти удивительныя открытія, ради которыхъ умышленно устраняется всякое болѣе широкое воззрѣніе, вызываютъ непріятное недоумѣніе, благодаря легковѣрію ихъ виновниковъ. Руководящимъ принципомъ такихъ изслѣдованій является слѣпая, безусловная вѣра въ букву того, что ясно написано въ источникахъ, а суть и настоящее значеніе факта оставляется въ сторонѣ. Если, напр., очевидной цѣлью и послѣдствіемъ какого-нибудь трактата является полное отступленіе отъ извѣстной политики, сдѣланное однимъ государствомъ по отношенію къ другому, если къ этой цѣли направлены всѣ постановленія трактата, но не высказываютъ этого прямо, то открытіе сводится къ констатированію, что цѣль не высказана, а отсюда заключеніе, что ея и не было. Если министръ совершилъ непростибельную ошибку и безуспѣшно старается въ дипломатической нотѣ скрыть проигрышъ, то исторія, по мнѣнію этихъ господъ, должна брать эту ноту буквально и утверждать, что министръ дѣла не проигралъ, напротивъ, одержалъ побѣду. Кто, пиша исторію хоть бы въ самомъ общемъ очеркѣ, излагаетъ факты не по буквальному тексту источниковъ, а сообразно съ ихъ дѣйствительнымъ значеніемъ, кто не перечислитъ всѣхъ этихъ открытій, кому случится забыть ту или другую неважную подробность, тотъ можетъ быть увѣренъ, что критика, исходящая изъ этого лагеря, вмѣнитъ ему все это въ преступленіе и не признаетъ за его работой никакихъ достоинствъ. Дѣло не въ авторѣ, который не принимаетъ вѣдь серьезно такого рода критики, иногда отличающейся оригинальной сантиментальностью и ходульнымъ пафосомъ, но жаль читателей, которые вмѣсто ожидаемой рецензіи слышатъ опять ни вѣсть въ который уже разъ о всѣхъ этихъ открытіяхъ съ самымъ точнымъ библиографическимъ указаніемъ всѣхъ изслѣдованій и замѣтокъ.

Далѣе, что же отвѣчать тѣмъ рецензентамъ, которые употребили всѣ усилія на то, чтобы нигдѣ меня не понять и не уяснить себѣ настоящаго значенія моихъ словъ? Пишущіе рецензіи—люди, какъ я долженъ думать, обладающіе, по крайней мѣрѣ, общимъ образованіемъ,—высказывали непониманіе, доходящее по временамъ

до совершенной наивности. Если, напр., авторъ выразился, что наше шляхетское общество XVII или XVIII вѣка было слишкомъ мало-кровно, то, хотя изъ всего отрывка слѣдуетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о болѣе глубокихъ, болѣе настойчивыхъ и сильныхъ страстяхъ и стремленіяхъ, критикъ понимаетъ выраженіе буквально и, сравнивая мощныя фигуры нашихъ предковъ, какими мы ихъ видимъ на картинахъ, съ типами современныхъ англичанъ или итальянцевъ, измѣряетъ кровь ихъ чуть ли не квартой и, конечно, уничтожаетъ автора такимъ аргументомъ. Вырывали изъ логической связи выраженія, отдѣленные одно отъ другого страницами и относящіяся къ различнымъ вещамъ, и указывали мнѣ на рядъ непослѣдовательностей и противорѣчій, которыхъ никто, кромѣ критика, не нашелъ и не найдетъ. Критикъ такого рода укажетъ и приведетъ буквально два выраженія, изъ которыхъ явствуется несомнѣнно, что авторъ назвалъ политику одного и того же короля одинъ разъ «дурной», а другой разъ «хорошей», противорѣчіе очевидное, но только для такого читателя книги, который не хочетъ понять, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о политикѣ внѣшней, а во второмъ—о внутренней. Выхватывая болѣе яркія слова, лишая ихъ того значенія, которое они имѣютъ въ книгѣ въ связи съ другими, составляли себѣ мозаику, заключенную въ рамки краснорѣчивыхъ вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, заставляющихъ читателя предполагать страшныя вещи и тенденціи. Подбирая рядъ мнѣній, говорящихъ за, и умалчивая обо всемъ, говорящемъ противъ, мнѣ навязывали тезисы, которыхъ я не только нигдѣ не высказалъ, но о которыхъ я даже не могъ и подумать. Этому вполне поддается исторія, такъ какъ она не представляетъ собой какой-нибудь строго опредѣленной философской или политической системы, но является цѣлью событий, говорящихъ и за, и противъ всякой теоріи.

Кто не принимаетъ во вниманіе всей исторіи, кто добросовѣстно не взвѣшиваетъ всѣхъ этихъ «за» и «противъ», тотъ можетъ на основаніи исторіи доказывать все, что угодно, тотъ легко можетъ счесть историка нигилистомъ или крайнимъ консерваторомъ, какъ ему выгодно. Такого рода критику я встрѣтилъ главнымъ образомъ въ журналахъ. Читая теперь внимательно то, что было написано о моей книгѣ въ варшавскихъ журналахъ, я не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что рѣчь идетъ не обо мнѣ. Одинъ изъ журналовъ, разыскивающийъ какой бы то ни было цѣной послѣдо-

вателей его радикальныхъ принциповъ, нашелъ въ моей книгѣ мѣста, гдѣ я говорю, что необходимо отрѣшиться отъ народныхъ пороковъ и считаться съ условіями времени и положенія и, не доискиваясь, какъ я понимаю всякое развитіе и прогрессъ, не обращая вниманія на то, что я постоянно оттѣняю необходимость уважать здоровое наслѣдіе прошлаго и дѣйствительныя силы общества, что, слѣдовательно, весь мой трудъ рѣшительно высказывается противъ его направленія, привѣтствовало во мнѣ «давно ожидаемаго союзника». Журналы противнаго лагеря приняли эту совершенно ошибочную характеристику какъ данный фактъ и, не задаваясь вопросомъ, насколько она вѣрна, рады случаю заявить свои охранительные принципы, вступили въ борьбу не со мной, а съ тѣмъ журналомъ, который отозвался первый. Правда, рецензенты вырывали изъ моей книги выраженія и слова для того, чтобы придать полемикѣ видъ доказательности, но я держусь слишкомъ хорошаго мнѣнія объ ихъ умственномъ развитіи, чтобы допустить, что они читали всю книгу и, прочитавъ ее внимательно, могли писать о ней такимъ образомъ.

Если бы я захотѣлъ имъ отвѣчать, мнѣ пришлось бы написать вторую книгу и доказывать ошибочность пониманія и истолкованія каждаго отрывка въ моемъ трудѣ,—дѣло слишкомъ тяжелое и неблагодарное въ сравненіи съ возможной его пользой. Тотъ, у кого хватитъ времени и терпѣнія просматривать такую защиту, навѣрно прочтетъ самую книгу и не дастъ сбить себя съ толку натянутымъ объясненіемъ.

Впрочемъ нашлись рецензенты, которые, стремясь разыграть роль стражей нашего общественнаго здравія, предали мою книгу проклятію и старались удержать публику отъ чтенія ея. Это старое оружіе, но, слава Богу, уже негодное къ употребленію и заржавѣвшее, могло только привести къ результату, прямо противоположному. И историкъ по профессіи не свободенъ отъ ошибокъ и уклоненій, но плохо было бы общество, не желающее вслѣдствіе легкомысленно брошенныхъ обвиненій даже выслушать человѣка, который посвящаетъ всѣ свои силы изслѣдованію его прошлаго и уже вслѣдствіе этого имѣетъ право высказать свое мнѣніе, хотя бы оно и расходилось съ господствующими взглядами.

Наконецъ, что отвѣчать рецензентамъ, обнаруживающимъ на каждомъ шагѣ полное незнакомство съ элементарными понятіями

о задачѣ и положеніи исторіи? Можно стыдиться того, что у насъ еще и теперь существуютъ писатели, толкующіе объ абсолютномъ безпристрастіи историка, о томъ, какой вредъ приноситъ народу открытіе исторической истины, о необходимости вызывать энтузіазмъ посредствомъ прикрашиванія прошлаго и т. п.

Эти люди упрекаютъ въ дерзости историка, осмѣливагося на основаніи изслѣдованій и глубокаго убѣжденія выступить рѣшительно противъ установившихся взглядовъ въ томъ или другомъ отношеніи, а сами обыкновенно поучаютъ историковъ съ дерзостью, выходящею изъ всякихъ границъ. Я не упоминаю здѣсь о тѣхъ урокахъ, которые давались мнѣ самому не только по исторіи, но даже и по польскому праву; но трудно умолчать о томъ критикѣ, который, будучи, можетъ быть, замѣчательнымъ ученымъ во всякой другой области, но во всякомъ случаѣ не историкомъ и не издателемъ историческихъ источниковъ, указывалъ ошибки въ изданіи актовъ XIV столѣтія—Пекосинскому!!

Эти рецензенты смѣло заявляютъ, что всѣ мнѣнія и описанія, заключающіяся въ книгѣ, о которой они изрекаютъ свой приговоръ, они читали уже гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, даже въ руководствахъ XVIII вѣка, а если не читали, то, по крайней мѣрѣ, сами знали обо всемъ этомъ. Такъ изъ-за чего же они негодуютъ на книгу? Поль бѣды еще, пока они осуждаютъ книгу за то, что въ ней есть, но когда начинаютъ осуждать ее за то, чего въ ней нѣтъ, когда, напр., высказываютъ упрекъ, что юристъ ничего не написалъ о польскомъ частномъ правѣ XI и XII вѣка, тогда страхъ беретъ автора, который, хотя и состоитъ профессоромъ польскаго права въ краковскомъ университетѣ, однако ничего не знаетъ объ источникахъ польскаго права изъ тѣхъ временъ, авторъ констатируетъ полное отсутствіе или недостаточность изслѣдованій даже позднѣйшаго польскаго права и доволенъ уже тѣмъ, что ему удалось высказать нѣсколько мыслей къ выясненію этого предмета. Наконецъ, когда эти господа, осуждая мою «Исторію Польши», извоили вмѣстѣ съ тѣмъ расхвалить мои монографическіе труды, я обратилъ вниманіе на то, что въ этихъ изслѣдованіяхъ: о законодательствѣ нешавскомъ, о судахъ Казимира, о кодификаціи Сигизмунда, о сеймахъ при Альбрехтѣ и Александрѣ, о политической литературѣ XV вѣка, я высказывалъ тѣ же основные взгляды, которые излагаю и развиваю въ руководствахъ; итакъ, передо мной

возникла логическая проблема: какимъ образомъ одно и то же положеніе можетъ быть хорошимъ въ монографіи и дурнымъ въ руководствѣ? Для разрѣшенія этого вопроса у меня не хватаетъ силъ. На всѣ рецензіи такого рода нужно вліять единственно только посредствомъ популяризаціи общихъ понятій объ исторіи ¹⁾, но отвѣчать на нихъ можно только классическимъ афоризмомъ: «*Ne sutor ultra crepidam*».

Однако, оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ всѣ эти критики, на которыя разумно отвѣчать нѣтъ ни возможности, ни цѣли, я не могу забывать, что я издалъ свою книгу не какъ изложеніе готовыхъ, доказанныхъ научныхъ выводовъ, а какъ программу для написанія исторіи Польши, подлежащую научному разбору и обсужденію. Въ бездонномъ морѣ пристрастныхъ или легкомысленныхъ рецензій я нашелъ нѣсколько болѣе разумныхъ замѣчаній, сталкиваясь въ ежедневной жизни и переписываясь съ солидными людьми, я встрѣтилъ не мало высказанныхъ сомнѣній, наконецъ, въ двухъ рецензіяхъ, написанныхъ съ знаніемъ дѣла: Проф. Шуйскаго ²⁾ и ксендза В. Калинки ³⁾, я нашелъ цѣлый рядъ возраженій, болѣе или менѣе важныхъ. Я могъ считаться съ этими замѣчаніями, сомнѣніями и возраженіями и долженъ теперь опредѣлить, насколько позволяетъ мѣсто, точку зрѣнія, на которую я становлюсь по отношенію къ нимъ послѣ добросовѣстнаго ихъ разсмотрѣнія.

Въ брошюрѣ: «Во имя исторической истины» я высказалъ мнѣніе, что историческое сужденіе должно опираться на хорошемъ знакомствѣ съ общественными и политическими науками въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, что сужденіе это есть примѣненіе выводовъ этихъ наукъ къ историческимъ фактамъ, критически изслѣдованнымъ.

¹⁾ Я старался сдѣлать это въ брошюрѣ: «Во имя исторической истины. О задачѣ исторіи и ея теперешнемъ положеніи» («*W imię prawdy dziejowej. Rzecz o zadaniu historyi i dzisiejszym jej stanowisku*». Warszawa. 1879). Главныя основы ея изложены въ предлагаемой книгѣ въ главѣ о исторической литературѣ.

²⁾ «Нѣсколько замѣчаній о «Исторіи Польши» М. Бобржинскаго». («*Kilka uwag o Dziejach Polski M. Bobrzyńskiego*». Warszawa. 1879).

³⁾ «О книгѣ М. Бобржинскаго «Исторія Польши». («*O książce M. Bobrzyńskiego «Dzieje Polski w zagysie*». Kraków. 1879).

Противъ этого рѣшительно высказались Шуйскій и Смолька ¹⁾; признавая необходимость знакомства съ политическими и общественными науками, они утверждаютъ, что это знакомство только развиваетъ въ историкѣ способность къ изученію, сопоставленію и оцѣнкѣ фактовъ. Это возраженіе можно совершенно устранить, выяснивъ дѣло. Говоря о приложеніи выводовъ общественныхъ и политическихъ наукъ къ историческимъ фактамъ, я совсѣмъ не думалъ ни о рабскомъ примѣненіи ихъ, ни объ установленіи какого нибудь общаго шаблона; я признаю и высказалъ это ясно, что ни одинъ фактъ въ исторіи вполнѣ тождественно не повторяется, я сильно отгѣнилъ ту мысль, что историкъ, примѣняя выводы, полученные изъ сравненія извѣстныхъ фактовъ, къ новому, изслѣдуемому имъ факту, долженъ изучать его особенности и считаться съ ними, долженъ опредѣлить, насколько въ этомъ фактѣ оправдываются извѣстные законы и въ какой комбинаціи, насколько эти самые законы подлежатъ исправленію, насколько, наконецъ, новый фактъ приводитъ при внимательномъ изслѣдованіи къ открытію новаго, неизвѣстнаго до того времени закона, а, слѣдовательно, къ обогащенію политическихъ и общественныхъ наукъ. Если названные противники мои захотятъ такимъ образомъ меня понять, то они безъ сомнѣнія признаютъ, что наши опредѣленія историческаго сужденія различаются только на словахъ, а не по существу. Мы одинаково признаемъ пользу общественныхъ и политическихъ наукъ для исторіи, мы согласны въ томъ, что знакомство съ этими науками даетъ историку возможность и способность оцѣнивать историческіе факты, а я наконецъ указалъ причину этой возможности. Тѣ же причины вызываютъ въ исторіи тѣ же послѣдствія. Историкъ, найдши извѣстный фактъ, ищетъ фактовъ похожихъ, причины и слѣдствія которыхъ уже выяснены наукой, и изслѣдуетъ со всей научной свободой и самостоятельностью, насколько эти причины и слѣдствія повторяются въ данномъ фактѣ. Оцѣнивая его на такомъ основаніи, онъ вѣдь прилагаетъ научные выводы къ факту, что я и утверждалъ. Разумѣется, ни къ чему бы не послужило историку такое приложеніе, самое основательное знаніе общественныхъ и политическихъ наукъ не развивало бы въ немъ способности оцѣнивать факты, если бы эти факты не подчинялись

¹⁾ «О понятіяхъ, задачѣ и положеніи исторіи». («O pojęciach, zadaniach i stanowisku historyi». Ateneum. tom. III. Warszawa. 1879).

извѣстнымъ историческимъ законамъ, если бы законы не проявлялись въ фактахъ, если бы, другими словами, извѣстная причина не вызывала всегда тѣхъ же самыхъ послѣдствій.

Оговорки гг. Шуйскаго и Смольки появились вслѣдствіе того, что я ясно не высказалъ, въ какомъ отношеніи находится мое опредѣленіе къ теоріи Бокля, всегда непріятной для историковъ. Оба рецензента, прочитавъ мою книгу, конечно, убѣдились, что меня нельзя причислить къ школѣ Бокля, тѣмъ настойчивѣе требуютъ они, чтобы я категорически высказался относительно теоріи Бокля. Я легко могу удовлетворить этому требованію. Я согласенъ съ Боклемъ въ томъ, что у него не ново, что онъ прямо заимствовалъ изъ наукъ общественныхъ и политическихъ. Какъ юристъ, я не могу не признать, что всѣ явленія общественной и политической жизни народовъ подчиняются извѣстнымъ законамъ; обнаруженіемъ ихъ и приведеніемъ въ систему и занимаются исторія, общественныя и политическія науки. Я признаю заслугу Бокля въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе историковъ на эти науки, на правильность, обнаруживающуюся въ историческихъ фактахъ, въ томъ, что онъ порицалъ прежнихъ историковъ за произвольное комбинированіе фактовъ. За то я рѣшительно не согласенъ съ личнымъ убѣжденіемъ Бокля, что законы, управляющіе человѣчествомъ, уже вполне открыты и извѣстны, что Бокль сказалъ объ нихъ послѣднее слово; я не согласенъ брать, какъ критерій для оцѣнки самыхъ запутанныхъ историческихъ явленій, совершенно не доказанныя, эксцентрическія гипотезы; я въ книгѣ Бокля вижу только искусственное втискиваніе историческихъ фактовъ въ формулы, состряпанныя на-скоро. Въ моей брошюрѣ: «Во имя исторической истины» я весьма рѣшительно выступаю противъ такого втискиванія исторіи въ апріорныя формулы, утверждаю вполне опредѣленно, что безконечное количество историческихъ явленій остается еще совершенно не выясненнымъ и непонятымъ, и совѣтую ограничиться простымъ констатированіемъ такихъ явленій. Бокль, пожалуй, гениальный диллетантъ, но не историкъ и не юристъ-политикъ, все понимаетъ и объясняетъ и въ этомъ сильно ошибается.

Заговоривъ о Боклѣ, нельзя ѱумолчать о возраженіи, которое дѣлали противъ моей книги сторонники позитивной философіи у насъ. Они порицали меня за то, что я въ изображеніи нашей исторіи, особенно новой, говорю объ исторической отвѣтственности народа и

отдѣльныхъ личностей тогда, какъ въ исторіи нѣтъ никакой отвѣтственности, потому что, по мнѣнію этой школы, ни личность, ни народъ не имѣютъ никакой воли, а являются орудіемъ внѣшняго и внутренняго принужденія «*Tout comprendre, c'est tout pardonner.*» На это я отвѣчу, что вполне вѣруя въ существованіе высшихъ законовъ, которымъ подчиняются какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлые народы, мы знаемъ только лишь незначительную часть этихъ законовъ, и поэтому не можемъ въ исторіи всего понять, а слѣдовательно, и всего простить. Притомъ существованіе законовъ не исключаетъ свободы воли личности и общества. Положимъ, кто-нибудь, желая сойти съ крутой горы, вмѣсто того, чтобы спускаться осторожно, бросился въ пропасть и сломалъ ногу: законъ тяготѣнія проявился во всей своей грозной силѣ, но человекъ дѣйствовалъ произвольно и отвѣтственъ за свой поступокъ. То же происходитъ и въ сферѣ высшаго порядка. Правительство какого-нибудь государства, придерживаясь ошибочной финансовой политики, привело страну къ разоренію, такимъ образомъ сказался извѣстный экономическій законъ, но развѣ личности, составляющія правительство, должны были непременно ошибаться, развѣ они не отвѣтствены за свои ошибки? Народъ, утратившій всякіе религіозные принципы, подвергся большимъ бѣдствіямъ вслѣдствіе внутренняго разстройства: законъ, состоящій въ томъ, что никакой народъ не можетъ существовать и развиваться безъ религіи, страшно отомстилъ за его нарушеніе, но народъ, дѣйствующій по своей волѣ, развѣ не подлежитъ отвѣтственности? Исторія человѣческой дѣятельности, основывающейся въ концѣ концовъ на свободной волѣ, не смотря на всякія вліянія и условія, не перестанетъ быть судомъ надъ личностями, государствами и народами. Отвѣтственность передъ этимъ судомъ несомнѣнно уменьшаютъ условія, среди которыхъ развивается человѣческая дѣятельность, вліянія, которымъ она подчиняется, но ничто не въ состояніи устранить ее совершенно. Однако отъ очень серьезнаго человека, именно отъ профессора Шуйскаго, я услышала упрекъ въ томъ, что въ своей книгѣ я слишкомъ сильно выставляю на видъ эту историческую отвѣтственность, а слишкомъ мало мѣста отвожу условіямъ и вліяніямъ. Профессоръ Шуйскій соглашается со мной—и, я думаю, согласится всякій человекъ, политически мыслящій,—что Польша потеряла политическую самостоя-

тельность вслѣдствіе отсутствія правительства,—и принимаетъ также указанные мною въ заключительныхъ выводахъ причины, мѣшавшія намъ создать сильное правительство. Одной изъ нихъ является наша молодость, такъ какъ мы выступили на арену цивилизаціи пятью столѣтіями позднѣе Запада; другой—обширность территоріи; исключительно земледѣльческой, по отношенію къ количеству населенія, причемъ лучшія силы послѣдняго разбрасывались на востокъ, на Русь, въ Литву, а вслѣдствіе этого оставшіяся въ странѣ силы истощались, слабѣли и не могли создать правительства въ духѣ новаго времени. Соглашаясь со всѣмъ этимъ, Шуйскій ставитъ вопросъ, отчего я не представляю всей нашей новой исторіи въ свѣтѣ этихъ принципиальныхъ замѣчаній, и справедливо замѣчаетъ, что, проводя эти основные взгляды при каждомъ отдѣльномъ фактѣ, можно было бы уменьшить ужасающую яркость печальной картины нашего упадка. Это—возраженіе весьма глубоко обдуманное, однако послѣ самаго добросовѣстнаго размышленія у меня не было никакой возможности ни признать его правильность, ни принять его въ соображеніе при обработкѣ второго изданія.

Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что польская исторія—не то же, что исторія древняго Египта. Древніе египтяне исчезли, роль, которую они играли въ исторіи, является передъ глазами историка замкнутой, законченной, мы знаемъ, къ чему они пришли въ моментъ самаго высокаго развитія. Поэтому въ исторіи Египта мы можемъ сопоставлять характеръ и дѣятельность народа съ условіями климата и почвы и т. п., можемъ стремиться спокойно объяснять ее этими условіями, историкъ можетъ собраться съ духомъ и сказать: при такихъ условіяхъ могъ существовать и развиваться только такой именно народъ, то-то могъ создать, тогда-то и потому-то долженъ былъ пасть и исчезнуть безповоротно. Но можно ли этотъ методъ столь безусловно прилагать къ исторіи народа, который еще существуетъ, который еще не окончилъ своей роли, относительно котораго никто не осмѣлится предсказать, до какой степени онъ еще разовьется и какихъ цѣлей достигнетъ? Вѣдь этотъ же народъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ находился въ такихъ же, а во многихъ отношеніяхъ даже въ худшихъ условіяхъ, а тѣмъ не менѣе прекрасно развивался и отважно слѣдовалъ за Западомъ въ его дѣятельности и цивилизаціи.

Если это было возможно тогда, то почему же было бы невоз-

можно позднѣе? Развѣ Сигизмунды не находились въ условіяхъ, сравнительно въ сто разъ лучшихъ, чѣмъ Мечиславы, Болеславы, Казиміры? Однако великіе Пясты сдѣлали чудеса, а Сигизмунды своей ложной, неумѣлой политикой обратили въ ничто лучшія силы и средства народа. Вѣдь задача образованія правительства въ духѣ новаго времени въ XVI вѣкѣ не можетъ даже идти въ сравненіе съ такимъ громаднымъ предпріятіемъ, какъ созданіе польскаго народа и государства. По моему мнѣнію, перечисленныя мною причины нашей слабости объясняютъ только то обстоятельство, почему нашъ народъ въ XVI вѣкѣ не совершилъ необходимой политической реформы помимо слабыхъ королей и вопреки имъ, но не оправдываютъ нисколько государей, которые одни только могли провести эту реформу, но не провели, не объясняютъ и нисколько не освобождаютъ отъ отвѣтственности тѣхъ историческихъ личностей, которыя, изъ-за частныхъ выгодъ, сознательно поддерживали внутреннюю анархію.

Проведемъ только послѣдовательно принципъ, на который такъ напираетъ профессоръ Шуйскій, что наша молодость и географическія условія оправдываютъ насъ, и къ чему же мы придемъ? Къ величайшему отчаянію, такъ какъ разъ нѣтъ никакихъ видовъ на то, что эти условія измѣнятся, что мы очутимся въ болѣе счастливомъ положеніи другихъ странъ: Англіи, Италіи, Франціи или Россіи, то тѣмъ самымъ мы осуждены на безповоротное паденіе, и всякая надежда исчезаетъ. Несомнѣнно, исторія когда-нибудь сниметъ съ насъ значительную часть отвѣтственности, такъ какъ она съумѣетъ понять наши внѣшнія условія и вліянія и изслѣдовать ихъ, руководясь болѣе широкимъ опытомъ. Теперь, пока еще никто не въ состояніи опредѣлить дѣйствительное значеніе этихъ условій, мы можемъ приводить ихъ только, какъ обстоятельства, смягчающія нашу вину, но должны болѣе всего отмѣчать ее какъ по научнымъ соображеніямъ, такъ и ради общественной пользы. Ошибку мы можемъ исправить, но никогда не можемъ выйти изъ состоянія умственной или физической неспособности, разъ мы въ ней сознались.

Самымъ невѣрнымъ изъ многихъ обвиненій, которымъ подверглась моя книга, является обвиненіе въ томъ, что она грѣшитъ пессимизмомъ. Высказать его могъ только тотъ, кто не читалъ всей книги. Вѣдь въ нашей современной литературѣ можно на каждомъ

шагу встрѣтиться съ мнѣніемъ, что польское государство стало разлагаться сейчасъ послѣ смерти Болеслава Кривоустаго, что польская шляхта, въ качествѣ разрушающаго элемента, выступаетъ уже во времена Локотка и съ этого времени все постепенно, но непрерывно, клонится къ упадку. Я рѣшительно выступилъ противъ такого пониманія нашей исторіи и указывалъ — не касаюсь здѣсь вопроса, насколько согласно съ истиной,—что польское государство и общество въ продолженіе среднихъ вѣковъ переживаетъ много кризисовъ, но всегда выходитъ изъ нихъ побѣдоносно; я первый изъ историковъ представилъ картину нашего развитія, послѣдовательнаго и непрерывнаго вплоть до начала XVI столѣтія. О XVI вѣкѣ, вслѣдствіе отсутствія опубликованныхъ источниковъ, до недавняго времени знали у насъ очень мало, благодаря этому; пустыя фразы о блескѣ Сигизмундовыхъ временъ были въ большомъ ходу; кто проникалъ глубже, тотъ говорилъ только о полномъ внутреннемъ разстройствѣ, смотрѣлъ на тогдашнюю шляхту съ точки зрѣнія извѣстнаго факта «куриной войны», а на реформацію, какъ на религіозную смуту въ церковной сферѣ. вмѣсто такихъ представленій я указалъ на цѣлый рядъ проектовъ политической реформы, предлагавшихся шляхтой, представилъ шляхетское общество, какъ классъ мыслящій, трудящійся и борящійся за спасеніе государства отъ грозящаго ему упадка, я представилъ XVI вѣкъ развѣ ужъ въ свѣтѣ, слишкомъ оптимистическомъ, въ чемъ меня и упрекаютъ Шуйскій и Калинин. Слѣдовательно въ пессимизмъ можно упрекать только мое изображеніе двухъ послѣднихъ вѣковъ—вѣковъ несомнѣннаго, всѣми признаннаго упадка. Не спорю, я ихъ изобразилъ ярко. Однако удивительное требованіе—объяснять упадокъ, оправданіемъ его! По моему мнѣнію, чтобы мы ни приводили въ оправданіе поколѣній, столкнувшихъ насъ въ пропасть,—поколѣній, тяжелое бремя грѣховъ которыхъ гнететъ насъ еще и теперь, итоги расчета съ ними всегда будутъ не въ пользу ихъ. Историческая истина не позволяетъ представлять бѣлымъ то, что на самомъ дѣлѣ черно. Но развѣ въ высказываніи такой правды заключается пессимизмъ? По моему убѣжденію, пессимизмомъ грѣшитъ именно тотъ, кто старается затушевывать печальную истину. Плохого мнѣнія о народѣ и его живучести держится тотъ, кто полагаетъ, что народъ не перенесетъ горечи истины. Слѣдовательно, если я, изображая потрясающую картину нашего упадка, даже и слишкомъ сгустилъ

краски, то это скорѣе вина моего оптимизма. Я думалъ и думаю теперь, что наше общество уже освободилось отъ самыхъ дурныхъ своихъ пороковъ, что оно окончательно ихъ сбрасываетъ съ себя, открыто признаваясь въ нихъ. Мою книгу можетъ подозрѣвать въ пессимизмъ только тотъ, кто требуетъ отъ исторіи панегирика. Это уже дѣло вкуса. Напр., я отозвался нѣсколько разъ о Шайнохѣ съ большой и заслуженной похвалой, но высказалъ также и критическій взглядъ на него, при которомъ остаюсь и теперь, я его причислил къ школѣ Лелевеля, такъ какъ Шайноха въ значительной степени заимствовалъ отъ Лелевеля и основные взгляды, и все представленіе о внутреннихъ нашихъ отношеніяхъ, и даже методъ критическаго изслѣдованія источниковъ. За это разгромилъ меня г. Калицкій, для котораго свѣтъ клиномъ сошелся на Шайнохѣ. Для подкрѣпленія своего мнѣнія, г. Калицкій не нашелъ другого аргумента, кромѣ того, что объявилъ меня за критикованіе Шайнохи нигилистомъ (sic!). Смѣяться тутъ, или плакать?

Въ оцѣнкѣ Лелевеля, если я и погрѣшилъ чѣмъ-нибудь, то развѣ панегиризмомъ; я вѣдь представилъ его титаномъ, двигавшимъ нашу исторіографію въ продолженіе полувѣка, но кто-то призналъ за Лелевелемъ право непогрѣшимости и, если не ошибаюсь, подкрѣпилъ свое мнѣніе аргументомъ, что Лелевель написалъ двадцать томовъ.

Возвращаясь къ серьезнымъ возраженіямъ, я долженъ остановиться на упрекѣ ксендза В. Калинки; онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я оцѣниваю историческіе факты не по ихъ нравственному достоинству, а по послѣдствіямъ и результатамъ ихъ. Обвиненіе до извѣстной степени справедливо, но гдѣ же другая исходная точка? Съ незапамятныхъ временъ занимались вопросомъ о нравственности въ исторіи, о вліяніи ея на судьбы государствъ и обществъ, но никто не пришелъ къ какимъ-бы то ни было положительнымъ результатамъ. Хорошо говорить объ этомъ Длугошъ: «Если кто захочетъ просмотрѣть исторію, тотъ увидитъ обыкновенный чередъ человѣческихъ судебъ: благороднѣйшіе мужи въ бѣдности и униженіи, а преступные взысканы дарами льстиваго счастья и вынесены на вершину благосостоянія. Такой удѣлъ могъ бы казаться людямъ горькимъ, если бы души, оставивъ тѣло, не переселялись въ вѣчное жилище, гдѣ получаютъ наказаніе за злыя дѣла и награду за добрыя». Очень легко осудить всякій безнрав-

ственный поступокъ, встрѣчаемый въ исторіи, но это будетъ только фраза, такъ какъ законы нравственнаго порядка въ жизни человѣчества намъ почти совершенно неизвѣстны. Тотъ, кто будетъ оцѣнивать исторію съ нравственной точки зрѣнія, наполнить ее прекрасными восклицаніями, но ничего въ ней не объяснить. Сигизмундъ I несомнѣнно обладалъ высокимъ нравственнымъ чувствомъ, современные же ему европейскіе монархи отличались полнымъ отсутствіемъ нравственности, но къ чему привели они, а къ чему Сигизмундъ? Такихъ примѣровъ исторія даетъ тысячи. Поэтому, пока не будетъ выяснено вліяніе нравственности на ходъ историческихъ событій, мы можемъ клеймить безнравственныхъ дѣла, но для выясненія исторіи мы должны судить ихъ съ политической точки зрѣнія. Для историка наивысшимъ девизомъ должна быть не какая бы то ни было теорія, хоть бы и самая возвышенная, а благо народа, судьбы котораго онъ изслѣдуетъ и изображаетъ. Все то, что содѣйствуетъ народному развитію, что оказывается хорошимъ и полезнымъ по своимъ послѣдствіямъ, историкъ долженъ возвысить, самыя блестящія, самыя нравственныя, но неудачныя, вредныя по своимъ результатамъ, намѣренія и дѣла онъ долженъ признать вредными, какъ дурно обдуманная. Исторія судить не совѣсть личностей и обществъ, но событія въ ихъ причинной связи. Съ этой точки зрѣнія разсматриваютъ ее всѣ самыя замѣчательныя исторіи, съ этой же точки зрѣнія разсматриваетъ ее и ксендзъ Калинка, котораго я первый причисляю къ замѣчательнымъ историкамъ.

Въ каждомъ трудномъ моментѣ для Станислава Августа, ксендзъ Калинка ставитъ прежде всего вопросъ: какъ онъ долженъ былъ поступить, повинуваясь только голосу совѣсти и чести? Отвѣты на такіе вопросы почтенный авторъ обыкновенно оканчиваетъ восклицаніемъ: «онъ палъ бы съ честью!» Но послѣ такого примѣчанія, стоящаго какъ бы въ скобкахъ и не имѣющаго никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ разсказа, знаменитый изслѣдователь приступаетъ къ разсмотрѣнію другого вопроса, какъ ему слѣдовало поступить, какъ политику, слѣдуя за голосомъ благоразумія, соображая, какія послѣдствія для народнаго блага будутъ отъ того или другого его шага, и свое историческое сужденіе основываетъ на рѣшеніи послѣдняго вопроса. Вѣдь, судя съ нравственной точки зрѣнія, Станиславъ Августъ долженъ представляться въ очень плохомъ свѣтѣ, а патриотиче-

ская партія на четырехлѣтнемъ сеймѣ въ очень хорошемъ, однако въ сочиненіяхъ ксендза Калинки дѣло представляется совершенно наоборотъ. Упрекъ, сдѣланный мнѣ ксендзомъ Калинкой, относится главнымъ образомъ къ моему представленію реформаціи и католической реакціи, послѣдовавшей за ней. Я, по словамъ его, ошибаюсь въ томъ, что оба эти явленія оцѣниваю съ точки зрѣнія политической, а не нравственной и религіозной, что для меня главный вопросъ въ томъ, насколько то или другое изъ этихъ великихъ историческихъ теченій могло содѣйствовать разрѣшенію нашего насущнаго вопроса — образованію правительственной власти. Такая точка зрѣнія была бы неумѣстна въ преподаваніи католической или протестантской религіи, гдѣ дѣло идетъ о внутреннемъ достоинствѣ теологическихъ принциповъ, была бы неумѣстна въ исторіи церкви, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ благо и развитіе церкви, но является единственно возможной въ исторіи народа, въ которой благо этого народа, его насущные интересы должны быть высшимъ критеріемъ для оцѣнки какого-бы то ни было факта. Притомъ политическая оцѣнка не исключаетъ принципиальной и не мѣшаетъ ей.

Упрекъ, сдѣланный мнѣ Калинкой, повторялся впрочемъ не разъ другими, хотя въ болѣе обобщенномъ видѣ. Несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ способныхъ, хотя и не самыхъ плодовитыхъ нашихъ историковъ, г. Плебанскій, находитъ въ моей книгѣ нехорошимъ то, что она—исторія политическая ¹⁾. Несмотря на внимательное размышленіе объ этомъ, признаюсь, не могу понять значенія этого обвиненія! Развѣ исторія должна быть «не политической»? Тотъ, кто желалъ бы этого,—а у насъ навѣрно найдутся и такіе,—пусть обратитъ вниманіе на то, что мы имѣемъ уже столько религіозныхъ, философскихъ, поэтическихъ, но не политическихъ изображеній нашего прошлаго, и пусть отвѣтитъ, лучше-ли они благодаря этой неполитичности, признаны-ли они удовлетворительными? Въ томъ, что я въ своемъ трудѣ обращаю главное вниманіе на политическую сторону исторіи, нѣтъ особеннаго грѣха. А впрочемъ, если бы онъ и грѣшилъ односторонностью въ этомъ направленіи, то и въ такомъ случаѣ онъ являлся бы естественнымъ, а, пожа-

¹⁾ Статья въ сборникѣ: „Пятидесятилѣтняя дѣятельность I. I. Кршевскаго“. (Pięćdziesięcioletnia działalność I. I. Kraszewskiego“ Warszawa. 1880).

луй, и полезнымъ дополненіемъ историческихъ сочиненій, писанныхъ ксендзами, философами и поэтами.

Но можетъ быть я оцѣниваю польскія политическія отношенія съ точки зрѣнія современной политики и потому свожу свою работу на степень «политической исторіи». Конечно, было бы не мало важной ошибкой, если бы кто-нибудь, усвоивъ себѣ теоріи современнаго государства, разсматривалъ учрежденія нашего прошлаго въ свѣтѣ этой теоріи и упрекалъ прежнія поколѣнія за неисполненіе того, къ чему человечество пришло только лишь теперь. Но такой погрѣшности я не могу найти въ своей книгѣ. Я не ошибаюсь, утверждая, что почти всѣ наши историки за весьма рѣдкими исключеніями, оцѣнивали наше политическое прошлое, руководствуясь современными понятіями. Въ понятіяхъ этихъ нашихъ историковъ было слишкомъ много неяснаго, неточнаго, непоследовательнаго, но это были понятія современныя.

Одинъ и тотъ же шаблонъ республиканскій, монархическій и т. п. прилагался ко всей исторіи: обыкновенно отъ XIV вѣка требовали того же, что и отъ XVII. Моя книга — можетъ быть, ошибочно, несогласно съ исторической истиной, это другой вопросъ,—начала считаться съ требованіями времени въ польской исторіи ясно и болѣе рѣшительно, чѣмъ всѣ прочія, она ввела раздѣленіе исторіи, основанное главнымъ образомъ на различіи политическихъ отношеній; въ каждомъ періодѣ разсматриваетъ ихъ съ особой точки зрѣнія, свойственной только этому періоду. Я никогда не требовалъ отъ Польши больше того, чего уже въ данное время достигли европейскія государства, находившіяся въ подобныхъ условіяхъ и стремившіяся къ той же цѣли. Поэтому не представляется анахронизмомъ требованіе отъ Польши XVI вѣка правительства въ духѣ новаго времени, такъ какъ такое правительство уже существуетъ въ то время на Западѣ и тогдашняя Польша трудится фактически надъ его образованіемъ. Болѣе обидно для XVI вѣка, если его вопреки истинѣ оцѣнивать съ средневѣковой точки зрѣнія, чѣмъ если сказать, что онъ трудился надъ новой задачей, хотя и безуспѣшно. — Что же касается того, что историкъ для оцѣнки политическихъ отношеній прежнихъ временъ пользуется плодами политическихъ наукъ и опытомъ послѣдующихъ вѣковъ, то было бы плохо, если бы онъ этого не дѣлалъ. Вѣдь вооруженный опытностью онъ будетъ лучше оцѣнивать *liberum veto*,

напр., чѣмъ если бы онъ жилъ въ XVIII вѣкѣ. Мы возвращаемся къ принципу: судить не по мотивамъ или доктринамъ, а по результатамъ и послѣдствіямъ.

Можетъ быть, наконецъ, упрекъ въ томъ, что книга моя слишкомъ политическая, произошелъ вслѣдствіе того, что она служитъ какимъ-нибудь теперешнимъ, партійнымъ политическимъ цѣлямъ. Тогда я спрошу: какимъ? Нѣтъ недостатка въ подозрѣніяхъ, но ни одинъ изъ господъ критиковъ не формулировалъ этой моей политической тенденціи. Я же самъ не чувствую за собой никакой. Другой вопросъ,—даетъ ли какой-нибудь политическій выводъ моя исторія? Даетъ, пожалуй, и не одинъ, и было бы весьма печально для нашего прошлаго, если бы оно ничего не доказывало, ничѣмъ не могло обогатить нашего политическаго опыта, если бы политика прошлаго не могла служить предостереженіемъ и указаніемъ для современной политики. Въ такомъ случаѣ можно было бы смѣло сказать, что наша исторія—«не политична».

Но, слава Богу, она не такова. Если же читатель моей книги, вникнувъ въ ходъ нашего развитія, представленный въ ней, сдѣлаетъ тотъ или другой политическій выводъ, если вынесетъ изъ нея что-нибудь поучительное для нынѣшней политики, то вѣдь за это онъ не будетъ винить автора. Но, можетъ быть, я самъ формулировалъ и выдвигалъ впередъ практическіе выводы, вытекающіе изъ моего изображенія польской исторіи? Отвѣчая на это предположеніе, я приведу слѣдующія слова изъ моихъ «заключительныхъ выводовъ»: «Итакъ, нѣкогда польскій умъ обнималъ болѣе широкія идеи, польская грудь питала болѣе возвышенныя стремленія, чѣмъ тѣ, которымъ предались мы, благодаря невѣжеству и близорукости въ эпоху упадка и которыя идеализировались болѣзненной политикой и ошибочной исторіографіей послѣднихъ временъ.

Предлагаемая книга, стремясь прежде всего обратить вниманіе на времена нашего историческаго расплыва, до сихъ поръ мало извѣстныя, будетъ имѣть уже большое значеніе, если посодѣйствуетъ распространенію убѣжденія, что, оставаясь полякомъ, не нужно идти назадъ въ мышленіи и стремленіяхъ, что можно, оставаясь имъ, не отставать въ развитіи отъ всего человѣчества; уважая прошлое, не зачѣмъ превращаться въ мумію, слѣдуетъ только разумно и трезво пользоваться уроками исторіи».

Этотъ отрывокъ вѣрно излагаетъ основную точку зрѣнія автора

въ этомъ отношеніи, проводимую имъ во всей книгѣ; онъ не только не говоритъ въ пользу ни одного изъ нашихъ современныхъ политическихъ направленій, но отвергаетъ, мнѣ кажется, не двусмысленно, искаженіе исторіи къ услугамъ одной какой-либо партіи.

Пиша это, я давалъ себѣ ясно отчетъ въ томъ, что исторія, благодаря собраннымъ въ ней сокровищамъ опыта, чрезвычайно поучительна для политика-практика, но никогда не можетъ быть достаточна для разрѣшенія какого бы то ни было практическаго вопроса, въ которомъ большую роль играютъ новыя дѣйствующія силы. Партія, которая старалась бы опираться всю свою доктрину на исторіи, показывала бы этимъ, что она желаетъ считаться только съ тѣмъ, что было, а не съ тѣмъ, что есть, или подставляла бы болѣе или менѣе ловко вмѣсто исторіи произведеніе собственной фантазій, приспособленное къ ея нуждамъ. Имѣя это въ виду, я старался сдѣлать доступнымъ ознакомленіе съ нашей исторіей всякому, кто пожелаетъ извлечь изъ нея пользу для пониманія современныхъ отношеній. Но я выступилъ, именно во имя исторіи и политики, противъ недобросовѣстности или невѣжества, которыя, избѣгая знакомства съ настоящей политической исторіей, замѣняютъ ее избитыми, вздорными, и въ концѣ концовъ даже оскорбительными для нашего прошлаго фразами и отстаиваютъ ихъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи.

Защищая основную точку зрѣнія моего труда, я отдѣляю отъ защиты другой вопросъ, состоящій въ томъ, сумѣлъ ли я послѣдовательно провести ее. Я ни на минуту не скрываю, ни передъ собой, ни передъ читателемъ, что исполненіе далеко отстоитъ отъ предначертанной цѣли. Издавая мой трудъ вторично, я долженъ былъ приложить усилія не къ тому, чтобы сдѣлать его совершеннымъ, но къ тому, чтобы улучшить его, насколько позволяли время и другія занятія.

Мнѣ не нужно было жертвовать своимъ самолюбіемъ для того, чтобы исправить указанные мнѣ незначительныя ошибки въ изображеніи нѣкоторыхъ фактовъ, и для того, чтобы формулировать точнѣе въ стилистическомъ отношеніи тѣ выраженія, которыя, насколько знаю, чаще всего давали поводъ исказить мои мысли. Я немало воспользовался замѣчаніями, особенно проф. Шуйскаго и ксендза Калинки, относящимися къ отдѣльнымъ главамъ, и подвергъ эти главы новой обработкѣ. Не всегда я могъ соглашаться съ этими замѣчаніями, на нѣкоторыя я уже отвѣтилъ въ особомъ разсужде-

ни, ¹⁾ на прочія, можетъ быть, найду время и возможность отвѣтить въ специальныхъ изслѣдованіяхъ и доказать свое мнѣніе. Въ руководствѣ нѣтъ мѣста для специальной полемики и цитированія источниковъ, однако я старался приводить въ примѣчаніяхъ всѣ несогласныя съ моими мнѣніями, которыя я нашелъ у критиковъ, чтобы читатель могъ узнать, которые изъ моихъ взглядовъ болѣе всего встрѣтили сопротивленіе и подверглись сомнѣнію въ средѣ историковъ. Я, конечно, привожу мнѣнія только историковъ по профессіи. Не смотря на усиленные побужденія со многихъ сторонъ, я не могъ приводить въ примѣчаніяхъ взглядовъ нашей исторической литературы, опередившей появленіе перваго изданія моей книги, такъ какъ, желая указать всѣ отличія вырабатывающихся теперь историческихъ взглядовъ и конструкцій отъ мнѣній прежнихъ историковъ, пришлось бы увеличить число примѣчаній до бесконечности. Я только расширилъ отдѣлы, которые помѣщаю въ началѣ каждой главы подъ заглавіемъ: «литература».

За то я принялъ къ свѣдѣнію упрекъ въ томъ, что моя книга не даетъ фактовъ, а только одни разсужденія. Впрочемъ, этого возраженія я не могъ понимать буквально, ибо о какихъ фактахъ здѣсь идетъ рѣчь? Существуютъ факты, поддающіеся художественнымъ описаніямъ: коронаціи, придворныя интриги, битвы, дипломатическіе сѣзды. Но рядомъ съ ними есть и другіе, не разсужденія, а тоже факты: внутреннія отношенія народа, его политическія, судебныя, административныя финансовыя учрежденія, группировка партій и борьба ихъ. Желая изложить исторію народа въ краткомъ очеркѣ, спрашиваю, на которую изъ двухъ категорій фактовъ нужно было обратить вниманіе? Всякій признаетъ, что на вторую, а поэтому, навѣрно, оправдаетъ меня въ томъ, что я на нѣсколькихъ печатныхъ листахъ не могъ помѣстить больше фактовъ, соблюдая равновѣсіе между ними. Исторія, считающаяся съ этимъ необходимымъ равновѣсіемъ фактовъ и пускающаяся въ подробное ихъ описываніе, должна быть болѣе по крайней мѣрѣ въ четыре раза. Желая сохранить въ моей книгѣ первоначальный характеръ ея, какъ руководства и очерка исторіи, я не могъ переделывать ее основнымъ образомъ въ этомъ направленіи, указанномъ

¹⁾ «О раздѣленіи польской исторіи на періоды». („O podziale historyi polskiej na okresy.“ Warszawa. 1880).

критикой, но я употребилъ всё усилія на то, чтобы обстоятельнѣе изобразить нѣкоторыя болѣе важныя событія, упомянутыя мною, дѣйствительно, слишкомъ бѣгло.

Теперешнее изданіе гораздо болѣе возросло вслѣдствіе того, что въ него вошло много наблюденій и замѣчаній, которыя я первоначально оставилъ въ сторонѣ, выступая съ опытомъ общаго взгляда на нашу исторію, напрягая все свое вниманіе для того, чтобы уловить путеводную нить ея. Прежде всего я отвожу болѣе мѣста тѣмъ двумъ факторамъ, которые нѣкогда играли весьма важную роль въ нашей исторіи, но о которыхъ въ первомъ изданіи я только упомянулъ. Одинъ изъ нихъ—историческая географія, вліяніе географическихъ условій на наше историческое развитіе. Помѣщая общій географическій обзоръ въ особыхъ главахъ, какъ объясненіе къ прилагаемымъ картамъ, я стараюсь каждый географическій факторъ представить въ томъ отдѣлѣ исторіи, гдѣ онъ игралъ роль и болѣе всего обнаруживался. Вторымъ важнымъ факторомъ въ нашемъ историческомъ развитіи является постепенное распространеніе нашей цивилизаціи въ обширныхъ пространствахъ востока, въ Литвѣ и на Руси. Занимаясь почти исключительно нашимъ внутреннимъ развитіемъ, окончательно рѣшающимъ нашу судьбу, я представилъ въ первомъ изданіи лишь въ самыхъ общихъ очеркахъ нашу важную историческую заслугу, состоящую въ распространеніи цивилизаціи. Теперь я непременно долженъ былъ дополнить эти очерки, насколько могъ и умѣлъ.

Я очень хотѣлъ бы расширить также и хронологическіе предѣлы моей книги, въ которые принужденъ былъ заключить ее въ первомъ изданіи. Печальная исторія восемнадцатаго вѣка, которой оканчивалось мое изложеніе, которой я не хочу и не могу прикрашивать противъ собственнаго убѣжденія, не смотря на всё высказанныя мнѣ порицанія, эта исторія не была бы послѣднимъ впечатлѣніемъ читателя. Я глубоко убѣжденъ, что исторія упадка, описанная въ моей книгѣ, перестала бы непріятно поражать, еслибы я могъ изложить исторію послѣдовавшаго возрожденія и отмѣтить всё тѣ элементы, которые невредимо пережили эпоху анархіи, опираясь на которое могли развиваться стремленія позднѣйшаго времени.

Краковъ. 20-го февраля 1880 г.

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

«Наилучшимъ отвѣтомъ на цѣлый рядъ критикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самой лучшей защитой моей книги будетъ ее второе изданіе».

Этими словами я началъ предисловіе ко второму изданію, а приступая теперь къ третьему, могу сказать утвердительно, что мои ожиданія, высказанныя шесть лѣтъ тому назадъ, исполнились по крайней мѣрѣ во многихъ отношеніяхъ.

Моему труду навязывали политическую тенденцію, насильственно соединяли его съ различными стремленіями, господствовавшими въ политической сферѣ въ моментъ перваго изданія моей книги, приписывали его извѣстной партіи, не колебалась даже называть его политической брошюрой и еще сильнѣе памфлетомъ. Сколько было въ этомъ правды, лучше всего показало время, столь безжалостное къ самымъ замѣчательнымъ произведеніямъ политической литературы, столь скоро предающее ихъ забвенію. Моя книга, не смотря на измѣнившіяся политическія отношенія и стремленія, удержалась, какъ научный историческій трудъ и, какъ таковой, я издаю его теперь. Измѣненій и передѣлокъ читатель найдетъ въ немъ много, но среди нихъ нѣтъ ни одной вызванной политическими соображеніями. Въ моемъ убѣжденіи, что отсутствіе сильнаго правительства стѣлалось главной причиною нашего упадка, не произошло никакой перемѣны, такъ какъ это убѣжденіе не было результатомъ ка-кого-то пристрастія къ абсолютизму, не было выраженіемъ доктринны о полновластїи государства, которую мнѣ навязывали, но являлось само собой изъ разсмотрѣнія всей нашей новой исторїи и оправдывается ею тѣмъ болѣе, чѣмъ лучше мы ее изслѣдуемъ, тѣмъ болѣе трагично, чѣмъ болѣе мы сравниваемъ ее съ современнымъ положеніемъ.

Второй убійственный упрекъ критики состоялъ въ томъ, что мою «Исторію Польши» отказывались признать «исторіей», называя ее только «философіей исторіи». Она будто бы не даетъ фактовъ, будто бы совсѣмъ не пригодна, какъ научное руководство. Но и въ этомъ отношеніи время меня успѣшно оправдало.

Появились два новыя руководства по исторіи Польши: одно, написанное самимъ Шуйскимъ, другое—историкомъ и педагогомъ Левицкимъ, и въ чемъ же ихъ упрекали? Именно въ томъ, что они даютъ слишкомъ много фактическихъ подробностей, что вслѣдствіе этого книгу нельзя читать безъ перерывовъ, что требуется учитель, который бы съумѣлъ соединить эти подробности и объяснить ихъ. Итакъ, мою книгу называли философіей исторіи потому, что она не отрываетъ внутренней исторіи отъ внѣшней, первой, какъ болѣе важной отводитъ больше мѣста и старается объяснить связь между фактами. Что же касается того, что мою книгу можно читать подрядъ безъ учителя, что пользоваться ею можетъ даже тотъ, кто ничего не слышалъ о польской исторіи, то это доказано опытомъ, который укрѣпляетъ меня въ томъ мнѣніи, что нѣтъ никакого повода для того, чтобы измѣнять способъ изложенія моей книги.

Третій основной упрекъ критики сводится къ тому, что книга моя въ погонѣ за новизной слишкомъ уклоняется отъ проторенной колеи.

Защищаться противъ этого прежде не было никакой возможности, такъ какъ новый взглядъ въ исторіографіи совсѣмъ не грѣхъ, если послѣдующія изслѣдованія обнаружатъ и докажутъ его вѣрность. Въ свое оправданіе я могъ привести только то, что тѣ истины, которыя я осмѣлился поколебать или подвергнуть сомнѣнію, чаще основывались на постоянномъ повтореніи, нежели на доводахъ, почерпнутыхъ изъ источниковъ, и что поэтому моя дерзость не была ни слишкомъ велика, ни опасна. Теперь отъ обвиненія въ новшествѣ защищаться легче. Со времени перваго изданія моей книги прошло восемь лѣтъ, въ продолженіе которыхъ польскіе историки не оставались праздными. Множество неизвѣстныхъ до того времени источниковъ увидѣло свѣтъ, множество солидныхъ и замѣчательныхъ историческихъ работъ появилось въ печати. По многимъ пунктамъ уже можно рѣшить, подкрѣпили ли и дополнили они мои взгляды, или же высказались противъ нихъ.

Сужденіе объ этомъ составитъ себѣ каждый, взявшій на себя трудъ сравнить предшествующія изданія моей книги съ предлагаемымъ. Я передѣлалъ въ немъ всю нашу литературу за послѣдніе годы и исправилъ все, что лучше выяснено, дополнено и исправлено этой литературой, прибавляя, конечно, и результаты собственныхъ изысканій и изслѣдованій. Мнѣнія другихъ изслѣдователей, поскольку я съ ними не схожусь, я привожу въ примѣчаніяхъ. Уже здѣсь я позволю себѣ выяснитъ нѣсколько спорныхъ вопросовъ, имѣющихъ основное значеніе.

Первый изъ нихъ касается происхожденія польскаго общества, а косвенно и польскаго государства. Стараясь обосновать свое мнѣніе, высказанное въ «Исторіи», въ особомъ изслѣдованіи по источникамъ, я встрѣтилъ противниковъ главнымъ образомъ въ Смолькѣ и Пекосинскомъ. Научная полемика между нами привела къ полному согласію во многихъ пунктахъ, обнаружила много до того времени неизвѣстныхъ подробностей и позволила многія предположенія, бывшія прежде шаткими, развитъ и считать доказанными. Поэтому изображеніе первоначальной нашей исторіи въ теперешнемъ изданіи покажется читателю почти совершенно новымъ. Если же эта полемика оставила еще нѣкоторые вопросы спорными, то нужно помнить, что споръ еще не оконченъ, а притомъ нѣкоторая свобода мнѣній останется здѣсь всегда, такъ какъ источники слишкомъ отрывочны и въ нѣкоторыхъ пунктахъ могутъ быть дополнены только гипотезой. Поэтому у меня не было нужды перемѣнять мнѣнія, высказаннаго прежде по этому вопросу.

Тѣмъ менѣе могъ я это сдѣлать въ другомъ основномъ вопросѣ, въ политической оцѣнкѣ гуманизма и реформаціи. Мой взглядъ сейчасъ же встрѣтился съ противоположнымъ взглядомъ Шуйскаго, такъ что я уже во второмъ изданіи могъ выяснитъ это разногласіе. Съ этого времени прибавилось много подробностей, но вопросъ остается попрежнему открытымъ. Хотя нужно надѣяться, что дальнѣйшія изслѣдованія разсѣютъ многія сомнѣнія, однако долго еще нельзя будетъ прийти къ полному согласію по этому вопросу не только въ нашей исторіи, но и во всеобщей. Историческій процессъ реформаціи до сихъ поръ еще не законченъ, всѣ его окончательные результаты еще не обнаружались, поэтому для его оцѣнки не достааетъ пока несомнѣннаго историческаго критерія и нѣтъ необходимости, чтобы одно мнѣніе уступало другому.

Другой большой спорный вопрос это — раздѣленіе польской исторіи на періоды. Можетъ казаться, что въ этомъ отношеніи я потерпѣлъ полное пораженіе. Ни одинъ историкъ не высказался за мое дѣленіе, всѣ, признавая нѣкоторую пригодность его для внутренней исторіи, высказываются противъ распространенія его на всю исторію, а прежнее дѣленіе: на эпоху Пястовскую, Ягеллонскую и избирательную, съ нѣкоторыми измѣненіями, находитъ краснорѣчивыхъ защитниковъ. Въ полемикѣ, которая ведется по этому поводу, я могу привести въ свою пользу два обстоятельства. Ни одинъ изъ моихъ противниковъ не написалъ еще книги, обнимающей всю нашу исторію, и не показалъ, что его дѣленіе можетъ быть проведено практически, что всѣ историческія явленія можно распредѣлить въ немъ безъ ущерба для пониманія ихъ, а между тѣмъ это — наилучшій, рѣшающій доводъ правильности раздѣленія на періоды. Пока кто-нибудь этого не сдѣлаетъ, у меня нѣтъ основанія уйти съ своимъ дѣленіемъ съ поля историческихъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе, что это дѣленіе все болѣе и болѣе принимается фактически. Самъ Шуйскій, оспаривая его теоретически, оказалъ ему самую сильную поддержку, написавъ разсужденіе. «Возрожденіе и реформація» («Odrodzenie i reformacja»), въ которомъ показалъ столь рельефно переломъ, совершившійся въ нашей исторіи въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка; цѣлый же рядъ новѣйшихъ изслѣдованій по исторіи нашей цивилизаціи въ XV и XVI столѣтіи все рѣзче и рѣзче отдѣляетъ средневѣковую польскую исторію отъ новой. Все чаще и чаще можно встрѣтиться съ этой терминологіей, историки раздѣлились на специалистовъ, одни по польской исторіи средневѣковой, другіе по новой, это же дѣленіе давно принято въ изданіи источниковъ. Раздѣленіе исторіи средневѣковой на первоначальную до половины XIII вѣка и средневѣковую въ болѣе точномъ значеніи этого слова находитъ еще болѣе сильную поддержку. Именно, все сочиненіе Смольки о Мѣшкѣ Старомъ служитъ обоснованіемъ этого перелома, замѣченнаго уже пронипательнымъ взглядомъ Репелля.

Вотъ вкратцѣ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ читатель въ новомъ изданіи моей книги не найдетъ существенныхъ измѣненій въ основныхъ взглядахъ. Въ подробностяхъ ихъ будетъ очень много, но мнѣ не зачѣмъ указывать ихъ здѣсь. Но есть одно исключеніе.

Теперь пришлось совершенно передѣлать тѣ отдѣлы, въ кото-

рыхъ въ началѣ каждой главы я привожу историческую литературу. Шестъ лѣтъ тому назадъ я принужденъ былъ указывать сочиненія прежней исторической школы, которыя хотя и устарѣли, но не были еще вытѣснены новѣйшими трудами. Теперь это совершилось уже почти по всей линіи; въ виду новыхъ изслѣдованій къ прежнимъ сочиненіямъ приходится прибѣгать только уже въ рѣдкихъ случаяхъ, поэтому я могъ оставить ихъ почти безъ вниманія и ограничиться указаніемъ сочиненій и трудовъ современной исторической школы. Для облегченія обзорѣнія ихъ, я указываю отдѣльно сочиненія, относящіяся къ пѣлымъ періодамъ и имѣющія болѣе общее значеніе, и изслѣдованія, и отдѣльно—сочиненія, касающіяся отдѣльныхъ эпизодовъ.

Краковъ, 1-го августа 1886 г.

Авторъ.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

О понятіи Польской исторіи и дѣленіи ея на періоды.

Исторія Польши — это изображеніе жизни нашего народа во всемъ ея продолженіи и во всѣхъ проявленіяхъ. Стремясь сдѣлать это изображеніе выразительнымъ и понятнымъ, исторія не можетъ довольствоваться изложеніемъ частныхъ фактовъ, т. е. проявленій жизни и развитія народа, она должна соединить ихъ, показать ихъ взаимодѣйствіе, ихъ причины и слѣдствія, однимъ словомъ, представить факты въ той связи, которая была когда-то между ними въ дѣйствительности. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ историческаго сужденія и необходимымъ условіемъ пониманія исторіи какого бы то ни было народа является раздѣленіе ея на періоды.

У насъ имѣются основательныя причины для такого дѣленія. Именно, мы видимъ, что каждый народъ и государство, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ теченій и событій, оставляетъ время отъ времени господствовавшіе раньше принципы и направленіе своихъ стремленій и развитія, вмѣсто ихъ создаетъ себѣ новые, или принимаетъ готовые отъ другихъ и продолжаетъ развиваться на этихъ новыхъ началахъ. Каждый такой промежутокъ времени, когда народъ организуется и развивается на однихъ и тѣхъ же началахъ, мы называемъ отдѣльнымъ періодомъ въ его исторіи или эпохой въ его жизни. Каждую же перемѣну этихъ принциповъ мы отмѣчаемъ, какъ переходъ къ другому періоду. Поэтому, необходимымъ признакомъ всякаго хорошо опредѣленнаго и правильно понятаго періода будетъ: 1) намѣченная, неизвѣстная до того времени цѣль народной дѣятельности,

считающаяся съ измѣнившимися условіями, 2) соотвѣтствующая этой цѣли новая организація въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, 3) вслѣдствіе этого измѣненіе моральнаго, интеллектуальнаго и бытоваго характера народа. Итакъ, не желая разрывать естественную связь между отдѣльными событіями и отношеніями, мы стремимся представить ихъ на одномъ общемъ фонѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительности, а для этого мы должны каждый историческій періодъ изобразить въ особой картинѣ. Слѣдовательно, историкъ не выдумываетъ періодовъ и не вноситъ ихъ въ исторію искусственнымъ образомъ; его задача состоитъ только въ томъ, чтобы уловить ходъ исторіи и найти тѣ періоды, на которые она сама, распадается. Для историка, если онъ рѣшитъ эту задачу, получается большая выгода, такъ какъ онъ можетъ дать цѣлому періоду то освѣщеніе, какое ему болѣе всего свойственно, т. е. изобразить общую картину внутреннихъ отношеній и внѣшнихъ условій и на этомъ обосновать рассказъ о событіяхъ и оцѣнку ихъ ¹⁾. Въ противномъ случаѣ, если онъ не отмѣтитъ никакихъ періодовъ, или измыслитъ періоды, несогласные съ дѣйствительностью, то его рассказъ и судъ надъ исторіей не будутъ имѣть никакого основанія, или основаніе шаткое и ложное.

Первое можно сказать о школѣ Нарушевича, второе—о школѣ Лелевеля; впрочемъ и современная историческая школа не успѣла прійти ни къ какому соглашенію по вопросу о раздѣленіи исторіи на періоды. Было нѣсколько важныхъ причинъ этого.

Часто основаніемъ дѣленія брали признакъ второстепеннаго значенія, чаще всего форму правленія и вслѣдствіе этого различали періоды: монархическій, аристократическій и демократическій, или перемѣны династій, что считалось достаточно обосновывающимъ дѣленіе на эпохи: Пястовъ, Ягеллоновъ и избирательнаго престола. Теперь этого уже никто не дѣлаетъ, такъ какъ всякому вполне понятно, что жизнь народа не зависѣла отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ перемѣна царствующей династіи, или учрежденіе свободнаго избранія королей, вмѣсто наслѣдственности престола, что измѣненіе формы правленія не ведетъ еще

¹⁾ Шуйскій, полемизируя со мной въ вопросѣ о дѣленіи на періоды, признаетъ за этимъ вопросомъ только дидактическое и методологическое значеніе, а самъ свою краткую исторію Польши издалъ безъ всякаго раздѣленія на періоды. Въ этомъ, по моему мнѣнію, и состоитъ главная причина, почему книга эта, заключающая много цѣнныхъ данныхъ, не даетъ никакой группировки фактовъ и встрѣчаетъ упреки въ сухости и нагроможденіи подробностей.

непремѣнно за собой измѣненія государственнаго и общественнаго строя, въ которомъ протекаетъ народная жизнь. Съ другой стороны, еще не всѣми раздѣляется убѣжденіе въ томъ, что между внутренней и внѣшней исторіей народа существуетъ тѣснѣйшая связь, что внѣшнія условія оказываютъ значительное вліяніе на внутреннія отношенія и что, въ свою очередь, внѣшняя политика въ сущности зависитъ отъ внутренней силы. Не всѣми признается, что жизнь и дѣятельность народа, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, составляютъ одно неразрывное цѣлое; что всякое измѣненіе въ одномъ направленіи необходимо сказывается и въ другомъ. Между тѣмъ нѣкоторые историки, вмѣсто того, чтобы находить и обнаруживать эту связь, ищутъ возможныхъ различій и готовы принять два, отличающіяся одно отъ другого дѣленія на періоды: одно—для внутренней исторіи, другое—для внѣшней ¹⁾.

Правда, никто еще не написалъ исторіи, гдѣ бы проводились такія два различныя дѣленія въ изложеніи фактовъ. Изъ этого вышло бы столпотвореніе Вавилонское. Второй важной причиной несогласія является обстоятельство, состоящее въ томъ, что въ исторіи періоды не отдѣлены рѣзко другъ отъ друга однимъ моментомъ, или однимъ какимъ-нибудь событіемъ; переходъ между ними медленный и растягивается обыкновенно на одинъ или нѣсколько вѣковъ. Жизнь народа все еще идетъ старой колесей, но подъ поверхностью накаплиются явленія, представляющія пред-

¹⁾ Такъ поступаетъ Шуйскій. Онъ соглашается съ нѣкоторыми поправками съ моимъ дѣленіемъ, но только внутренней исторіи, внѣшнюю же исторію онъ предлагаетъ дѣлить на три періода, разграничивающіеся призваніемъ на престолъ Ягеллы (1386) и Люблинской уніей (1569). Последнему дѣленію онъ придаетъ большее значеніе, выходя изъ своего основнаго положенія, что сущность исторіи Польши состоитъ не въ внутреннемъ ея развитіи, а въ распространеніи цивилизаціи дальше на востокъ. Мнѣ кажется, что, желая распространять цивилизацію, нужно ее себѣ выработать, а это важнѣе и труднѣе перваго. Задачу распространенія цивилизаціи мы выполняли хорошо, но это не спасло насъ отъ паденія; внутреннихъ же вопросовъ нашей жизни мы не могли рѣшить и поэтому пришли къ паденію. Впрочемъ, и принимая дѣленіе Шуйскаго, пришлось бы сдѣлать слѣдующія поправки:

1) Свою цивилизацію мы стали распространять на востокъ не съ 1386 года, а гораздо раньше, по крайней мѣрѣ со времени занятія Галицкой Руси, т. е. съ 1340 г., а точнѣе говоря, наше вліяніе на Русь начинается уже въ концѣ XII вѣка;

2) Въ исторіи цивилизаціи Литвы большее значеніе, чѣмъ унія Люблинская, имѣетъ унія Мельницкая и вступленіе на престолъ Александра, такъ какъ тогда исчезаетъ существовавшая прежде обособленность литовскаго государства. Поляки начинаютъ защищать Литву отъ Москвы и принимать участіе въ управленіи.

знаменованіе и подготовленіе новаго направленія. Сначала это— только единичныя исключенія, потому они появляются все чаще, производят все большія и большія измѣненія, пока наконецъ не совершится рѣшительный переломъ. Однако и этотъ переломъ не уничтожаетъ сразу всего прошедшаго. Хотя народная жизнь стремится уже по новому руслу, однако много еще остается слѣдовъ прежняго порядка вещей, лишь медленно они исчезаютъ, постепенно уменьшаясь, и новая программа осуществляется вполне. Такая постепенность перехода отъ одного періода къ другому заставляетъ нѣкоторыхъ историковъ, не могущихъ рѣшиться на опредѣленіе момента окончательнаго перелома, — удлинять переходное время насколько возможно и создавать новые переходные періоды. Однако это только удобный обходъ затрудненія, такъ какъ, проводя послѣдовательно эту систему, мы не найдемъ въ исторіи ни одного момента полного покоя: чуть только исчезли остатки прежняго порядка вещей, уже являются вѣстники новаго порядка. Итакъ, вмѣсто того, чтобы дѣлить исторію на періоды, сообразно съ тѣмъ, чтò въ извѣстное время господствуетъ и имѣетъ перевѣсъ, мы раздѣлили бы ее на одни только переходные періоды.

У насъ получились бы: 1) періодъ, когда начинаютъ исчезать родовыя лехитскія отношенія и возникаетъ Польша патріархальная; 2) періодъ разложенія патріархальныхъ отношеній и образованія новой Польши; 3) періодъ разложенія этой новой Польши. Но ни Польша патріархальная, ни Польша новаго времени не получаютъ опредѣленнаго времени для своего существованія, что же касается средневѣковой Польши, то она совсѣмъ исчезнетъ съ нашихъ глазъ, какъ будто ея и не было.

Какая же выгода отъ такого дѣленія?

Плодомъ всѣхъ сомнѣній и колебаній, возникающихъ при опредѣленіи историческихъ періодовъ, является обыкновенно искушеніе выдѣлять «подперіоды» (*podokresy*). Дидактическая цѣнность подперіодовъ однако болѣе чѣмъ сомнительна, потому что они только спутываютъ самые періоды и стираютъ ихъ ясныя очертанія. Притомъ никто еще, вѣроятно, не могъ показать, чѣмъ въ жизни народа является подперіодъ и чѣмъ онъ отличается отъ періода. Существенной причиной спора о разграниченіи періодовъ является вообще еще недостаточное изученіе историческихъ фактовъ и приписываніе имъ то большаго, то меньшаго значенія. Кто придаетъ даннымъ фактамъ большее значеніе, чѣмъ нужно, тотъ съ нихъ начинаетъ новый періодъ раньше, чѣмъ бы слѣдо-

вало; наоборотъ, кто достаточно не оцѣниваетъ данныхъ фактовъ, тотъ готовъ продолжить прежній періодъ дальше свойственныхъ ему предѣловъ. Споръ о періодахъ разрѣшать спеціальныя изслѣдованія, результатомъ которыхъ будетъ болѣе вѣрная, болѣе единогласная оцѣнка дѣйствительнаго значенія выдающихся событій.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я приступаю къ представленію моего дѣленія на періоды, причемъ укажу взгляды современныхъ историковъ, не согласные съ моимъ. Въ польской исторіи я различаю три періода:

Первый періодъ

начинается съ момента, когда группа мелкихъ лехитскихъ народцевъ, (ludów) поселившихся по Одери и Вислѣ, соединилась въ одно польское государство, продолжается до половины XIII вѣка.

Самая насущная цѣль внѣшней политики состоитъ въ томъ, чтобы удержать бассейны Эльбы и Одера и самыя рѣчки, какъ охранную границу.

Эта тяжелая и трудная борьба, увѣнчанная побѣдой при Болеславахъ Храбромъ и Кривоустомъ, начинаетъ принимать невыгодный для Польши оборотъ со времени возникновенія удѣловъ. Князья западнаго Поморья признаютъ въ 1181 г. ленную зависимость отъ императора, на землѣ лютичей образуется бранденбургская марка. Однако Польша теряетъ пограничную линію Одера окончательно лишь въ половинѣ XIII вѣка, такъ какъ тогда падаетъ то прикрытіе, которое представляли для Польши полабскіе славяне, тогда же мы теряемъ часть земли лютичей, и опять-таки тогда (съ 1241 года, т. е. со смерти Генриха Благочестиваго на поляхъ Лигницы) силезская дѣльница (удѣлъ) дѣлается добычей германизации и разрываетъ фактически связь съ Польшей, хотя фактъ этотъ только лишь въ 1335 году получилъ юридическую санкцію.

Цѣль внутренней политики—поднятіе полудикихъ лехитскихъ племенъ къ уровню высшей организаціи. Изъ обособленныхъ племенъ долженъ образоваться одинъ народъ, заботящійся о своемъ политическомъ существованіи, изъ языческаго населенія должно образоваться христіанское общество, способное къ самостоятельной дѣятельности и развитію.

Къ этимъ цѣлямъ приспособлена вся государственная организація. На понятіяхъ о патріархальной власти опирается патріархальная, самодержавная монархія. Земля и населеніе находятся въ безусловномъ распоряженіи власти. Монархъ соединяетъ въ своихъ рукахъ всѣ силы народа. Онъ—единственный источникъ власти и права, онъ завѣдываетъ какъ внѣшней защитой, такъ и внутренней организаціей, не только организаціей военной и судебной, но также и церковной и экономической. Пока однако удалось достигнуть этихъ цѣлей, т. е. въ продолженіе всего перваго періода польское общество отличается рѣзкимъ признакомъ дѣтскаго возраста, оно не въ состояніи проявить самостоятельный починъ, всѣмъ своимъ развитіемъ обязано суровой школою, въ которую попало.

Вся цивилизація ему навязана сверху, какъ христіанство, такъ и новый юридическій и экономическій порядокъ и романское искусство. Эти факторы только лишь постепенно пробиваютъ твердую кору древняго язычества, древнихъ юридическихъ обычаевъ и древняго способа хозяйства. То, чего не тронули эти факторы, держится съ древнихъ временъ крѣпко въ обычаяхъ, въ образѣ жизни, въ мірѣ чувствъ, воображенія и поэзіи.

По мѣрѣ успѣха цивилизаторской дѣятельности образуются и постепенно возрастаютъ въ количествѣ факторы и отношенія, подготовляющіе слѣдующій періодъ, но они все еще составляютъ исключеніе до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся устранить прежній порядокъ вещей. Этотъ переворотъ не былъ произведенъ ни убійствомъ св. Станислава, ни завѣщаніемъ Кривоустаго, хотя слѣдствіемъ ихъ и было ослабленіе монархической власти и усиленіе аристократіи, такъ какъ аристократія, стремясь къ участию въ управленіи, не умѣла назначить государственной дѣятельности инныя цѣли и способы ихъ осуществленія.

Патріархальное правленіе перестало существовать лишь тогда, когда появились обособленные, автономныя сословія. Прежде всего въ такое сословіе организовалось духовенство, которое провело программу своей автономіи, высказанную въ привилегіи отъ 1210 года, въ частныхъ привилегіяхъ въ промежутокъ времени между 1230 — 1260 годами. Нѣмецкія общины, составляющія въ первой половинѣ XIII вѣка еще рѣдкое исключеніе (главнымъ образомъ въ землѣ силезской), въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ XIII вѣка организуются по всей странѣ въ такомъ числѣ, что дѣлаются особымъ сословіемъ, особымъ факторомъ въ государствѣ. Медленно все исчезаетъ патріархальное управленіе

рыцарскаго сословія. Окончательная организація его автономіи происходитъ въ началѣ XIV вѣка. Итакъ, если мы возьмемъ среднее время автономной организаціи отдѣльныхъ сословій границей между періодами, то моментъ этотъ прійдется въ половинѣ XIII вѣка. Это мы можемъ сдѣлать съ тѣмъ большей смѣлостью, что именно въ это время мы замѣчаемъ совершенную перемѣну какъ въ цѣляхъ, такъ и въ средствахъ тогдашняго государства—перемѣну насильственно ускоренную монгольскимъ нашествіемъ въ 1241 году. То, что осталось послѣ этого года изъ отношеній первоначальной Польши, было исключеніемъ, обломкомъ прошлаго періода, осужденнымъ на болѣе или менѣе скорое вымирание.

Второй періодъ

начинается съ половины XIII, продолжается до конца XV вѣка.

Цѣлью внѣшней политики является удержаніе устья Вислы, теперь единственнаго великаго пути вывоза черезъ Балтійское море. Для осуществленія этой цѣли—необходимо подчиненіе пруссовъ, владѣющихъ правымъ берегомъ Вислы; для этого Польша въ XIII вѣкѣ пользуется услугами Тевтонскаго ордена, когда же союзникъ сдѣлался врагомъ, обращаетъ противъ него все свои силы. Эту цѣль преслѣдуютъ войны Локотка, Ягеллы и Казимира Ягеллончика. Торунскій миръ увѣнчалъ успѣхомъ вѣковья усилія, и совершенное устраненіе ордена кажется вопросомъ недалекаго будущаго. Ради того, чтобы одолѣть орденъ, Польша отрывается отъ намѣренія возвратитъ потерянную Силезію; ради того же укрѣпляется въ 1340 году въ Червонной Руси и успѣшно защищаетъ ее отъ татаръ; имѣя въ виду ту же цѣль, заключаетъ унію съ Литвой и распространяетъ на нее благодѣянія своей цивилизаціи.

Цѣль внутренней политики—развитіе посредствомъ самостоятельной дѣятельности общества. Цивилизація, принявшаяся до сихъ поръ только на поверхности, должна проникнуть въ глубь общественной жизни и дать не существовавшіе до того времени результаты.

Къ цѣлямъ этимъ приспособлена и организація государства и общества: эти два фактора являются уже отдѣльно. Общество состоитъ изъ трехъ сословій, почти вполне автономныхъ въ об-

ласти законодательной, судебной и административной, а именно: изъ клира, нѣмецкихъ общинъ и «земянства» (шляхты). Сословія обезпечиваютъ свое самоуправленіе отдѣльными договорами съ государемъ въ формѣ привилегій. Государь или совѣтъ не вмѣшивается во внутреннія дѣла сословій, или пользуется только незначительнымъ вліяніемъ на нихъ. Въ привилегіяхъ точно опредѣлены и доведены до minimumъ государственныя повинности, которыхъ можетъ требовать государь отъ сословій. Если государь требуетъ больше опредѣленнаго, то долженъ получить на это разрѣшеніе сословій. Задача монарховъ весьма ограничена: сохраненіе равновѣсія между сословіями и внѣшняя политика. Средства для исполненія этихъ задачъ монархъ почерпаетъ главнымъ образомъ изъ доходовъ съ огромныхъ имуществъ короны (patrimonia). Огромный прогрессъ цивилизаціи является результатомъ самостоятельной общественной дѣятельности, такимъ образомъ организованной. На измѣненіе правовъ вліяетъ и ученость духовенства, и промышленность городского сословія, и рыцарскій доскъ шляхты.

Пробуждается латино-польская схоластическая литература, отражается въ организациі государства и обосновываетъ политическіе принципы. Въ искусствѣ стиль романскій переходитъ въ готическій, получающій широкое примѣненіе въ постройкѣ костеловъ, городовъ и замковъ.

Третій періодъ

съ конца XV вѣка.

Цѣлью внѣшней политики является сохраненіе государства въ борьбѣ за существованіе, въ которую вступаютъ европейскія государства въ концѣ XV-го вѣка. Ради этого сливается Польша въ одно политическое цѣлое съ Литвой посредствомъ уній Мельницкой, въ 1501, и Люблинской, въ 1569 г., ради этого уже съ начала XVI вѣка ведетъ войны на Двинѣ и Днѣпрѣ, внѣ своихъ болѣе тѣсныхъ границъ. Она ведетъ ихъ до конца своего политическаго существованія, хотя и падаетъ въ нихъ окончательно.

Цѣлью внутренней политики поставлены высшія задачи цивилизаціи, для которыхъ было недостаточно усилій каждаго сословія, взятаго отдѣльно. Цѣль эта была выдвинута естествен-

ной силой вещей, когда отдѣльные сословія достигли уже того, чего могли достигнуть собственными силами. Церковь была не въ состояніи одна двигать народное просвѣщеніе. Торговля, промышленность, земледѣліе нуждались въ могущественной опекѣ для того, чтобы завоевать новое поприще для развитія — новые рынки сбыта. Этимъ цѣлямъ должна соответствовать новая организація, не лишаящая общество самостоятельности въ его дѣятельности, но дѣлающая возможнымъ сосредоточеніе всѣхъ силъ въ рукахъ государства, что является необходимымъ для защиты высшихъ интересовъ. Средневѣковыя привилегіи должны рухнуть, сила государственная должна опереться на общихъ налогахъ и на постоянной арміи. Эгоизмъ и сословная обособленность должны уступить мѣсто патриотизму и чувству государственной гражданственности, безъ чего народъ не могъ бы рѣшиться на тяжелое напряженіе своихъ силъ.

Задачи государства значительно расширяются; его вѣдѣнію подлежитъ не одна только внѣшняя политика, но также и охраненіе общественнаго порядка, понимаемое очень широко; создается цѣлый рядъ государственныхъ функцій, неизвѣстныхъ среднимъ вѣкамъ, заключающихся въ понятіяхъ администраціи новаго времени, просвѣтительной и экономической политики. Все это совершается среди потрясающихъ Польшу вмѣстѣ съ западной Европой движеній, вызванныхъ открытіемъ Америки, гуманизмомъ, реформаціей и теоріей естественнаго права; каждое изъ движеній проникаетъ до самыхъ низкихъ слоевъ общества и отражается на его нравственномъ и умственномъ состояніи. Гуманизмъ и реформація рѣзко измѣняютъ направленіе просвѣщенія и вызываютъ къ жизни національную польскую литературу; готическій стиль уступаетъ мѣсто стилю Возрожденія; итальянскій, а позднѣе французскій свѣтскій лоскъ стираютъ различіе между сословіями и вкладутъ совершенно новый отпечатокъ на нравы. Чужіе элементы, которыхъ столь много заключала въ себѣ Рѣчь Посполитая, оплодотворяются, по крайней мѣрѣ въ высшихъ сословіяхъ: въ шляхетскомъ и городскомъ.

Переломъ между средневѣковымъ и новымъ періодомъ замѣтенъ въ Польшѣ также, какъ и на Западѣ; вопросъ только въ томъ, произошелъ ли этотъ переломъ у насъ въ то же время, т. е. въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. Вопросъ возникаетъ по тому, что организація польскаго государства несомнѣнно осталась позади въ сравненіи съ развитіемъ другихъ государствъ. У насъ уже во второй половинѣ XV вѣка уничтожались

средневѣковыя привилегіи; въ 1505 году создана верховная государственная власть—Сеймъ, имѣвшій абсолютное право устанавливать налоги и учреждать новые общественные порядки, но Сеймъ не сдѣлалъ изъ своего права надлежащаго употребленія; сильной центральной власти не было создано; разныя средневѣковыя отношенія продолжали существовать *de facto* и *de jure* дольше, чѣмъ на Западѣ. Однако все это не даетъ права удлинять средневѣковую эпоху въ нашей исторіи. Если бы мы вздумали ее продолжить, то не могли бы рѣшить, до какого собственно предѣла, такъ какъ правительственной власти, отвѣчающей вполне новымъ задачамъ, Польша не выработала вплоть до потери политической самостоятельности, притомъ она была ближе къ этой цѣли въ XVI ст., чѣмъ въ слѣдующихъ. То, что препятствуетъ у насъ новой организаціи, не столько средневѣковаго, сколько новаго происхожденія — личный эгоизмъ и анархическія стремленія шляхты. Средневѣковые институты, по скольку они сохранились, уже съ конца XV вѣка являются у насъ такимъ же анахронизмомъ, какъ и за-границей, разница въ томъ, что у насъ ихъ, можетъ быть, осталось больше. Рѣшающимъ моментомъ въ опредѣленіи начала новой Польши въ концѣ XV вѣка должны считаться условія и задачи внутренней и внѣшней политики, рѣшительно измѣнившіяся въ то время, и тѣ измѣненія, которыя произвелъ гуманизмъ въ области просвѣщенія и нравовъ.

II.

О научномъ изслѣдованіи польской исторіи.

§ 1. Историческая школа Нарушевича.

Каждое изъ двухъ послѣднихъ поколѣній, намъ предшествующихъ, создало себѣ извѣстную картину исторіи нашего прошлаго, разумѣется такую, на какую хватало его умственныхъ и нравственныхъ средствъ, какая соотвѣтствовала его стремленіямъ и убѣжденіямъ. Каждое изъ этихъ поколѣній имѣло свою историческую школу, работавшую по извѣстному, свойственному ей, методу и въ извѣстномъ направленіи. Поколѣнію эпохи короля Станислава, временъ Варшавскаго княжества и царства польскаго послѣ конгресса методъ и направленіе указалъ Нарушевичъ; для слѣдующаго же поколѣнія, предавшагося романтизму въ политикѣ и литературѣ, сдѣлалъ то же Іоахимъ Лелевель.

Итакъ, мы теперь имѣемъ дѣло съ результатами трудовъ историческихъ школъ: Нарушевича и Лелевеля.

Нарушевичъ (1733—1796) первый возвысилъ нашу исторіографію надъ компиляціей, господствовавшей съ начала XVII вѣка. Нужно признать его заслугу въ томъ, что онъ обратился къ источникамъ, извлекъ ихъ изъ забвенія и на нихъ основалъ свой трудъ; въ его сочиненіяхъ видно стремленіе возвыситься до критическаго сужденія, очистить историческую истину отъ многочисленныхъ ошибокъ и баснословія, нагромоздившихся вѣками; онъ достоинъ признательности еще и за то, что обратилъ вниманіе на внутреннюю исторію народа, на его политическія и общественныя учрежденія. Однако критикъ Нарушевича недостаетъ еще полной строгости и точности: Длугошъ, историкъ XV столѣтія, служитъ ему основаніемъ для изображенія временъ Пя-

стовъ, другіе, современные, а потому болѣе достовѣрные источники: Галль, дипломатъ Кадлубекъ, стоятъ у него на второмъ планѣ и служатъ только для исправленія разсказа Длугоша. Нарушевичу извѣстна только небольшая часть источниковъ, да и тѣ, которые ему доступны, не имѣютъ критически установленнаго текста и лишены необходимой предварительной обработки. Образованный на римскихъ классикахъ, Нарушевичъ, слѣдуя тогдашней французской исторической школѣ, разсматриваетъ факты не столько въ ихъ внутренней причинной связи, сколько со стороны ихъ внѣшней образности. Задача исторіи, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы, описывая великія событія и дѣянія прошлаго, вызывая воспоминанія о минувшей славѣ, пробуждать благородныя чувства въ народѣ, павшемъ отъ узкаго личнаго эгоизма. Руководящимъ началомъ историческаго сужденія, которое у Нарушевича въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выражается довольно ясно (именно въ біографіи Ходкевича), являются только тѣ политическія познанія, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти практически на своемъ высокомъ посту. Вслѣдствіе отсутствія болѣе глубокихъ общественныхъ и политическихъ знаній, о которыхъ, собственно говоря, не можетъ быть въ тѣ времена еще и рѣчи, первый нашъ историкъ не различаетъ несходныхъ періодовъ историческаго развитія, но все факты изображаетъ и оцѣниваетъ въ свѣтѣ современныхъ ему воззрѣній.

Смоленскаго епископа поддержали специальными трудами люди большихъ знаній и дѣйствительнаго таланта. Ѡадей Чацкій, историкъ права, Іосифъ Оссолинскій, Георгій Бандтке и Феликсъ Бентковскій, историки литературы не дали никакого общаго очерка исторіи права или литературы, но за то собрали изъ рукописей и выяснили массу данныхъ по источникамъ. Лаврентій Суровецкій, статистикъ, вводилъ въ исторію болѣе основательныя экономическія понятія. Знаменитые археологи, Янъ Потоцкій и Адамъ Черноцкій (извѣстный подъ псевдонимомъ Зоріана Ходаковского) посѣяли первыя сѣмена изслѣдованія славянскихъ древностей. Однако, отрицательныя стороны изслѣдованій Нарушевича сильно увеличились у его послѣдователей и подражателей, рѣшившихся довести его исторію, обвиняющую только времена Пястовъ, до конца, но не имѣвшихъ его таланта и трудолюбія. Они писали подъ впечатлѣніемъ недавнихъ бѣдствій,—говоритъ ксендзъ В. Калинка,—поэтому у нихъ не хватало духу указывать корень зла въ нашихъ собственныхъ порокахъ, они предпочитали пѣть похвальный гимнъ прошлому. Наруше-

вичъ взялъ себѣ руководителемъ въ исторіи Длугоша, Альберт-ранди же, Голэмбѣвскій, Нѣмцевичъ держались почти рабски того же Длугоша или Гейденштейна, а Богомолецъ, Краевскій, Квятковскій прямо переводили Гейденштейна или Коховскаго, пренебрегая критикой и изслѣдованіемъ источниковъ. Дидактическая цѣль, бывшая у Нарушевича на заднемъ планѣ, у его послѣдователей выступила на первое мѣсто и вызывала пустую декламацию и громкія фразы. Царствованіе Сигизмундовъ Ягеллоновъ проходило совершеннымъ молчаніемъ, какъ вѣкъ религіозной реформаціи — щекотливый предметъ для историка; для исторіи нашего упадка, начиная съ конца XVII вѣка, пользовались только трудами иностранцевъ: Койера, Сальванди, Рюльера и Феррана.

Георгій Бандтке, прошедшій нѣмецкую научную школу, написалъ прекрасное по тому времени руководство по польской исторіи, но оно было отодвинуто на задній планъ «Историческими пѣснями» Нѣмцевича съ объясненіями, заключающими «собраніе исторіи польской» («*Spiewy historyczne z krótkim dodatkiem zbioru historyi polskiej*»), понятой исключительно съ декоративной и нравственной стороны — книжка, получившая неслыханную популярность. Прикрашиваніе и стремленіе поучать, занявшія мѣсто исторической истины и историческаго суда, выступили еще ярче въ историческихъ эпопеяхъ и драмахъ, оставленныхъ во множествѣ нашей псевдоклассической поэзіи. — Мы тогда восторгались великими событіями прошлаго, искали въ немъ главнымъ образомъ отдѣльныхъ фигуръ королей, гетмановъ, епископовъ, ставили ихъ на искусственный пьедесталъ величія, какъ въ злѣ, такъ и въ добрѣ, любили и боготворили однихъ, проклинали другихъ и прежде всего относились почтительно къ историческому преданію, сложившемуся объ отдѣльныхъ историческихъ личностяхъ; плохо пришлось бы тому историку, который, хотя и съ документами въ рукахъ, старался бы измѣнить это преданіе къ худшему.

Совѣзмъ не давали себѣ отчета въ великихъ социальныхъ переворотахъ, которые переживалъ народъ; вся его исторія освѣщалась свѣтомъ XVIII вѣка и механически дѣлилась на три періода: Польшу Пястовскую, Ягеллонскую и избирательную. Все бремя ответственности за пережитыя несчастья и упадокъ сваливали на извѣстныхъ козловъ отпущенія: Кмиту, Зебржидовскаго, Радзѣвскаго, іезуитовъ, Тарговичанъ, всякое же болѣе

глубокое пониманіе дѣла, всякое обнаруживаніе общихъ пороковъ народа считалось кощунствомъ и мараніемъ собственнаго гнѣзда.

Въ дополненіе къ этой краткой характеристикѣ, мы даемъ библиографическій указатель важнѣйшихъ сочиненій, оставленныхъ намъ школой Нарушевича и его современниками:

А) ОБЩАЯ ИСТОРИЯ.

Нарушевичъ, Адамъ: «Исторія польскаго народа» (доведена до Владислава Ягеллы, томъ I-й, обнимающій времена язычества, неоконченъ). («*Historya narodu polskiego*», tomów 6. (od II—VII) Warszawa 1780 — 6 и 1803, wyd. 2-e 1803 — 4, wyd. 3-e Lipsk 1836—7; wyd. 4-te Kraków, 1859—60).

Потоцкій, Янъ: «Хроники, мемуары и изслѣдованія по исторіи всѣхъ Славянскихъ народовъ». («*Chroniques, mémoires et recherches pour servir à l'histoire de tous les peuples Slaves*», Warszawa, 1793).

Его же: «Опытъ всемірной исторіи и изысканія о Сарматіи». («*Essai sur l'histoire universelle et recherches sur la Sarmatie*». 4 тома. Варшава, 1789—92).

Его же: «Историческіе и географическіе отрывки о Скніи, Сарматіи и Славянахъ». («*Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves*», 4 тома, Брауншвейгъ, 1796).

Его же: «Первобытная исторія народовъ Россіи». («*Histoire primitive des peuples de la Russie*», Петербургъ, 1802).

Суровецкій, Лаврентій (Wawrzyniec): «Изслѣдованіе о началахъ славянскихъ народовъ». (*Roczniki Tow. przyj. nauk. t. XVII*, Варшава, 1824).

Ходаковскій, Зоріанъ Долэнга (Чарноцкій): «О славянствѣ дохристіанскомъ». («*O Sławiańszczyźnie przedchrześcijańskiej*», Kraków, 1835).

Мнишехъ, Вандалинъ Мих.: «Казиміръ Великій». («*Kazimierz Wielki*», Warszawa, 1777, wyd. 2-e 1855, wyd. 3-e Kraków, 1863).

Альбертранди, Янъ: «Двадцать шесть лѣтъ царствованія Владислава Ягеллы». («*Dwadzieścia sześć lat panowania Władysława Jagiełły*, Wrocław, 1845).

Его же: «Царствованіе Казимира, Яна Альбрехта и Александра Ягеллончиковъ». («*Panowanie Kazimierza, Jana Alberta i Aleksandra Jagiellończyków*», t. 2, Warszawa, 1826—7).

Голэмбѣвскій, Лука: «Исторія Польши». («Dzieje Polski», t. 3, Warszawa, 1846—8, включаетъ: царствованіе Владислава Ягеллы, Владислава Ш, Казимира, Яна Альбрехта и Александра).

Чацкій, Ѡадей: «Изображеніе царствованія Сигизмунда Августа». («Obraz panowania Zygmunta Augusta»).

Альбертранди, Янъ: «Царствованіе Генриха Валуа и Стефана Баторія». («Panowanie Henryka Walezjusza i Stefana Batorego», t. 2, Warszawa, 1823, wyd. 2-e Kraków, 1849, wydanie 3-e Kraków, 1860, wyd. 4-e Kraków, 1861).

Нарушевичъ, Адамъ: «Исторія Яна Карла Ходкевича». («Historya Jana Karola Chodkiewicza», t. 2, Warszawa, 1781, 1805, wyd. 2-e Lipsk 1837, wyd. 3-e Kraków, 1858).

Богомолецъ, Францискъ: «Жизнь Яна Замойскаго». («Życie Jana Zamojskiego», Warszawa, 1781, 1805, wyd. 2-e wyd., 3-e Radom, 1830, wyd. 4-e Lipsk. 1837, wyd. 5-e Kraków, 1860).

Нѣмцевичъ, Юліянъ Урсинъ: «Исторія царствованія Сигизмунда Ш». («Dzieje panowania Zygmunta III», t. 3, Warszawa, 1819, wyd. 2-e Wrocław, wyd. 3-e Kraków, 1858).

Сярчинскій, Францискъ: «Картина царствованія Сигизмунда Ш». («Obraz wieku panowania Zygmunta III-go», tomów 3. Lwów 1828, Poznań 1843—58).

Когнавицкій Казиміръ: «Жизнь Льва Сапѣги». («Żywot Lwa Sapiehy», Warszawa 1790, wyd. 2-e 1805, 3-e Radom 1830, wyd. 4-e Lipsk 1837, wyd. Sanok 1855).

Квятковскій, Бастанъ: «Исторія Польскаго народа въ царствованіе Владислава IV». («Dzieje narodu polskiego za panowania Władysława IV», Warszawa 1823).

Богомолецъ, Францискъ: «Жизнь Юрія Оссолинскаго». («Żywot Jerzego Ossolińskiego», Warszawa 1771, wyd. 2-e 1805, 3-e Lipsk 1837, 4-e Kraków 1860, 61).

Краевскій, Михаилъ: «Исторія царствованія Яна Казимира». («Dzieje panowania Jana Kazimierza», tomów 2, Warszawa 1846).

Его же: «Исторія Стефана Чарнецкаго». («Historya Stefana Czarnieckiego», Warszawa 1787, wyd. 2-e 1805, 3-e Radom 1831, 4-e Warszawa 1845, 5-e Kraków 1859).

Койеръ, Гавріиль: «Исторія Яна Собѣскаго». («Historya Jana Sobieskiego», польскій переводъ съ объясненіями Сырокомли 2 тома, Вильно 1882).

Сальванди, Нарцизь: «Исторія Польши передъ и при Янѣ Собѣскомъ». («Histoire de Pologne avant et sous le roi Jean So-

bieski», 3 тома, Leipzig 1829, Paris 1829, Paris 1839, Bruxelles 1841, Bruxelles 1846, Paris 1848, Paris 1855, Paris 1863).

Бизардьеръ, Мих.: «Безкоролевыя послѣ Яна III». («Bezkrólewie po Janie III-im», tłum. z franc. Wilno 1853).

Рюльеръ, Клод.: «Исторія анархіи въ Польшѣ и раздѣловъ этой республики». («Histoire de l'anarchie de Pologne et des démembrements de cette république», 4 тома. Paris 1807, 2-е изд. 1818, 3-е Leipzig 1843, 4-е Paris 1862, польск. переводъ, Варшава, т. I, 1808).

Ферранъ, Антуанъ: «Исторія трехъ раздѣловъ Польши» («Histoire des trois démembrements de la Pologne», 3 тома. Paris 1820, 1865).

В) ИСТОРИЯ ЛИТВЫ.

Нарбутъ, Матвѣй: «Древняя исторія народа литовскаго». («Dzieje starożytne narodu litewskiego», 9 tomów, Wilno, 1835—41).

С) ГЕОГРАФІЯ.

Свенцій, Тома: «Описание древней Польши». («Opis starożytnej Polski», tomów 2, Warszawa 1816, 1828, wyd. 2-е, Kraków 1861).

Д) ПРАВО.

Сержегускій, Викентій: «Государственное право польскаго народа». («Prawo polityczne narodu polskiego», tomów 2. Warszawa 1782—4, wyd. 2-е 1787).

Чацкій, Фаддей: «Собрание сочиненій», т. I и II о литовскихъ и польскихъ законахъ, т. III-й разсужденія. («Dzieła zebrane», tom. 3. Poznań 1843—1845).

Его же: «О литовскихъ и польскихъ законахъ». («O litewskich i polskich prawach», tom. 2, Warszawa 1800—1, wyd. 2-е Poznań 1843, 3-е Kraków 1861).

Его же: «Разсужденіе о евреяхъ» («Rozprawa o żydach», Wilno 1807, wyd. 2-е Kraków 1860).

Суровецкій, Лаврентій: «Объ упадѣхъ промышленности и городовъ въ Польшѣ». («O upadku przemysłu i miast w Polsce», Warszawa 1810).

Бандтке, Георгій: «Аналекты для объясненія исторіи восточной Европы». («Analekten zur Erläuterung der Geschichte des Ostens von Europa». Breslau. 1802).

E) ЦЕРКОВЬ.

Островскій, Федоръ: «Исторія и законы польской церкви». («Dzieje i prawa kościoła polskiego», tom. 3. 1793).

Фризе, Христианъ: «Исторія польской церкви». («Kirchengeschichte Polens», tom. 3. Breslau. 1786).

F) ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Бентковскій, Феликсъ: «Исторія польской литературы». («Historya literatury polskiej», tom. 2. Warszawa. 1814).

Осолинскій, Иосифъ: «Историко-критическія свѣдѣнія къ исторіи польской литературы». («Wiadomości hist. krytyczne do dziejów literatury polskiej», 3 t. Kraków. 1829—22, t. 4-у, Lwów. 1852).

Бандтке, Георгій: «Исторія краковскихъ типографій». («Historya drukarń Krakowskich». Kraków. 1815).

Его же: «Исторія типографій въ Царствѣ Польскомъ и Княж. Литовскомъ». («Historya drukarń w Królestwie polskiem i Księstwie litewskiem», tom. 3. Kraków. 1826).

Его же: «Исторія библиотеки Ягеллонскаго университета». («Historya biblioteki uniwersytetu Jagellońskiego». Kraków. 1821).

Червинскій, Игнатій: «Очеркъ исторіи культуры и просвѣщенія польскаго народа съ X до конца XVII вѣка». («Rys dziejów kultury i oświaty narodu Polskiego od wieku X do końca wieku XVII». Przemyśl. 1816).

G) ДРЕВНОСТИ.

Голэмбѣвскій, Лука: «Костюмы въ Польшѣ отъ древнѣйшихъ временъ» («Ubiory w Polsce od najdawniejszych czasów». Warszawa. 1830; wyd. 2. Kraków. 1861).

§ 2. Историческая школа Лелевеля.

Только лишь Иоахимъ Лелевель (1786—1861) освободилъ нашу историографію отъ закоснѣлости и поверхностнаго риторства, въ которое впали послѣдователи Нарушевича. Народъ нашъ, излѣчившійся нравственно подъ вліяніемъ раздѣловъ, развившій въ себѣ любовь къ общественному благу, необходимо долженъ былъ задаться вопросомъ, отчего и теперь вся его дѣятельность оканчивается новыми бѣдствіями, долженъ былъ глубже войти въ себя и поискать въ исторіи своего прошлаго, рядомъ съ нравственнымъ упадкомъ, другихъ пороковъ и грѣховъ, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ еще не излѣчился и которые, тяготѣя надъ нимъ, тормозятъ его современную дѣятельность. Въ качествѣ руководителя въ такомъ изслѣдованіи выступилъ Лелевель. Оставляя безъ вниманія, даже совсѣмъ пренебрегая художественной стороною историческаго творчества, онъ опирался на первоисточникахъ, открылъ много новыхъ матеріаловъ, обработалъ ихъ критически и опредѣлилъ ихъ взаимное отношеніе; проникъ глубокимъ умомъ своимъ въ тайники нашего соціальнаго и политическаго развитія; затронулъ массу самыхъ важныхъ вопросовъ и, стараясь немедленно рѣшать ихъ и обобщать рѣшенія, воздвигнулъ новое зданіе нашей исторіи. Последнее слово всѣхъ его спеціальныхъ изслѣдованій и трудовъ, составляющихъ 20 томовъ въ изданіи Жупанскаго («Polska dzieje i rzeczu jej», Roznafi, 1854—1868) заключается въ двухъ небольшихъ трудахъ, другъ друга дополняющихъ: «Исторія Польши, разсказанная племянникамъ» («Dzieje Polski opowiadane synowcom», Варшава 1829, поздн. изд. 1830, 37, 43, 45, 49, 52, 53, 56, 59—1863. Соб. соч. tom. II) и «Размышленія объ исторіи Польши и ея народа» («Uwagi nad dziejami Polskii ludu jej»). Изложенная въ нихъ сущность исторической филозофіи Лелевеля состоитъ въ слѣдующемъ. Нашему народу ставится имъ одинъ неизмѣнный идеаль и образецъ. Народъ развивается по стольку, по скольку приближается къ этому образцу, по мѣрѣ же того, какъ онъ отступаетъ отъ него, онъ падаетъ. Идеаль этотъ—общественная и политическая свобода. Она осуществилась во всемъ своемъ величій въ польской исторіи только разъ въ славянскомъ общинномъ быту («gminowładztwo»), на стражѣ котораго стояли первые Болеславы. Во второмъ періодѣ, продолжавшемся отъ 1139 г. до 1374 г. аристократія («możno-

władztwo»), уничтожая вольности простого народа и княжескую власть, привела къ упадку.

Только лишь въ третьемъ періодѣ лучшая часть народа, въ которой окрѣпъ къ тому времени гражданскій духъ, уничтожила правленіе знати и представила великолѣпную картину общиннаго быта шляхетскаго.

Но это народовластіе противорѣчитъ собственному принципу, оно не допускаетъ равноправности простого народа, не осуществляетъ вполнѣ республиканской формы правленія; съ 1607 года оно начинаетъ внутренне разлагаться, регрессировать и приводитъ наконецъ къ паденію. Только восстановление «гминновладства», т. е. свободы крестьянъ и республиканской формы правленія можетъ вывести народъ изъ состоянія упадка.

Не нужно знать польской исторіи, чтобы сказать, что этотъ взглядъ апріорнаго происхожденія, что онъ навязанъ фактамъ, сопоставленнымъ и подтасованнымъ въ его пользу. Во всей исторіи Лелевеля не трудно видѣть отраженіе спекулятивной философіи, которая съ начала этого столѣтія, по примѣру Гегеля, Роттека, Гизо, пользовалась и злоупотребляла исторіей, чтобы придать видъ доказательности различнымъ своимъ системамъ; которая начинала съ философіи исторіи, вмѣсто того, чтобы кончать ея. Известная апріорная философская идея, болѣе или менѣе подробно развитая въ частностяхъ, служила единственнымъ основаніемъ выбора, группировки и оцѣнки фактовъ. Насколько такая идея отчасти приближалась къ истинѣ, на столько и основанный на ней трудъ не былъ лишенъ нѣкоторыхъ достоинствъ, но эти достоинства не могли покрывать ошибокъ и грѣховъ исторіи, которая не имѣла необходимой самостоятельности: она въ сущности была слугой извѣстнаго произвольно составленнаго воззрѣнія, правильность котораго должна была доказывать.

На Западѣ вліяніе этого ложнаго направленія нѣсколько ограничивалось прежде всего изданіемъ источниковъ, которое велось въ большомъ размѣрѣ подъ покровительствомъ и на счетъ правительствъ и обнаруживало массу фактическихъ подробностей. А, разумѣется, чѣмъ болѣе извѣстно фактовъ, тѣмъ труднѣе уложить ихъ въ рамки какой-нибудь идеи, тѣмъ глубже, тѣмъ менѣе односторонней должна быть эта идея.

Притомъ на Западѣ исторіей занимались люди, которые имѣли возможность получить спеціальное образованіе, которымъ многочисленныя научныя учрежденія помогали пріобрѣсти обширныя познанія и болѣе трезвый критическій взглядъ. У насъ всего

этого не было. Источники представляли почти дѣвственную почву, лишь время отъ времени появлялся какой-нибудь маленькій сборникъ, благодаря стараніямъ частныхъ лицъ, фактовъ не знали, а поэтому тѣмъ свободнѣе развивалось философствованіе надъ исторіей. Трудъ историка не давалъ матеріальнаго обезпеченія, поэтому отъ такого труда бѣжали люди практическіе, а предавались ему въ большинствѣ случаевъ диллетанты, въ которыхъ было больше воодушевленія, даже таланта, нежели настоящей научности. Наши историки считали для себя лишнимъ заниматься политическими науками и въ своихъ сужденіяхъ впадали въ грубѣйшія противорѣчія съ выводами этихъ наукъ. Если мы ко всему этому прибавимъ, что наши политическія отношенія не остались безъ вліянія на историческую литературу, что политическія увлеченія, доведенныя до высокой степени, отразились на всѣхъ историческихъ трудахъ, то мы легко можемъ понять, отчего умозрительное направленіе пустило такіе глубокіе корни въ нашей исторіографіи и царствовало здѣсь въ этой области дольше, нежели въ другихъ странахъ. Читая Лелевеля, мы теперь удивляемся, какъ можно было впасть въ такую односторонность и ошибки. Слыша постоянное прославленіе свободы, мы удивляемся, какъ можно было упустить изъ виду другое условіе здороваго развитія всякаго народа — силу и упругость правительственной власти. Мы не понимаемъ, какъ можно было поставить развитіе и упадокъ народа въ зависимость отъ народовластія («gminowładztwo») т. е. отъ одной формы правленія, которую всякій народъ, по мѣрѣ своего развитія, необходимо преобразовываетъ и измѣняетъ. Тѣмъ не менѣе, однако, Лелевель втиснулъ все наше прошлое въ такую республиканскую формулу, такъ какъ его политическое увлеченіе, поддерживаемое еще живыми впечатлѣніями французской революціи, не нашло противовѣса въ научномъ ознакомленіи съ необходимыми основами строя всякаго общества и государства. Онъ совершенно по-доктринерски идеализировалъ пагубные законы второй половины XVI вѣка, не обращая вниманія на послѣдствіе ихъ — анархію; считалъ преступленіемъ позднѣйшія усилія, направленные на уничтоженіе этой «золотой вольности». Мы теперь удивляемся, какъ могъ Лелевель найти въ Польшѣ «gminowładztwo» при первыхъ Болеславахъ, между тѣмъ, какъ въ источникахъ не осталось никакого слѣда его, какъ могъ утверждать, что судьба крестьянъ у насъ ухудшилась въ XIII вѣкѣ, какъ могъ вѣрить, что польская шляхта уже въ XIV и XV вѣкахъ управляла на сеймахъ, когда

всему этому источники прямо противорѣчатъ. Однако мы должны принять во вниманіе, что Лелевель не имѣлъ въ своемъ распоряженіи большей части источниковъ, теперь уже доступныхъ, что онъ не зналъ трезвой критики источниковъ, не позволяющей насиловать факты въ пользу излюбленной теоріи, и мы перестанемъ удивляться и поймемъ, почему историческій взглядъ Лелевеля, вдохновленный благороднымъ побужденіемъ, выраженный съ рѣдкою силой мысли, увлекъ за собой цѣлый рядъ людей, занимавшихся изученіемъ исторіи при тѣхъ же условіяхъ.

Основная ошибка всей Лелевелевской философіи исторіи рѣзко обнаружилась въ логическихъ слѣдствіяхъ ея. Исторія Польши, построенная такимъ образомъ на теоріи народовластія, не могла быть соглашена съ исторіей другихъ современныхъ государствъ и народовъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ абсолютизма и обязанныхъ своимъ процвѣтаніемъ силѣ правительственной власти.

Итакъ, или вся философія исторіи Лелевеля должна была рухнуть, или необходимо было устранить это противорѣчіе. Это было исполнено къ полному собственному удовольствію нашему, но зато какимъ способомъ! Польскій народъ и его прошлое были изъяты изъ дѣйствія общихъ законовъ развитія другихъ народовъ; за нимъ были признаны исключительная роль и миссія въ чловѣчествѣ и ради этой миссии ему позволялось существовать безъ уваженія къ правительству и закону, безъ войска и податей. Отъ другихъ народовъ требовалось, чтобы они, пренебрегая собственными выгодами и интересами, преклонялись передъ этимъ избранникомъ. Это было уже полное безуміе, тѣмъ не менѣе въ извѣстные, правда, болѣзненные моменты, которые мы пережили въ послѣднее время, безуміе это становилось почти всеобщимъ; подхваченное крыльями поэзіи, оно довело до наименованія Польши—Мессіей народовъ.

Это послѣднее слово школы Лелевеля находилось въ прямомъ противорѣчій съ первымъ. Желаніе изучить собственные недостатки и пороки привело къ апопееозу. Школа Нарушевича, смотрѣвшая на паденіе собственными глазами, проходила его молчаніемъ, школа же Лелевеля оправдала его, а всю вину несчастія свалила на другія государства.

Не всѣ, однако, современные Лелевелю историки, находившіеся подъ его вліяніемъ, развивали съ такимъ увлеченіемъ логическія слѣдствія его историко-философской теоріи. Многіе изъ нихъ, отодвигая на задній планъ принципиальные взгляды, старались расширить область фактическаго знанія, нѣкоторые же

прямо выступили противъ взгляда Лелевеля. Прежде, чѣмъ говорить объ нихъ, мы перечислимъ ихъ труды и сочиненія. Библиографія исторической школы Лелевеля очень обширна. Наибольше мѣста въ ней занимаютъ сочиненія, заключающія въ болѣе или менѣе краткомъ очеркѣ или всю польскую исторію, или какую-нибудь часть ея. Мы указываемъ важнѣйшія изъ нихъ:

А) ОВЩАЯ ИСТОРИЯ.

Лелевель, Іоакимъ: «Исторія Польши, общедоступно разсказанная» («Dzieje Polski potocznym sposobem opowiedziane», Warszawa. 1829. Dalsze wyd. 1830, 1837, 1843, 1845, 1849 (два), 1852, 1853, 1859 (два), 1863 (wyd. zbiorowe tom. 2. Poznań, 1859).

Его же: «Размышленія о исторіи Польши и ея народа» («Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej», tom 3 wyd. zbiorowego, Poznań. 1855 (tłóm z franc. oryginal.).

Его же: «Исторія польская до конца царствованія Стефана Баторія» («Historya Polska do końca panowania Stefana Batorogo». Poznań. 1863 (tom XIII wyd. zbior.).

Ходзько, Леонардъ: «Польша историческая, литературная, монументальная и живописная». («La Pologne historique, littéraire, monumentale et pittoresque», vol. 2. Paris, 1835—42, восемь изданій).

Мицкевичъ, Адамъ: «Общедоступная исторія Польши». (Histoire populaire de Pologne». Paris. 1876).

Его же: «Исторія Польши въ главныхъ очертаніяхъ съ предисловіемъ и примѣчаніями Вл. Мицкевича». («Historya Polska w głównych jej zarysach z notami i przedmową Wł. Mickiewicza». Paryż. 1861).

Морачевскій, Андрей: «Исторія польской Рѣчи Посполитой». («Dzieje Rzeczypospolitej polskiej», tomów 9. Poznań. 1843—55; wyd. 2. Poznań, 1864—7).

Врублевскій, Валеріанъ (псевд. Короновича): «Слово исторіи польской» («Słowo dziejów polskich», tomów 3. Lipsk 1858—9).

Шмпттъ, Генрихъ: «Исторія польскаго народа, вкратцѣ изложенная». («Dzieje narodu polskiego krotko opowiadane». Lwów. 1861).

Его же: «Исторія Польши въ простомъ изложеніи». («Dzieje Polski w potocznem opowiadaniu». Lwów. 1861).

Его же «Очеркъ исторіи польскаго народа» (доведень до 1390). («Rys dziejów narodu polskiego» Lwów 1855—60).

Моравскій, Федоръ: «Исторія польскаго народа» («Dzieje narodu polskiego», tom. 6. Poznań. 1870—71. Drezno. 1872).

«Всеобщая энциклопедія» («Encyklopedia powszechna»), изданіе Оргельбранда, 28 т. Варшава 1859—1868. Въ ней содержится вся польская исторія въ статьяхъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, написанныхъ главнымъ образомъ Бартошевичемъ и Собъщанскимъ.

«Всеобщая энциклопедія меньшая» («Encyklopedia powszechna mniejsza» wyd. Orgelbranda, t. 12. Warszawa. 1872—78 (значительно дополнена).

«Общая энциклопедія человѣческаго знанія» («Encyklopedia ogólna wiedzy ludzkiej» Wyd. Ungra pod kierunkiem red. «Tygod. ilustrowanego» Warszawa. 1872—77. tomów 12).

В) Исторія Литвы и другихъ земель.

Лелевель, Иохимъ: «Исторія Литвы и Руси до Унии съ Польшей въ Люблинѣ» («Dzieje Litwy i Rusi do Unii z Polską w Lublinie». Paryż 1839; wyd. 2. Poznań. 1844; tom. 5-у wyd. zbiór. Poznań. 1863).

Ярошевичъ, Иосифъ: «Изображеніе Литвы въ отношеніи цивилизаціи до конца XVIII вѣка» («Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi do końca wieku XVIII» tomów 3. Wilno. 1844—5).

Крашевскій, Иосифъ Игнатій: «Литва—древняя исторія до 1386» («Litwa—starożytne dzieje do 1386 r.» t. 2. Warszawa. 1847—60).

Козловскій, Фелиціанъ: «Исторія Мазовіи при князьяхъ». («Dzieje Mazowska za panowania książąt». Warszawa 1859).

С) Историческая Географія.

Балинскій, Мих., и Липинскій. Тимошей: «Древняя Польша въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніи». («Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym». 3 tom. Warszawa. 1843—50).

Лукашевичъ, Иосифъ: «Краткое историко-статистическое описаніе селъ и городовъ въ повѣтъ кротшинскомъ до 1794 г.» («Krótki histor-statyst. opis miast i wsi w powiecie krotoszyńskim aż po rok 1794». Poznań. 1869—75. тому 2).

Его же: «Краткое историческое описаніе костѣловъ и пр. въ прежнемъ познанскомъ діоцезѣ» (Krótki opis historyczny kościołów etc. w dawnej dyecezyi poznańskiej, 3 tom. Poznań. 1858—63).

Грабовскій, Амвросій: «Краковъ и его окрестности». («Kraków i jego okolice». Kraków. 1822; wyd. 2-e 1830; wyd. 3-e 1836, wyd. 4-e 1844; wyd. 5-e 1886).

Мехержинскій, Карль: «О магистратахъ польскихъ городовъ» (O magistratach miast polskich». Kraków. 1845).

Лукашевичъ, Иосифъ: «Историко-статистическое описаніе Познани» («Opis historyczno-statyst. Poznania», tomów 2. Poznań. 1838).

Собѣщанскій, Францискъ: «Историко-статист. очеркъ Варшавы» («Rys historyko-statystyczny Warszawy». Warszawa. 1848 (Bibl. Warsz).

Серпинскій, Зенонъ: «Историческое описаніе Люблина» («Historyczny opis Lublina». Warszawa. 1843).

Балинскій, Мих: «Исторія города Вильны» (до 1586 г.) («Historya miasta Wilna» tom. 2. Wilno. 1836—7).

Крашевскій, I. I.: «Вильна отъ начала его до 1750 г.» («Wilno od początkow jego do roku 1750» 4. t. Wilno 1840—2).

Д) П Р А В О.

Лелевель: «Начала польскаго законодательства (Początki prawodawstwa polskiego).

Вандтке, Янъ Викентій: «Исторія польскаго права» («Historya prawa polskiego». Warszawa. 1850).

Мацѣвскій, Вацлавъ Александръ: «Исторія славянскихъ законодательствъ» («Historya prawodawstw słowiańskich», 4. t. Warszawa 1832—5; wyd. 2. t. 6. Warszawa 1856—68).

Его же: «Исторія крестьянъ въ Польшѣ» («Historya włóścian w Polsce». Warszawa. 1868).

Гоффманъ, Карль: «Очеркъ правленія и законодательства въ прежней Польшѣ» («Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski». «Przegląd Poznański». 1847—1849).

Его же: «Исторія политическихъ реформъ въ Польшѣ» («Historya reform politycznych w dawnej Polsce», Lipsk, wyd. 2-e Poznań 1869).

Е) Ц Е Р К О В Ъ.

Барончъ, Садокъ: «Очеркъ исторіи проповѣдническаго ордена въ Польшѣ». («Rys dziejów Zakonu kaznodziejskiego w Polsce», 2 tomy. Lwów. 1861).

Булинскій, Мельхиоръ: «Исторія польской церкви» («Historya kościoła polskiego». t. 3. Kraków. 1873—4).

Красинскій, Валеріанъ: «Исторія религіи у славянскихъ народовъ». (Histoire religieuse des peuples Slaves», Paris 1853).

Его-же: «Исторія реформаціи въ Польшѣ» (съ англійскаго оригинала перев. и обработалъ В. Линдау). («Geschichte der Reformation in Polen», nach dem englischen original bearb. v. W. Lindau. Leipzig. 1841).

Лукашевичъ, Іосифъ: «О церквахъ чешскихъ братьевъ въ прежней Великой Польшѣ». («O kościołach braci czeskich w dawnej Wielkopolsce». Poznań. 1835).

Его-же: «Исторія церквей гельветическаго исповѣданія въ Литвѣ». (Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie» tom. 2. Poznań 1842—3).

Его-же: «Исторія церквей гельветическаго вѣроисповѣданія въ Малой Польшѣ». («Historya kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce». Poznań. 1853).

F) Просвѣщеніе.

Іохеръ, Адамъ: «Библиографическій и историческій обзоръ литературы въ Польшѣ послѣ 1830 г.). «Obraz bibliograficzno-historyczny literatury w Polsce po r. 1830» tom. 3. Wilno. 1840—57).

Лукашевичъ, Леславъ: «Очеркъ исторіи польской письменности» («Rys dziejów piśmiennictwa polskiego». Kraków. 1836. Позднѣйшія изд.: 1838, 1848, 1851, 1856, 1859, 1860, 1861, 1864, 1866).

Мицкевичъ, Адамъ: «Курсъ литературы славянскои» (Kurs literatury słowiańskiej» t. 4. Paryż 1841—44).

Вишневицкій, Михаиль: «Исторія польской литературы» (доведена до половины XVII вѣка) («Historya literatury polskiej», t. 10. Kraków. 1840—1852).

Мацѣевскій, Вацлавъ Александръ: «Польская письменность вплоть до 1830 г.» («Piśmiennictwo polskie aż do r. 1830», t. 3. Warszawa. 1851—3).

Его же: «Памятники объ исторіи, письменности и законодательствѣ Славянъ» («Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian», t. 2. Petersburg. 1849).

Лукашевичъ, Іосифъ: «Исторія школъ въ Коронѣ и въ великомъ кн. Литовскомъ до 1794 г.», («Historya szkół w Koronie i W. Ks. litewskiem do r. 1794». tom. 4. Poznań. 1849—52).

Лелевель I: «Исторія библиотекъ» («Dzieje bibliotek». Warszawa. 1827 w. 16-j tom. wyd. zbior. Poznań 1868). «Двѣ библиографическія книги» («Bibliograficznych ksiąg dwoje»; tom. 2. Wilno, 1823—6).

Мехержинскій, Карлъ: «Исторія краснорѣчія въ Польшѣ» («Historya wymowy w. Polsce» t. 3. Kraków. 1856—9).

G) Древности, искусство.

Ходыницкій, Игнатій: «Словарь ученыхъ поляковъ» («Dukcyonarz uczonych Polaków», 3 t. Lwów. 1833).

Морачевскій, Андрей: «Польскія древности въ алфавитическомъ порядкѣ» («Starożytności polskie abecadłowo», t. 2. Poznań 1842—52).

Мацѣевскій, В. А: «Польша до первой половины XVII вѣка въ отношеніи нравовъ и обычаевъ» («Polska aż do pierwszej połowy XVII wieku pod względem obyczajów i zwyczajów», t. 4. Warszawa 1842).

Собѣщанскій, Францискъ: «Историческія свѣдѣнія о искусствахъ въ прежней Польшѣ» («Wiadomości historyczne o sztukach pięknych w dawnej Polsce» t. 2. Warszawa. 1847).

Крашевскій, I. I: «Искусство у Славянъ особенно въ Польшѣ и дохристіанскоі Литвѣ» («Sztuka w Słowian szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej». Wilno. 1860).

Растваецкій, Эдуардъ: «Словарь польскихъ живописцевъ» («Słownik malarzy polskich» t. 3. Warszawa. 1850—57).

Рядомъ съ этими сочиненіями нужно поставить монографіи, разсужденія и труды, посвященные изслѣдованію какого-нибудь спеціальнаго вопроса, или изображенію какого-нибудь эпизода нашей исторіи. Нѣтъ почти ни одного историка, принадлежащаго къ этой школѣ, которой бы не оставилъ нѣсколько такихъ трудовъ. Карлъ Шайноха, Маврикій Дзѣдушицкій и Антоній Валевскій прославились однѣми только монографіями. Важнѣйшія изъ нихъ мы перечисляемъ въ продолженіи нашего труда при тѣхъ отдѣлахъ исторіи, къ которымъ онѣ относятся, здѣсь же ограничиваемся указаніемъ собраній сочиненій (кромѣ упомянутаго выше собранія соч. Лелевеля), заключающихъ въ себѣ пѣлый рядъ монографій одного автора:

Шайноха, Карлъ: «Историческіе эскизы» («Szkice historyczne», tom. 3. Lwów. 1854—69).

Его же: «Сочиненія» («Dzieła», tomów 10. Warszawa. 1876—8).

Бартошевичъ, Юліанъ: «Сочиненія» («Dzieła»), издающіяся съ 1876 г. въ Краковѣ.

Семенскій, Люціанъ: «Литературные портреты» («Portrety literackie», t. 4. Poznań (1865—75 отъ XVI—XIX вѣка).

Крашевскій, I. I: «Литературные этюды» («Studia literackie», Wilno. 1843).

Его-же: «Новые этюды» («Nowe studia». Wilno. 1843).

Сенкевичъ, Янъ Карлъ: «Сочиненія, труды историческіе и политическіе» («Pisma, prace historyczne i polityczne». Paryż. 1862).

Его же: «Труды литературные» («Prace literackie». Paryż. 1864).

Пржездзѣцкій, Александръ: «Ягеллонки польскія XVI вѣка» («Jagiellonki polskie XVI wieku», t. 4. Kraków. 1868).

Калицкий, Бернардъ: «Историческіе очерки» («Zarysy historyczne». Lwów. 1869).

Итакъ, школа Лелевеля подвергла широкой обработкѣ почти всѣ стороны нашего историческаго развитія. Однако можетъ ли быть у насъ рѣчь о школѣ Лелевеля? или, говоря точнѣе, можемъ ли мы причислить къ этой школѣ всѣхъ авторовъ, находящихся въ вышеприведенномъ списокѣ ¹⁾? Желая отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего обратить вниманіе на то, что въ предѣлахъ школы Лелевеля мы можемъ указать только нѣсколькихъ его прямыхъ послѣдователей: Морачевскаго, Шмитта, Короновича,—послѣдователей, конечно, все болѣе и болѣе худыхъ, у которыхъ оказывается все менѣе и менѣе критики и изслѣдованій источниковъ, а все болѣе философствованій. Яроховскій, превышающій ихъ трудолюбіемъ, въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ также причисляется сюда. Мацѣвскій несомнѣнно расширяетъ воззрѣніе Лелевеля, но все-таки опирается на немъ; стоя ниже Лелевеля въ отношеніи критики, онъ вполнѣ ему подражаетъ, какъ въ направленіи своихъ изслѣдованій, такъ и въ приемахъ аргументаціи и въ формѣ изложенія.

Такой подражательности не видно у другихъ историческихъ писателей—младшихъ современниковъ Лелевеля, изъ которыхъ я упомяну болѣе выдающихся: Шайноху, Вишневскаго, Лукашевича и Бартошевича. Они нашли себѣ новое поприще для изслѣдованій, искали новыхъ источниковъ, создали самостоятельную форму представленія своихъ научныхъ результатовъ; достаточно вспомнить мастерскую художественность Шайнохи. Никто не станетъ отрицать въ нихъ таланта и трудолюбія. Но развѣ они создали новую школу? развѣ, поставленные рядомъ съ Лелевелемъ, какъ его современники, не исчезаютъ они въ тѣни этого титана нашей исторіографіи въ первой половинѣ XIX вѣка? Ни-

¹⁾ Ксендзъ Калинка и проф. Шуйскій высказываются противъ этого мнѣнія, т. е. противъ причисленія къ Лелевелевской школѣ Шайнохи, Гоффмана, Сенкевича, Дзѣдушицкаго, Валевскаго, Моравскаго.

кто изъ нихъ не подвинулъ дальше критики источниковъ, каждый, сколько было для него возможно, принималъ выводы «Польши среднихъ вѣковъ» (довольно упомянуть соч. Шайнохи «Ядвигу и Ягеллу»), нерѣдко измѣняя ихъ къ худшему, никто не выступилъ противъ господствовавшаго общаго воззрѣнія Лелевеля, никто даже мимоходомъ не указалъ принципиальныхъ основъ новаго воззрѣнія, никто не занялся обстоятельнымъ изслѣдованіемъ по источникамъ тѣхъ вопросовъ, тѣхъ отдѣловъ, отъ которыхъ зависитъ взглядъ на исторію. Вслѣдствіе этого въ ихъ трудахъ меньше апріорныхъ философствованій, но развѣ зато у Вишневскаго меньше лести народному тщеславію, развѣ меньше рыцарской чувствительности у Шайнохи, когда онъ пишетъ объ Ядвигѣ или о Варварѣ, развѣ меньше фантастической поэзіи, когда онъ изображаетъ Владислава IV?

Что же однако сказать о тѣхъ историкахъ, которые прямо и открыто боролись со взглядами Лелевеля? Сенкевичъ боролся съ нимъ, защищая монархическіе принципы, скорѣе на поприщѣ публицистики, нежели на поприщѣ историческихъ изслѣдованій по источникамъ. Карлъ Гоффманъ, отказавшійся прежде другихъ отъ теоріи «гминовладства» признавалъ необходимость сильной правительственной власти, но, имѣя въ виду только республику и монархію, совершенно забылъ объ обществѣ, и въ разстройствѣ абсолютной власти Болеславовъ видѣлъ уже причину упадка. По его слѣдамъ пошли Дзѣдушицкій, Валевскій и Моравскій, но его воззрѣнію придали новую католическую форму; католицизмъ (а Валевскій даже цезаро-папизмъ) они считали причиной всего хорошаго въ Польшѣ, причину ея упадка видѣли въ отступленіи отъ католическихъ принциповъ. Писатели эти создали историко-философскую формулу, гораздо болѣе одностороннюю, чѣмъ формула Лелевеля, и втискивали въ нее нашу исторію, открыто искажая источники. Въ сочиненіяхъ Дзѣдушицкаго и Валевскаго есть подробности, бывшія раньше неизвѣстными, но Сбигнѣвъ Олесницкій, представляемый, какъ защитникъ папской власти, Скарга, защищаемый отъ обвиненія въ нетерпимости, переходятъ уже въ каррикатуру. О странностяхъ Валевскаго лишнее вспоминать. Писатели эти боролись съ Лелевелемъ, но его собственнымъ оружіемъ, и притомъ боролись очень плохо. Всѣмъ методомъ своего труда они ничѣмъ не отличаются отъ школы Лелевеля и поэтому именно и принадлежатъ къ ней.

Нужно поражаться той массой труда, который школа Лелевеля посвятила изслѣдованію нашего прошлаго. Слѣдуетъ также

отдать должное мастерской художественности Шайнохи, дѣйствительной эрудиціи Вишневекаго, Бартошевича, Лукашевича и выясненію на основаніи источниковъ дипломатическихъ отношеній Польши, сдѣланному Валевскимъ. Но если мы зададимся вопросомъ, какіе же плоды этихъ талантовъ и трудовъ, мы съ грустью замѣтимъ, что у насъ есть безчисленное множество затронутыхъ вопросовъ, а рѣшенныхъ очень мало. Предвзятая мысль и недостатокъ точнаго метода изслѣдованія, повторяемъ еще разъ, помѣшали школѣ Лелевиля приблизиться къ настоящей правдѣ нашей исторіи.

Между тѣмъ нашей исторіей стали все болѣе и болѣе заниматься иностранные ученые; надъ исторіей Силезіи, Пруссіи и Ливоніи издавна систематически работали нѣмцы, надъ исторіей Литвы и Руси—русскіе. И тѣ и другіе нашли усердную поддержку со стороны своихъ правительствъ въ изданіи и нашихъ историческихъ источниковъ, многочисленныя собранія которыхъ были ими опубликованы. Хотя и въ ихъ сочиненіяхъ нерѣдко проявлялась тенденція, однако широкая основа источниковъ, на которой они строили, придаетъ имъ весьма важное значеніе. Притомъ между ними рядомъ съ многими посредственностями нашлись и люди, обладавшіе талантомъ, большимъ трудолюбіемъ и новымъ методомъ изслѣдованія — люди, способные подняться выше узкаго кругозора національныхъ интересовъ и предрасудковъ. Такимъ образомъ они распоряжались у насъ недурно: Соловьевъ, Костомаровъ, Беръ писали исторію упадка Рѣчи Посполитой, Репелль, Фойхтъ, Грюнгагенъ, Каро, Цейсбергъ занимались нашей средневѣковой исторіей ¹⁾. Когда же иностранные ученые отзывались о нашихъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ своего превосходства, мы имъ отвѣчали нерѣдко только высокоумной похвальбой и мало пользовались ихъ трудами, вмѣсто того, чтобы, производительно соперничая съ ними, упрочить за самими собой послѣднее слово науки о нашемъ прошломъ.

Правда, тогдашнихъ политическихъ событій вполне достаточно для оправданія такого печальнаго положенія вещей. Но для насъ наступалъ крайній срокъ для того, чтобы проснуться и начать новую переработку нашей исторіи на лучшихъ началахъ, если мы не хотѣли, чтобы насъ окончательно опередили другіе, если мы не хотѣли разсматривать нашу исторію сквозь чужіе очки, именно нѣмецкіе.

¹⁾ Труды ихъ мы перечисляемъ ниже.

Опасеніе это теперь уже почти исчезло и нѣтъ ничего, что дѣйствовало бы на насъ болѣе ободряющимъ образомъ.

§ 3. Современная историческая школа.

Послѣ новыхъ тяжелыхъ испытаній наше общество потеряло наконецъ довѣріе къ историко-философскимъ взглядамъ, которыхъ держалось до тѣхъ поръ. Читая описанія самыхъ блистательныхъ дѣяній, которыми должна была изобиловать наша исторія, перелистывая въ ней страницы, на которыхъ польское оружіе увѣковѣчило себя великими побѣдами, слушая историковъ, толкующихъ о нашихъ исключительныхъ добродѣтеляхъ семейныхъ и политическихъ, трезвое современное поколѣніе задалось вопросомъ, отчего все это не привело насъ къ тому, чего достигли другіе современные народы. Мы пришли къ убѣжденію, что исторія Польши — до сихъ поръ сплошная неразрѣшенная загадка. Исслѣдовать и найти въ исторіи не искусственное, кратковременное возбужденіе воображенія и чувства, но сокровищницу опыта и энергіи, сдѣлалось теперь сильнымъ и всеобщимъ стремленіемъ.

Первымъ проявленіемъ новаго движенія въ области исторіографіи было болѣе критическое отношеніе къ исторической школѣ Лелевеля и къ полученнымъ ею результатамъ. Критика эта не была чисто отрицательная, такъ какъ никто, конечно, не можетъ отнестись съ презрительнымъ пренебреженіемъ къ огромному таланту и труду этой школы. Однако, уважая труды предшественниковъ, стараясь усвоить себѣ существенные результаты ихъ трудовъ и воспользоваться ими, нужно было поставить собственному труду надъ исторіей болѣе строгія требованія, найти для него болѣе широкія основанія и измѣнить принципиально точку зрѣнія.

Теперь выступило на первый планъ изданіе историческихъ источниковъ. Отворились запертые до тѣхъ поръ архивы, нашлись щедрія средства, по нѣмецкимъ образцамъ былъ выработанъ прекрасный методъ изданія и обработки источниковъ. Были пересмотрѣны и улучшены прежнія изданія Бѣлевскаго («*Monumenta Poloniae historica*», 4 тома. Львовъ, 1864—1884), Пржездзѣцкихъ («*Jana Długosza Dzieła*». Сочиненія Яна Длугоса, пока тринадцать томовъ. Краковъ, 1868—1871), Дзялынскихъ («*Acta Tomisiana*», относятся къ временамъ Сигизмунда I,

пока девять томовъ. Познань, 1852—1876), «Dyaryusze sejmowe z czasów Zygmunta Augusta», (Дневники сеймовъ времени Сигизмунда Августа), «Zbiory praw» (Собранья законовъ); надлежащимъ образомъ были оцѣнены мастерскіе поиски источниковъ и изданія Сигизмунда Антонія Гельцеля (главнымъ образомъ: «Starodawne prawa polskiego romniki», 2 тома. Краковъ, 1857—1870. «Старинные памятники польскаго права»); въ нихъ нашли готовый образецъ и старались ему подражать во всѣхъ направленіяхъ. Издательская дѣятельность, сосредоточившая около себя лучшія молодыя силы, нашла усердную поддержку въ такихъ солидныхъ учрежденіяхъ, какъ: Академія наукъ въ Краковѣ («Akademija umiejśtności»), Общество друзей наукъ въ Познани («Towarzystwo przyjaciół nauk»), Институтъ Оссолинскихъ и Мѣстное отдѣленіе (Wydział-krajowy) во Львовѣ, Издательство историческихъ источниковъ въ Варшавѣ, Библіотека Дзялынскихъ, Ординація Красинскихъ. Дѣло это подвигается впередъ гигантскими шагами, въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ сдѣлано больше, чѣмъ прежде въ продолженіе столѣтія.

Располагая вслѣдствіе этого матеріаломъ уже вдвое увеличившимся, мы можемъ подробно изслѣдовать и провѣрять факты тамъ, гдѣ наши предшественники принуждены были довольствоваться шаткими гипотезами. Кроме того, изъ университетовъ мы выносимъ прекрасный методъ изслѣдованія, выработанный на Западѣ въ половинѣ этого столѣтія; этотъ методъ не только значительно облегчаетъ всю нашу работу, но и сообщаетъ ей болѣе прочныя основанія и придаетъ ей настоящій критическій характеръ.

Но ни увеличеніе матеріала, ни болѣе критическое къ нему отношеніе, ни большее вообще оживленіе историографіи не давали бы еще намъ права считать себя новой исторической школой. Для этого необходимы еще принципиальное измѣненіе направленія и духа исторической дѣятельности, выработка общихъ новыхъ принциповъ историческаго сужденія, одинаковый взглядъ на сущность, задачу и точку зрѣнія историографіи. Нашлись люди, которые, освободившись отъ прежнихъ взглядовъ, стали на эту новую точку зрѣнія и послужили прекраснымъ примѣромъ младшему поколѣнію историковъ; это именно: Іосифъ Шуйскій и ксендзь Валеріанъ Калинка. «Исторія Польши» Шуйскаго (Dzieje Polski), въ первыхъ двухъ томахъ составленная на основаніи компіляціи (теперь вполнѣ устарѣлой), въ двухъ другихъ томахъ высилась до самостоятельнаго изслѣдованія и взгляда. Въ 1868 г. вышло сочиненіе Калинки: «Послѣдніе годы царствованія Стани-

слава Августа («Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta»). Великодушное предисловіе къ нему о задачахъ исторіографіи и широкій взглядъ на царствованіе Станислава Августа свидѣтельствуя о новомъ поворотѣ въ области историческихъ изслѣдованій. За этими писателями послѣдовали другіе; довольно упомянуть Казимира Яроховскаго, который былъ нѣкогда горячимъ приверженцемъ школы Лелевеля, теперь же является однимъ изъ болѣе выдающихся представителей новѣйшаго направленія. Мы можемъ говорить о нашихъ еовременныхъ историкахъ, какъ о новѣйшей исторической школѣ, по скольку они всѣ соглашаются съ слѣдующими положеніями.

1) Исторія не должна быть слугой какой бы то ни было апріорной системы, она должна быть самостоятельной, должна быть вѣрнымъ изображеніемъ жизни народа, во всемъ ея продолженіи и во всѣхъ проявленіяхъ.

2) Нужно необходимо покончить съ довольно распространенными до сихъ поръ девизами въ родѣ: «обнаженіе истины обезчеститъ насъ въ чужихъ глазахъ, оправдаетъ несправедливости, намъ сдѣланныя, отвратитъ нашу молодежь отъ преданій прошлаго, лишитъ бодрости насъ самихъ для дальнѣйшей работы». Но никакіе взгляды не дозволяютъ исказить исторической истины, такъ какъ только голая, ничѣмъ не прикрываемая истина можетъ оказать спасительное вліяніе на общество, доставить ему здоровую умственную пищу, возбудить въ немъ энергію мужественной выносливости и воодушевленіе къ труду.

3) Ни личный произволь историка, ни его артистическое чутье, ни отрывочныя политическія свѣдѣнія, почерпаемыя изъ случайнаго чтенія и практическаго опыта, не достаточны для выбора, сопоставленія и оцѣнки фактовъ. Основаніемъ историческаго сужденія можетъ и должно быть основательное ознакомленіе съ общественными и политическими науками въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Такое ознакомленіе удержитъ историка прежде всего отъ рабскаго подчиненія фактовъ принципамъ совершенно другого порядка. Оно укажетъ ему предѣлы, гдѣ въ данное время оканчиваются научныя наблюденія и начинаются гипотезы, научить отличать научныя гипотезы отъ философскихъ апріорныхъ химеръ, укажетъ тѣ историческія явленія, которыя при современномъ состояніи науки не поддаются объясненію и которыя, слѣдовательно, онъ долженъ перестать толковать и объяснять произвольно.

Наконецъ, оно приведетъ историка, къ убѣжденію, что зако-

новъ, управляющихъ жизнью и развитіемъ человѣчества, открыто еще очень мало, но за то научить его, какъ пользоваться этимъ малымъ количествомъ.

Еще пока не время приступать къ бібліографіи нашей послѣдней исторической школы. Трудовъ подготовительныхъ по изданію источниковъ уже есть много, но готовыхъ, дающихъ большіе отдѣлы исторіи въ окончательной обработкѣ, еще слишкомъ мало. Появились обширныя и основательныя изслѣдованія въ областяхъ, до сихъ поръ не тронутыхъ, въ области статистики и экономической политики (Павинскій, Корзонъ, Пекосинскій); развитіе общественныхъ отношеній сдѣлалось предметомъ особаго изслѣдованія (Войцѣховскій, Пекосинскій, Смолька, Павинскій); исторія старинной литературы возвысилась надъ уровнемъ бібліографіи и біографіи (Шуйскій, Тарновскій, Вислоцкій, Моравскій); появилась исторія искусства (Соколовскій, Луцкевичъ), появилось безчисленное количество диссертаций, изъ которыхъ многія посредственны и лишены интереса, нѣкоторыя же однако написаны талантливо и касаются болѣе существенныхъ вопросовъ. Но только въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ Калининки, Яроховскаго, Закржевскаго и Смольки мы находимъ болѣе широкія историческія картины. Не безъ стыда мы принуждены и теперь еще прибѣгать къ нѣмецкимъ сочиненіямъ по нашей средневѣковой исторіи, хотя и знаемъ всѣ ихъ недостатки. У насъ нѣтъ даже необходимыхъ руководствъ по исторіи литературы, искусства, права, народнаго хозяйства, которыя бы соотвѣтствовали современному состоянію науки и опубликованнымъ источникамъ.

Обозрѣніе трудовъ современной школы мы помѣщаемъ въ особыхъ отдѣлахъ подъ заглавіемъ: Литература. Здѣсь мы перечисляемъ только собранія сочиненій, заключающія меньшія разсужденія и изслѣдованія:

Яроховскій, Казиміръ: «Историческіе разсказы». («Opowiadania historyczne». Poznań. 1860; tom 2. 1863).

Его-же: «Разсказы и этюды». («Opowiadania i studia historyczne». Serya nowa. Poznań. 1884).

Его-же: «Изъ времяя саксонскихъ». («Z czasów saskich». Poznań. 1886).

Шуйскій, Іосифъ: «Историческіе разсказы и изслѣдованія». («Roztrząsania i opowiadania historyczne». tom I (писано 1866—1870). Kraków. 1876; tom II (писано 1875—80). Warszawa. 1882. То же въ изд. «Dzieła» — Serya II. «Opowiadania». Kraków. 1885—86, пока два тома).

Кубаля, Людвигъ: «Историческіе эскизы». («Szkice historyczne», Serya I, wyd 2-e. Lwów. 1881. Serya II. Lwów. 1881).

Смолька, Станиславъ: «Историческіе эскизы». («Szkice historyczne», tom 1. Warszawa. 1882; tom 2, Warszawa. 1883).

Кантецкій, Клементій: «Эскизы и рассказы». («Szkice i opowiadania». Poznań. 1883).

Прохаска, Анговій: «Историческіе эскизы изъ XV вѣка». («Szkice historyczne z XV wieku». Kraków i Warszawa. 1884).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

отъ X до половины XIII вѣка.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ПОЛЬША.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВАГО ПЕРІОДА.

Сравнительное изслѣдованіе славянскихъ древностей впервые начато поляками: Яномъ Потоцкимъ, Лаврентіемъ Суровецкимъ и Адамомъ Чарноцкимъ (Ходаковскимъ, см. Введеніе, II). Школа Лелевеля, вслѣдствіе отсутствія точной критики, не умѣла вести это дѣло дальше и именно въ этой области вдалась въ самыя странныя гипотезы. Только уже Шафарикъ въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Славянскія древности», отвергая мнѣніе, будто славяне прибыли въ Европу лишь въ V вѣкѣ послѣ Р. X. вмѣстѣ съ гуннами, доказалъ, что они были здѣсь гораздо раньше, подвергъ основательному разбору какъ источники, такъ и труды, касающіеся первоначальной исторіи славянскаго племени, и въ смѣлыхъ штрихахъ далъ общій контуръ ея.

На основаніи, положенномъ Шафарикомъ, опиралась позднѣйшая очень богатая литература славянскихъ древностей, состоящая изъ многочисленныхъ монографическихъ трудовъ. Чешскіе, польскіе, русскіе ученые: археологи, лингвисты, историки, юристы—проливаютъ свѣтъ на темную первобытную эпоху жизни славянскихъ народовъ и такимъ образомъ готовятъ будущему Шафарику матеріалъ для написанія общей картины славянскихъ древностей, широкой по размѣру, богатой содержаниемъ, объясняющей темные до сихъ поръ вопросы. Однако мы пока еще не можемъ изслѣдовать первоначальную исторію cadaго славянскаго народа по его собственнымъ источникамъ, поэтому рискованно переносить

неточныя свѣдѣнія объ одномъ народѣ на другіе, особенно въ виду того, что, не смотря на общую племенную основу развитія, между ними уже въ первыя времена образовались рѣзкія различія.

Преждевременное и легкомысленное примѣненіе аналогіи сдѣлалось причиной многихъ ошибокъ, которыя теперь приходится исправлять съ большимъ трудомъ. Такъ, напр., историки школы Лелевеля запутали первоначальную польскую исторію тѣмъ, что переносили въ нее чешскія отношенія, или вѣрнѣе гипотезы, которыя чехи создали о своей первоначальной исторіи на основаніи древнихъ пѣсенъ, подлинность которыхъ болѣе чѣмъ подозрительна.

Другой грѣхъ школы Лелевеля состоялъ въ томъ, что она руководилась фантазіей при объясненіи нашей первоначальной исторіи, причѣмъ недостаточное знакомство съ лингвистикой и исторіей права помогало строить неестественныя, обманчивыя гипотезы. Предполагая, что уже съ древнѣйшихъ временъ существовала рѣзкая грань между польскою шляхтою и народомъ, старались для шляхты, такъ-называемыхъ лехитовъ, выдумать особое происхожденіе. Нашествіе иноплеменныхъ лехитовъ будто бы сдѣлалось началомъ польскаго народа и государства. Откуда же однако взялись лехиты? Лелевель выводилъ ихъ отъ даколетовъ, Левестамъ отъ кельтовъ, Бѣлѣвскій отъ иллировъ, Мацѣвскій отъ саксонскихъ лассовъ («lazzi»), Шайноха, обновляя прежнюю теорію Чацкаго, отъ норманновъ. Всему этому прямо противорѣчитъ наша исторія, въ которой нѣтъ никакихъ слѣдовъ чужого, иноплеменнаго нашествія.

Нѣмецъ Ричардъ Репелль пришелъ къ гораздо болѣе важнымъ результатамъ именно потому, что онъ, не вдаваясь въ фантазіи, старался объяснить первоначальную исторію Польши простымъ и естественнымъ образомъ. Въ знаменитомъ въ свое время сочиненіи: «Исторія Польши» («Geschichte Polens». Gotha. 1840), онъ обработалъ исторію Польши до конца XIII вѣка. Сочиненіе это только въ послѣднее время дождалось нашего признанія и было переведено на польскій языкъ К. Пржиборовскимъ подъ заглавіемъ: «Исторія Польши до XIV столѣтія» («Dzieje Polski do XIV stulecia». Lwów. 1879) и именно тогда, когда оно, не смотря на свои достоинства, уже не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Множество недавно открытыхъ и изданныхъ, или заново обработанныхъ, источниковъ, позволяетъ намъ теперь дать изображеніе первоначальной нашей исторіи гораздо болѣе достовѣрное, новыя средства изслѣдованія позволяютъ проникнуть гораздо глубже въ сущность этой исторіи. Кромѣ того, появилось много разсужденій, исправляющихъ и дополняющихъ книгу Репелля. (Мы перечислимъ ихъ при отдѣльныхъ главахъ). Антоній Малецкій высказалъ широкій взглядъ на «Внутреннее устройство первоначальной Польши» («Wewnętrzny ustroj w pierwotnej

Polisce». «Przewodnik nankowy». Lwów. 1875. III). Граддеи Войцѣховскій указалъ на новый методъ изслѣдованія въ сочиненіи: «Хробація. Разборъ славянскихъ древностей». («Chrobacja». «Rozbiór starożytności Słowiańskich». Krakow. 1873). Наконецъ появилось сочиненіе Станислава Смольки: «Мѣшко Старый и его вѣкъ». («Mieszko Stary i jego wiek». Warszawa. 1881). Кромѣ историческихъ событій второй половины XII вѣка, оно даетъ кортину внутреннихъ отношеній первоначальной Польши до половины XVII вѣка; трудъ Смольки основанъ на самостоятельномъ изслѣдованіи всѣхъ нынѣ извѣстныхъ источниковъ и въ этой области совершенно вытѣснилъ и замѣнилъ трудъ Репелля.

Сочиненіе Смольки вызвало научную полемику по поводу вопроса, изъ какихъ слоевъ состояло первоначально польское общество и какимъ образомъ изъ этого общества образовалось польское государство. Poleмика эта, давшая непредвидѣнные результаты, велась въ слѣдующихъ разсужденіяхъ:

Михаила Бобржинскаго: «Генезисъ польскаго общества на основаніи хроники Галла и дипломатовъ XII вѣка». («Geneza społeczeństwa polskiego na podstawie chroniki Galla i dyplomatów XII wieku». Rozprawy wyd. hist. Akademii um., tom XIV. Kraków. 1881).

Франциска Пелосинскаго: «О возникновеніи польскаго общества въ среднихъ вѣкахъ и о первоначальномъ его развитіи». («O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i o jego pierwotnym rozwoju») (тамже).

Станислава Смольки: «Замѣчанія о первоначальномъ общественномъ строѣ первоначальной Польши». («Uwagi o pierwotnym ustroju społecznym Polski pierwotnej») (тамже).

Франциска Пелосинскаго: «Защита гипотезы нашествія, какъ основы общественнаго строя Польши въ средніе вѣка съ ссылками на отношенія славянъ поморскихъ и заодерскихъ». («Obrona hipotezy najazdu, jako podstawy ustroju społeczeństwa polskiego w wiekach średnich z uwzględnieniem stosunków Słowian pomorskich i zaodrzańskich». Rozprawy wyd. hist. Akademii, tom XIV. Kraków. 1882).

Войцѣха Кянтржинскаго: «О первоначальномъ общественномъ строѣ въ Польшѣ». («O pierwotnym ustroju społecznym w Polsce». Ateneum. 1881. t. II. Warszawa).

На торговыя отношенія проливаетъ свѣтъ разсужденіе Яна Садовскаго: «Греческіе и римскіе торговые пути черезъ бассейны Одера, Вислы, Днѣпра и Нѣмана» («Drogi handlowe greckie i rzymskie przez dorzecza Odry, Wisły, Dniepru i Niemna». Pamiętnik wyd. hist. Akademii. Kraków. 1876. tom III).

Первобытное искусство изслѣдуетъ Маріанъ Соголовскій въ разсужденіи: «Развалины на островѣ озера Ледница, этудь по архитектурѣ въ

Польшѣ въ до-христіанскіе и первые христіанскіе вѣка». («Ruiny na Ostrowie jeziora Lednicy, studjum nad budownictwem w przedchrześcijańskich i pierwszych chrześcijańskich wiekach w Polsce»).

Собрание свѣдѣній по исторіи литературы и церковнаго просвѣщенія мы находимъ въ сочиненіи Цейсберга: «Польское бытописаніе въ средніе вѣка». («Geschichtsschreibung Polens im Mittelalter». Leipzig. 1873), переведенномъ на польскій языкъ въ Варшавѣ 1876. Изъ цѣлаго ряда разсужденій о древнѣйшихъ польскихъ «рочникахъ» и хроникахъ выдвигается впередъ по значительности своихъ результатовъ разсужденіе Ѡаддея Войцѣховскаго: «О рочникахъ польскихъ X—XV вѣковъ». («O rocznikach polskich X—XV wieku». Pamiętnik wydz. hist. Akademii. Kraków. 1880. tom. IV).

Кромѣ этой литературы, обнимающей исторію Польши въ цѣломъ, существуютъ еще труды по исторіи отдѣльных «дѣльницъ» (земель-удѣловъ). Мы указываемъ важнѣйшіе:

ПОЛАБСКІЕ СЛАВЯНЕ.

Л. Гизебрехтъ: «Вендская исторія отъ 780 до 1182 г.». («Wendische Geschichte aus den Jahren 780—1182». Berlin. 1844. 3 тома).

Гакстгаузенъ: «О происхожденіи и основахъ общественнаго строя въ прежнихъ славянскихъ земляхъ Германіи». («Ueber den Ursprung und die Grundlagen der Verfassung in den ehemals slavischen Ländern Deutschlands». Berlin. 1862).

Богуславскій: «Очеркъ сербо-лужицкой исторіи». («Rys dziejów serbo-lużyckich». Petersburg. 1861).

А. Гильфердингъ: «Борьба Славянъ съ Нѣмцами на балтійскомъ По-морьѣ». Петербургъ. 1861.

Его же: «Исторія балтійскихъ Славянъ на южномъ берегу балтійскаго моря». Петербургъ. 1862.

А. Павинскій: «Полабскіе Славяне». Петербургъ. 1871.

А. Котляревскій: «Древности права балтійскихъ Славянъ». Прага. 1874.

Сѣвяевскій: «Взглядъ на исторію сѣверо-западныхъ Славянъ». («Pogląd na dzieje Słowian zachodnio-północnych». Gniezno. 1881).

Всѣ эти труды не удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ и ни по своему методу, ни по результатамъ изслѣдованія не соотвѣтствуютъ новѣйшимъ трудамъ надъ внутренними отношеніями польскаго государства. Оттого эти польскія племена, не смотря на то, что ихъ исторія составляетъ интегральную часть польской исторіи, остаются въ сторонѣ въ тѣхъ сочиненіяхъ по исторіи, которыя мы теперь пишемъ, и нигде не

умѣетъ включить ихъ въ общую исторію Польши. Это несомнѣнно наступитъ тогда, когда польскіе историки возьмутся за рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ пониманіе отношеній и судебъ полабскихъ племенъ. Изученіе это будетъ трудно вслѣдствіе большого недостатка источниковъ, но результаты его будутъ весьма значительны, такъ какъ въ этой области почти ничего еще не сдѣлано.

С и л е з і я.

Штельцель, Густавъ-Адольфъ: «Исторія Силезіи», («Geschichte Schlesiens». I Theil bis 1355. Breslau. 1853), первая обработка предмета по источникамъ; книга эта устарѣла.

Д-ръ Грюнгагенъ: «Исторія Силезіи». («Geschichte Schlesiens». I Band. Gotha. 1884, (доведена до 1526 г.). II Band. 1886). Ученый авторъ не оправдалъ надеждъ. Трудъ его не отличается ни историческимъ талантомъ, ни глубиной понятія.

Исторія пруссовъ.

Юганъ Фойхтъ: «Исторія Пруссіи», («Geschichte Preussens». Königsberg. 1827—1839; доведена до 1525 года, 9 томовъ), первая обработка предмета по источникамъ. Теперь однако трудъ этотъ устарѣлъ.

А. А. Эвальдъ: «Покореніе Пруссіи нѣмцами». («Die Eroberung Preussens durch die Deutschen». Halle I—IV. 1872—1886).

Карлъ Ломейеръ: «Исторія восточной и западной Пруссіи». («Geschichte von Ost- und West-Preussens». Gotha. I. 1880).

Труды эти отличаются удивительной односторонностью, а послѣдній вполне несостоятельный.

Основу для болѣе глубокаго трактованія исторіи пруссовъ полагаетъ своими трудами:

Войцѣхъ Кэнтрежинскій: «О польской народности въ западной Пруссіи со временъ крестоносцевъ». («O narodowości polskiej w Prusiech zachodnich od czasów krzyżackich». Odbitka z Pamiętnika wyd. hist. Akad. Kraków. 1874.

Его же: «О польскомъ населеніи въ Пруссіи, нѣкогда орденской». («O ludności polskiej w Prusiech niegdyś krzyżackich». Lwów, 1882).

Галицкая Русь.

Діонисій Зубрицькій: «Исторія древняго галицко-русскаго княжества». Львовъ. 1852—1855.

Исидоръ Шараневичъ: «Исторія галицко-володимірской Руси». Львовъ. 1863.

Иванъ Линниченко: «Взаимныя отношенія Руси и Польши». Часть I, до конца XII вѣка. Кіевъ. 1884.

(См. для остального литературы второго періода).

I.

Славянскіе народы и племена.

§ 1. *Индо-европейскія племена.*

Колыбелью европейскаго населенія была Азія. Тамъ, на западномъ предгорьѣ высокихъ Гималаевъ, поселились аріи—племя, отличающееся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и бодростью духа. Аріи занимались главнымъ образомъ скотоводствомъ, знали уже и хлѣбопашество, но вели его, какъ кочевники: переселяясь съ одного мѣста на другое, они всякій разъ обрабатывали новыя земли. Питались они мясомъ и молокомъ домашнихъ животныхъ, а также отчасти и хлѣбомъ, изъ растений приготавливали себѣ какой-то опьяняющій напитокъ. Они умѣли ткать, плести и шить, а поэтому кромѣ звѣриныхъ шкуръ носили также и шерстяную одежду. Семья, крѣпко сѣорганизованная на началѣ моногаміи, составляла основу всѣхъ отношеній; во всемъ племени не существовало другой власти, кромѣ патріархальной власти отца. Религія была культомъ природы, боготворили главнымъ образомъ ясное, свѣтящее небо.

Нашедши благоприятныя условія развитія, племя аріевъ начало такъ сильно разрастаться, что наконецъ уже не могло найти пропитанія и помѣщаться въ своей первобытной родинѣ. Вслѣдствіе этого отъ главнаго ствола стали отпадать отдѣльныя вѣтви; покинувъ извѣчную свою колыбель, они занимали новыя, иногда очень отдаленныя мѣста и давали начало новымъ племенамъ. Эти первыя переселенія, произошедшія въ незапамятныя времена, больше, чѣмъ за десять вѣковъ до Рождества Христова, совершались по двумъ большимъ трактамъ, изъ которыхъ одинъ велъ

на югъ въ Индію, а другой—на западъ въ Европу ¹⁾). Память объ этомъ великомъ движеніи изгладилась, порвались всё узы, соединившія нѣкогда эти родственныя племена; но въ языкѣ ихъ потомковъ, населяющихъ Индію и Европу, сохранилось столь большое, неизгладимое сходство и родство, что оно намъ позволяетъ еще и теперь отличать ихъ отъ племенъ другого происхожденія и причислять къ одной арійской или индо-европейской группѣ.

Шесть такихъ великихъ племенъ заняло Европу. Трако-греки и латины заняли два прекраснѣйшіе южные полуострова, кельты поселились въ западной части, на берегахъ Атлантическаго океана, германцы, раздѣлившіеся на нѣмцевъ и скандинавовъ—въ самой серединѣ, славянамъ и литовцамъ осталась восточная равнина между Карпатами и берегами Балтійскаго моря.

Не сразу и не одновременно выступили арійскія племена въ Европѣ на арену исторической жизни. Первые пробудились греки, путемъ долгаго самостоятельнаго развитія достигли до вершинъ цивилизаціи, занесли ее подъ предводительствомъ македонскихъ царей на дальній востокъ, а распространеніе ея на западѣ завѣщали своимъ ученикамъ и наслѣдникамъ—римлянамъ. Этой античной цивилизаціи, которой желѣзный, юридическій умъ римлянъ пользовался, какъ средствомъ подчиненія всего міра, вполне поддались и кельты.

Только германское племя положило непреодолимую преграду дальнѣйшему наступательному движенію римлянъ. Германцы пережили самыя тяжелыя для нихъ времена римской имперіи, организуясь среди кровопролитной борьбы подъ военнымъ управленіемъ королей—воеводъ, вырабатывая въ себѣ способность къ полному повиновенію власти, необыкновенную энергію и предприимчивость. Когда въ V вѣкѣ послѣ Р. Х. римская имперія, вслѣдствіе внутренняго разложенія, стала быстро клониться къ упадку, германскія племена разрушили ея границы и на развалинахъ ея основали собственныя государства.

Вмѣстѣ съ церковной организаціей досталась имъ въ наслѣдство отъ римлянъ христіанская древняя цивилизація, но германскія племена взяли изъ нея только обломки, вдохнули въ нихъ свой народный гений и построили изъ нихъ новую форму общества и государства, въ которомъ всякая власть дѣйствуетъ

¹⁾ Появилась однако въ послѣднее время научная гипотеза, предполагающая, что первобытнымъ мѣстожителемъ арійскаго племени была Европа.

для блага личности, и человекъ пересталъ быть орудіемъ государства, какъ это было въ Греціи и Римѣ.

§ 2. Славяне.

Въ худшихъ условіяхъ, вдали отъ древней цивилизаціи, находились славяне, называвшіе сами себя сербами. Первоначально они заняли, не позже V вѣка до Р. Х., равнину между Вислой, Дономъ и Днѣпромъ. На западъ они соприкасались съ германцами, берега Балтійскаго моря уступили своимъ ближайшимъ родичамъ—литовцамъ (раздѣляющимся на собственно-литовцевъ латышей и пруссовъ), съ сѣвера сосѣдями ихъ были финскія племена, принадлежащія къ другой, монгольской расѣ, съ юга и востока граничили со скиѣми и сарматами, которыхъ новѣйшая наука причисляетъ тоже къ арійской расѣ, но къ азіатской ея вѣтви. При посредничествѣ скиѣовъ, которые сталкивались съ греческими колоніями на берегу Чернаго моря, а также и прямо изъ римскихъ колоній на Дунаѣ, славяне получали путемъ мѣновой торговли много произведеній промышленности и искусства; это возвышало уровень ихъ цивилизаціи, но не могло оказать значительнаго вліянія на ихъ развитіе. За то, по мѣрѣ своего распространенія, славяне не мало терпѣли не только отъ болѣе сильныхъ варварскихъ германскихъ племенъ, которыя время отъ времени покоряли ихъ, но также и отъ нашествій восточныхъ варваровъ—монголовъ. Славяне перенесли однако всѣ бѣдствія нашествій и дожили до болѣе счастливаго момента, выпавшаго на ихъ долю въ V вѣкѣ по Р. Х., во время переселеній германскихъ народовъ. Тогда именно выступаетъ на историческую сцену племя, прежде называвшееся общимъ именемъ венетовъ, теперь раздѣленное на славянъ и антовъ; оно занимаетъ покинутыя германцами земли, вытѣсняетъ остатки ихъ и расселяется по всему пространству отъ истоковъ Волги и Днѣпра до Эльбы, Адриатическаго, Средиземнаго и Чернаго морей. Незначительныя различія въ языкѣ составляютъ почти единственную разницу между вѣтвями этого племени. Западные славяне отличаются отъ восточныхъ, а послѣдніе, послѣ занятія Фракійскаго полуострова, раздѣляются на восточныхъ и южныхъ. Въ западной группѣ различаются по нарѣчіямъ вѣтви чешскія и польскія; въ южной группѣ (словенской)—вѣтви сербскія, хорватскія, словенскія, бол-

гарскія; восточная группа (русская) составляетъ наиболѣе однородное цѣлое.

Итакъ, славяне только въ V вѣкѣ непосредственно столкнулись съ цивилизаціей и очутились въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ германское племя находилось съ незапамятныхъ временъ и развивалось въ сосѣдствѣ съ римлянами. Поэтому славяне не могли и мечтать о томъ, чтобы сравниться съ германцами и вступить въ борьбу съ ними изъ-за той роли, которую послѣдніе начали играть на исторической сценѣ. И германцы были еще варварами, но у нихъ была крѣпкая организація; славянамъ же недоставало объединяющей организаціи. Дѣлясь на безчисленное количество народцевъ (ludów) и племенъ, между которыми не было прочнаго соединенія, разсѣянные по огромному пространству, занятому ими, славяне занимались охотой, пчеловодствомъ, скотоводствомъ, а главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, къ которому сама природа занятой ими страны привела ихъ раньше, чѣмъ западныхъ германцевъ. Скоро однако оставивъ военно-кочевой образъ жизни, славяне не выработали въ себѣ уваженія къ закону и деспотической власти, они не понимали значенія той силы, какую даютъ внутренняя дисциплина и солидарность. Задача ихъ свелась къ тому, чтобы, пользуясь благопріятными условіями, прочно укрѣпиться въ занятой странѣ, опредѣлить границы своихъ территорій, отражать нападенія и постепенно усвоивая плоды старшей цивилизаціи, собираться и объединяться въ видѣ правильно развивающихся, хорошо организованныхъ народовъ и государствъ. Задачу эту славяне исполняютъ въ продолженіе пяти вѣковъ послѣ того, какъ они окончательно осѣли, т. е. между шестымъ и десятымъ столѣтіями по Р. Х.

§ 3. Русь и болгары.

Легче всего организовались сильный народъ и государство изъ тѣхъ группъ разрозненныхъ мелкихъ славянскихъ племенъ, въ которыхъ вслѣдствіе завоеванія была примѣсь какого-нибудь другого элемента, болѣе склоннаго къ политической жизни. Славяне, благодаря своей традиціонной розни и чрезмѣрному свободолюбію, не созрѣли еще для такой жизни. Чуждое племя завоевывало нѣсколько мелкихъ славянскихъ племенъ, уничтожало ихъ обособленность, навязывало имъ свое однородное государственное

устройство, свою династію и свое имя; но за то, въ свою очередь, смѣшавшись съ славянскимъ населеніемъ, ассимилировалось съ нимъ, принимало его обычаи и языкъ. Такому историческому факту обязаны своимъ возникновеніемъ народы и государства болгарь и Руси.

Болгары, вѣтвь монгольской расы, во второй половинѣ VII столѣтія (678) вторглись въ страну, расположенную по нижнему теченію Дуная, покорили жившія тамъ славянскія племена и основали грозное для всѣхъ сосѣдей государство. Но, расселившись среди болѣе многочисленнаго славянскаго населенія, они смѣшались съ нимъ очень скоро, образовавъ болгарскій народъ, въ которомъ славянскій элементъ въ языкѣ и обычаяхъ получилъ рѣшительный перевѣсъ.

Ту же роль, два столѣтія спустя, исполнили варяги, иначе называемые руссами, по отношенію къ сѣвернымъ славянскимъ племенамъ, поселившимся по Днѣпру и Двинѣ. Это—скандинавское племя, или вѣрнѣе одна изъ многочисленныхъ военныхъ дружинъ, которыя выходили въ то время изъ Скандинавіи ради грабежа и завоеваній и сдѣлались предметомъ ужаса для всей западной Европы подъ именемъ норманновъ. Одна изъ такихъ норманнскихъ дружинъ подъ предводительствомъ Рюрика овладѣла Новгородомъ и Кіевомъ (въ 862 г.), и основала здѣсь въ половинѣ девятаго вѣка огромное государство Руси, основанное на военныхъ скандинавскихъ учрежденіяхъ. Но и здѣсь завоеватели были слишкомъ малочисленны въ сравненіи съ подчиненными племенами; имъ удалось постепенно покорить страну только потому, что они принимали въ свои ряды славянъ, а это способствовало ослабленію и скорей утратѣ ихъ національной особенности. Принимая славянскій языкъ, они исчезли въ славянскомъ обществѣ безслѣдно, оставивъ ему только свое имя, династію Рюриковичей и устройство созданнаго ими государства.

Усиленію и дальнѣйшему развитію обоихъ, такимъ образомъ возникшихъ, государствъ очень много способствовало то обстоятельство, что они подверглись вліянію византійской церкви и имперіи. Имперія эта уже совершенно къ тому времени ослабѣла и поэтому именно не могла думать о покореніи славянскихъ земель и объ уничтоженіи ихъ самостоятельности. Она заботилась только о собственной защитѣ, такъ какъ вооруженныя рати болгарь и руссовъ неразъ являлись подъ стѣнами Царьграда, наприм. въ 813 году—болгарскаго царя Крума, въ 907—русскаго князя Олега. Для того, чтобы оградить себя отъ такихъ нападений, у

восточныхъ императоровъ было только одно дѣйствительное средство—распространеніе византійской цивилизаціи среди воинственныхъ варваровъ, подчиненіе ихъ нравственному вліянію и авторитету Константинополя. Это имъ удалось вполне. Въ 864 году болгарскій царь Богорисъ Михаилъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ принимаетъ крещеніе изъ рукъ греческихъ епископовъ и, хотя временно и устраняетъ ихъ вліяніе, обращается къ папѣ Николаю I, однако уже въ 870 году признаетъ главенство византійскаго патріарха надъ своей церковью. Въ 988 году также съ помощью греческихъ священниковъ Владиміръ Великій вводитъ христіанство и восточную церковь въ огромномъ русскомъ государствѣ и, женившись на греческой царевнѣ Аннѣ, открываетъ широкій путь византійскому вліянію на свой дворъ и государство. Вліяніе это простиралось чрезвычайно далеко, такъ какъ абсолютизмъ восточныхъ императоровъ вполне соответствовалъ стремленіямъ болгарскихъ и русскихъ государей и представлялъ имъ готовыя формы для подражанія. Восточная церковь уже давно утратила прежнее значеніе, такъ что не могла идти въ сравненіи съ свободно развивавшейся западною церковью. Служа во всемъ государству, будучи политическимъ учрежденіемъ, она не представляла идеи свободы, какъ на Западѣ, не поддерживала въ обществѣ самостоятельности и вмѣсто того, чтобы бороться съ абсолютизмомъ государей, служила для него самой сильной опорой. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что византійская имперія, ея церковь и право дѣйствовали согласно по отношенію къ болгарамъ и къ Руси и что въ ихъ общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ виденъ перевѣсъ византійскаго вліянія, какъ фактора, не только надъ другими, славянскими, но даже и надъ скандинавскими. Подъ тѣмъ же вліяніемъ, но безъ примѣси чуждаго племени, сталъ наконецъ равиваться и пробуждаться для самостоятельной жизни сербскій народъ. Сербы жили въ сосѣдствѣ болгаръ, на западъ отъ нихъ, на берегахъ Дуная. Въ XIII вѣкѣ они организовались въ видѣ могущественнаго государства, опиравагося на византійскія учрежденія, какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи.

§ 4. Чехи.

Уже въ предѣлахъ сербскаго государства византійская цивилизація Востока встрѣчалась съ своей грозной соперницей—западною цивилизаціей, римской. Но настоящей ареной борьбы и

соперничества сдѣлалась территорія нынѣшней Австріи, которую населяли тогда мелкія славянскія племена, не соединенныя между собой никакими прочными узами. Исходъ борьбы долго былъ сомнителенъ.

Съ какой же точки зрѣнія оцѣнивать и сравнивать силы противниковъ? Во всякомъ случаѣ не съ теоретической точки зрѣнія, такъ какъ не та сторона должна была побѣдить, принципы которой были лучше, которая, говоря безотносительно, обладала большей жизненной силой. Славянскія племена не умѣли этого оцѣнить и съ этой точки зрѣнія не могли сдѣлать никакого выбора между соперниками. Они примыкали къ той сторонѣ, которая представляла въ настоящемъ для нихъ больше выгодъ не только въ культурномъ, но и въ политическомъ отношеніи. На окончательный же исходъ борьбы повліяли, какъ увидимъ, чисто внѣшнія, случайныя обстоятельства.

Разсматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, мы легко поймемъ, почему сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ восточной церкви и цивилизаціи. Восточная церковь въ своей апостольской дѣятельности не только не встрѣчала никакого препятствія со стороны слабой византійской имперіи, но даже дѣятельную поддержку и, обращая въ христіанство славянскія племена, она вызывала ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ самостоятельной политической жизни. Совсѣмъ другое было положеніе римской церкви, которая вопреки собственной задачѣ, а можетъ быть, и противъ воли являлась вполнѣ солидарной съ пагубной политической системой, которую ей навязала германская имперія. Въ концѣ VIII вѣка на Западѣ развилась теорія, гласившая, что верховная власть надъ цѣлымъ міромъ должна принадлежать императору и папѣ. Императоръ долженъ быть главой свѣтской власти, папа—духовной, оба должны взаимно поддерживать другъ друга. Правда, теорія эта помогала нѣкоторое время папамъ расширять предѣлы ихъ вліянія и одержать рѣшительный перевѣсъ надъ константинопольскимъ патріархомъ, но за то предоставляла германскому народу и императору миссію распространенія христіанства среди языческихъ племенъ; миссіей этой германцы пользовались, какъ средствомъ для покоренія и уничтоженія славянскихъ племенъ, погруженныхъ въ язычество. Вмѣсто апостоловъ, которые приходили бы къ язычникамъ со словомъ любви и проповѣдывали бы ученіе Христа, славянскія племена видѣли ежегодно въ своихъ земляхъ вооруженныя дружины нѣмецкихъ рыцарей, которые подъ предлогомъ войны съ невѣрными опустошали ихъ земли огнемъ и мечемъ, а

населеніе избивали или забирали въ неволю. Императоръ присоединялъ къ своимъ владѣніямъ земли, такимъ образомъ завоеванныя, уже предварительно отданныя ему папами; строилъ въ въ нихъ укрѣпленные замки и оставлялъ сильные гарнизоны. Только тогда уже, среди дымящихся развалинъ славянскихъ храмовъ и селеній, воздвигало нѣмецкое духовенство кресты и церкви, въ которыхъ должны были молиться остатки славянскихъ рабовъ и нѣмецкіе колонисты. Папы нерѣдко смотрѣли съ ужасомъ на такое апостолство, они готовы были поддержать всякое добровольное стремленіе славянъ къ принятію христіанства, даже сочувствовали возникновенію новыхъ христіанскихъ государствъ, которыя освободили бы римскую курію отъ давленія имперіи, но у нихъ въ продолженіе долгаго времени не хватало силъ для исполненія такой задачи, притомъ, не имѣя непосредственныхъ сношеній съ славянскими народами, папы были лишены и вліянія на нихъ.

Слѣдовательно, положеніе славянскихъ племенъ, граничившихъ на западѣ съ нѣмцами, было отчаянное. Имъ не оставалось ничего другого, какъ въ виду общей опасности соединиться для общей защиты и въ кровопролитной борьбѣ учиться у врага, какъ нужно организоваться, какъ бороться его собственнымъ оружіемъ. Такимъ путемъ началось воздѣйствіе западной цивилизаціи на славянъ.

Западные славянскія племена соединились въ большой военный союзъ подъ предводительствомъ Само въ первый разъ въ VII вѣкѣ для защиты отъ нѣмцевъ, а также отъ аваровъ—монгольскаго племени, вторгшагося въ древнюю Паннонію. Само (633—662) отразилъ аваровъ и нанесъ рѣшительное пораженіе франкскому королю Дагоберту при Вогастибургѣ въ 630 г. Однако этотъ первый опытъ объединенія не былъ проченъ. Союзъ послѣ смерти Само распадается, нѣмцы начинаютъ получать перевѣсъ надъ славянскими племенами, дѣйствовавшими разрозненно. Словенцы (хорутане) первые подчиняются оружію герцоговъ баварскихъ, которые, присоединивъ ихъ къ своему государству, германизируютъ ихъ посредствомъ нѣмецкой колонизаціи и, уничтожая всякіе признаки ихъ политической и общественной самостоятельности, пользуются ими для наступательныхъ дѣйствій противъ хорватовъ. Карлъ Великій, будто-бы заступаясь за славянъ, поражаетъ и разсѣиваетъ аваровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ 789 г. переходитъ съ войскомъ Эльбу, побѣждаетъ борящіяся между собой полабскія племена, нѣсколько позже покоряетъ че-

ховъ, смиряеть даже хорватовъ и вездѣ. начинаетъ дѣло навязыванія христіанства и германизаци.

Только лишь въ лицѣ князя моравовъ Моймира является новый спаситель, который не только соединяеть сосѣднихъ славянъ въ большой военный союзъ, но также ищетъ болѣе дѣйствительнаго средства противъ нѣмцевъ, чѣмъ оружіе. Побѣдивъ свое отвращеніе къ христіанству, Моймиръ принимаетъ отъ рукъ зальцбургскаго епископа крещеніе и основываетъ церкви, полагая, что такимъ путемъ онъ лишитъ нѣмцевъ предлога къ борьбѣ съ славянами, какъ язычниками, и пріобрѣтетъ для своего народа право самостоятельнаго существованія. Вскорѣ однако моравы убѣдились, что подчиненіе вліянію нѣмецкой церкви приведетъ ихъ къ политической зависимости отъ нѣмцевъ, что зальцбургскіе епископы не столько заботятся объ ихъ обращеніи, сколько подъ предлогомъ апостольства дѣятельно стремятся поработить ихъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что моравы стали въ скоромъ времени искать цивилизаци, менѣе для себя опасной. Наслѣдникъ Моймира Ростиславъ прекратилъ сношенія съ нѣмецкой духовной іерархіей, пригласилъ новыхъ апостоловъ изъ Константинополя, Кирилла и Меѳодія и въ 863 (86) ввелъ при помощи ихъ славянское богослуженіе. Казалось, Царьградъ одержалъ полную побѣду надъ Римомъ. Однако, политическія соображенія заставили славянскія племена обратиться къ Риму и для защиты отъ нѣмцевъ добиваться уніи и торжественной санкціи своего христіанства. Римская курія встрѣтила съ большой радостью это требованіе, такъ какъ оно представляло ей всегда желанный случай къ освобожденію отъ вліянія Германіи. Вопреки желанію нѣмецкой духовной іерархіи папа Адрианъ призналъ славянское богослуженіе и назначилъ Меѳодія епископомъ Моравіи и Панноніи. Такимъ оригинальнымъ образомъ—подъ санкціей Рима—начала распространяться восточная цивилизаци среди западныхъ славянскихъ племенъ, перешла даже за Карпаты и, пустивъ глубокіе корни, существованіе которыхъ замѣтно еще спустя нѣсколько вѣковъ, принесла спасительные плоды.

Велико-моравскій союзъ, еще болѣе укрѣпившись благодаря этому и получивши, кромѣ того, великаго вождя въ лицѣ Святополка (870—894), побѣдоносно отразилъ нападенія нѣмцевъ, принялъ въ свой составъ чеховъ и полабскихъ сербовъ, а также, вѣроятно, силезцевъ и хробатовъ; все, казалось, предсказывало ему самую блестящую будущность, какъ вдругъ въ концѣ IX вѣка обрушилось на него непредвидѣнное бѣдствіе, совершенно измѣ-

нившее исторію западнаго славянства. Дикія орды венгровъ напали на славянъ; уничтожили при содѣйствіи нѣмцевъ, всегда готовыхъ на такое дѣло, государство велико-моравское, искоренили только что привитое христіанство и цивилизацію и, поселившись по среднему теченію Дуная, раздѣлили славянство на двѣ части: западную и южную; спасительная связь чешскихъ и моравскихъ славянъ съ Цареградомъ прекратилась, и эти племена подверглись исключительному вліянію Германіи.

Чешскія племена, которыя уже начали объединяться подъ охраной моравскаго союза и организоваться подъ управленіемъ могущественной династіи Пржемысловичей, изъ страха передъ венграми принуждены были теперь прибѣгнуть къ покровительству Германіи, (Борживой 871 г.) принять богослуженіе по латинскому обряду и политическія учрежденія Запада. Нѣмцы, временно оставивъ политику уничтоженія, согласились на эти условія: венгры были опасны и для нихъ, и они хотѣли оградиться отъ нихъ вассальнымъ славянскимъ государствомъ. Такимъ образомъ, возникшее чешское государство приобрѣло, правда, возможность внутренне развиваться и этимъ оберегало славянскій элементъ отъ германизации, но, признавши главенство германскихъ императоровъ, вошедши въ составъ германской имперіи, оно уже не могло стать во главѣ всего западнаго славянства, организовать его въ одно государство и вести на борьбу съ нѣмцами; оно не могло исполнить ту великую миссію, которая досталась въ удѣлъ болѣе счастливой Польшѣ.

II.

Начало Польши.

§ 5. Страна.

Въ условіяхъ, похожихъ на тѣ, въ какихъ жили чешско-моравскія племена, находились и очень близкія другъ къ другу по происхожденію, обычаямъ и нарѣчіямъ славянскія племена, изъ которыхъ позднѣе образовался польскій народъ и государство и которые поэтому мы называемъ общимъ именемъ славянства лехитскаго, или польскаго.

Оно занимало великую низменность къ сѣверу отъ Чехіи вплоть до береговъ Балтійскаго моря, по обоимъ берегамъ Одера, до Эльбы и Вислы.

Все это низменное пространство въ то время было покрыто необозримыми, дѣвственными лѣсами. На болѣе плодородныхъ низинахъ преобладали исполинскіе, вѣковые дубы, грабы и буки, березы и липы, на холмахъ лиственницы, пихты, ели и сосны. Лѣсъ такого рода создавалъ особенныя климатическія условія, представлялъ естественное хранилище влаги. Поддерживая болѣе низкую температуру, лѣсъ превращалъ водяные пары, приносимые западными вѣтрами, въ дождь, шедшій почти непрестанно, и сберегалъ влагу въ густой тѣни. Солнечнымъ лучамъ трудно было извлекать ее оттуда; вѣтры, шумѣвшіе по вершинамъ деревьевъ, не могли уносить ее на далекія степи востока. Вслѣдствіе этого, край нашъ содержалъ въ себѣ огромный, постоянно возрастающій запасъ воды, только незначительная часть которой могла впитываться землей, уже пресыщенной влагой, незначительная часть могла удержаться въ видѣ массы озеръ и болотъ

большая же часть должна была проложить себѣ естественный путь къ ближайшему Балтійскому морю.

Эмба (Лаба), Одеръ (Одра) и Висла представляли такіе пути, но ни одна изъ этихъ рѣкъ не имѣла постояннаго русла. Онѣ, разливаясь на нѣсколько верстъ въ ширину, затопляли сосѣдніе лѣса и образовали обширныя трясины, дѣлавшія самое русло недоступнымъ. Рѣка послѣ каждаго наводненія мѣняла свое русло, бросалась съ неудержимой яростью на сосѣдніе лѣса, опрокидывала ихъ и пробивала себѣ новый путь среди торчащихъ пней и корней старыхъ дубовъ и буковъ. Часто она совсѣмъ исчезала, распадаясь на массу рукавовъ, образуя множество большихъ и малыхъ островковъ, и только уже гораздо ниже опять появлялась изъ болотныхъ озеръ, поросшихъ кустарникомъ и тростникомъ.

Въ тѣ древнія времена наши рѣки были скорѣе величественной стихіей разрушенія, нежели орудіемъ труда и прогресса. Не было возможности добраться до береговъ этихъ рѣкъ черезъ трясины, тянувшіяся иногда цѣлую милю; бурное теченіе, постоянно мѣняющее русло, среди торчащихъ пней и песчаныхъ наносовъ, дѣлало плаваніе по этимъ рѣкамъ невысказаннымъ для всякаго, кто не хотѣлъ подвергать риску свою жизнь и имущество.

§ 6. Жители.

Жителей среди этихъ водъ и дремучихъ лѣсовъ было немного. Они селились на болѣе сухихъ мѣстахъ, расположенныхъ среди рѣкъ, болотъ и озеръ. Для того, чтобы защитить себя отъ дикихъ звѣрей и еще болѣе дикихъ враговъ, они строили свои жилища на многочисленныхъ озерныхъ островахъ, или на самыхъ озерахъ, вбивая цѣлыя лѣса свай, отъ которыхъ сохранилось много слѣдовъ еще и теперь. Такія жилища соединялись съ ближайшимъ берегомъ длинными мостами, которые могли подниматься въ минуту опасности.

Населеніе жило охотой, рыбной ловлей, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ; послѣднее, впрочемъ, имѣло только второстепенное значеніе, такъ какъ необозримые лѣса доставляли массу дичи, широко разлившіяся воды изобиловали рыбой, а обширныя луга и дубравы позволяли содержать лошадей, крупный и мелкій скотъ безъ всякаго труда. Поэтому не существовало никакихъ общинныхъ союзовъ для взаимной помощи;

не было общинной обработки земли и вообще общиннаго хозяйства. Каждый основывалъ отдѣльную усадьбу, вырубалъ по близости лѣсъ и обрабатывалъ кусокъ добытаго такимъ образомъ поля при помощи семьи, жившей съ нимъ вмѣстѣ, и челяди—невольниковъ, купленныхъ или взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ.

Власть отца стояла очень высоко; семейныя связи пользовались очень большимъ уваженіемъ, особенно благодаря тому, что масса народа жила въ одноженствѣ, а только болѣе знатные и князья обыкновенно имѣли по нѣскольку женъ. Положеніе женщины у славянъ было гораздо выше, чѣмъ у сосѣднихъ германцевъ. Изъ древнѣйшихъ чешскихъ преданій слѣдуетъ, что въ случаяхъ, когда не было сыновей, нерѣдко княжеское достоинство переходило къ дочерямъ. Старшій сынъ наследовалъ власть отъ отца; младшіе чаще всего оставались жить съ нимъ, иногда же основывали новыя усадьбы. Если они поселялись въ ближайшемъ сосѣдствѣ, то изъ одного хутора возникало со временемъ селеніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ дворовъ.

Этотъ способъ поселенія отразился въ мѣстныхъ названіяхъ. Они—притяжательныя прилагательныя, образованныя отъ имени перваго поселенца, напр., если его имя было Болахъ, то мѣстность называлась или «Болаховъ» (дворъ), или «Болахова» (усадьба), или «Болахово» (поле). Если же потомки Болеха (Болаховичи = Boleschowice) образовали въ этой мѣстности цѣлое селеніе, то оно получало патронимическое названіе «Болаховице». Если первый поселенецъ—основатель назывался Чарнота, то усадьба въ первомъ случаѣ называлась «Чарноцинъ», во второмъ: «Чарноцице»¹⁾.

Каждое хозяйство само обрабатывало сырыя произведенія и такимъ образомъ удовлетворяло свои необходимыя потребности; предметами торговли могли быть только воскъ лѣсныхъ пчелъ, цѣнные мѣха и на Поморьѣ янтарь. Продавали также и рабовъ; въ роли торговцевъ являются очень рано евреи, которые вывозили купленный товаръ на востокъ и въ Испанію. О вывозѣ, а тѣмъ самымъ и о болѣе широкой продукціи хлѣба и скота никто не могъ еще и думать, хотя бы по тому, что этого не позволяли тогдашніе пути сообщенія.

¹⁾ Войцѣховскій и Пекосинскій объясняютъ разницу между притяжательными и патронимическими названіями мѣстностей тѣмъ, что первыя обозначали болѣе крупныя владѣнія высшаго общественнаго класса—«влодыковъ», вторыя же—селенія крестьянъ (хлоповъ). По моему мнѣнію, объясненіе это не имѣетъ никакого основанія.

Они были двоякаго рода. Гдѣ было возможно, пользовались спокойными водами и доступными берегами озеръ, соединявшихся естественными каналами. Рѣки только мѣстами облегчали сообщеніе, но роли великихъ водныхъ путей играть не могли вслѣдствіе измѣнчивости русла.

Главными торговыми путями были дороги сухопутныя. Проглаживаемыя по мѣстамъ, гдѣ почва была суше, онѣ извивались среди топей и болотъ, по которымъ приходилось нерѣдко настилать длинныя, тянувшіяся по нѣскольку верстъ гати,—и направлялись обыкновенно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ рѣки, стѣсненныя высокими берегами, были болѣе удобны для переправы.

Торговля, преимущественно мѣновая, вводила въ страну плоды болѣе высокой цивилизаціи, которые теперь при раскопкахъ мы находимъ въ большомъ количествѣ. Съ древнѣйшихъ временъ существовало два торговые пути, ведшіе къ берегамъ Балтійскаго моря, гдѣ находился дорого цѣнившійся въ античномъ мірѣ янтарь. Одинъ шелъ съ юга, изъ Италіи, другой съ юго-востока, изъ греческихъ колоній, расположенныхъ по берегамъ Чернаго моря. Такимъ образомъ въ нашей странѣ встрѣчались двѣ цивилизаціи; характеръ и значеніе вліянія каждой изъ нихъ измѣнились въ теченіе вѣковъ, особенно послѣ переселенія народовъ. Черезъ франкское государство и Чехію приближалась къ намъ цивилизація Запада, черезъ Русь съ трудомъ проникала цивилизація Востока.

Въ болѣе позднее время берега Балтійскаго моря сдѣлались ареной самостоятельной торговли, а вмѣстѣ съ нею и распространенія цивилизаціи среди ближайшихъ племенъ, а потомъ при ихъ посредствѣ и среди болѣе отдаленныхъ въ глубь страны.

Насколько однако слабы были эти культурныя вліянія, лучше всего видно изъ того, что, за исключеніемъ, пожалуй, одного Поморья, населеніе, разбросанное по отдѣльнымъ хуторамъ, нигдѣ не сосредоточилось въ одномъ мѣстѣ и не знало ни экономическихъ союзовъ, ни сельской общины, ни тѣмъ болѣе городской.

§ 7. Политическіе союзы. «Люды».

Существовавшіе союзы имѣли вполне политической характеръ, таковымъ является прежде всего союзъ родовой—«людь». Нѣсколько десятковъ, самое большое, нѣсколько сотъ семействъ, находившихся въ родствѣ и поселившихся близко другъ отъ друга,

составляли «людь» (lud). Каждый такой «людь», состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, чуждался другихъ и имѣлъ свое особое управленіе. Верховная власть принадлежала вѣчу (wies), т. е. собранію всего «люда», на которомъ предводительствовали старѣйшины. Вѣче рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, разбирало судебныя тяжбы и вѣдало вообще все важнѣйшія дѣла. Старѣйшины и главнымъ образомъ князья, существовавшіе, впрочемъ, не у всѣхъ «людовъ», приводили въ исполненіе рѣшенія вѣча. У всѣхъ, составлявшихъ одинъ «людь», сохранялось столь живое сознаніе кровнаго родства, что они смотрѣли на вѣче, какъ на собраніе рода, а на князя, какъ на его главу.

На этомъ чувствѣ основывалось уваженіе къ вѣчевымъ постановленіямъ и княжескимъ приказамъ и повиновеніе имъ. Невоздѣланной земли было такъ много, что старыя поля часто бросались, а владѣльцы ихъ переносили свои жилища на новыя мѣста, и это не встрѣчало ни съ чьей стороны протеста. Никто не дорожилъ правомъ владѣнія на извѣстный кусокъ земли, никто не назывался его собственникомъ, никто не отграничивался отъ другихъ. Но за то каждый «людь» очень стойко защищалъ занятую имъ часть страны отъ другихъ «людовъ» и считалъ себя единственнымъ ея владѣльцемъ и собственникомъ. Земля, слѣдовательно, принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, не общинамъ, но всему родовому союзу—«люду»¹⁾.

Центромъ политической и экономической жизни каждаго «люда» былъ «городъ», или «городзиско» (ср. градъ, городище). Это было мѣсто, укрѣпленное самой природой, т. е. находившееся или на возвышенности, или среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ и, кромѣ того, окруженное рвомъ, валомъ и засѣками. Здѣсь «людь» собирался на вѣче, поклонялся богамъ, обмѣнивался плодами своего земледѣльческаго и промышленнаго труда, строилъ магазины на случай нужды, сюда, наконецъ, сносилъ онъ свои пожитки въ случаѣ опасности и защищалъ ихъ всеми силами. Въ мирное время въ «городѣ» находилась постоянно мѣняющаяся стража, но вообще онъ былъ пустъ и не имѣлъ характера современнаго го-

¹⁾ При отсутствіи источниковъ, мы можемъ составлять себѣ мнѣнія по этому вопросу, только при помощи ретроспективныхъ выводовъ изъ анализа позднѣйшихъ отношеній. Смолька и Пекосинскій предполагаютъ, что у лехитскихъ племенъ существовала личная поземельная собственность и что она составляла основу всѣхъ отношеній. Смолька признаетъ только одинъ классъ: мелкихъ собственниковъ, Пекосинскій же различаетъ два класса: крупныхъ собственниковъ—«влодыковъ» и мелкихъ—«влощанъ».

рода. Если людѣ имѣлъ князя, то послѣдній жилъ въ «городѣ», и его многочисленный дворъ придавалъ ему больше значенія и движенія, но все-таки не дѣлалъ его городомъ.

§ 8. Религія.

Всѣ славяне, жившіе на пространствѣ между Эльбой и Вислой, были язычниками. У нихъ было представленіе единого всемогущаго божества, которое дало начало всему сущему, создаетъ міровой порядокъ, награждаетъ и караетъ; оно почиталось подъ различными именами: Сварога, Радегаста, Святoviда, Перуна, Лады. Рядомъ съ нимъ народная фантазія создала безчисленное множество второстепенныхъ добрыхъ и злыхъ духовъ—представителей творческихъ и разрушительныхъ силъ природы. Таковы: Купало (солнце), Маржанна (смерть, уничтоженіе), Погода, Посвистъ, Бѣсъ, Вильколаки, русалки, топельцы и т. п.; ими наполнялась вся природа: лѣса и рощи, поля и пустоши, рѣки, ручья и озера, деревья и цвѣты. Вѣруя въ загробную жизнь, славяне приносили въ жертву покойникамъ, тѣла которыхъ сожигались, напитки и кушанья. Эта религія, богатая обрядами, суевѣріями и колдовствомъ, различная въ различныхъ областяхъ, представляла однако известное соединительное звено между «людьми», которые во всемъ остальномъ отдѣлялись одинъ отъ другого. Нѣсколько или нѣсколько десятковъ родственныхъ «людовъ», поселившихся рядомъ и составлявшихъ одно племя, имѣло одинаковыя религіозныя представленія, признавало тѣ же божества, одинаково ихъ называло, одинаковымъ образомъ имъ поклонялось, даже обыкновенно имѣло одинъ храмъ, въ которомъ стояло изваяніе верховнаго Бога и который былъ центромъ всей изъ религіозной жизни. Туда собирались въ опредѣленные времена года всѣ «люды», принадлежавшіе къ одному племени, или, по крайней мѣрѣ, посылали своихъ представителей, которые отъ ихъ имени приносили Богу жертвы, такъ-называемые «объяты» («objaty»), занимались гаданіями и молились. Такіе храмы, или, по крайней мѣрѣ, священныя мѣста и рощи были въ Гнѣзнѣ, въ Краковѣ, въ Колобрегѣ, а самыя знаменитыя, просуществовавшія до поздняго времени, находились въ Ретрѣ (у лютичей), Щецинѣ (Штетинѣ) и Арконѣ. Въ Арконскомъ храмѣ, который былъ выстроенъ изъ дерева и отличался пышностью, приносились жертвы Святovidу; статуя его была съ

четырьмя головами, въ одной рукѣ держалъ онъ мечъ, а въ другой рогъ изобилія.

Религіозное единство сдѣлалось съ теченіемъ времени основой единства политическаго въ предѣлахъ каждаго племени. Въ моментъ общей опасности, «люды», принадлежащіе къ одному племени, собирались къ храму своего божества, заключали союзъ для отраженія нападенія, выбирали одного вождя и подчинялись его приказаніямъ. Разумѣется, чѣмъ чаще происходили непріятельскія нашествія, чѣмъ болѣе они угрожали польскому славянству, тѣмъ тѣснѣе соединялись «люды» одного племени, тѣмъ болѣе укрѣплялся племенной военный союзъ и тѣмъ болѣе усиливалась его верховная власть.

За то племена были совершенно чужды всякаго стремленія къ общему единству; постоянные раздоры и междоусобія раздѣляли ихъ до такой степени, что даже въ случаѣ нашествія иноплеменныхъ враговъ одно славянское племя обыкновенно сражалось подъ вражескими знаменами противъ другого. Каждое племя развивалось обособленно, и бывали примѣры, что одно племя раскалывалось на два отдѣльные союза. Такъ, напр., западные «люды» поморскаго племени развивались отдѣльно отъ восточныхъ, называвшихся кашубами. Границей между ними была рѣчка Персанта. То же самое мы видимъ и въ Силезіи, гдѣ ополяне шли своей особой дорогой.

Въ продолженіе очень долгаго времени трудно было найти болѣе глубокое основное различіе между всѣми этими «людьми» и племенами. Ихъ сближала одинаковость происхожденія и языка, сближала еще болѣе земля, на которой они поселились. Плодородная, богатая лѣсами и водами равнина давала легкое пропитаніе своимъ немногочисленнымъ обитателямъ, не принуждала ихъ къ тяжелой борьбѣ за существованіе, не представляла никакихъ большихъ препятствій, которыя приходилось бы преодолевать; вслѣдствіе этого, она не могла развивать въ жителяхъ силу воли, предприимчивость и энергію, она дѣлала ихъ кроткими, гостепріимными, благородными, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно легкомысленными и не предприимчивыми, погрузила ихъ въ безпечный оптимизмъ, проявлявшійся въ пѣсняхъ и пляскахъ, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ.

Долгую спячку польскихъ славянъ прервалъ звукъ нѣмецкаго оружія, приблизившійся въ началѣ IX вѣка къ ихъ границамъ. Нужно было пробудиться, начать жить и дѣйствовать, или грозная, организованная нѣмецкая сила должна была ихъ всѣхъ по-

глотить. Внезапный ударъ, полученный сосѣдными съ Германіей племенами, отразился и на тѣхъ, которыя жили внутри страны; оттого именно, въ IX вѣкѣ всѣ племена вступаютъ одновременно въ періодъ исторической жизни и развитія.

§ 9. Характеристика отдѣльныхъ племенъ.

Въ самомъ худомъ положеніи находились полабскія племена: ободриты, занимавшіе клинъ между нижнимъ теченіемъ Эльбы и Нѣмецкимъ моремъ (нынѣ Гольштейнъ и Мекленбургъ), лютичи, жившіе по среднему теченію Эльбы вплоть до Одера и Балтійскаго моря, и наконецъ сербы, граничившіе съ чехами между Солой и Бобрей (Лужицы и Мисня) и принадлежавшіе по нарѣчію уже къ чешской группѣ. Племена эти были обречены на совершенное уничтоженіе въ борьбѣ съ нѣмцами, которые были лучше организованы и притомъ сильнѣе.

Не привели ни къ чему ни геройская храбрость полабскихъ славянъ, ни даже ихъ блистательныя побѣды. Они сбросили иго, наложенное Карломъ Великимъ, но, спустя сто лѣтъ, Генрихъ I (Птицеловъ) опять покорилъ ихъ; они отвоевали свою свободу, но маркграфъ Геро снова побѣдилъ ихъ въ непродолжительномъ времени. Это повторялось безпрестанно, и каждый разъ нѣмцы уничтожали часть славянъ, подвигали дальше на востокъ свои границы, присылали колонистовъ, вводили свое управленіе, основывали епископства и завладѣвали окончательно частью нѣкогда славянскаго края. Въ этихъ восточныхъ предѣлахъ нѣмцы устроили такъ-называемыя марки, или маркграфства съ военной организаціей: мейссенскую—въ землѣ сербовъ, сѣверную (называвшуюся позднѣе Бранденбургской) въ землѣ лютичей. Маркграфъ былъ почти самостоятельнымъ государемъ, объявлялъ и велъ войны, заключалъ миръ, рѣшалъ дѣла безъ аппеляціи къ императору, и горе было бы тому, кто бы осмѣлился ему сопротивляться. Между тѣмъ полабскіе славяне вмѣсто того, чтобы подражать нѣмцамъ, принимать ихъ лучшія учрежденія, христіанство и цивилизацію, изъ ненависти къ нимъ, упорно держались своей языческой религіи, древнихъ обычаевъ и плохихъ учрежденій. Соединяясь временно въ племенные союзы, они скоро раздѣлялись вслѣдствіе раздоровъ и несогласій; каждый «людь» отстаивалъ свою особность, вождь, поставленный племенемъ, не всегда могъ рассчитывать на повиновеніе. Вслѣдствіе всего этого,

нѣмцы, благодаря единству, настойчивости и лучшей организаціи, въ концѣ концовъ всегда ихъ побѣждали.

Въ иныхъ условіяхъ находились мазовшане, или мазуры — племя, жившее дальше на востокъ, по среднему теченію Вислы; ему приходилось бороться съ пруссами, литовцами и ятвягами окружавшими его съ сѣвера и востока. Частыя нашествія сѣверныхъ и восточныхъ варваровъ выработали въ этомъ племени воинственный духъ и создали изъ него родъ древнѣйшаго польскаго козачества; отражая побѣдоносно эти нашествія, мазуры отстаивали свое существованіе, но образъ жизни, который они принуждены были вести, препятствовалъ всякому развитію: они постоянно отрывались отъ земледѣлія, сдѣлались племенемъ дикимъ, жившемъ почти исключительно охотой и разбоями. Указанныя обстоятельства отодвинули на нѣсколько вѣковъ назадъ ихъ культуру.

Относительно хробатовъ, жившихъ на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ, по верхнему теченію Вислы и Сана, а также по верхнему теченію Днѣстра, мы знаемъ, что они подчинялись моравамъ и чехамъ, а вслѣдствіе этого были подъ вліяніемъ ихъ цивилизаціи, которая со временъ Кирилла и Меѳодія имѣла византійское происхожденіе. Христіанство сюда проникло раньше всего, славянское богослуженіе держалось очень долго, а именно до временъ польской монархіи. Кромѣ Кракова, здѣсь существовалъ съ древнѣйшихъ временъ княжескій «градъ» — Вислица.

О слезянахъ или слѣзакахъ (силезцахъ), господствовавшихъ на верхнемъ теченіи Одера до Судетовъ, мы знаемъ еще меньше. Кажется даже, что населеніе восточной части позднѣйшей Силезіи составляло особое племя ополянъ. Но ни Силезія (Ślask), ни Хробачія не проявили самостоятельной политической жизни и не положили начала болѣе высокому развитію.

То же самое можно сказать о поморянахъ. Поселившись при морѣ, защищенные отъ опустошительныхъ набѣговъ, они рано вошли въ сношенія съ Даніей и Скандинавіей, развили у себя торговлю, промышленность и мореплаваніе, первые основали на берегу моря поселенія, которыя по многочисленности жителей, занимавшихся торговлей и промышленностью, могли называться городами. Въ сравненіи съ поморянами, всѣ другія племена, не исключая и полянъ, были еще въ XI и XII вѣкѣ почти варварами. Но поморяне отличались чрезвычайнымъ консерватизмомъ, упорно держались старинныхъ понятій и учрежденій религіозныхъ и политическихъ. Жреческое сословіе, не существовавшее

у другихъ племенъ, пользовалось сильнымъ вліяніемъ и съ величайшей ревностью защищало язычество, какъ источникъ своего политическаго значенія. Казалось, вся энергія поморянъ была направлена къ этой цѣли. Новыхъ болѣе широкихъ плановъ они не умѣли себѣ создать, не умѣли возвыситься до пониманія болѣе широкой исторической задачи.

Задача эта состояла въ томъ, чтобы объединить все славянскія племена, отъ Карпатовъ до Балтійскаго моря, въ одинъ народъ и государство и такимъ образомъ создать силу, которая могла бы удержать напоръ нѣмцевъ, смирить восточныхъ и сѣверныхъ варваровъ, а внутри открыть широкій путь для христіанской цивилизаціи.

Исполненіе этой задачи взяли на себя поляне—племя, составлявшее центръ польскаго славянства, прикрытое съ сѣвера поморянами, лютичами—съ запада, съ юга—слезянами и хробатами, а съ востока—мазурами. Въ ихъ землѣ, лежавшей по Вартѣ, находилась система озеръ, которыя, благодаря высокому уровню воды, соединялись естественными каналами и притомъ имѣли твердые, доступные берега; система эта представляла естественный путь сообщенія, облегчавшій обмѣнъ произведеній первобытной культуры. Находя безъ труда среди озеръ болѣе сухія мѣста, годныя подъ пашню, племя полянъ развивалось спокойно, наблюдая все, происходившее кругомъ его, пользовалось опытомъ другихъ и, предвидя, что и его ожидаетъ въ скоромъ времени борьба за существованіе съ нѣмцами, приготовлялось къ ней, принимая соответственную организацію.

§ 10. Возникновеніе польскаго государства.

Исторія молчитъ о томъ, какимъ образомъ слабая племенная организація замѣнилась государственной. Этого явленія не объясняютъ намъ также и баснословныя преданія польскихъ славянъ, которыя позднѣйшіе лѣтописцы передѣлывали и соединяли по-своему, а наконецъ Длугошъ соединилъ произвольно въ одно цѣлое. Преданія о битвахъ съ заморскими народами имѣютъ поморское происхожденіе, преданіе о Кракѣ, убившемъ дракона въ пещерѣ Вавель и основавшемъ Краковъ, указывало бы на начало хробатское, если бы оно вмѣстѣ съ преданіемъ о Вандѣ, бросившейся въ Вислу, не принадлежало больше къ мифологіи, чѣмъ къ исторіи. Въ сохранившемся сказаніи о Лешкѣ, добы-

ваушемъ корону огромнаго государства на состязаніи и раздѣляюшемъ его между двадцатью сыновьями, мы можемъ видѣть олицетвореніе общаго происхожденія, инстинктивное сознаніе котораго было у многочисленныхъ лехитскихъ «людовъ», составлявшихъ польское славянство. Чисто польскимъ и историческимъ можно признать единственно преданіе о Пястѣ, въ томъ видѣ, какъ его рассказываетъ древнѣйшій нашъ лѣтописецъ Галль.

Въ Гнѣзнѣ праздновали одновременно постриженіе своихъ сыновей: князь этой земли Попель и бѣдный земледѣлецъ Пясть съ женой своей Ржепкой. По тайному предназначенію Бога, прибыли тогда въ Гнѣзно два странника. Попель, гордый и жестокой властелинъ, оттолкнулъ ихъ, Пясть же принялъ гостепріимно. Странники, въ благодарность за гостепріимство, сотворили чудо: такъ умножили скромные кушанья и напитки, приготовленные Пястомъ, что послѣдній на постриженіе своего сына пригласилъ князя Попеля и его гостей и пышно ихъ принялъ. Сынъ при постриженіи былъ названъ Земовитомъ, что должно было означать будущія великія дѣла его (wit-witez, витязь, богатырь, слѣдовательно, имя означало: покоряющій земли?). И это дѣйствительно исполнилось. Попель, изгнанный изъ страны, бѣжалъ на островъ, гдѣ его съѣли мыши. Земовитъ, избранный княземъ, значительно расширилъ предѣлы своей земли. Лешко, сынъ его, и Земомысль, его внукъ, пошли по его слѣдамъ, а сынъ Земомысла Мѣшко, или Мечиславъ, является уже личностью историческою.

Это преданіе, менѣе всѣхъ другихъ искаженное позднѣйшими прибавленіями, не позволяетъ намъ искать начала Польши при помощи гипотезъ, лишенныхъ всякаго основанія, какъ это дѣлаютъ болѣе новые историки; оно объясняется завоеваніемъ и соединеніемъ славянскихъ «людовъ», жившихъ по Вартѣ, княземъ одного изъ этихъ «людовъ». Это — предположеніе самое простое, а потому и самое правдоподобное, притомъ оно лучше всего объясняетъ намъ позднѣйшее внутреннее устройство Польши.

Сильный натискъ нѣмцевъ на полабскихъ славянъ долженъ былъ косвенно отразиться и на «людяхъ», принадлежащихъ къ племени полянъ. Среди смуть, возникшихъ вслѣдствіе этого, у отдѣльныхъ «людовъ» усилилась власть князей-воиновъ на счетъ вѣча. Одинъ изъ такихъ князей, вѣроятно, гнѣзненскій, можетъ быть, Земовитъ побѣдилъ въ рѣшительной битвѣ князя сосѣдняго «люда», изгналъ его, соединилъ подъ своимъ скипетромъ оба «люда» и усилилъ свою власть. Одинъ людъ служилъ ему орудіемъ для покоренія другаго, а послѣ соединенія, оба — для

дальнѣйшихъ завоеваній. Такимъ путемъ князь и его наслѣдники, покоряя все больше и больше людовъ или принимая подъ свою власть покорявшихся добровольно, соединили въ одно всѣ «люды» польскаго племени и положили начало польскому государству. Князь образовалъ для себя придворную военную дружину, которая его окружала постоянно; она обезпечивала ему повиновеніе, подавляя возможные бунты и вооруженное сопротивленіе покоренныхъ ¹⁾).

И другіе сосѣдніе славянскіе «люды» соединялись для того, чтобы отражать грозившую опасность, но союзы ихъ были слабы и шатки, такъ какъ военная власть, стоявшая во главѣ ихъ, была выборная и основывалась на временномъ добровольномъ подчиненіи ей нѣсколькихъ «людовъ». А кто присоединился добровольно, тотъ могъ при всякомъ удобномъ случаѣ и отдѣлиться и, хотя бы даже и не разрывая союза, своимъ равнодушнымъ поведеніемъ, неповиновеніемъ и упорствомъ ослаблялъ его и сводилъ на нѣтъ его значеніе. Всякій добивался власти, а когда она доставалась другому, оскорблялся и не уважалъ ее. Вслѣдствіе этого, ни полабскія племена, ни поморяне, ни слезяне, ни хробаты не могли достигнуть высшаго развитія и погибли бы всѣ безповоротнo, если бы въ польскомъ племени не появилась идея самостоятельной княжеской власти, основанной не на выборномъ началѣ, а на собственной своей силѣ,—власти, которая путемъ насилія расширяла свои предѣлы, которой всякій принужденъ былъ подчиняться по необходимости. Появленіе этой силы есть начало государства. Въ этомъ новообразованномъ государствѣ «люды», объединенные силой оружія, потеряли, ко-

¹⁾ Пекосинскій возобновилъ гипотезу объ иноземномъ завоеваніи, имѣвшую многочисленныхъ сторонниковъ въ школѣ Лелеведа. Завоевателями должны были явиться ободриты, жившіе на западной славянской окраинѣ, при устьѣ Эльбы; принужденные прежде воѣхъ другихъ вести тяжелую борьбу съ нѣмцами и датчанами, они выработали военную организацію и, не будучи въ состояніи устоять противъ враговъ, отправились искать новыхъ мѣстъ на Вартѣ, покорили польское племя и основали польское государство. Завоеваніе польскаго племени, а потомъ и другихъ, должно было быть легкимъ благодаря тому, что эти племена не имѣли князей и управлялись посредствомъ «гминовладства». Гипотеза эта однако не была признана наукой: 1) оттого, что о такомъ завоеваніи не сохранилось никакихъ данныхъ не только въ источникахъ, но даже и въ преданіяхъ; 2) оттого, что въ послѣдующей организаціи не видно никакихъ слѣдовъ и послѣдствій завоеванія; 3) оттого, что возникновеніе польскаго государства мы можемъ объяснить болѣе просто и согласно съ преданіемъ.

нечно, свою обособленность, вѣча, или собранія люда, прекратились, князь взялъ въ свои руки неограниченную власть и управлялъ посредствомъ чиновниковъ, назначаемыхъ имъ самимъ въ отдѣльныя части края.

Переходъ отъ прежней свободы «людовъ» къ столь полному единовластію—великъ и, хотя бы мы растягивали его на сто и болѣе лѣтъ, все-таки труденъ. Въ славянскомъ обществѣ уже прежде должны были существовать какія-нибудь понятія о сильной и безусловной власти. Ихъ не было въ организаціи «людовъ» и племень, но они существовали въ семьѣ и въ родѣ. Немногіе повиновались постановленіямъ вѣча, но всякій трепеталъ передъ авторитетомъ отца семейства и родоначальника. Это сильное чувство было исходной точкой развитія власти и авторитета польскихъ князей. Поэтому, какъ увидимъ ниже, власть ихъ имѣла вполне патріархальный характеръ: соединенные «люды» составили одну великую семью, отцемъ и главой которой былъ польскій князь. Объединивъ одно племя, князья Пястовичи могли уже помышлять о томъ, чтобы покорить и другія сосѣднія племена и навязать имъ польскую организацію. Борьба съ нѣмцами, начавшаяся въ скоромъ времени, сильно облегчила эту задачу, такъ какъ сознаніе общей опасности заставляло всѣхъ все больше, все тѣснѣе объединяться. Такимъ образомъ польскіе князья присоединили Мазовію, Силезію, Хробацію, землю лютичей, Поморье и образовали великое польское государство, заключавшее въ себѣ нѣсколько племень. Вслѣдствіе отсутствія источниковъ, мы не можемъ съ точностью опредѣлить времени этихъ событій, несомнѣнно только одно, что завершеніемъ этого великаго дѣла мы обязаны Мѣшку и Болеславу Храброму.

Въ самомъ способѣ присоединенія мы замѣчаемъ нѣкоторую основную разницу, которая не осталась безъ сильнаго вліянія на послѣдующую исторію. Хробацію, а также вѣроятно и Силезію польскіе князья отняли у чеховъ, и совершили это, какъ можно думать, легко, такъ какъ мѣстное населеніе, принадлежавшее къ лехитскому племени, содѣйствовало имъ: оно считало чешское господство чужеземнымъ игомъ. Въ странѣ, присоединенной такимъ образомъ, Пястовичи не могли поступить такъ круто, какъ нѣкогда въ предѣлахъ «польскаго» племени. Тамъ они истребили всѣхъ князей, какъ возможныхъ соперниковъ, здѣсь они отняли только власть у княжескихъ династій, но оставили за ними ихъ поземельныя владѣнія. Опираясь на племя полянъ, которыхъ они вполне нивелировали, они могли не бояться

потомковъ нѣсколькихъ княжескихъ родовъ Хробаціи и Силезіи, изъ которыхъ никто, не смотря на обширность своихъ владѣній, не могъ сравниться съ ними по могуществу. Такимъ образомъ однако въ нашей первоначальной исторіи появился элементъ, не вполне подходившій къ идеѣ патріархальнаго государства; для того, чтобы онъ вполне приспособился къ ней, потребовалось много времени.

Еще менѣе полнымъ было покореніе поморянъ и лютичей— племенъ воинственныхъ, достигшихъ довольно высокой степени развитія. Самые энергичные изъ Пястовичей могли только довести мѣстныхъ князей до признанія вассальной зависимости, но князья эти, сохранившіе свою власть, скоро освобождались отъ польскаго верховенства и воздвигали непреодолимую преграду тѣсному соединенію своихъ племенъ съ польскимъ народомъ и государствомъ.

III.

Мѣшко I и Болеславъ Храбрый создаютъ первоначальное польское государство.

(960—1025).

ЛИТЕРАТУРА.

Сочиненіе Репелля дополняется слѣдующими разсужденіями:

Сташинскій: «Объ отношеніяхъ между Польшей и Римской имперіей германской націи во время императоровъ Оттоновъ». («De rationibus, quas inter Poloniam et imperium Romanum germanicum Ottonum imperatorum aetate intercedebant». Berolini. 1862).

Цейсбергъ: «Мѣшко, первый христіанскій властелинъ поляковъ». («Miesco der erste christliche Beherrscher der Polen». Archiv für oesterreichische Geschichte. Bd. XXXVIII. Wien. 1867). Авторъ разобралъ очень критически источники, однако не даетъ понятной исторической конструкціи.

«Свиданіе императора Оттона III съ княземъ польскимъ Болеславомъ I въ Гнѣзнѣ». («Ueber die Zusammenkunft Kaiser Otto des III-ten mit Herzog Boleslaw I von Polen in Gnesen». Zeitschrift für oesterreichische Gymnasien. Wien. 1867).

«Общественное мнѣніе о германской политикѣ относительно Польши въ XI вѣкѣ». («Die öffentliche Meinung im XI Jhd über Deutschlands Politik gegen Polen». Ibid. 1868). Оба эти разсужденія весьма интересно и мѣтко выясняютъ вліяніе тогдашняго цезаро-папизма на первоначальную организацію Польши.

«Войны императора Генриха II съ княземъ польскимъ Болеславомъ I». («Die Kriege Kaiser Heinrichs des II-ten mit Herzog Boleslaw I von Polen». Sitzungsberichte der k. k. Akademie der Wissenschaften in Wien. LVII Bd.).

Черный, Францискъ: «Зачатки государства и церкви въ Чехи, въ Польшѣ и въ Венгріи». («Zawiazki państwowe i kościelne Czech, Polski i Węgier». Kraków. 1872).

Карловичъ, Янъ: «Кіевскій походъ Болеслава Великаго». («Wyprawa Kijowska Bolesława Wielkiego». Poznań. 1872).

Мервартъ, Карлъ: «Первое столкновение Польши съ Германіей, его значеніе и его послѣдствія». (Erster Zusammenstoss Polens mit Deutschland, seine Bedeutung und seine Folgen». Graz. 1874). Авторъ нерѣдко грѣшитъ излишней смѣлостью гипотезъ, однако, въ главномъ пунктѣ лучше другихъ объясняетъ вопросъ, какимъ образомъ въ нѣдрахъ разрозненныхъ славянскихъ племенъ возникло польское государство.

Жуковский, Антоній: «Сношенія Болеслава Храбраго съ папскимъ престоломъ». («Stosunki Bolesława Chrobrego ze stolicą apostolską». Kraków. 1877).

Раверъ, К.: «Политическое значеніе гнѣзненскаго съѣзда въ 1000 г.» («Polityczne znaczenie zjazdu gnieźnieńskiego w r. 1000». Lwów. 1882).

Држевицкій, Иосифъ: «Отношенія Польши къ Германіи до 1000 г.» («Stosunek Polski do Niemiec aż do r. 1000». Sanok. 1883).

Маронскій, Ст.: «Объ основаніи любушскаго епископства». («O założeniu biskupstwa lubuskiego». Biblioteka Warszawska. 1883. II).

§ 11. Мѣшко I (960—992 ¹). Принятіе христіанства.

Сынъ Земомысла Мѣшко вступилъ на гнѣзненско-познанскій престолъ въ 960 году, слѣдовательно, въ то время, когда завоеваніе славянскихъ племенъ по Эльбѣ и Одери снова выступило на первый планъ нѣмецкой національной политики. Дитмаръ, лѣтописецъ позднѣйшаго времени, относившійся къ намъ съ ненавистью, сообщаетъ, что въ 963 году маркграфъ Геро побѣдилъ

¹ Мѣшко I, сынъ Земомысла, царствовалъ отъ 960 до 992 г. У него было два брата: одинъ изъ нихъ назывался Цыдебуръ, имя же другого, погибшаго во время войны съ Герономъ въ 963 году, намъ неизвѣстно. Кромѣ того, Мѣшко имѣлъ сестру Аделаиду, выданную замужъ за Гейзу венгерскаго. Христіанскихъ женъ у Мѣшка было двѣ: въ 965 г. онъ женился на Домбровкѣ (Dąbrówka), дочери Болеслава I, князя чешскаго, а послѣ смерти ея, на Одѣ, дочери маркграфа Титриха, похищенной имъ изъ монастыря Калвійскаго.

Мѣшко и наложилъ дань на его владѣнія вплоть до рѣки Варты. Извѣстіе это однако не заслуживаетъ довѣрія. Болѣе важнымъ фактомъ является то, что польскій князь не послѣдовалъ примѣру своихъ западныхъ полабскихъ сосѣдей и не ввѣрилъ будущности своего государства военному счастью. Мѣшко нашель другое средство, болѣе дѣйствительное, чѣмъ оружіе; при помощи этого средства онъ не только оградилъ себя отъ болѣе сильныхъ нѣмцевъ, но и двинулъ свой народъ по пути развитія и цивилизаціи, въ чемъ до сихъ поръ нѣмцы брали верхъ надъ нимъ. Женившись въ 965 году на христіанкѣ Домбровѣ, дочери чешскаго князя Болеслава I, Мѣшко подъ ея вліяніемъ принялъ крещеніе въ 966 году, основалъ первое епископство въ Познани и обратилъ весь народъ въ христіанство. Первымъ познанскимъ епископомъ былъ Иорданъ, само же епископство подчинялось сначала архіепископству майнцкому, а потомъ основанному въ 968 г. императоромъ Оттономъ I архіепископству магдебургскому, какъ верховной метрополіи для всѣхъ обращенныхъ въ христіанство славянскихъ странъ.

Послѣдствія принятія христіанства для юной Польши были неисчислимы. Оно отнимало у нѣмцевъ благовидный предлогъ для войны съ славянами, какъ язычниками, и отдавало Польшу подъ покровительство двухъ великихъ властей тогдашняго христіанскаго міра — папы и императора. Сообразно съ господствовавшими тогда взглядами, Мѣшко признавалъ императора свѣтскимъ главой всего христіанства, но не присоединялъ своего государства къ германской имперіи. Будучи язычникомъ, онъ былъ лишенъ всякихъ правъ въ международныхъ отношеніяхъ, теперь, получивъ ихъ для себя и для своего молодого государства, онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ интригахъ и распряхъ нѣмецкихъ князей, съ одними дружилъ, съ другими воевалъ и, когда въ 972 г. вмѣстѣ съ своимъ братомъ Цыдебуромъ разбилъ маркграфа Одо подъ Цидиной, то не только не вызвалъ этимъ нашествія всей нѣмецкой силы на Польшу, но даже былъ признанъ правымъ со стороны императора Оттона, на судъ котораго было представлено это дѣло. Не разъ являлся Мечиславъ при дворѣ царствовавшихъ одинъ за другимъ Оттоновъ, какъ «другъ императора», всегда увѣренный въ ихъ расположеніи, такъ какъ императорамъ было лестно, что вліяніе ихъ распространяется и на славянскія страны.

Въ качествѣ миссіонеровъ являлись въ Польшу нѣмцы, по всей вѣроятности, монахи бенедиктинскаго ордена изъ знамени-

таго въ то время саксонскаго Ново-Корвѣйскаго аббатства. Задача ихъ была трудна. Сначала они не знали мѣстнаго языка, впрочемъ, когда они и научились обращаться къ народу съ рѣчью на его родномъ языкѣ, то и тогда огромная пропасть, которую создавала между народомъ и духовенствомъ латинская литургія римской церкви, давала себя чувствовать. Народъ не понималъ этой литургіи, не могъ согласиться слить съ нею своихъ прежнихъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ, своихъ радостей и печалей, плача и пѣсень. Оффициально исповѣдуя новую вѣру по княжескому приказу, онъ не зналъ еще ея содержанія и въ повседневной жизни возвращался къ язычеству. Только лишь мало-помалу измѣнились эти отношенія по мѣрѣ того, какъ христіанство, защищая Польшу отъ нѣмецкихъ нашествій, открывало въ нее доступъ миссіонерскому и цивилизаторскому вліянію Запада. Священники все болѣе и болѣе сближались съ народомъ, основывая костѣлы, заводили при нихъ лучшія хозяйства, служили для другихъ примѣромъ, а кромѣ того придавали стариннымъ языческимъ обрядамъ христіанскій характеръ, вмѣсто того, чтобы искоренять ихъ, и этимъ сильнѣе всего укрѣпили въ умахъ простаго народа новую религію. Организациа церкви, отличавшаяся необыкновенной энергіей и дисциплиной, сдѣлалась во многихъ отношеніяхъ образцомъ для органовъ свѣтской власти.

Постоянно сталкиваясь съ нѣмцами, посѣщая императорскій дворъ въ Кведлинбургѣ, Мѣшко присматривался къ тамошнимъ обычаямъ и законамъ, устроилъ свой дворъ по образцу императорскаго, устанавливалъ въ краѣ чиновниковъ, организовалъ войско и вооружалъ, его насколько могъ, по нѣмецкому образцу. Это было единственнымъ средствомъ спасенія и подготовленія народа къ самостоятельной дѣятельности. Но умы, неспособные къ болѣе широкимъ взглядамъ, не могли или не хотѣли понять мудраго поведенія Мечислава; вмѣсто того, чтобы подражать ему, они считали его измѣнникомъ славянскаго дѣла и вооружались противъ него. Такъ поступали главнымъ образомъ несчастныя полабскія племена, отстаивавшія свое язычество и отчаянно, хотя и тщетно защищавшіяся противъ кроваваго нѣмецкаго миссіонерства. Въ этой борьбѣ, продолжавшейся долгіе годы, польскій князь былъ принужденъ неоднократно становиться на сторону императора, чтобы тѣмъ самымъ явно доказать свое недавнее обращеніе въ христіанство и обезпечить себѣ полную свободу въ предѣлахъ своего государства. Во время войны съ лютичами и умеръ Мѣшко въ 992 году.

§ 12. *Болеславъ Храбрый (992—1025 ¹⁾*.

Результаты тридцатилѣтней плодотворной дѣятельности Мѣшка чуть не пропали даромъ, такъ какъ многочисленные сыновья и родственники его по тогдашнему обычаю раздѣлили между собой государство и, раздробивъ его силы, уничтоживъ его единство взаимными раздорами, почти привели его къ окончательной гибели. Однако между наслѣдниками Мѣшка нашелся одинъ, самый старшій сынъ его, который, не разбирая средствъ, выгналъ братьевъ и родственниковъ силой оружія изъ ихъ удѣловъ, истребилъ ихъ и собралъ подъ своимъ скипетромъ все наслѣдіе Мѣшка.

Этотъ сынъ былъ Болеславъ, прозванный Храбрымъ. Унаслѣдовавъ землю, онъ унаслѣдовалъ и мудрую политику своего отца, поднялъ ее высоко силою своего генія и поставилъ ей опредѣленные границы и цѣли. Мечиславъ положилъ прочное основаніе для польскаго народа и государства, Болеславъ же Храбрый на этомъ основаніи создалъ Польшу и указалъ ей путь, по которому она должна была идти въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Болеславъ, не смотря на свою храбрость, поступалъ спокойно и обдуманно. Въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ своего царствованія, онъ ни въ чемъ не нарушалъ отношеній къ Германіи, установленныхъ еще его отцомъ, а тѣмъ временемъ всѣ свои силы употребилъ на то, чтобы покорить и соединить польскихъ славянъ въ одно государство. Прежде всего онъ выступилъ противъ полабскихъ племенъ; въ 995 г. онъ покорилъ Поморье, смирилъ пруссовъ и тѣмъ самымъ открылъ Польшѣ доступъ къ Балтійскому морю. Исполнивъ эту главную задачу, Болеславъ обратился на югъ, отнялъ у чеховъ западную Хробацію и вмѣстѣ съ тѣмъ покорилъ моравовъ и закарпатскихъ словаковъ.

¹⁾ Болеславъ Храбрый, родившійся въ 967 году, отъ отца Мѣшка и матери Домбровки, царствовалъ отъ 992 до 1025 г.; кромѣ него, у Мѣшки было еще три сына отъ второй жены Оды: Мѣшко, Святополкъ и Болеславъ (Ламбертъ?) и дочь, бывшая замужемъ сперва за Эрикомъ, королемъ Швеціи и Даніи, потомъ за Свеномъ, королемъ Даніи (мать Канута Великаго). Болеславъ Храбрый былъ женатъ четыре раза: 1) на Генильдѣ, дочери Ригдага, маркграфа мейсенскаго, 2) на венгеркѣ (Юджен, сестрѣ Стефана Великаго?), вышедшей за него около 986 г. и спустя три года имъ брошенной, 3) на Эмнильдѣ, дочери Добремира, князя славянскаго, 4) на Одѣ, дочери Эккарда I, маркграфа мейсенскаго. Кромѣ того у Болеслава были дальніе родственники: Одилень и Пржибувой.

Такимъ образомъ польское общество выходитъ изъ своихъ тѣсныхъ границъ, стремясь найти великій торговый путь, который соединилъ бы его съ цивилизованнымъ міромъ и облегчилъ бы обмѣнъ сырыхъ произведеній на плоды промышленности и искусства; съ этого времени это общество сосредоточивается въ бассейнѣ Одера и старается всѣми силами удержать за собой эту рѣку со всѣми притоками, отъ верховья до устья.

Не довольствуясь покореніемъ новыхъ земель и введеніемъ въ нихъ польскихъ учреждений, Болеславъ заботился о томъ, чтобы упрочить все добытое—добиться торжественнаго признанія его со стороны папы и императора. Обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали этому. Правда, Германія съ завистью смотрѣла на завоеванія Болеслава. Ея старая и могучая сила могла сдѣлаться грозной для молодого польскаго государства, если бы была объединена и находилась въ состояніи броситься на Польшу со всей энергіей. Но тогдашняя Германія состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ племенъ: франковъ, саксовъ, баваровъ, швабовъ; каждое изъ нихъ имѣло своихъ наслѣдственныхъ герцоговъ и соперничало съ другими. Нѣмецкій король не могъ ихъ склонить къ постоянной солидарности въ дѣйствіяхъ, такъ какъ король этотъ избирался пожизненно племенными герцогами, нуждаясь въ ихъ опорѣ, принужденъ былъ съ ними же бороться и пользовался незначительною властью. Это спасало Польшу, которой собственно приходилось считаться только съ ближайшими сосѣдями—герцогами саксонскими, а справиться съ ними одними было уже легче. Притомъ германскіе короли носили вмѣстѣ съ тѣмъ и императорскую корону; въ то именно время императоромъ былъ Оттонъ III, мечтатель съ огромнымъ честолюбіемъ. Онъ тяготился постоянными спорами съ нѣмецкими князьями, не будучи въ состояніи найти въ нихъ дѣйствительную опору, онъ больше заботился о своей императорской, римской коронѣ, чѣмъ о королевской, германской. Онъ всю жизнь стремился распространить свое вліяніе на всѣ христіанскіе народы и осуществить идею всемірной имперіи. Поглощенный этой великой задачей, Оттонъ III вполнѣ забывалъ объ интересахъ Германіи и нерѣдко дѣйствовалъ даже вопреки имъ, ища внѣ границъ Германіи точки опоры для усмиренія внутреннихъ раздоровъ. Честолюбивые замыслы Оттона поддерживалъ знаменитый ученый Гербертъ, занявшій въ 999 г. папскій престолъ подъ именемъ Сильвестра II. Виды Сильвестра простирались дальше: опасаясь слишкомъ большого усиленія императоровъ,

онъ сочувственно относился къ возвышенію другихъ христіанскихъ государствъ, которыя могли бы составить противовѣсъ Германіи. Итакъ, и императоръ, и папа, каждый по особымъ мотивамъ, готовы были признать завоеванія Болеслава и торжественно принять созданное имъ государство въ великую христіанскую общину.

Сильвестръ выдвинулъ впередъ Оттона, и, дѣйствительно, въ 1000 г. императоръ прибылъ въ польскую столицу съ большою пышностью. Побужденіемъ для пріѣзда было поклоненіе гробу знаменитаго въ то время мученика, св. Войцѣха (Адальберта). Этотъ апостольскій язычникъ, родомъ чехъ, долго гостилъ при польскомъ дворѣ, потомъ отправился въ Пруссію для проповѣди христіанства и былъ тамъ убитъ язычниками пруссами. Болеславъ выкупилъ его тѣло и положилъ въ Гнѣзнѣ, какъ предметъ поклоненія для благочестивыхъ пилигримовъ. Не нужно прибавлять, что пилигрима-императора Болеславъ принялъ со всею пышностью, на какую только у него хватало средствъ. Военныя упражненія показывали силу новаго польскаго государства, пышные пиры и щедрые подарки императору и его дружинѣ свидѣтельствовали о благосостояніи и, такъ сказать, хозяйственномъ обзаведеніи этого государства. Нѣмцы были ослѣплены, а главнымъ образомъ — самъ Оттонъ. Его гордость была польщена тѣмъ, что такой могущественный монархъ, какъ Болеславъ, оказываетъ ему должный почетъ, признаетъ его первенство, какъ римскаго императора, и обѣщаетъ ему помощь и содѣйствіе. Поэтому онъ не только призналъ государство Болеслава самымъ фактомъ своего пребыванія въ Польшѣ и подарилъ ему копье св. Маврікія съ гвоздемъ изъ святаго креста, но на торжественномъ пирѣ снялъ со своего чела корону и, увѣнчавъ ею Болеслава, провозгласилъ его патриціемъ, т. е. «другомъ и союзникомъ народа римскаго» ¹⁾. Еще болѣе важнымъ фактомъ было основаніе метрополіи въ Гнѣзнѣ и послѣдовавшее за этимъ освобожденіе польской церкви отъ главенства нѣмецкой (см. § 14), совершенное въ то же время по иниціативѣ и съ согласія папы Сильвестра II. Это составляло для Польши одно изъ важнѣйшихъ условій ея политической самостоятельности.

¹⁾ Таково дѣйствительное значеніе этого акта, ошибочно признаваемаго многими коронаціей.

§ 13. *Борьба съ сосѣдями.*

Извѣстіе о поступкѣ Оттона было встрѣчено съ негодованіемъ той частью нѣмецкаго общества, въ которой было лучшее сознаніе своихъ національныхъ интересовъ. Признаніе государства Болеслава было чувствительнымъ ударомъ для Германіи, такъ какъ Польша главнымъ образомъ для того именно и возвысилась, чтобы помѣшать дальнѣйшему наступательному движенію Германіи на славянскія земли. Поэтому, какъ только геніальный мечтатель Оттонъ III умеръ (въ 1002 г.) и нѣмецкая національная партія съ императоромъ Генрихомъ во главѣ взяла власть въ свои руки, тотчасъ же вспыхнула страшная борьба между Болеславомъ и Генрихомъ II; она тянулась съ небольшими перерывами вплоть до 1018 года и представляла собой огненное испытаніе для прочности польскаго государства. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ перемѣнчивое военное счастье склонялось то къ одной, то къ другой сторонѣ. Театромъ войны и предметомъ спора была страна сербовъ, а именно двѣ ея части: Лужицы и Мисня; нерѣдко однако отряды Болеслава вторгались въ глубь Германіи, грабили и опустошали по тогдашнему обычаю страну и уводили толпы плѣнныхъ, которыхъ разбрасывали по малонаселенной Польшѣ и употребляли при тяжелыхъ работахъ. Но въ свою очередь и нѣмецкіе походы не могли достигнуть другой цѣли, кромѣ грабежа и опустошенія, хотя въ этихъ походахъ принимали участіе отборныя силы нѣмецкихъ князей (а также и чехи), да и самъ императоръ лично предводительствовалъ ими.

Болеславъ, не осмѣливаясь открыто противостать нѣмцамъ, вслѣдствіе ихъ численнаго перевѣса и превосходства въ вооруженіи, счумѣлъ чрезвычайно затруднить ихъ движеніе въ Польшѣ. Большія нѣмецкія арміи, пробиваясь черезъ польскіе дремучіе лѣса, нарочно оставленные населеніемъ и лишенные съѣстныхъ припасовъ, встрѣчали въ этихъ лѣсахъ, и безъ того уже почти непроходимыхъ, огромныя засѣки (вся граница государства была превращена въ видахъ охраны въ одну большую искусственную засѣку); встрѣчали укрѣпленные замки, гарнизоны которыхъ отчаянно защищались; нѣмцы не видѣли врага, но чувствовали его кругомъ себя. Поляки, зная свой край, дѣйствовали съ большою быстротой по одному геніально обдуманному плану, который выполнялся съ необыкновеннымъ послушаніемъ; они защищали переправы черезъ рѣки, заманивали въ засаду, окружали

и уничтожали болѣе мелкіе отряды непріятелей, случайно отдѣлившіеся отъ главной арміи. Пока нѣмцы устранили эти препятствія, наступала зима, чувствовался недостатокъ продовольствія и въ ихъ рядахъ неизбежно появлялась деморализація. Болеславъ мастерски подготовлялъ и поддерживалъ эту деморализацію; онъ умѣлъ поддерживать постоянныя сношенія съ нѣмецкими князьями, враждебно относившимися къ Генриху II, и подстрекать ихъ противъ императора, всегда находилъ такихъ, которые за деньги защищали его дѣло при дворѣ самого императора. Генрихъ II дѣлалъ промахъ, приглашая лютичей, какъ союзниковъ противъ Польши; Болеславъ, ревностный христіанинъ, основавшій въ Польшѣ церковную іерархію, поддерживавшій проповѣдь евангелія въ Поморьѣ и Пруссіи, пользовался промахомъ императора; окружая себя ореоломъ христіанскаго монарха, пробуждая въ могущественномъ нѣмецкомъ духовенствѣ уваженіе и почетъ къ себѣ, Болеславъ достигъ того, что оно предавало войны Генриха II съ христіанской Польшей полному осужденію и презрѣнію. Усиливавшееся по этой причинѣ внутреннее разложеніе въ нѣмецкомъ лагерѣ всегда принуждало императора къ отступленію, которое превращалось въ полное пораженіе. Пока императоръ старался склонить своихъ князей къ новому тяжелому походу, Болеславъ справедливо считался побѣдителемъ, удерживалъ въ своихъ рукахъ пограничную линію Эльбы и тревожилъ Германію частыми нападеніями.

По мѣрѣ того, какъ у Генриха исчезала надежда вытѣснить Болеслава за линію Одера и принудить его стать вассаломъ и данникомъ Германіи, планы польскаго влстителя все болѣе и болѣе расширялись. Видя тогдашнее униженіе Чехіи, терзаемой династическими спорами послѣ смерти Болеслава II и находившейся въ вассальной зависимости отъ Германіи, Болеславъ Храбрый стремился присоединить и ее къ своей державѣ и создать такимъ образомъ одно великое славянское государство, которое могло бы успѣшно соперничать съ Германіей. Ему удалось временно осуществить свой замыселъ. Когда Влодовей изгналъ въ 1002 году изъ Чехіи Болеслава III Рыжаго и, стараясь упрочить свою власть, призналъ себя вассаломъ императора Генриха, возмущенный этимъ чешскій народъ взялся за оружіе и призвалъ на помощь Болеслава Храбраго. Онъ возвратилъ чешскій престолъ Болеславу Рыжему, а впослѣдствіи, когда чехи, выведенные изъ терпѣнія жестокостью своего повелителя, возстали противъ него, Болеславъ Храбрый, призванный ими вторично

въ 1003 г., самъ занялъ чешскій престолъ. Къ несчастію для Польши и самой же Чехіи, чехи не съумѣли остаться вѣрными ему и, во время грознаго похода Генриха II, оставили Болеслава, который, уступивъ Чехію, удержалъ только Моравію.

Утомленный неудачами, Генрихъ не разъ готовъ былъ положить конецъ войнѣ и уступить Болеславу Мисню и Лужицы, даже Чехію, какъ германскіе ленны, но Болеславъ требовалъ независимости и поэтому война продолжалась. Походъ Генриха въ 1015 г. окончился уничтоженіемъ половины его войска, попавшаго въ засаду среди болотъ, а другой походъ 1017 года кончился ничѣмъ, благодаря геройской оборонѣ силезскаго «града» Нѣмчи. Обѣ воевавшія стороны чувствовали себя утомленными, что и привело къ заключенію мира въ Будишинѣ въ 1018 г.

Этотъ договоръ не возвратилъ Польшѣ утраченной прежде Чехіи, но утвердилъ за нею владѣніе Лужицами съ Будишиномъ, Любушемъ (землей лютичей) и Моравіей. Итакъ, великая идея Болеслава Храбраго не была осуществлена: ему не удалось объединить всѣхъ западныхъ славянъ; но за то, — что важнѣе всего — будишинскій договоръ уничтожилъ даже тѣнь зависимости отъ Германіи и сдѣлался краеугольнымъ камнемъ независимости Польши въ будущемъ.

Обезпечивъ себя съ запада, Болеславъ обратилъ свои взоры къ востоку, на Русь, которая подъ предводительствомъ Владиміра Великаго еще въ 981 году завоевала восточную часть Хробаціи, Перемышль, Червень и другіе сосѣдніе города. Теперь, послѣ смерти Владиміра (1015) споръ между его наслѣдниками, Святополкомъ и Ярославомъ, произвелъ страшную смуту во всей странѣ. Болеславъ, дочь котораго была замужемъ за Святополкомъ, дѣятельно вмѣшался въ русскую распрю; онъ возвратилъ своему зятю княжескій престолъ, взявъ въ 1018 году Кіевъ, причемъ при вѣздѣ ударилъ своимъ мечомъ въ золотыя ворота кіевскія (откуда «королевскій шербець» мечъ, — употреблявшійся при коронаціи польскихъ королей); захватилъ огромныя сокровища и присоединилъ къ Польшѣ червенскіе города. Кіевскіе походы, пожалуй, отвлекали вниманіе народа отъ береговъ Эльбы и Балтійскаго моря, на завоеваніе которыхъ слѣдовало направить всѣ силы, но все-таки имѣли важныя послѣдствія, такъ какъ не только расширяли предѣлы польскаго вліянія на востокъ, но также способствовали сближенію двухъ великихъ народовъ и установленію между ними торговыхъ сношеній. По всей вѣроятности, съ этого времени начинается торговое движеніе, совер-

шавшееся по пути, шедшему черезъ Вроцлавъ, Краковъ, Сандомиръ, къ Кіеву и берегамъ Чернаго моря. Торговля между западомъ и востокомъ составляла одно изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія и развитія Польши въ средніе вѣка. Сношенія съ Русью должны были дѣйствовать на Польшу цивилизующимъ образомъ, особенно въ виду того, что въ ней рядомъ съ латинскимъ существовало и славянское богослуженіе (въ Хробаціи). При посредствѣ Руси въ Польшу проникало византійское вліяніе; хотя оно и не могло основнымъ образомъ соперничать съ западнымъ, тѣмъ не менѣе въ исторіи нашей культуры и первоначальныхъ учрежденій оно играло гораздо бѣльшую роль, нежели до сихъ полагали. Многочисленные слѣды этого вліянія остались въ организаціи абсолютной монархической власти, въ отношеніяхъ ея къ церкви, въ старинной польской одеждѣ и въ постройкѣ костѣловъ.

Послѣдніе годы своего царствованія, не отмѣченные громкими событіями, Болеславъ посвящаетъ внутреннему устройству своего государства и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно добивается въ Римѣ королевской короны. Когда же благодаря нѣмецкимъ проiscaмъ старанія его оказались напрасными, Болеславъ приказываетъ польскимъ епископамъ короновать себя на королевство въ 1024 году; этимъ смѣлымъ и рѣшительнымъ поступкомъ онъ завершилъ дѣло, которому посвятилъ всю свою жизнь. Смерть Болеслава въ 1025 г. была встрѣчена всеобщей скорбью народа.

§. 14. *Устройство первоначальнаго польскаго государства.*

Мы уже много разъ говорили о непрестанныхъ трудахъ Мечислава и Болеслава надъ внутреннимъ объединеніемъ и устройствомъ обширнаго государства, мы постоянно отгнѣяли ту мысль, что Польша обязана своимъ возникновеніемъ и первоначальнымъ величіемъ не столько военному счастью, сколько спокойной внутренней дѣятельности; слѣдовательно, чтобы создать себѣ правильное представленіе о царствованіи Мѣшка и его сына, Болеслава Храбраго, мы должны представить картину первоначальной Польши, ими созданной и устроенной.

Начнемъ съ церковной организаціи. Начало ей положилъ Мѣшко, основавъ познанское епископство, Болеславъ же завершилъ ее въ 1000 г., во время пребыванія Оттона III въ Гнѣзнѣ. Были основаны три новыя епископства: краковское для Хробаціи, вроцлавское для Силезіи, колобрежское для Поморья; во

главѣ всей польской церкви было поставлено архіепископство гнѣзненское. Первымъ архіепископомъ былъ Радымъ (Гаудентій), братъ св. Войцѣха, патрона Польши. Этой новой латинской іерархіи были подчинены и церкви съ славянскимъ богослуженіемъ, которое сохранялось въ южнымъ «дѣльницахъ» и пользовалось уваженіемъ наравнѣ съ латинскимъ. Позднѣе были прибавлены еще два епископства: любущское для недавно присоединенныхъ полабскихъ областей и плоцкое для Мазовіи; епископство познанское было освобождено отъ главенства архіепископства магдебургскаго.—Болеславъ Храбрый основалъ много костѣловъ и монастырей. Костѣлы эти, для которыхъ сначала было призывается иноземное духовенство, а еще болѣе бенедиктинскіе монастыри въ Тыньцѣ, Лысой горѣ и Мендзыржечѣ (Тржемешнѣ?), пожалованные большими земельными угодьями, должны были давать починъ культурной и общественной дѣятельности народа: распространять просвѣщеніе и христіанство, улучшать земледѣліе и промышленность.—Гнѣзненская метрополія, непосредственно подчинявшаяся Риму, была характернымъ признакомъ независимости государства, которое она обнимала; поэтому Оттонъ III передалъ Болеславу всѣ права верховенства надъ польскою церковью, принадлежавшія по тогдашнимъ понятіямъ императорамъ. Польскій монархъ управлялъ церковью довольно самовластно, однако духовенство окружалъ необыкновеннымъ почетомъ и всегда былъ готовъ защищать его всѣми силами. Онъ хорошо понималъ, что единство польской церкви, проявлявшееся въ направленіи ея дѣятельности и вліянія, было факторомъ политическаго объединенія всего народа и государства.

О тогдашнемъ населеніи Польши трудно еще говорить, какъ о народѣ въ собственномъ смыслѣ. Соединенные въ одно государство, племена и «люды» не забыли еще о прежней своей самостоятельности и, кромѣ того, значительно различались между собой степенью развитія благосостоянія и цивилизаціи. Громадная разница была между полудикими, блуждавшими по дѣсамъ мазурами, значительная часть которыхъ была языческой, и между селязнами или полянами, издавна исповѣдывавшими христіанство, преданными земледѣльческому и промышленному труду! Государи усиленно старались уничтожить эти различія. Упразднивъ вѣчевыя республиканскія собранія, они уничтожили всѣ слѣды самостоятельности племенъ и «людовъ»; переселяя жителей изъ однѣхъ мѣстностей въ другія и мѣшая ихъ такимъ образомъ, они стирали даже территориальныя границы племенъ.

Все государство было раздѣлено на мелкіе «повѣты» (уѣзды), которыми управляли чиновники, назначаемые государемъ и исполнѣ отъ него зависимые.

Чиновники эти были двухъ родовъ. Одни изъ нихъ имѣли военную и судебную власть надъ населеніемъ «повѣта». Они назывались «панами» («жупанами»? *comites*), позднѣе «каштелянами», такъ какъ исправляли свою должность въ укрѣпленныхъ замкахъ, или «городахъ» (*castrum, castellum*), построенныхъ королемъ въ каждомъ «повѣтѣ». «Каштеляны» командовали гарнизономъ этихъ замковъ, въ случаѣ войны сзывали все населеніе, обязанное нести военную службу, выступали съ нимъ къ пункту, назначенному королемъ, и вели его въ бой ¹⁾. Военная организація составляла, несомнѣнно, основу государства. Правда, Польша имѣла еще слишкомъ мало матеріальныхъ средствъ для того, чтобы въ случаѣ нужды выставить по примѣру тогдашняго Запада многочисленные, хорошо вооруженные отряды рыцарей; однако малочисленность войска и недостатки въ его вооруженіи вознаграждались желѣзной организаціей, приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ. Военная повинность была всеобщей, каждый долженъ былъ ее отбывать по королевскому приказу. Въ мирное время населеніе каждаго «повѣта» поправляло свой укрѣпленный «городъ» и, доставляя ему поочередно мѣняющіеся гарнизоны, пріобрѣтало навыкъ въ военномъ дѣлѣ. Потомъ эту повинность замѣнили налогомъ, называемымъ «стружа» («*stróža*» = сторожевыя), а за то въ «городахъ» были поставлены постоянные рыцарскіе гарнизоны. Постоянныя опасности и частые походы развили въ народѣ воинственный духъ: наказанія за неповиновеніе и трусость были ужасны, неповиновеніе было исключеніемъ, самопожертвованіе — безграничнымъ. Прежде чѣмъ вступить въ страну непріятельское войско должно было пробираться черезъ дѣвственные лѣса, составлявшіе оборонительную границу государства. Никому не позволялось ихъ рубить, напротивъ, пограничному населенію вмѣнялось въ обязанность защищать границы посредствомъ такъ-называемыхъ засѣкъ, т. е. заваливая всевозможныя дороги и тропинки деревьями. Преодоливши эту преграду, непріятель встрѣчалъ на своемъ пути много укрѣпленныхъ замковъ и въ каждомъ изъ нихъ, хотя бы самомъ маленькомъ, отчаянное сопротивленіе.

¹⁾ Пекосинскій утверждаетъ, что право предводительства на войнѣ было привилегіей шляхты.

Главную однако военную силу представляло рыцарство—родъ постоянной арміи, которое государь содержалъ на свой счетъ и постоянно упражнялъ въ военномъ ремеслѣ. Если врагъ нападалъ въ количествѣ не слишкомъ большомъ, король выходилъ ему навстрѣчу съ своей придворной дружиной, состоявшей изъ нѣсколькихъ тысячъ отборныхъ, лучше вооруженныхъ воиновъ. Мѣшко I и на войнѣ, и въ мирное время не дѣлалъ ни шагу безъ своей придворной дружины и только съ нею одною предпринималъ менѣе важные наступательные походы. Отражая большія нашествія и самъ въ свою очередь предпринимая ихъ, король присоединялъ къ дружинѣ гарнизоны отдѣльныхъ «городовъ». Весь народъ призывался къ оружію въ случаяхъ, когда угрожало страшное нашествіе нѣмцевъ. Поляки въ тѣ времена не могли вѣрить въ благоприятный исходъ сраженія съ нѣмцами въ открытомъ полѣ и поэтому они предпочитали вести партизанскую войну. Талантъ Болеслава, необыкновенная бдительность и подвижность его войска, знакомство съ собственной страной, наконецъ огромныя препятствія, кототорыя затрудняли походы большихъ тяжело вооруженныхъ нѣмецкихъ армій въ странѣ, тогда еще дикой—все давало въ концѣ-концовъ перевѣсъ въ борьбѣ полякамъ.

Другую вѣтвь іерархіи составляли фискальные («скарбовые») чиновники. Польскій князь, а потомъ король былъ собственникомъ всей территоріи государства, за исключеніемъ относительно небольшого количества земель, оставленныхъ во владѣніи прежнихъ племенныхъ князей и пожалованныхъ костѣламъ или знатымъ свѣтскимъ лицамъ. Этотъ взглядъ развился самъ собою безъ всякаго насильственнаго переворота; до возникновенія Пястовской монархіи земля, какъ мы знаемъ, составляла собственность не отдѣльныхъ лицъ, а политическихъ союзовъ, права которыхъ перешли къ государю, занявшему ихъ мѣсто ¹⁾. Итакъ, все населеніе сидѣло на княжеской землѣ и назначенные княземъ чиновники управляли его трудомъ и надзирали за нимъ. Одни

¹⁾ Пекосинскій соглашается съ тѣмъ, что вся земля принадлежала князю, и что крестьяне сидѣли на княжеской землѣ. Однако это произошло только вслѣдствіе завоеванія, лишившаго покоренное населеніе земельной собственности въ пользу князя. По мнѣнію Смольки, не вся земля принадлежала князю, такъ какъ съ древнихъ временъ существовалъ многочисленный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Значеніе своего положенія Смолька ослабляетъ тѣмъ, что допускаетъ, что эти мелкіе собственники, вслѣдствіе разныхъ экономическихъ и политическихъ причинъ, массой разорялись и теряли свою собственность, становясь свободными чиншевиками.

должны были заниматься охотою, другіе—земледѣіемъ и скотоводствомъ, третьи — ремеслами, смотря по способностямъ, нуждѣ и приказу. Поселенія ремесленниковъ обыкновенно основывались въ окрестности королевскихъ «городовъ» и назывались сообразно занятію или ремеслу жителей, напр.: коморники, здуны, колодзѣи, пекары, скотники, коняры, рыбитвы и т. п.

Каждый «повѣтъ» дѣлился на «ополья» («orole»); населеніе «ополья» должно было исполнять извѣстные натуральныя повинности и платить подати, сообразно съ княжескими распоряженіями и установившимся обычаемъ. Установилась цѣлая система княжескихъ повинностей, изъ которыхъ каждая имѣла свое обычное названіе. Населеніе обязано было: доставлять подводы чиновникамъ и посланцамъ княжескимъ и перевозить припасы изъ княжескихъ амбаровъ на мѣсто ихъ назначенія (такъ-называемый «przewód»=переводъ), содержать князя и его дворъ, когда онъ являлся въ какую-нибудь мѣстность («станъ»), платить опредѣленную подать скотомъ («parzaz»=«нарѣзъ»), медомъ, хлѣбомъ («ser»=«ссыпка») и деньгами («poradnie»=«посошное», «подворное»). Довольно долго роль денегъ исполняли разнаго рода мѣха, монета была рѣдка, первоначально только заграничная, византійская, позднѣе была также и мѣстная, чеканенная на княжескихъ монетныхъ дворахъ.

«Влодари» отвозили подати въ уѣздный «гродъ» и отдавали прокуратору, самому главному фискальному чиновнику въ «повѣтъ»; «влодари» были подчинены ему. Такимъ образомъ въ «городахъ» накоплялись огромные запасы, ожидавшіе княжескихъ распоряженій. Запасы эти предназначались на содержаніе чиновниковъ и «гродскаго» гарнизона и на вооруженіе и содержаніе войска въ случаѣ войны; на эти же средства король устраивалъ пиры для всего населенія въ торжественные дни, раздавалъ одежду и орудія, а въ случаѣ голода или нужды—пособія.

Слѣдовательно, все государство было первоначально однимъ громаднымъ помѣстьемъ, а всѣ жители—земледѣльцами. Отягощенные военной службой и различными податями и повинностями, они не имѣли поземельной собственности, но владѣли наследственно опредѣленными землями ¹⁾. Хотя земледѣльцамъ нерѣдко приходилось по приказу монарха мѣнять мѣсто жительства и родъ занятія, однако можно сказать, что они были лично сво-

¹⁾ Въ самыхъ древнихъ дипломахъ они называются «heredes», т. е. наследственными владѣльцами.

бодны, такъ какъ подчинялись только государю и его чиновникамъ и не имѣли надъ собой никакихъ другихъ господъ. Только жалую костѣламъ земли, государи отдавали значительную часть сельскаго населенія подъ власть церкви (*ascripti ecclesiae*), но власть эта заключалась только въ правѣ взиманія палоговъ, прежде шедшихъ въ пользу князя; во всемъ остальномъ церковные крестьяне подчинялись княжескимъ чиновникамъ и призывались въ военную службу для защиты страны. Притомъ тогдашняя церковь была не самостоятельнымъ учрежденіемъ, а отраслью государственной службы. Если же государь жаловалъ населенную землю частному лицу, то онъ переводилъ крестьянъ изъ этой земли въ другія свои владѣнія ¹⁾).

Еще большому надзору подвергались военно-плѣнные (пруссы, чехи, ятвяги, поморяне и пр.), которыхъ государь поселялъ на своихъ земляхъ; у нихъ была особая организація: они дѣлились на десятки и сотни и подчинялись особымъ чиновникамъ до тѣхъ поръ, пока не сллились съ массой польскаго сельскаго населенія и не исчезли въ ней.

Княжеское хозяйство, въ сравненіи съ прежними временами, представляло огромный прогрессъ. Оно вводило экономическій принципъ раздѣленія труда, вслѣдствіе чего производство совершенствовалось медленно, но успѣшно. Населеніе было принуждено работать болѣе интенсивно, такъ какъ плоды его трудовъ должны были удовлетворить не только потребности самихъ трудящихся, но и многочисленныя нужды государства: содержаніе монарха и его двора, іерархіи духовной и свѣтской, многочисленной рыцарской дружины и «городскихъ» гарнизоновъ. Въ княжескихъ амбарахъ накаплился необходимый для обработки огромныхъ пустошей капиталъ, состоявшій изъ хлѣба, орудій и скота. Все болѣе и болѣе расширялось пространство обрабатываемой земли; хлѣбопашество и скотоводство получали все болѣе широкій перевѣсъ надъ звѣроловствомъ.

Церковно-государственная организація имѣла, кромѣ того, важное социальное значеніе. Къ постоянной военной службѣ монархъ предназначалъ значительное количество людей, отрывая ихъ тѣмъ самымъ отъ экономической дѣятельности. Изъ нихъ образовался особый классъ «влодыковъ», или рыцарей, состоявшихъ на полномъ содержаніи государя и передававшихъ свое ремесло потом-

¹⁾ По мнѣнію Смольки, всѣ княжескіе крестьяне, а также и крестьяне, отданные церкви,—невольники и происходятъ отъ прежнихъ невольниковъ.

камъ ¹⁾. Отдѣльные личности изъ этого класса, выдѣлившіяся способностями и заслугами, достигали высшихъ государственныхъ должностей. То же явленіе повторялось и въ церковной службѣ, такъ какъ женатое духовенство передавало свое званіе дѣтямъ и заботилось объ ихъ образованіи. Нужно, кромѣ того вспомнить, что и духовенство и рыцарство пополнялось иноземными выходцами, которыхъ государи всѣми силами старались привлекать и удерживать въ странѣ.

Рыцарство и духовенство, возникшее и существовавшее благодаря Пястовской монархіи, составляли самую сильную опору ея въ борьбѣ съ сепаратизмомъ отдѣльныхъ племенъ; но этого нельзя было сказать о родахъ княжескихъ. По милости монарха потомки прежнихъ князей удержали за собой обширныя земли (въ Хробаціи и въ Силезіи) съ правомъ наследственнаго владѣнія и вели на нихъ хозяйство по образцу княжескаго посредствомъ рабовъ, надъ которыми имѣли полную власть. Часть ихъ эти бывшіе князья держали, какъ прислугу, въ своихъ «городахъ», или дворахъ, которые называли отъ своего имени (Сѣцеховъ, Прадоцинъ), бѣльшую же часть обращали въ землепашцевъ и селили въ своихъ помѣстьяхъ, причѣмъ названіе селенія означало людей, составлявшихъ собственность пана (Сѣцеховице-Сѣцеховы люди) ²⁾. Хотя правительственная власть перешла исключительно въ руки потомковъ Пяста, все-таки у этихъ князей осталось преданіе о благородномъ происхожденіи, внѣшнимъ признакомъ котораго были родовые рунические знаки, которые они носили на своихъ знаменахъ, а позднѣе на щитахъ. Они придавали блескъ

¹⁾ Пекосинскій, исходя изъ своей гипотезы объ иноземномъ завоеваніи, рыцарство это выводитъ частью отъ завоевателей, частью же изъ класса прежнихъ „влодыковъ“, который однако, переходя на рыцарскую службу къ князю, покинулъ свои земельныя владѣнія. По моему мнѣнію, въ Лехитскихъ племенахъ совершенно не существовало класса „влодыковъ“—собственниковъ, а завоевателей также не было. По мнѣнію Смольки, рыцарство образовалось изъ прежнихъ мелкихъ землевладѣльцевъ.

²⁾ Пекосинскій сообразно съ своей гипотезой о завоеваніи утверждаетъ, что ядро этихъ князей составляли князья оботритскіе, завоевавшіе Польскую землю подъ предводительствомъ потомковъ Попея; однако онъ полагаетъ, что эти князья оставались до конца XI вѣка на службѣ и содержаніи государя и только тогда по его милости получили помѣстья. Этому противорѣчатъ: 1) политическая роль, которую они играютъ въ XI вѣкѣ, что было бы невозможно, еслибы у нихъ не было экономической независимости; 2) многочисленныя пожалованія земель, которые они дѣлаютъ костѣламъ уже въ концѣ XI и въ первой половинѣ XII вѣка, вѣдь, только что получивши земли, они не выпускали бы ихъ сейчасъ же изъ рукъ.

королевскому двору, а потому король съ удовольствіемъ ихъ принималъ у себя, назначалъ ихъ на высокія должности, дарилъ имъ земли и военно-плѣнныхъ; но исключительныхъ правъ и привилегій у князей этихъ не было, всякія же посползновенія ихъ, опасныя для цѣлости государства, карались съ безпримѣрной суровостью. Притомъ, хотя князья и пользовались значеніемъ и вліяніемъ, однако не могли соперничать съ могущественнымъ монархомъ обширнаго государства. И они устраивали себѣ дворы, и они образовали изъ своихъ подданныхъ придворныя дружины, но все это было въ концѣ концовъ только блѣднымъ отраженіемъ двора монарха, представлявшаго центръ всей народной жизни, къ которому по-неволѣ тяготѣли и сами князья.

Кромѣ военной дружины, бывшей чѣмъ-то въ родѣ гвардіи, дворъ короля составляли штатъ особыхъ чиновниковъ и огромное количество слугъ. Къ придворнымъ чинамъ принадлежали: «чесникъ» (pincerna), «стольникъ» (dapifer), «мечникъ» (ensifer), «хорунжій» (vexillifer), «воевода» (palatinus) ¹⁾ — намѣстникъ короля, въ мирное время и на войнѣ занимавшій, слѣдовательно, самый выдающійся постъ, «скарбникъ» (thesaurarius), которому были подчинены всѣ чиновники фиска, «канцлеръ» (cancellarius), завѣдывавшій королевскою канцеляріей и помогавшій королю въ дипломатическихъ сношеніяхъ, наконецъ «коморники» (camerarii), разносившіе приказы и судебныя повѣстки. Кромѣ того, при дворѣ Болеслава существовалъ личный совѣтъ короля, состоявшій, по словамъ Галла, изъ двѣнадцати личныхъ друзей Болеслава, который постоянно съ ними пребывалъ и спрашивалъ ихъ мнѣніе въ важныхъ вопросахъ.

Вся эта придворная іерархія не имѣла никакой самостоятельности. Личность государя была всемъ какъ при дворѣ, такъ и во всемъ государствѣ. Все находилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ короля, онъ лично отдавалъ всѣ приказанія, самъ предводительствовалъ на войнѣ, самъ чинилъ судъ и расправу. Государь не могъ издавать никакихъ общихъ уставовъ и распоряженій потому, что никто изъ его подданныхъ, за исключеніемъ духовенства, даже не могъ бы и прочесть ихъ; даже самыя незначительныя дѣла, задуманныя государемъ, совершались по пред-

¹⁾ Въ первоначальной Польшѣ существовалъ одинъ только воевода; когда же послѣ смерти Болеслава Кривоустаго Польша распалась на удѣлы, то при всякомъ княжескомъ дворѣ, т. е. въ каждой „дѣльницѣ“, появился особый воевода.

начертанному имъ плану, подъ его собственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ. Король былъ живымъ источникомъ права; впрочемъ все опиралось на исконныхъ обычаяхъ. Оттого король съ своимъ дворомъ никогда долго не пребывалъ на одномъ мѣстѣ, но постоянно объѣзжалъ всю страну, узнавалъ ея нужды, награждалъ и наказывалъ чиновниковъ, поддерживая при помощи дружины авторитетъ своей власти, и вездѣ, гдѣ останавливался, сзывалъ населеніе и производилъ судъ и расправу. Поэтому въ тогдашней Польшѣ не было собственно никакой столицы, или постоянной королевской резиденціи. Нѣсколько королевскихъ «городовъ», каковы: Познань, Краковъ, Плоцкъ, Вроцлавъ, имѣли болѣе выдающееся значеніе въ государствѣ; здѣсь король пребывалъ чаще и дольше, они были лучше укрѣплены, гарнизоны ихъ были больше, здѣсь накоплялось больше запасовъ; около нихъ было сосредоточено болѣе значительное количество ремесленного населенія.

Въ судопроизводствѣ король держался старинныхъ правовыхъ обычаевъ; а потому судебный процессъ оставался старинный, основывавшійся на испытаніи желѣзомъ, на поедингѣ и присягахъ; держались прежнія формы договоровъ, попрежнему полагалась вира за голову убитаго, за нанесеніе ранъ и за различные убытки; однако старый порядокъ вещей долженъ былъ уступать въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ требовались реформы. Король былъ выше стариннаго права, и каждый его судебный приговоръ, каждый указъ создавалъ новое право. Такимъ образомъ со временемъ развилось королевское право, дополнившее прежнее, бывшее сводомъ племенныхъ обычаевъ, именно въ сферѣ уголовной. Нарушитель королевскаго указа или запрещенія, напр. человекъ, совершившій разбой на общественной дорогѣ, оскорбившій духовнаго или чиновника и т. п., долженъ былъ платить королевскую виру, называемую «семьдесятъ» («siedemdziesiąt»); если же виновный не могъ уплатить, то онъ обращался въ рабство. Болѣе важныя, политическія преступленія наказывались смертью или изуродованиемъ. Дѣла по вѣсмымъ преступленіямъ такого рода производилъ или самъ король, или его намѣстники, по собственной инициативѣ, не дожидаясь жалобы пострадавшаго. Если не удавалось открыть преступника, то за него отвѣчало все населеніе «ополья», въ которомъ преступленіе было совершено.

Король смотрѣлъ на весь народъ, какъ на одну семью; народъ считалъ короля отцемъ и опекуномъ, оказывалъ ему безусловное довѣріе, какъ своему патріарху и слѣпо повиновался его прика-

заніямъ. Итакъ, мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать первоначальную Польшу государствомъ патріархальнымъ.

Разсмотрѣвши первоначальное устройство польскаго государства, мы должны признать, что оно было прекрасно приспособлено къ тогдашнимъ условіямъ народнаго быта и вполне отвѣчало тогдашнимъ требованіямъ. Польскія племена были еще незрѣлыми и малолѣтними: они еще не были въ состояніи проявлять собственный починъ, для нихъ необходима была сильная отцовская власть и отцевское воспитаніе. Къ счастью, племена эти нашли въ Мѣшкѣ и Болеславѣ Храбромъ столь любящихъ отцевъ, столь сильныхъ духомъ и богатыхъ энергіей! Въ восемьдесятъ лѣтъ изъ дикихъ, языческихъ, варварскихъ скопищъ они создали государство, уже не разъ грозившее сосѣдямъ, образовали христіанскій народъ, стремившійся посредствомъ усиленнаго труда къ болѣе и болѣе совершенному развитію.

Благодарная память сохранилась о нихъ въ потомствѣ. Не прошло и ста лѣтъ, какъ образы Мѣшка и его великаго сына Болеслава приняли въ представленіи народа видъ какихъ-то легендарныхъ исполиновъ; въ такомъ же видѣ изображаетъ ихъ и Галлъ, первый польскій лѣтописецъ, жившій въ началѣ XII вѣка. Состояніе Польши подъ управленіемъ первыхъ двухъ королей казалось потомству недостижимымъ золотымъ вѣкомъ. Однако, отдавая должное заслугамъ первыхъ нашихъ монарховъ, мы не можемъ забывать, что во время ихъ царствованія народъ дѣлаетъ только первые шаги по пути своего развитія.

Польша была еще очень мало населена. Государство, состоявшее приблизительно изъ милліона съ небольшимъ жителей, разбросанныхъ по обширному пространству, не могло успѣшно бороться съ препятствіями, которыя представляла экономическому его развитію дикая, дѣвственная природа. О богатствѣ и благосостояніи въ тогдашней Польшѣ не можетъ быть и рѣчи. Дворъ государя отличался бѣльшимъ искусственнымъ блескомъ, но масса населенія, въ сравненіи съ позднѣйшими временами, хотя бы даже съ временами Кривоустаго, была очень бѣдна. Общество, не имѣвшее, за исключеніемъ немногочисленной шляхты—князей, индивидуальной поземельной собственности, не организовавшееся еще въ общины, было лишено всякой самостоятельности по отношенію къ государю и представляло удобную почву для развитія могущественной монархической власти; подъ управленіемъ такого геніальнаго самодержца, какъ Болеславъ, дисциплина и слѣпое повиновеніе замѣняли въ этомъ обществѣ численность и

силу, но оно не представляло никакой гарантіи прочности своего существованія въ будущемъ ¹⁾).

Политическія и судебныя учрежденія первоначальнаго польскаго государства были подражаніемъ учрежденіямъ франкской монархіи Меровингской и Каролингской эпохи. Эти учрежденія лучше всего сохранились въ германскихъ маркахъ, основанныхъ на западныхъ окраинахъ славянства. Воюя съ нѣмецкими маркграфами, польскіе князья изучили организацію ихъ маркъ и вводили ее въ своемъ обширномъ государствѣ; придавая этой организаціи народный и патриархальный характеръ, они дѣлали ее еще болѣе упругой и сильной. Но тогдашней Польшѣ все-таки не доставало непосредственной связи съ центромъ тогдашней цивилизаціи — съ романскими странами, отъ которыхъ ее отдѣляли Германія и Венгрія. Вліяніе Италіи, вліяніе римской церкви только разъ, въ 1000 году достигло до насъ, и мы видѣли, сколь важныя послѣдствія имѣлъ этотъ фактъ! Вообще же завистливая Германія препятствуетъ такому непосредственному вліянію: она парализуетъ хлопоты Болеслава о полученіи короны изъ Рима, столь пламенно имъ желавшейся. Итакъ, Польша, хотя уже и христіанская, находится внѣ предѣловъ непосредственной дѣятельности римской куріи; послѣдняя не можетъ и интересоваться ею, такъ какъ до Рима доходятъ о ней только смутныя слухи. Венгрія, болѣе счастливая въ этомъ отношеніи, благодаря своему географическому положенію, и развивалась гораздо скорѣе.

¹⁾ Репелль, Шуйскій и Смолька, предполагая, что первоначальное польское общество было экономически самостоятельнымъ, что оно состояло главнымъ образомъ изъ многочисленнаго класса землевладѣльцевъ-собственниковъ, принуждены придавать большое значеніе легендѣ Галла. Однако сдѣлавъ это, мы не могли бы объяснить:

1) Какимъ образомъ самостоятельное общество подчинилось столь безусловному самовластию?

2) Какимъ образомъ самостоятельное, столь образцово организованное общество внезапно политически падаетъ, когда не стало Болеслава?

3) Какимъ образомъ польское общество, несамостоятельность и слабость котораго вполнѣ очевидны еще въ XIII вѣкѣ, могло быть сильнымъ въ XI в.? Неужели же оно регрессировало, не смотря на всѣ цивилизующія вліянія?

IV

**Реакціонные элементы стараются разрушить дѣло Мечислава
и Волеслава Храбраго.**

(1025—1102).

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Исторія времени отъ 1025 до 1102 года обработана въ сочиненіяхъ Реппеля: «Исторія Польши» («Dzieje Polski») и Малэцкаго: «Разсмотрѣніе исторіи и политики первоначальной Польши» («Rozgląd w dziejach i polityce pierwotnej Polski». Przewodnik liter.-nauk. Lwów. 1875. III).

Царствованіе Мѣшка II образцово изслѣдовалъ, реабилитируя этого короля, несправедливо прозваннаго Лѣнивымъ (Gnuśny),—

Левицкій, Анатолій: «Мѣшко II». («Mieszko II». Rozprawę wydziału hist. filoz. Akad. um. Kraków. 1876. V).

Выясненіемъ преданія о пребываніи Казимира въ монастырѣ Клюньи занимались:

Малиновскій: «О пребываніи Казимира въ Клюньи». («Rzecz o pobycie Kazimierza w Clugny». Rocznik Tow. nauk. Kraków. 1869).

Слядковскій, Мартинъ: «Казимиръ Монахъ». («Kazimierz Mnich». 1870).

Свѣжзавскій, Эрнестъ: «Критическія изслѣдованія». I. («Zarysy badań krytycznych». I. Warszawa. 1873).

Смольва, Станиславъ: «Преданіе о Казимирѣ Монахъ». («Tradycya o Kazimierzu Mnichu». Rozprawę wydz. hist. Akad. um. Kraków. 1877. VI).

Войцѣховскій, Фаддей: «О Казимирѣ Монахъ». («O Kazimierzu Mni-chu». Pamiętnik wydz. hist. Akademii. Kraków. 1881. tom IV).

Объ убійствѣ св. Станислава Болеславомъ Смѣлымъ создалась цѣлая литература, перечень ея даетъ Францискъ Стефчикъ въ разсужденіи: «Паденіе Болеслава Смѣлаго». («Upadek Balesława Smiałego». Ate-neum. Warszawa. 1885. I).

Смутнаго времени, наступившаго въ Польшѣ послѣ удаленія Болеслава Смѣлаго, касается въ прекрасномъ разсужденіи —

Левицкій, Анаголій: «Вратиславъ II, какъ претендентъ на польскій престолъ». («Wratysław II królem polskim». Przemysł. 1876).

Для царствованія Владислава Германа см. литературу отдѣла V.

§ 15. Смерть Болеслава Храброго.

Мѣшку и Болеславу Храброму, людямъ великаго ума и характера, была обязана Польша своимъ возникновеніемъ и первоначальнымъ величіемъ; имъ она обязана была тѣмъ, что изъ языческой стала христіанской, изъ хаоса мелкихъ славянскихъ «людовъ» — государствомъ, которое было въ состояніи отражать враговъ, развивать экономическую дѣятельность, укрѣплять общественныя отношенія и распространять цивилизацію.

Пока Болеславъ поддерживалъ это государство силой своего ума и характера, нельзя было бояться за его прочность. Но за то въ моментъ его смерти можно было поставить вопросъ, не рухнетъ ли созданное имъ дѣло безъ такой опоры, сможетъ ли оно держаться само собой и подавить враждебные элементы? Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что такіе элементы существуютъ. Всѣ сосѣди относились крайне враждебно къ недавно возникшему польскому государству. Нѣмцы ненавидѣли его, такъ какъ оно ставило преграду ихъ завоевательной дѣятельности; чехи выжидали удобный моментъ, чтобы возвратить себѣ первенство среди славянскихъ народовъ; Русь, пруссы и венгры стремились поживиться на его счетъ и возвратить свои потери. Только слава Болеслава удерживала всѣхъ этихъ сосѣдей отъ наступательныхъ дѣйствій, но что будетъ тогда, когда слава эта станетъ только достояніемъ прошлаго? Еще опаснѣе были внутренніе враги. Значительная часть темнаго народа не забыла еще прежняго язычества, отдѣльныя племена и «дѣльницы», соединенныя въ одно цѣлое, помнили о своей прежней самостоятельности, а въ князьяхъ, представителяхъ прежнихъ владѣтельныхъ династій, они видѣли своихъ естественныхъ вождей. Желѣзное

устройство новаго государства держало все это въ предѣлахъ, подавляя недовольство и сепаратистическія стремленія, приучая къ единству и порядку, но это устройство держалось твердостью и проницательностью Болеслава Храбраго. Кто могъ сказать съ увѣренностью, что послѣ его смерти оно не рухнетъ и все не вернется къ прежней анархіи? Развѣ не грозила Польшѣ опасность отъ самаго престола? Развѣ на немъ не могъ сѣсть чело-вѣкъ неспособный, способный только испортить самыя лучшія стремленія народа, или чело-вѣкъ, преданный своимъ прихотямъ и страстямъ, разрушающій легкомысленными поступками все то, что создано было благоразуміемъ и упорнымъ трудомъ? Развѣ возможная борьба за престолъ между нѣсколькими претендентами не могла привести къ окончательному упадку всю страну?

Болеславъ Храбрый ставилъ себѣ всѣ эти вопросы. Собравъ своихъ приближенныхъ около смертнаго одра, онъ высказывалъ имъ свои печальныя предчувствія и, желая обезпечить свое дѣло, назначилъ наслѣдникомъ не самаго старшаго, но самаго способнаго изъ своихъ сыновей, Мѣшка ¹⁾.

§ 16. *Мѣшко II. (1025—1034).*

Обаяніе Болеслава было такъ сильно, что послѣ его смерти еще нѣкоторое время Польша и ея король Мѣшко II наслаждались спокойствіемъ. Но вскорѣ братья Мѣшка Безпримъ и Оттонъ, стремясь къ власти, подняли на Польшу сосѣдей, которые и бросились на нее со всѣхъ сторонъ. Венгры захватили землю закарпатскихъ словаковъ, чехи завоевали Моравію, датчане подъ начальствомъ своего великаго короля Канута — Поморье, Ярославъ—червенскіе города; полабскія племена отпали отъ Польши, а императоръ Конрадъ II занялъ Лужицы и объявилъ войну Польшѣ. Мѣшко II бросался на враговъ, какъ храбрый воинъ, но судьба ему не благопріятствовала, онъ не былъ Болеславомъ:

¹⁾ Отъ четырехъ женъ Болеславъ оставилъ семеро дѣтей: трехъ сыновей и четыре дочери. Сыновья: 1) Безпримъ, отъ второй жены, венгерки, родившійся между 986—989 гг., 2) Мѣшко II Ламбертъ, родившійся отъ Эмнильды въ 990 г., 3) Отто, отъ той же жены родившійся, вѣроятно, до 1000 г. Дочери: 1) пріорисса въ какомъ-то монастырѣ, имя которой неизвѣстно, 2) Регелинда, родившаяся около 991 г., выданная за Германа, маркграфа мейсенскаго, 3) жена Святополка русскаго, имя неизвѣстно, 4) Матильда, выданная послѣ смерти отца за Оттона Швейнфуртскаго.

не умѣлъ успѣшно раздѣлить соединенныхъ враговъ, и наконецъ послѣ кровопролитной борьбы уступилъ превосходнѣйшей силѣ. Однако главная причина пораженія заключалась во внутреннемъ ослабленіи Польши, вслѣдствіе династической распри, сепаратистическихъ стремленій княжескихъ родовъ и языческой реакціи народа. Всѣ эти элементы, сдерживаемые, но не вполне подавленные желѣзной рукой Болеслава Храбраго, выступили на сцену въ царствованіе его преемника. Вліяніе ихъ видно въ историческихъ фактахъ, о которыхъ, впрочемъ, до насъ дошли только отрывочныя воспоминанія. Въ 1031 г. произошелъ бунтъ, Мѣшко принужденъ былъ бѣжать, а престолъ занялъ Безпримъ при помощи нѣмцевъ и русскихъ. Вскорѣ онъ поплатился жизнью за свою жестокость, и Мѣшко снова возвращается на престолъ, но, подавленный невгодами, онъ только цѣной выраженія покорности императору въ Мерзебургѣ могъ обезпечить себѣ миръ съ Германіей; до конца жизни онъ принужденъ былъ бороться съ внутренней анархіей и умеръ въ помѣшателствѣ въ 1034 г.

§ 17. Реакція. (1034—1040).

Теперь уже вполне разразилась гроза надъ несчастной страной. По новѣйшей гипотезѣ, Мѣшку наследовалъ старшій сынъ Болеславъ, но вскорѣ противъ него выступилъ младшій братъ его, Казиміръ отъ второй жены Мѣшка, Риксы; онъ первоначально былъ посвященъ родителями иноческой жизни. Счастіе не благоприятствовало Казимиру, онъ былъ принужденъ бѣжать изъ страны вмѣстѣ съ матерью; но и Болеславъ вскорѣ послѣ этого погибъ въ междоусобной борьбѣ; теперь народъ, не чувствуя надъ собой никакой власти, даетъ волю своимъ страстямъ. Христіанство существовало въ Польшѣ еще недолго, притомъ оно было навязано народу только наружно, а глубокихъ корней еще не пустило. Поэтому понятно, что язычество подняло голову, какъ только наступилъ удобный моментъ. Народъ жегъ костѣлы, срубалъ кресты, прогонялъ и избивалъ духовенство и возвращался къ прежнимъ кумирамъ и обрядамъ. Каждое племя хотѣло жить само по себѣ; чиновничья іерархія, защищавшая единство государства, подверглась той же судьбѣ, что и духовенство. Въ княжескихъ родахъ оживилась традиція прежней власти; вездѣ появились самозванные предводители народа и провозгласили себя князьями отдѣльныхъ земель («дѣльницъ»). Среди нихъ са-

мую большую известность приобрѣлъ Маславъ, бывший нѣкогда «чесникомъ» при дворѣ Мѣшка, теперь ставшій независимымъ владѣтелемъ Мазовіи ¹⁾.

Всеобщей смутой въ Польшѣ воспользовались чехи. Тогда между Польшей и Чехіей не выработались еще тѣ различія, которыя обнаруживаются въ позднѣйшей исторіи того и другого народа. Существовали два государства польское и чешское, но не было двухъ народностей: населеніе обоихъ государствъ по языку и обычаямъ сознавало себя одинаково славянскимъ. Поэтому соединеніе его въ одно государство не было невозможно, и мы видѣли, что Болеславъ Храбрый думалъ объ этомъ и въ моментъ разстройства чешскаго государства осуществилъ — было свой планъ, но принужденъ былъ отказаться отъ него, только благодаря нѣмецкому вмѣшательству. Теперь мужественный чешскій король Бржетиславъ (1037—1055) въ свою очередь также направилъ всѣ свои силы на подчиненіе разстроенной Польши. Чешскія притязанія потерпѣли неудачу, но не потому, чтобы въ Польшѣ было сильно сознание національной особенности; Польша осталась независимой главнымъ образомъ отъ того, что въ народѣ ея было сильно вѣроуваженіе къ своей династіи Пястовъ. Отъ походовъ короля Бржетислава осталось только воспоминаніе о томъ, какъ его отряды жгли и грабили все то, чего еще не успѣла разрушить мятежная чернь. Смута продолжалась шесть лѣтъ; дѣло Мѣшка I и Болеслава казалось окончательно уничтоженнымъ. Но теперь-то именно и обнаружилась вся жизненность этого дѣла, а также и сила привязанности народа къ династіи.

§ 18. *Казиміръ Возстановитель (1040—1058 ²⁾*

Когда наконецъ вся тяжесть бѣдствій, порожденныхъ анархіей, обрушилась на народъ, тогда только стало понятно, какимъ

¹⁾ Проф. Шуйскій вмѣстѣ съ прежней школой допускаетъ еще третью причину бунта: сопротивленіе нѣкогда вольныхъ «кметовъ» фискальному гнету княжеской власти, обременявшему ихъ поземельную собственность.

²⁾ Казиміръ I, сынъ Мѣшка II и жены его Риксы (дочери Эзона и принцессы Магильды), род. 1016 г., царствовалъ отъ 1040 до 1058, имѣлъ сестру Риксу, выданную за Белу I, короля венгерскаго; Казиміръ былъ женатъ на дочери Владиміра, кн. русскаго, Маріи-Доброгнѣвѣ и имѣлъ отъ нея четырехъ сыновей: Болеслава, Оттона, Мѣшка и Владислава Германа.

благодѣяніемъ для страны были порядки, заведенные двумя великими монархами, хотя въ то время эти порядки казались слишкомъ тягостными. Уцѣлѣвшіе остатки духовенства и рыцарства, вѣрнаго преданіямъ Болеслава, начали соединяться, ободрившись, стали собирать подъ свои знамена сбитое съ толку населеніе и давать отпоръ мятежникамъ. Былъ призванъ Казиміръ, который прибылъ въ Польшу, получивъ помощь отъ императора Генриха III въ видѣ шестисотъ нѣмецкихъ рыцарей, а также и отъ русскихъ, благодаря родству съ Владиміромъ Великимъ. Занявъ въ 1040 г. какой-то пограничный «гродъ», Казиміръ началъ дѣло усмиренія бунта и возстановленія государства и церкви. Самозванные князья смирились, народъ возвращался къ спокойному труду, возстановлялось христіанство, отстраивали костѣлы и замки, возвращали на прежнія мѣста чиновниковъ. Самое упорное сопротивленіе оказывалъ Маславъ; къ нему, въ Мазовію, бѣжали толпы непримиримыхъ мятежниковъ и, кромѣ того, его поддерживали поморяне, пруссы и ятвяги. Шесть лѣтъ, вплоть до 1047 г. продолжалась борьба съ нимъ, когда наконецъ Казиміръ разбилъ его въ кровавой битвѣ и опять присоединилъ Мазовію къ Польшѣ. Въ 1054 г. былъ возвращенъ отъ чеховъ Вроцлавъ; итакъ, отъ Польши отпало одно только Поморье. Вплоть до своей смерти въ 1058 г. Казиміръ «Возстановитель» (Odpowiciel) велъ дѣло возрожденія, придерживаясь образца, завѣщаннаго Болеславомъ, и пользуясь обаяніемъ великаго монарха, котораго не изгладилъ въ народѣ даже долгіе годы смуты.

У насъ нѣтъ подробныхъ данныхъ о дѣятельности Казиміра, но, судя по результатамъ, мы должны признать за ней огромное значеніе. Сила древняго язычества и сепаратизмъ отдѣльныхъ племенъ были подавлены мудрыми и систематическими мѣрами, что избавило Польшу на долгое время отъ соціальныхъ переворотовъ. Возстановленіе и упроченіе церковной организаціи было, такъ сказать, призваніемъ Казиміра, такъ какъ родители отдали его первоначально въ монастырь (въ Польшѣ), гдѣ онъ получилъ богословское и научное образованіе. Дѣло «возстановленія» не осталось безъ вліянія на дальнѣйшую политическую роль представителей прежнихъ княжескихъ родовъ. Они потеряли почву, которую представляли для нихъ племенные традиціи народа. Въ борьбѣ, которую они продолжаютъ еще вести, народъ стоитъ уже не на ихъ сторонѣ, но вмѣстѣ съ рыцарствомъ и духовенствомъ все болѣе и болѣе поддерживаетъ монарха. Потерявъ возможность выступать въ качествѣ защитниковъ преж-

нихъ порядковъ и представителей отдѣльныхъ племенъ, княжескіе роды замыкаются въ сферѣ собственныхъ интересовъ и, мирясь окончательно съ новымъ порядкомъ вещей, образуютъ особый классъ — «шляхту», «можновладство», съ которымъ мы встрѣчаемся во время царствованія сыновей Казимира: Болеслава Смѣлаго и Владислава Германа.

Этотъ важный историческій процессъ чрезвычайно ускоряется благодаря двумъ обстоятельствамъ: размноженію княжескихъ родовъ и дальновидной политикѣ монарховъ. Вслѣдствіе распространенности принципа раздѣленія недвижимаго имущества, княжескимъ родамъ грозило обѣднѣніе, отъ котораго ихъ могли спасти только пожалованія новыхъ земель. Государи не только не были противъ этого, но даже видѣли пользу въ томъ, что обширныя пустоши заселяются и обрабатываются, поэтому они охотно жаловали такія пустоши потомкамъ прежнихъ князей, оказавшимъ какія-нибудь услуги трону. Однако государи соблюдали осторожность: они не увеличивали старинныхъ княжескихъ владѣній, но потомкамъ хробацкихъ и силезскихъ династій давали земли въ Великой Польшѣ, въ Куявіи и въ Мазовіи и такимъ образомъ переносили отдѣльныя вѣтви извѣстнаго рода туда, гдѣ онъ не имѣлъ мѣстной традиціи и не былъ опаснымъ въ политическомъ отношеніи. Сѣтъ «можновладства», такимъ образомъ раскинутого по всему государству, напротивъ, скрѣпляла его единство также, какъ и іерархія духовная.

§ 19. Болеславъ Смѣлый (1057—1080 ¹⁾).

Болеславъ получилъ такой перевѣсъ надъ своими братьями, что исторія на этотъ разъ совершенно не упоминаетъ о династическомъ междоусобіи. Впрочемъ, два брата Болеслава, Оттонъ и Мѣшко вскорѣ умерли, а третій, Владиславъ Германъ, отличался слабостью характера. За то мы знаемъ, что Болеславъ II вель много войнъ и вель ихъ счастливо. Въ 1061 г. онъ отправляется въ Венгрію и восстанавливаетъ на престолѣ Белу, свергнутого Андрея; въ 1069 г. является съ войскомъ на Русь, добываетъ

¹⁾ Болеславъ II Смѣлый, самый старшій сынъ Казимира I, вступилъ на престолъ 1058, царствовалъ до 1079 или до 1081 г., такъ какъ дата его изгнанія не опредѣлена, умеръ въ изгнаніи (годъ смерти неизвѣстенъ), у него остался сынъ Мѣшко отъ жены Виславы, дочери Святослава, кн. русскаго.

Кіевъ въ пользу Изяслава, изгнаннаго собственными подданными, и снова присоединяетъ къ Польшѣ червенскіе города; въ 1074 г. онъ возводитъ на венгерскій престолъ Гейзу, устранивъ другого претендента Соломона; въ 1076 опять поддерживаетъ Изяслава, отражаетъ поморянъ и кромѣ того постоянно борется съ Чехіей, причѣмъ не только заставляетъ Вратислава II отказаться отъ претензіи на Польшу, но еще, желая отмстить за прежнія чешскія нашествія, страшно опустошаетъ Чехію. Однако, едва только Болеславъ достигъ высшей точки своего могущества и украсился королевскою короной (въ 1076 г.), уже ему пришлось бороться съ внутреннимъ бунтомъ, при этомъ у него происходитъ враждебное столкновение съ краковскимъ епископомъ Станиславомъ, король, давъ волю своему гнѣву, убиваетъ его 11 мая 1079 года; вслѣдствіе этого факта, Болеславъ теряетъ тронъ и принужденъ бѣжать въ Венгрію, гдѣ и оканчиваетъ жизнь въ изгнаніи и полномъ забвеніи.

Эти сухіе факты въ устахъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые намъ ихъ рассказываютъ, получили вполне характеръ легенды. По ихъ словамъ, неустанные походы Болеслава чрезвычайно утомляли рыцарство. Во время долгаго отсутствія господъ оставшаяся дома челядь стала бунтовать, похищать ихъ женъ и дочерей и пользоваться ихъ имуществомъ. Рыцари, узнавъ объ этомъ, оставили короля, занятаго войной на Руси, и вернулись домой, чтобы произвести кровавую расправу. Болеславъ пришелъ въ страшную ярость, скоро возвратившись изъ похода, онъ началъ жестоко преслѣдовать и тѣхъ, которые его оставили, и тѣхъ, которые производили въ краѣ беспорядки и вызвали массовое возвращеніе рыцарей изъ похода. Жестокость короля нисколько не сдерживалась чувствомъ справедливости, его развратъ и страсти не знали никакой узды и предѣла. Однако, среди духовенства нашелся мужъ, рѣшившійся выступить открыто противъ короля и громко призывать его къ покаянію. Болеславъ, не привыкшій къ такимъ рѣчамъ кого бы то ни было изъ его подданныхъ, ослѣпленный страстями и гордостью, впалъ въ еще большій гнѣвъ, еще больше погрязъ въ порокахъ и преступленіяхъ. Но и епископъ Станиславъ не оставилъ своего намѣренія. Страшное церковное проклятiе пало на голову короля, предъ нимъ затворились костѣлы, прекратилось богослуженіе. Всѣ отшатнулись отъ Болеслава, всѣ проклинали его, какъ виновника несчастія; противъ него открыто составлялись заговоры. Видя, что епископъ побѣждаетъ, король, не знавшій мѣры въ своемъ гнѣвѣ, рѣшилъ

покончить дѣло однимъ ударомъ. Однажды, когда св. Станиславъ служилъ мессу въ костѣлѣ на Скалкѣ въ Краковѣ, появился на порогѣ Болеславъ и, внѣ себя отъ гнѣва, приказалъ дружинѣ умертвить епископа. Придворные съ ужасомъ отшатнулись. Тогда король бросился съ обнаженнымъ мечемъ на епископа и собственноручно убилъ его. Но съ этого времени Божіе проклятіе стало преслѣдовать преступника. Весь народъ отшатнулся отъ него и принудилъ его оставить престолъ и страну. Такъ объясняетъ исторію Болеслава, безусловно осуждая его, легенда, созданная подъ вліяніемъ канонизированія св. Станислава.

Для историка царствованіе Болеслава Смѣлаго должно представляться въ нѣсколько иномъ видѣ. Мы видимъ въ немъ прежде всего монарха, который въ своей дѣятельности несомнѣнно подражалъ Болеславу Храброму: онъ, ведя войны на всѣхъ границахъ, старался поддержать цѣлость государства, расширить его предѣлы и значеніе; своей коронаціей онъ также возвысилъ идею самостоятельности Польши. Равный Болеславу Храброму смѣлостью, рѣшимостью и мужествомъ, Болеславъ Смѣлый не имѣлъ однако его вѣрнаго взгляда на окружающія обстоятельства и сознанія болѣе глубокихъ цѣлей, къ которымъ онъ долженъ былъ стремиться. Войны Болеслава Смѣлаго имѣли характеръ скорѣе исканія приключеній, нежели завоеваній, задуманныхъ съ политической цѣлью. Теряя силы на Руси и въ Венгріи, Польша упускала изъ вида свою главную задачу, состоявшую въ томъ, чтобы объединить западныхъ славянъ и удержать все теченіе Одера и берега Балтійскаго моря. Кромѣ того, эти войны не сопровождались мудрыми внутренними реформами.

Въ то время европейскія обстоятельства складывались для Польши благоприятно. Между императоромъ Генрихомъ IV и великимъ папой, Григоріемъ VII, началась долголѣтняя борьба за главенство папской власти надъ императорской, за верховенство церкви надъ государствомъ. Григорій, отлучивъ отъ церкви Генриха, искалъ противъ него союзниковъ, чтобы окончательно сломить его мірской силой. Въ то самое время, когда униженный императоръ въ одеждѣ кающагося грѣшника молилъ о прощеніи у воротъ папскаго замка Каноссы, въ Польшу отправлялся папскій легатъ, чтобы произвести необходимыя реформы въ разстроенной польской церкви. Итакъ, Болеславу представлялся удобный случай установить съ папскимъ престоломъ болѣе близкія, непосредственныя отношенія и, вслѣдствіе этого, усилить свое значеніе и вліяніе въ христіанскомъ мірѣ. Желая, однако, извлечь

выгоду для государства и народа изъ этихъ отношеній къ римской куріи, желая стать подъ могущественную защиту тогдашняго папства, нужно было признать себя слугою церкви, нужно было обезпечить за ней преобладающее значеніе въ государствѣ и безусловно повиноваться ея приказаніямъ. Тогдашній польскій властитель не умѣлъ и не могъ этого сдѣлать. Католическая церковь въ Польшѣ, введенная государемъ насильственно, была политическимъ учрежденіемъ, подчинявшимся во всемъ королямъ, какъ и на греческомъ востокѣ. Тѣсныя отношенія къ Руси еще болѣе утвердили идею неограниченнаго самодержавія монарха. Могъ ли Болеславъ Смѣлый порвать съ традиціей, завѣщанной ему великими предками, могъ-ли самъ, какъ ему казалось, ослабить свою власть? Итакъ, онъ не воспользовался новымъ историческимъ теченіемъ для того, чтобы утвердить свою власть на новыхъ основаніяхъ; онъ остался самодержцемъ, но крутыя мѣры или неумѣстно примѣнялись, или оказывались уже не дѣйствительными особенно тамъ, гдѣ противъ грубой силы выступала нравственная сила церкви, гдѣ «можновладство» свѣтское соединилось съ «можновладствомъ» духовнымъ и находило могущественную поддержку.

Союзъ такой состоялся, очевидно, въ послѣдніе годы, и Болеславъ не нашелъ достаточной защиты противъ него ни въ народѣ, ни въ своемъ рыцарствѣ.

Убійство св. Станислава имѣло не только временное значеніе. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживалась сила этого факта, послѣдствіемъ котораго было сближеніе Польши съ Западомъ и пробужденіе въ польскомъ обществѣ идеи свободы и самостоятельности по отношенію къ самодержавію монарха.

Къ несчастью, это дѣлалось на счетъ монархической идеи, которой въ умахъ народа былъ нанесенъ первый чувствительный ударъ, и не слишкомъ ли рано дѣлалось? Не лучше ли былъ для тогдашней Польши еще до извѣстнаго времени абсолютизмъ первыхъ Болеславовъ, который удерживалъ въ предѣлахъ полудикое общество физической силой? Умѣло ли это общество разумно пользоваться идеей свободы?

§ 20. *Владиславъ Германъ (1080—1102 ¹⁾*.

Царствованіе Владислава Германа, кажется, говоритъ противъ этого предположенія. Его призвала на престолъ послѣ бѣгства Болеслава Смѣлаго аристократическая іерархія духовная и свѣтская и, пользуясь слабостью и несамостоятельностью его характера, правила при немъ свободно. Вышнія дѣла этого правленія не были блестящи. Приобрѣтеніе Болеслава Смѣлаго—червенскіе города были потеряны, съ поморянами началась кровопролитная, но безплодная борьба, нѣмцамъ оказывалась полная покорность и поэтому, вѣроятно, Владиславъ Германъ отказался отъ раздражавшей ихъ коронаціи. Въ народѣ правленіе пановъ также не было популярно. Народъ вспоминалъ времена могущественныхъ королей и всѣ свои надежды полагалъ на молодого Мѣшко, сына Болеслава Смѣлаго, жившаго при венгерскомъ дворѣ и очень много обѣщавшаго. Поэтому, когда Мѣшко въ 1086 г. при помощи венгровъ вступилъ съ войскомъ въ страну, Владиславъ Германъ, осажденный въ Краковѣ, принужденъ былъ отдать ему часть Польши въ управленіе. Къ счастью для короля и для «можновладства», молодой Мѣшко уже въ 1089 г. покинулъ этотъ міръ. Печаль всего народа сопровождала его до могилы, смерть его приписывали отравленію.

Такая привязанность къ династіи въ массѣ населенія не удержала «можновладства» отъ новой борьбы за власть. Не довольствуясь должностями мелкихъ «городскихъ» чиновниковъ въ «повѣтѣ», стремясь къ высшимъ и болѣе властнымъ постамъ, «паны» раздѣлили всю страну на «дѣльницы» (удѣлы), соответствовавшія прежнимъ племеннымъ территоріямъ, и во главѣ каждой такой «дѣльницы» поставили чиновника изъ своей среды, который начальствовалъ надъ «кѣштелянами» и такимъ образомъ уменьшалъ непосредственное вліяніе короля на «городскихъ» каштеляновъ». Самую важную роль между всѣми «панами» игралъ воевода Сѣцехъ. Воевода всегда имѣлъ громадную власть, какъ намѣстникъ короля, но насколько значеніе его умалялось при

¹⁾ Владиславъ I Германъ, младшій сынъ Казимира I, занялъ престолъ послѣ удаленія Болеслава Смѣлаго, умеръ въ 1102 г. У него было двѣ жены: 1) Юдиѣ, дочь Вратислава чешскаго, 2) Юдиѣ, дочь императора Генриха III бывшая прежде за Соломономъ Венгерскимъ. Отъ первой жены родился въ 1085 г. сынъ Болеславъ Кривоустый.

король великомъ и дѣятельномъ, настолько усиливалось при слабомъ и неспособномъ, какимъ былъ Владиславъ Германъ. Тогда воевода былъ настоящимъ намѣстникомъ короля: завѣдовалъ всей политикой, объявлялъ войны, заключалъ мирные договоры, засѣдалъ въ судѣ, назначалъ и смѣнялъ чиновниковъ по своему усмотрѣнію. Представимъ себѣ, что такимъ воеводой былъ Сѣцехъ, глава «можнаго» рода Старжей, очень богатый «панъ», человекъ большого таланта, энергіи и мужества, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Владислава Германа, и мы легко поймемъ, что власть его была грозной не только для всѣхъ «пановъ» и чиновниковъ, но даже опасной для самой династіи Пястовъ. Пястамъ грозило то же, что нѣкогда при такихъ же условіяхъ сдѣлали съ династіей Меровинговъ воеводы, называемые во Франціи маюрдомами, — Каролинги. Тѣмъ, что въ XII вѣкѣ въ Польшѣ не царствовали потомки Сѣцеха, она обязана не столько распрѣ, возникшей среди «можновладства», сколько необыкновенной рѣшительности сыновей Германа: Сбигнѣва, отъ наложницы, и Болеслава Кривоустаго, отъ первой жены Юдиен; они съумѣли перетянуть на свою сторону народъ и раздѣлить «можныхъ пановъ».

Въ 1095 г. Сбигнѣвъ появился у воротъ Вроцлава, помогаясь отъ отца признанія своихъ правъ; «каштелянъ» Силезіи Магнусъ, ненавидѣвшій Сѣцеха, становится на его сторону, а Владиславъ Германъ, удовлетворяя требованія Сбигнѣва, отдаетъ ему Силезію. Но Сѣцехъ не помирился съ случившемся фактомъ: до тѣхъ поръ раздражалъ Сбигнѣва и бунтовалъ противъ него подданныхъ, пока послѣдній не взялся за оружіе. Сѣцехъ разбилъ его въ кровопролитной битвѣ, отнялъ у него Силезію, самого его заключилъ въ тюрьму въ своемъ замкѣ Сѣцеховѣ, а намѣсто Магнуса назначилъ своего родственника Войслава. Гордость Сѣцеха дошла до зенита, но враги его сомкнулись въ одну тѣсную шеренгу. Къ двору Германа собираются всѣ епископы и много свѣтскихъ пановъ и заставляютъ слабого князя удалить Сѣцеха, освободить заключеннаго Сбигнѣва и выдѣлить извѣстныя «дѣлницы» (удѣлы) какъ ему, такъ и законному сыну, Болеславу Кривоустому, подававшему блестящія надежды.

Однако Сѣцехъ успѣлъ опять забрать въ руки слабого князя. Между княземъ, котораго водилъ на помочахъ Сѣцехъ, и его сыновьями началась предосудительная междоусобная война. Послѣ многихъ превратностей Болеславъ и Сбигнѣвъ осадили отца въ

Плоцкѣ и, заключивъ наконецъ въ 1097 г. съ нимъ миръ при посредничествѣ Мартина, епископа гнѣзненскаго, оставили ему Мазовію, изгнали Сѣцеха, а остальную страну раздѣлили между собой. До смерти Германа, въ 1102 г., продолжалась мрачная тишина, среди которой росъ, подготовлялся къ правленію и упражнялся въ военномъ дѣлѣ въ войнахъ съ поморянами великій герой, Болеславъ Кривоустый.

Болеславъ Кривоустый

(1102—1139).

ЛИТЕРАТУРА.

Репелля дополняютъ слѣдующія разсужденія:

Малэцкій, Антоній: «Царствованіе Болеслава Кривоустаго». («Panowanie Bolesława Krzywoustego». Przewodnik naukowo-literacki. Lwów. 1873. I).

Бѣлѣвскій, Августъ: «Рожденіе Болеслава Кривоустаго и смерть его матери Юдией». («Urodziny Bolesława Krzywoustego i śmierć matki jego Judyty». Przewodnik liter. nauk. Lwów. 1873. I).

Миѣлашевскій, Юлій: «Поморскія войны Владислава Германа и Болеслава Кривоустаго». («Wojny pomorskie Władysława Германа i Bolesława Krzywoustego». Kraków. 1879).

Закржевскій, Игнатій: «О присоединеніи восточнаго Поморья къ Польшѣ и объ его потерѣ». («O przyłączeniu wschodniego Pomorza do Polski i o jego oderwaniu». Poznań. 1882).

Для завѣщанія Кривоустаго смотри литературу слѣдующаго отдѣла.

§ 21. «Можновладство» по отношенію къ Кривоустому ¹⁾

Итакъ, польское государство побѣдоносно пережило всѣ перевороты и бури, постигшіе его послѣ смерти Болеслава Храбраго,

¹⁾ Болеславъ II Кривоустый, сынъ Владислава Германа и Юдией, род. въ 1085 г., вступилъ на престолъ послѣ отца въ 1102, умеръ въ 1139. Былъ

вопреки опасеніямъ, мучившимъ великаго героя на смертномъ одрѣ. Существовалъ прочный центръ тяжести, къ которому стягивалось общество всякій разъ, какъ только проходила временно разстроившая его буря. И не имѣя у кормила Болеслава Храбраго, Польша все-таки потеряла не много изъ своихъ естественныхъ границъ, по прежнему продолжала быть грозною для сосѣдей и все-таки подвигалась впередъ въ отношеніи внутренняго развитія и цивилизаціи. Не истощила ее языческая народная реакція послѣ смерти Мѣшка II, не разрушили ее ни потомки Болеслава Храбраго въ борьбѣ за престолъ, ни потомки прежнихъ княжескихъ родовъ въ борьбѣ съ престоломъ. Іерархія «можновладства», которую они составляли вмѣстѣ съ епископами, не выработала себѣ еще и теперь ясной программы дѣйствій; не имѣя мудраго руководителя въ слабомъ королѣ, какимъ былъ Владиславъ Германъ, она попадала часто на ложный путь, но стоило только престолъ занять человѣку болѣе способному, обладавшему силой характера, умѣвшему воспользоваться этою іерархіей для своихъ цѣлей, и онъ нашелъ въ ней сильную опору. Такую задачу исполнилъ въ совершенствѣ Болеславъ Кривоустый. Окружая церковь и духовенство заботливой опекой, осыпая его благодѣяніями, основывая новые монастыри и увеличивая пожалованія прежнимъ, онъ скоро расположилъ въ свою пользу эту важную политическую силу. Съ «можновладствомъ» свѣтскимъ дѣло было труднѣе. Послѣ изгнанія Сѣдеха, самый могущественный до того времени родъ Старжей (Топорчиковъ) захудалъ и только уже позднѣе, въ XIV вѣкѣ, опять получилъ прежнее значеніе. Зато цѣлый рядъ другихъ «пановъ» выступаетъ на историческую арену во времена Кривоустаго, а именно: Войславъ (изъ рода Свѣбодзичей - Грифитовъ) и незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Польшу князь лютичей Якса (изъ того же рода), воевода Скарбимиръ (изъ рода Габданковъ), Прандота (изъ рода Одровонжей), Вшеборъ (изъ рода Лабѣндзей) и т. д. и самый извѣстный изъ всѣхъ ихъ, Петръ Власть (изъ того же рода), родственникъ короля по женѣ Маріи, княжнѣ русской, панъ, обладавшій баснословными богатствами, соперничавшій съ королемъ въ постройкѣ на свой счетъ костеловъ и монастырей. Однако Кривоустый умѣлъ держать въ рукахъ всю эту вельможную клиентелу. Онъ умѣлъ увлечь за собою всѣхъ въ стремленіи къ высшимъ

женатъ два раза: 1) на Збиславѣ, дочери русскаго кн. Святополка, 2) на Саломеѣ, дочери графа Генриха фонъ-Бергенъ.

національнымъ цѣлямъ, умѣлъ примѣрно и карать, и награждать. Воеводѣ Вшебору, трусившему на полѣ битвы, онъ послалъ въ подарокъ кудель и такъ этимъ его посрамилъ, что Вшеборъ свилъ изъ этой кудели веревку и повѣсилъ на ней. Воеводу Скарбимира онъ приказалъ ослѣпить за мятежные замыслы и даже не поколебался передъ ослѣпленіемъ собственнаго брата Сбигнѣва, такъ какъ послѣдній былъ неисправимъ и призывалъ враговъ противъ родины.

Болеславъ Кривоустый хотѣлъ воодушевить своими стремленіями духовную и свѣтскую чиновничью старшину, поэтому онъ часто сзывалъ ее со всей страны на большія собранія, происходившія въ лагерѣ, спрашивалъ о нуждахъ и желаніяхъ каждаго уголка обширнаго государства, принималъ къ свѣдѣнію мнѣнія и совѣты, рѣшалъ важнѣйшія дѣла, издавалъ указы и постановленія и съ ними отсылалъ созванную старшину домой. Эти собранія назывались вѣчами, но они не имѣли ничего общаго съ прежними славянскими вѣчами. На послѣднихъ собирався весь народъ и самъ рѣшалъ свои дѣла, пястовскія же вѣча состояли изъ призванныхъ королемъ сановниковъ и чиновниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, которые ничего не рѣшали, а только совѣтовали королю и выслушивали его приказанія.

Болеславъ Кривоустый не дѣлалъ ни одного шага ради прихоти или собственнаго тщеславія. Двѣ великія цѣли постоянно руководили имъ. Онъ самъ ихъ поставилъ, сорокъ лѣтъ своего царствованія посвятилъ ихъ осуществленію и наконецъ завѣщалъ ихъ своимъ преемникамъ и народу. Одной изъ этихъ задачъ была борьба съ нѣмцами, другой—завоеваніе Поморья и распространеніе въ немъ христіанства.

§ 20. *Войны Болеслава Кривоустаго.*

Непосредственный поводъ для войнъ Болеслава Кривоустаго подавалъ Сбигнѣвъ, съ которымъ Болеславъ послѣ смерти отца подѣлился страной. Сбигнѣвъ, завидуя превосходству своего брата, его чрезвычайной популярности и проистекающей изъ этого силѣ, хотѣлъ непременно привести его къ упадку и поэтому подстрекалъ противъ него внѣшнихъ враговъ и часто даже самъ вмѣстѣ съ ними нападалъ на страну. Это продолжалось вплоть до 1111 г., Болеславъ въ продолженіе этого времени почти не сходилъ съ коня, отражая нападенія. По отношенію къ Сбигнѣву были испробованы

и мѣры кротости и угрозы, и когда все это не помогло, Болеславъ, уже прежде лишивши его наслѣдства, приказалъ его заключить въ тюрьму и тамъ ослѣпить.

Военная тактика Болеслава, съ помощью которой онъ въ продолженіе своего сорокалѣтняго царствованія побѣждалъ враговъ, состояла въ предупрежденіи ихъ нападенія, въ быстромъ, неожиданномъ перебрасываніи отборнаго войска изъ одного театра войны на другой: съ Поморья на Русь или въ Чехію. Такая тактика требовала дисциплинированнаго, хорошо вооруженнаго, готоваго явиться на призывъ войска, а такъ какъ нельзя было часто призывать къ оружію все населеніе, то непрестанная война заставляла извѣстную часть послѣдняго посвятить себя исключительно военному ремеслу. Такимъ образомъ, изъ общей массы земледѣльческаго населенія стало все болѣе и болѣе выдѣляться рыцарство не особенными правами, но особымъ исключительнымъ занятіемъ. Только въ критическіе моменты призывалъ Кривоустый по прежнему все населеніе къ оружію. Это произошло прежде всего въ 1109 г. ради того, чтобы дать отпоръ требованіямъ германскаго императора Генриха V, котораго Сбигнѣвъ склонилъ къ войнѣ съ Польшей. Когда послы императора потребовали отъ Польши дани и вассальной покорности, Болеславъ отвѣтилъ имъ съ достоинствомъ: «Я предпочитаю потерять королевство, нежели видѣть его въ позорной зависимости», и смѣло бросился противъ нѣмецкой арміи, вступившей въ Польшу подъ начальствомъ самого императора. Нѣмцы тщетно осаждали силезскіе «гроды» Бытомъ и Глоговъ. Болеславъ безпокоилъ ихъ съ тыла постоянными разбѣдами до тѣхъ поръ, пока нѣмецкая армія, утомленная трудностями похода черезъ недоступныя лѣса и болота, обезсиленная постоянными нападеніями, опасаясь голода и полнаго упадка дисциплины, не начала отступать. Отступление при такихъ условіяхъ равнялось рѣшительному пораженію ¹⁾. Претензіи нѣмецкихъ императоровъ разсѣялись безслѣдно.

Занявъ столь солидное положеніе по отношенію къ имперіи, Болеславъ Кривоустый долженъ былъ оказывать еще большее вліяніе на другихъ болѣе слабыхъ сосѣдей. Чехи, которые до тѣхъ поръ постоянно поддерживали нѣмцевъ и Сбигнѣва, не разъ испытывавъ силу польскаго оружія, смирились первые. Послѣ смерти

¹⁾ Легенда замѣнила это отступление пораженіемъ нѣмцевъ подъ Вроцлавомъ на томъ мѣстѣ, которое будтобы было названо «песымъ полемъ» потому, что масса не похороненныхъ труповъ была растаскана собаками.

Святополкъ Владиславъ чешскій и Оттонъ моравскій заключили съ Болеславомъ торжественное перемиріе въ 1111 и 1115 гг. Съ Саломономъ венгерскимъ и сыномъ его, Стефаномъ, были примѣрныя мирныя отношенія. На Руси Болеславъ поддерживалъ своего зятя Ярослава, князя владимірскаго, а враждебнаго ему князя перемышльскаго Володаря онъ взялъ въ 1118 г. въ плѣнъ хитростью и держалъ его въ зависимости.

§ 23. *Возвращеніе Поморья и проповѣдь въ немъ христіанства.*

Въ тѣсной связи съ оборонительной войной противъ нѣмцевъ была нѣсколько разъ предпринимаема наступательная борьба съ цѣлью завоеванія Поморья. Польша должна была опять получить доступъ къ Балтійскому морю, утраченный послѣ смерти Болеслава Храбраго, должна была опять завладѣть устьями главной своей рѣки, Одера, чтобы получить возможность отправлять свои обильныя произведенія на далекій Сѣверъ и Западъ. Къ этимъ морскимъ берегамъ уже протянули-было жадную руку нѣмцы, но Болеславъ въ послѣднюю минуту уничтожилъ плоды ихъ усилій: онъ поставилъ завоеваніе Поморья необходимымъ условіемъ существованія для всего народа. Народъ прекрасно понялъ мысль Кривоустаго, шелъ на войну съ неутомимымъ воодушевленіемъ, когда же польскія полчища первый разъ добрались до моря, то у всѣхъ изъ груди вырвалось невольное громкое восклицаніе «морел!», предвѣщающее исполненіе великой задачи, и всеобщему ликованію не было ни мѣры, ни границъ. Борьба съ поморянами состояла не столько въ битвахъ на открытомъ полѣ, сколько въ добываніи укрѣпленныхъ «городовъ» и богатыхъ городовъ, которыхъ было много въ Поморьѣ, хотя и языческомъ, но въ промышленномъ и торговомъ отношеніи стоявшемъ выше самой Польши. Поляки поочередно овладѣвали Бѣлогородомъ, Колобрегомъ, Волиномъ, Камнемъ и Щециномъ (Штетиномъ). Болеславъ Кривоустый однако не могъ сразу присоединить къ Польшѣ всю страну и ввести въ ней польское устройство. Онъ былъ принужденъ оставить мелкихъ поморскихъ князей во власти и только старался обезпечить себѣ повиновеніе съ ихъ стороны и обязать ихъ къ принятію христіанства. Такое обязательство дали: въ 1107 г. послѣ взятія Чарнкова Гнѣвоміръ, въ 1109 послѣ взятія Накла и пораженія, которое потерпѣли поморяне подъ стѣнами этого «града», Святополкъ, въ 1121 послѣ вторичнаго взятія

Щецина Варциславъ. Князья эти, смиряясь передъ силой оружія Болеслава, скоро однако забывали свои общанія и открыто возставали. Новые походы Болеслава сокрушали ихъ гордость и приводили къ еще большѣй зависимости.

Въ 1122 г., послѣ присоединенія всего Поморья и завоеванія лютичей, вліяніе Польши въ этихъ странахъ утвердилось уже болѣе прочно, и вѣчно памятная заслуга Болеслава Кривоустаго состоитъ въ томъ, что онъ старался связать эти земли съ Польшей не только силой оружія, но еще болѣе путемъ распространенія въ нихъ польской, христіанской цивилизаціи. Въ этомъ дѣлѣ ему не помогало польское духовенство, которое, мѣшаясь въ политическія дѣла, стремясь къ аристократическому господству надъ всей страной, нравственно разлагалось и теряло изъ виду свою настоящую миссію. Однако Болеславъ нашелъ великаго апостола для Поморья въ лицѣ Оттона, епископа бамбергскаго, который нѣкогда жилъ при польскомъ дворѣ и состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ королю и Польшѣ. Предпринявъ подъ защитой и при поддержкѣ Болеслава два путешествія въ Поморье въ 1120 и 1129 гг., Оттонъ ввелъ тамъ христіанство, а епископство, основанное Болеславомъ въ Волинѣ, сдѣлалось твердой точкой опоры для дальнѣйшей миссіонерской дѣятельности въ западномъ Поморьѣ.

Восточное Поморье папа въ 1148 г. призналъ за епископами куявскими на томъ основаніи, что первоначальная резиденція ихъ была въ Колобрегѣ поморскомъ.

§. 24. *Внутреннія отношенія.*

Царствованіе Болеслава Кривоустаго представляетъ большой прогрессъ не только для Поморья, но еще болѣе для всей Польши, особенно въ области просвѣщенія и народнаго хозяйства.

Кромѣ огромнаго хозяйства, которое велось въ помѣстьяхъ монарха, былъ еще цѣлый рядъ меньшихъ, но все-таки обширныхъ хозяйствъ епископскихъ, монастырскихъ и «можновладческихъ». Общій принципъ тогдашняго экономическаго строя состоялъ въ томъ, что каждое хозяйство само удовлетворяло всѣ свои потребности и составляло самостоятельное цѣлое. Въ каждомъ изъ такихъ хозяйствъ, кромѣ поселеній рыбачьихъ, охотничьихъ и земледѣльческихъ, были села ремесленниковъ. Поселенцы работали на себя, платя «пану» опредѣленный оброкъ и

получая отъ него все, что имъ было нужно. Обмѣнъ сырыхъ произведеній и продуктовъ производства совершался при посредствѣ двора въ предѣлахъ каждаго хозяйства. Но возникалъ нѣкоторый излишекъ производства, появлялась потребность въ болѣе утонченныхъ произведеніяхъ, а вслѣдствіе этого развивалась заграничная торговля: съ одной стороны, съ Германіей, съ другой— съ южной Русью. Оживлялся великій торговый путь черезъ Польшу отъ запада къ востоку черезъ Вроцлавъ, Краковъ и Сандомиръ.

По этому пути въ Польшу приходили издѣлія изъ желѣза, серебра и золота, сукно и дорогія ткани, а предметомъ вывоза были не только воскъ и мѣха, но также лошади, рогатый скотъ, а постепенно и хлѣбъ.—Государи прекрасно понимали значеніе торговли и окружали ее заботливой опекой. Все населеніе было обязано строить и поддерживать мосты на торговыхъ дорогахъ, а всякій нарушитель общественной безопасности на такихъ дорогахъ подвергался строгому наказанію. Зато торговля приносила государямъ и непосредственную выгоду въ видѣ различныхъ пошлинъ и торговыхъ сборовъ, а главнымъ образомъ дохода съ монетнаго двора. Быстро развивавшаяся торговля должна была усилить значеніе и распространеніе звонкой монеты, которая прежде мало употреблялась. Поэтому княжескіе монетные дворы все болѣе и болѣе развиваютъ свою дѣятельность подъ руководствомъ вызванныхъ изъ-за границы монетчиковъ, обыкновенно евреевъ, а нѣкоторые изъ князей, какъ, напр., сынъ Болеслава Кривоустаго, Мѣшко Старый, чеканя монету все болѣе и болѣе худшую, получаютъ огромную выгоду, правда, въ ущербъ общему благосостоянію.

Торговля и звонкая монета въ свою очередь вліяли благотворно на усиленіе и улучшеніе скотоводства и земледѣлія. Чего прежде не умѣли исполнить, какъ слѣдуетъ, бенедиктинцы, сразу надѣленные большими населенными помѣстьями и жившіе оброкомъ съ нихъ, за то теперь берется недавно основанный орденъ св. Бернарда. Монахи этого ордена, являясь въ Польшу съ Запада, получали въ ней земли, до того времени необрабатывавшіяся, сами основывали на нихъ земледѣльческія хозяйства, заводили огороды и сады, сосредоточивали населеніе, учили его ремесламъ, вводили въ употребленіе болѣе изысканныя кушанья и произведенія западной промышленности. Эту цивилизаторскую и экономическую миссію монастырей прекрасно понимаютъ и поддерживаютъ какъ государи, такъ и «можные» паны, поэтому въ

продолженіе XII вѣка возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ монастырей, а прежніе находятъ новыхъ благодѣтелей.

Кромѣ вліянія на экономическія отношенія, церковь имѣла великую задачу, состоявшую въ томъ, чтобы облагородить высшіе слои народа и внести въ жизнь низшихъ болѣе возвышенный смыслъ.

До этого однако христіанству черезъ сто лѣтъ послѣ его оффиціального принятія было еще чрезвычайно далеко. Между католическою церковью и языческимъ народомъ существовала слишкомъ большая пропасть для того, чтобы можно было скоро ее уничтожить, для того, чтобы благодѣтельное вліяніе церкви могло отразиться сразу на массѣ населенія. Хотя католическая церковь уже со временъ Мѣшка I оффиціально господствовала въ Польшѣ, однако народная масса только наружно исповѣдывала христіанскую вѣру. Причины этого явленія лежали глубже, не только въ самомъ народѣ, но и въ духовенствѣ.

До конца XI вѣка духовенство состояло почти исключительно изъ иностранцевъ и притомъ его было слишкомъ мало, сравнительно съ нуждой населенія. Племенная ненависть къ нѣмцамъ затрудняла для нѣмецкихъ духовныхъ исполненіе ихъ обязанностей, поэтому они большей частью проживали въ монастыряхъ. Французы и италіанцы, къ которымъ народъ относился лучше, не могли пребывать въ Польшу въ бѣльшемъ количествѣ вслѣдствіе отдаленности ея. Притомъ въ священникахъ, являвшихся въ Польшу, трудно было отыскать истинный духъ апостоловъ. Одинадцатый вѣкъ, до реформы Григорія VII, — это время общей порчи церкви. Довольно обратить вниманіе на бенедиктинцевъ, которыхъ западные народы считаютъ истинными своими благодѣтелями и учителями. Они явились въ Польшу въ то время, когда духъ ихъ основателя давно уже отлетѣлъ отъ ихъ корпораціи, поэтому они у насъ и не играли никогда важной роли и не оказали болѣе широкаго вліянія. — Бѣлое духовенство, именно низшее, женатое не отличалось ни образованіемъ, ни преданностью долгу; болѣе близкія сношенія съ дикимъ еще народомъ не остались безъ вліянія на него и притомъ оно слишкомъ оберегало свои матеріальные интересы. Епископы подчинялись сильному вліянію монарховъ, которые, поддерживая церковь своей властью, смотрѣли на нее, какъ на политическое учрежденіе, а на епископовъ, какъ на первыхъ своихъ чиновниковъ. Наши первые князья церкви слишкомъ проникались этой ролью, про-

являли слишкомъ много политическаго честолюбія съ видимымъ ущербомъ для духовныхъ интересовъ народа.

Нельзя этому удивляться, разъ само папство подчинялось еще всевозможнымъ свѣтскимъ вліяніямъ и не могло распространять своей опеки надъ отдаленной, недавно обращенной въ христіанство страной. Но со времени Григорія VII папство начинаетъ освобождаться отъ подавляющаго вліянія германской имперіи, начинаетъ распространять свое вліяніе на весь христіанскій міръ вплоть до отдаленнѣйшихъ его окраинъ, ища въ немъ естественнаго противовѣса противъ германскихъ императоровъ. Тогда только Римъ обращаетъ вниманіе и на Польшу, завязываетъ съ ней болѣе тѣсныя отношенія и старается распространить на польское духовенство общую реформу церкви. Въ Польшу являются папскіе нунціи и легаты, чтобы провести дѣло церковной реформы: уничтожить обычай священниковъ вступать въ бракъ, вліять на ихъ образованіе и нравственность, укрѣплять въ нихъ духъ религіозности, поддерживать единство и дисциплину въ церковной сферѣ. Не сразу удалось провести реформу, такъ какъ препятствія были чрезвычайно велики и не всѣ папы преодолѣвали ихъ съ одинаковой ревностью. Зависимость отъ папскаго престола казалась польскимъ епископамъ дѣломъ столь необыкновеннымъ, что въ 1102 г. гнѣзненскій архіепископъ Мартинъ, получивъ отъ папы палліумъ, послѣ совѣщанія съ государемъ и сановниками, не хотѣлъ связывать себя какой бы то ни было присягой папѣ. Съ другой стороны, папа Иннокентій II показываетъ такое незнаніе польскихъ отношеній, что подчиняетъ польскую церковь юрисдикціи архіепископа магдебургскаго, что, разумѣется, осталось безъ всякаго послѣдствія. При такихъ условіяхъ въ продолженіе XII столѣтія не могло быть и рѣчи ни о введеніи целибата среди польскаго духовенства, ни объ уничтоженіи права монарховъ назначать епископовъ. Во всякомъ случаѣ большой шагъ впередъ представляютъ синоды, собиравшіеся въ Польшѣ подъ предѣдательствомъ папскихъ легатовъ, въ 1104 г. подъ предѣдательствомъ Гвальдона, епископа бовзскаго, въ 1123 подъ руководствомъ Эгидія, епископа тускуланскаго, такъ какъ каждый такой синодъ былъ струей свѣта и тепла, живительно дѣйствовавшей на темные и грубые умы поляковъ. Кривоустый ревностно поддерживалъ дѣятельность синодовъ, поскольку она не приносила ущерба его самодержавію. Въ его время и при его матеріальной помощи окончательно организуются при кафедральныхъ костѣлахъ капитулы; это учрежденіе, созданное въ

духъ новой реформы, помогало епископамъ въ ихъ дѣятельности и до известной степени контролировало ихъ. Въ капитулахъ сосредоточивается духовная интеллигенція, при нихъ начинаютъ развиваться школы подъ руководствомъ кафедральнаго схоластика и магистровъ. Въ низшихъ школахъ, такъ-называемыхъ *trivia*, преподавались: грамматика, реторика, разумъется, латинскія, и діалектика, кромѣ того, читались нѣкоторые латинскіе авторы; въ высшихъ, такъ-называемыхъ *quadrivia*,—арифметика, геометрія, астрологія и музыка, т. е. главнымъ образомъ составленіе календаря и церковное пѣніе; ко всему этому въ заключеніе прибавлялась схоластическая философія и богословіе. Нерѣдко духовные, вышедшіе изъ этихъ школъ, ищутъ высшаго образованія въ школахъ заграничныхъ, именно въ знаменитой богословской школѣ въ Парижѣ. Такимъ образомъ, въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка образуется польское духовенство, которое, конечно, съумѣло оказать на умы народа гораздо лучшее и большее вліяніе, нежели прежде иностранные епископы и священники, вызванные изъ-за границы.

Этому духовенству мы обязаны также тогдашними успѣхами искусства, проявившимися главнымъ образомъ въ постройкѣ и украшеніи костѣловъ, а впоследствии—и въ постройкѣ и внутреннемъ убранствѣ выдающихся «городовъ». Въ Хробаци, въ которой со временъ Кирилла и Меѳодія сохранились слѣды славянскаго богослуженія, было видно вліяніе византійскаго искусства, вообще же вездѣ въ Польшѣ преобладало вліяніе западнаго искусства, въ которомъ въ то время господствовалъ стиль романскій. Постепенно среди зданій, которыя строились обыкновенно изъ дерева, начали появляться костѣлы, построенные въ романскомъ стилѣ изъ камня, спаяннаго известью, и украшенные многочисленными изваяніями; внутри—стѣны такихъ костѣловъ были обвѣшаны «макатами» (дорогими обоями, вышитыми шелкомъ и золотомъ), представлявшими сцены изъ священной исторіи и распространенныя въ то время на Западѣ чудовищныя произведенія фантазіи и арабески. Въ сокровищницахъ церковныхъ, княжескихъ и панскихъ стали накапливаться драгоценности, художественныя произведенія изъ золота и серебра, и все это не осталось безъ облагораживающаго вліянія на массу нѣкогда дикаго населенія.

Во всемъ этомъ періодѣ дѣятельность духовенства проявилась, относительно, меньше всего въ области литературы. При знаменитыхъ костѣлахъ сохранялись привезенныя изъ-за границы рукописи, цѣнныя по своему содержанію, а еще болѣе благодаря

украшающимъ ихъ часто миніатюрамъ; но у насъ не подражали, развѣ за весьма рѣдкими исключеніями, похвальному обычаю переписыванія рукописей и распространенія ихъ. Еще менѣе тогдашнее наше духовенство занималось самостоятельной писательской дѣятельностью. Записывали сухимъ лаконическимъ образомъ событія, имѣвшія значеніе для извѣстнаго костѣла или монастыря, въ календаряхъ и такъ-называемыхъ «рочникахъ»; но до конца XI вѣка изъ такого количества образованныхъ иностранныхъ священниковъ, жившихъ въ Польшѣ, не находилось никого, кто бы захотѣлъ и рѣшился написать историческую хронику. Только уже во времена Болеслава Кривоустаго его придворный капелланъ, извѣстный намъ подъ прозваніемъ Галла, настолько проникся любовью къ странѣ и благоговѣніемъ къ великимъ дѣламъ своего государя, что написалъ, разумѣется по-латыни, живымъ языкомъ разсказанную исторію его царствованія (до 1113 года) съ упоминаніемъ о правленіи его предшественниковъ, насколько память о нихъ сохранилась въ народномъ преданіи.

VI.

Сыновья Болеслава Кривоустаго.

(1139 — 1201)

ЛИТЕРАТУРА.

Этотъ отдѣлъ исторіи обработанъ теперь заново въ сочиненіи Станислава Смольки: «Мѣшко Старый и его вѣкъ». («Mieszko Stary i jego wiek»). Warszawa. 1881).

Къ вопросу о раздѣленіи государства послѣ смерти Болеслава Кривоустаго относятся слѣдующія небольшія разсужденія:

Гофманъ, Карлъ: «Причины раздѣленія польской монархіи послѣ Болеслава Кривоустаго». («Przyczyny podziału monarchii polskiej po Bolesławie Krzywoustym». Rocznik Towarzystwa nauk. Kraków. 1872).

Малэцкій, Антоній: «Завѣщаніе Болеслава Кривоустаго». («Testament Bolesława Krzywoustego». Przewod. liter.-nauk. Lwów. 1876. I).

Кантэцкій, Максимиліанъ: «Завѣщаніе Болеслава Кривоустаго». («Das Testament des Boleslaw Schiefmund». Posen. 1880).

Смолька, Станиславъ: «Завѣщаніе Болеслава Кривоустаго». («Testament Bolesława Krzywoustego». Rozpr. wydz. hist. Akademii tom XIII. Kraków. 1880).

О томъ же разсужденія:

Сэмковича, Александра (Atheneum. 1881. I. Warszawa).

Малэцкаго, Антонія (Przewodnik naukowy. Lwów. 1881. I.).

Левицкаго, Анатолія (Muzeum. 1881. Kraków.).

Выдающуюся историческую личность вывелъ изъ мрака старины Августъ Мосбахъ въ разсужденіи: «Петръ Владиміровичъ». («Piotr syn Włodzimierza». 1865).

Нѣсколько историческихъ подробностей провѣрилъ Янъ Левіекъ въ

своёмъ разсужденіи: «Пѣлва, епископъ краковскій 1186—1207». («Pełka biskup krakowski 1186—1207». Album młodzieży poświęcone Kraszewskiemu. Lwów. 1879), и Максимиліанъ Кантэцкій въ разсужденіи: «Смерть Генриха, князя Сандомирскаго». («Zgon Henryka ks. Sandomirskiego». Przewod. nauk. Lwów. 1881. I).

Отношенія къ Руси освѣщаетъ:

Горскій, Казиміръ: «Отношенія Казиміра Справедливаго къ Руси». («Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią». Przewod. liter.-nauk. Lwów. 1875. III.).

§ 25. *Завѣщаніе Болеслава Кривоустаго.*

Не только въ Польшѣ, но и на Западѣ государство при первоначальномъ патріархальномъ строѣ его не имѣло никакой самостоятельности по отношенію къ государю. Государь былъ его единственнымъ представителемъ и считалъ его своей частной, родовой собственностью. Поэтому было вполне естественно, что государство послѣ смерти государя дѣлилось между оставшимися его сыновьями, какъ и всякое другое частное наслѣдство.

Въ тогдашнемъ наслѣдственномъ правѣ было два отличительныхъ принципа. Только тотъ могъ требовать части наслѣдства, кто былъ въ состояніи самъ управлять и распоряжаться имъ. Поэтому дочери не получали никакого наслѣдства (кромѣ приданнаго, состоявшаго изъ вещей), малолѣтніе же сыновья шли подъ опеку старшихъ братьевъ и только достигнувъ совершеннолѣтія могли требовать выдѣленія принадлежащей имъ части наслѣдства. Кромѣ того, признавалось, что одному изъ оставшихся сыновей должно принадлежать первенство и самая большая часть наслѣдства, какъ представителю рода. При этомъ старшинство и первородство не имѣли рѣшающаго значенія. Самый способный, самый храбрый, наиболѣе любимый сынъ достигалъ или добивался отъ отца этой чести; всякій отецъ опредѣлялъ первенство обыкновенно на смертномъ одрѣ.

На этомъ основаніи Польша уже нѣсколько разъ раздѣлялась между нѣсколькими королевскими сыновьями, но на томъ же основаніи получили первенство и власть Болеславъ Храбрый, Мечиславъ II, Казиміръ Возстановитель, Болеславъ Смѣлый и самъ Кривоустый, хотя у троихъ изъ нихъ были старшіе братья. Понятно, что при столь шаткомъ порядкѣ наслѣдованія, при

жаждѣ власти, развивавшейся у наслѣдниковъ престола, вступленіе въ права наслѣдства никогда не обходилось безъ жестокихъ, кровавыхъ споровъ. Дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что тотъ, кто унаслѣдовалъ первенство и самый большой удѣлъ, силой устранялъ братьевъ и другихъ родственниковъ и такимъ образомъ создавалъ себѣ и своему государству непримиримыхъ враговъ. Однако этотъ горькій опытъ не могъ уничтожить обычая, глубоко вкоренившася въ умахъ народа. Ни одинъ изъ государей не осмѣливался его нарушить и установить иной порядокъ наслѣдованія для своихъ преемниковъ.

Болеславъ Кривоустый отважился сдѣлать первый, правда, робкій шагъ въ этомъ направленіи. Онъ не могъ даже думать о томъ, чтобы, устранивъ принципъ раздѣленія, отдать одному изъ сыновей все государство и ввести порядокъ престолонаслѣдія, основанный на первородствѣ. Такого постановленія не уважилъ бы народъ, а тѣмъ болѣе обиженные сыновья, и оно сдѣлалось бы, несомнѣнно, причиной жестокаго междоусобія. А Болеславъ Кривоустый долженъ былъ прежде всего стараться о томъ, чтобы устранить для своихъ сыновей возможность такого междоусобія и раздоровъ. Въ послѣдніе годы царствованія счастье его оставило. Походы въ Венгрію, терзавшуюся борьбой претендентовъ послѣ смерти короля Стефана (въ 1131 г.), не достигли цѣли: слѣпой Бела удержался на престолѣ вопреки Борису, котораго поддерживали поляки и русскіе. Къ тому же эти польскіе походы нарушили мирныя отношенія къ Чехіи и вызвали опустошительные набѣги Собѣслава чешскаго на Силезію, который принялъ сторону своего зятя Белы. Наконецъ, въ дѣло вмѣшался германскій императоръ Лотарь II и на съѣздѣ въ Магдебургѣ въ 1135 году предписалъ условія мира, что значительно возвысило авторитетъ имперіи по отношенію къ Польшѣ. Предвидя свой близкій конецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожавшія Польшѣ опасности, Болеславъ на смертномъ одрѣ въ октябрѣ 1138 года рѣшилъ предупредить какой бы то ни было цѣной раздоры между сыновьями и ради этого точнѣе опредѣлить господствовавшій порядокъ престолонаслѣдія, не нарушая его принциповъ.

Съ этой цѣлью онъ прежде всего каждому изъ сыновей назначилъ особую «дѣльницу» (удѣлъ): Владиславу Силезію, Болеславу Кудрявому (Kędzierzawy) Мазовію и Куявію, Мѣшку, прозванному Старымъ, Великую Польшу, Генриху землю Сандомирскую, самому же младшему Казимиру, какъ малолѣтнему, не далъ

никакого удѣла, но судьбу его, по принятому обычаю, поручилъ братьямъ его. Удовлетворяя такимъ образомъ нужды и честолюбіе своихъ сыновей, Кривоустый стремился также и упрочить безопасность государства и, хоть въ нѣкоторой степени, сохранить его единство; ради этого онъ установилъ велико-княжескую власть, соединенную съ владѣніемъ Краковомъ и Краковской землей. Этой власти должны были подчиняться всѣ князья, пользоваться ею долженъ былъ всегда «сеніоръ», старшій въ родѣ, а, слѣдовательно, послѣ смерти Болеслава Кривоустаго—первородный Владиславъ. Въ предѣлы власти великаго князя входило также и управленіе Поморьемъ, какъ наиболѣе тяжелая и самая насущная задача Польши.

Раздѣленіе Польши между сыновьями Кривоустаго было гибельно по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ раздѣляло ея силы, но вѣдь оно не было первымъ. Пагубнымъ сдѣлали его уже другія причины.

Прежде всего ошибка Болеслава Кривоустаго заключалась въ томъ, что онъ не завершилъ своей доблестной дѣятельности торжественной коронаціей, какъ это нѣкогда дѣлали первые Болеславы. Пока сидѣлъ на престолѣ самъ Кривоустый, въ этомъ не было бѣды, но отсутствіе королевскаго титула у его наследниковъ производило то, что никто изъ нихъ не имѣлъ надъ другимъ видимаго перевѣса, никто не представлялъ цѣлаго государства, а влѣдствіе этого принципъ первенства ослаблялся.

Прежде Польша была гораздо больше: она обнимала Закарпатскую Словацію, Моравію и Червонную Русь. Въ этихъ-то земляхъ и получали прочіе королевичи свои удѣлы, собственная же Польша доставалась нераздѣльной главному наследнику и давала ему такую силу, что онъ могъ не обращать вниманія на братьевъ, а тѣхъ, которые ему сопротивлялись, могъ лишать наследства. Теперь, въ моментъ смерти Кривоустаго обстоятельства совершенно измѣнились. Осталось четверо совершеннолѣтнихъ сыновей его; государство, уменьшившееся въ своихъ предѣлахъ, не имѣло побочныхъ земель; пришлось разорвать его на «дѣльницы», надъ слитіемъ которыхъ въ одно цѣлое столь усиленно работали первые Пясты.

Если бы еще «дѣльницы» младшихъ сыновей Кривоустаго ограничивались нѣсколькими мелкими «повѣтами» и, всѣ вмѣстѣ взятыя, исчезали передъ владѣніемъ монарха-«сеніора»! Но дѣло было какъ разъ наоборотъ. Краковъ съ Силезіей не уравнивали Великой Польши, Куявіи, Мазовіи и земли

Сандомірской. Слишкомъ щедрое надѣленіе младшихъ сыновей было второй роковой ошибкой завѣщанія; въ этомъ отношеніи, вѣроятно, повліяло то обстоятельство, что женщина, стоявшая при смертномъ одрѣ Кривоустаго, была мачехой Владислава и матерью его младшихъ братьевъ.

Наконецъ, и всѣмъ предшествовавшимъ королямъ, отъ Болеслава Храбраго до Кривоустаго, трудно было лишать наслѣдства своихъ родичей, такъ какъ при этомъ имъ приходилось имѣть дѣло съ центробѣжнымъ стремленіемъ отдѣльныхъ племенъ и шляхетскихъ родовъ, однако они добивались своего, такъ какъ народъ, въ которомъ еще не было сознанія самостоятельности, не высказывалъ своего мнѣнія въ политическихъ дѣлахъ, подчинялся безъ сопротивленія сильнѣйшему и не вступался за изгнанныхъ князей. Теперь же было наоборотъ. Рѣшающимъ факторомъ былъ уже не народъ, но многочисленная чиновничья и «можно-владческая» іерархія духовная и свѣтская — люди съ большимъ честолюбіемъ, желавшіе во что бы то ни стало править и вліять на государя. Оттого они предпочитали нѣсколькихъ князей, правящихъ одновременно, между которыми они могли во всякомъ случаѣ выбирать и навязывать имъ свою волю, одному королю на всю Польшу, которому не нужно было настолько соображаться съ ними, который былъ болѣе склоненъ давать приказанія, чѣмъ принимать ихъ совѣты и предложенія. Вслѣдствіе возникновенія удѣловъ появилось много новыхъ должностей, такъ какъ князь всякой «дѣльницы» устраивался такъ же, какъ прежде государь всей Польши: у cadaго былъ свой воевода, скарбникъ, канцлеръ, мечникъ, стольникъ, чесникъ. Новые почетныя должности, особенно должности воеводъ, открывали широкое поприще для честолюбія «можновладцевъ», увеличивали ихъ значеніе и власть по отношенію къ отдѣльнымъ князьямъ, а это заставляло послѣднихъ дѣлать все болѣе щедрія пожалованія церкви и «можнымъ панамъ». Могли ли паны лишить себя всего этого добровольно? Могли ли допустить это, когда власть великокняжеская соединилась съ владѣніемъ Краковскимъ удѣломъ, съ Малой Польшей, гдѣ традиція единодержавія имѣла самое слабое основаніе, гдѣ легче всего было уничтожить ее.

Это и было самой главной причиной того, что раздѣленіе Польши послѣ смерти Болеслава Кривоустаго упрочилось, а всѣ усилія возстановить единство не имѣли успѣха. Со стороны князей не было недостатка въ подобныхъ усиліяхъ, но они приводили къ печальнымъ послѣдствіямъ для нихъ самихъ.

§ 26. *Владиславъ II* († 1159¹) и *Болеславъ Кудрявый* († 1173²).

Владиславъ, вѣрный преданію своихъ предковъ, съ самаго начала своего княженія направилъ всѣ свои усилія къ этой цѣли, однако его самодержавные замыслы, поддерживаемые честолюбивой женой Агнессой, дочерью Леопольда Австрійскаго, встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны «можновладства», такъ какъ только немного пановъ,—правда между ними былъ самый могущественный Петръ Власть,—приняло его сторону. Партія младшихъ князей, заправилами которой были Яковъ, архіепископъ гнѣзненскій, и воевода Вшеборъ, одержала надъ Владиславомъ и поддерживавшими его русскими побѣду на Пилицѣ. А когда Владиславъ для поддержанія вѣрности въ колеблющихся союзникахъ прибѣгъ къ жестокости (ослѣпленіе Петра Власта), то и остальные «можные» паны отшатнулись отъ него. Ему не осталось ничего другого, какъ прибѣгнуть къ помощи русскихъ и даже язычниковъ ятвяговъ и пруссовъ. Сначала счастье ему благоприятствовало. Въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ онъ побѣдилъ братьевъ и осадилъ ихъ въ Познани, не обращая вниманія на отлученіе, которому предали его епископы. Но здѣсь, подъ стѣнами Познани, онъ внезапно потерпѣлъ пораженіе (въ 1146 г.) отъ гарнизона и поспѣшившихъ на помощь магнатовъ. Онъ принужденъ былъ бѣжать изъ страны, а паны во главѣ государства поставили старшаго въ родѣ послѣ него, брата его, Болеслава Кудряваго. Съ этого времени Владиславъ жилъ при дворѣ императоровъ Конрада III и Фридриха I Барбаруссы, которыхъ постоянно подстрекалъ заступиться за него и съ этой цѣлью предпринимать походы противъ Польши. Прежде всего обратились къ посредничеству папы; въ 1148 г. пріѣзжалъ въ Польшу папскій легатъ Гвидонъ и заступался за изгнаннаго князя; когда же польскіе князья и епископы отказались повиноваться даже папскому отлученію, тогда взялись за оружіе. Нѣмецкія войска нѣсколько разъ вторгались въ Польшу, и Болеславъ Кудрявый, не умѣя успѣшно противостоять имъ, принужденъ былъ выразить покорность императору Фридриху въ 1157

¹) Владиславъ II, старшій сынъ Болеслава Кривоустаго, родился отъ первой жены, Збиславы.

²) Болеславъ Кудрявый, второй сынъ Кривоустаго, родившійся отъ второй жены его Саломіи, дочери князя фонъ-Бергенъ, оставилъ сына Лѣшка, отъ дочери русскаго князя Всеволода.

году. Но для Владислава изъ этого вышло мало пользы. Нѣмцы, удовлетворивъ свое честолюбіе, не думали серьезно о возведеніи Владислава на престоль; а польскій народъ, вознегодовавъ на него за измѣнническій союзъ съ нѣмцами, не допустилъ его до отцовскаго наслѣдства. Только уже послѣ его смерти (въ 1159 г.) три его сына получили подъ давленіемъ императора свой удѣлъ, Силезію, которую потомъ и раздѣлили между собой. Болеславъ Высокій взялъ среднюю Силезію съ Вроцлавомъ, къ которой вскорѣ послѣ смерти самаго младшаго брата, Конрада, присоединилъ и нижнюю Силезію съ Глоговомъ, Мѣшко же получилъ верхнюю Силезію съ Рациборжемъ, а также Опольскую землю съ городомъ Ополемъ. Однако возвратить себѣ потерянное право первенства среди польскихъ князей они не смогли, не смотря на вызванную ими большой походъ Фридриха I на Польшу въ 1172 г.

§ 27. *Мѣшко III Старый* († 1202 ¹) и *Казиміръ Справедливый* († 1194 ²).

Примѣръ Владислава не удержалъ третьяго брата Мѣшка, прозваннаго Старымъ, отъ искушенія возстановить единодержавіе, создавшее нѣкогда столь великую славу Польшѣ и Пястовской династіи.—Болеславъ Кудрявый умеръ въ 1173 г., завѣщавъ свой удѣлъ (Куявію и Мазовію) своему малолѣтнему сыну Лѣшку, оставленному подъ опекой дяди, уже тогда совершеннолѣтняго, Казиміра. Краковскій удѣлъ и соединенная съ нимъ велико-княжеская власть перешли къ Мѣшку, какъ къ старшему въ родѣ. Этотъ энергичный князь не думалъ играть роли покорнаго орудія въ рукахъ духовной и свѣтской іерархіи, какъ это было съ его слабохарактернымъ братомъ, Болеславомъ. Мечиславъ рѣшилъ возстановить надлежащее значеніе княжеской власти, удержать непосредственную близость съ массой населенія посредствомъ государственныхъ повинностей и судопроизводства, а вмѣстѣ съ

¹ Мечиславъ (Мѣшко) Старый, третій сынъ Кривоустаго, род. отъ Саломіи въ 1131 г., имѣлъ три жены: 1) Елизавету, дочь Бѣлы венгерскаго, 2) Евдоксію, княжну русскую, 3) Аделаиду, княжну брабантскую. У него было пять сыновей: 1) Одонъ, 2) Стефанъ, 3) Болеславъ, 4) Мечиславъ, 5) Владиславъ.

² Казиміръ Справедливый, пятый сынъ Кривоустаго, род. въ 1138 г. отъ Саломіи, имѣлъ отъ княжны русской Елены двухъ сыновей: Лѣшка Бѣлаго и Конрада Мазовецкаго.

тѣмъ и подавить высококомѣрные поползновенія духовныхъ и свѣтскихъ пановъ; къ своей цѣли онъ стремился съ желѣзной настойчивостью.

Но такую программу легче было проводить въ наслѣдственной «дѣльницѣ» Мѣшка, въ Великой Польшѣ, нежели въ Краковской землѣ. Первоначальное гнѣздо Пястовъ, Великая Польша, за которой слѣдовали Куявія и Мазовія, была издавна населена гуще другихъ земель и притомъ главную силу въ ней составляли крестьянское сословіе и образовавшееся изъ него рыцарство, а оба эти элемента были самой сильной опорой патриархальной власти. Въ Малой Польшѣ было другое. Она досталась Пястамъ значительно позже; не имъ, а своему союзу съ Чехіей была она обязана первыми лучами цивилизаціи; здѣсь Пясты принуждены были оставить много прежнихъ учрежденій; здѣсь были главные гнѣзда прежнихъ княжескихъ, теперь «можновладческихъ» родовъ. Малая Польша была менѣе населена, но, благодаря плодородію почвы, въ значительной части еще дѣвственной, она была весьма пригодна для колонизаціи и позволяла «шляхтѣ» все болѣе и болѣе расширять свои владѣнія и усиливаться въ экономическомъ отношеніи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что отсюда вышелъ первый протестъ противъ самодержавія Пястовъ, что здѣсь церковь (св. Станиславъ) первый разъ вступила въ борьбу съ государемъ. Уже въ концѣ XI вѣка сюда перемѣщался центръ тяжести всего государства: здѣсь Болеславъ Кривоустый основалъ монаршую резиденцію.

Итакъ, Мѣшко по отношенію къ малопольскимъ панамъ былъ княземъ великопольскимъ, возстановлявшимъ «великопольскую» традицію. Это и вызвало ожесточенную борьбу между нимъ и панами. «Можновладство» нашло себѣ готоваго претендента на престолъ въ лицѣ самаго младшаго сына Болеслава Кривоустаго Казиміра, который послѣ смерти бездѣтнаго Генриха сандомірскаго (въ 1167 г.) получилъ его «дѣльницу» и управлялъ Куявіей и Мазовіей въ качествѣ опекуна Лѣшка, сына Болеслава Кудряваго. Казиміръ отличался великими качествами души, храбростью и справедливостью столь примѣрной, что получилъ названіе Справедливаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ покорнымъ слугою церкви и не имѣлъ надлежащей энергіи для укрощенія вельможъ. Поэтому его и выдвинуло впередъ «можновладство» противъ Мѣшка, и такимъ образомъ между двумя линиями Пястовъ, младшей и старшей, малопольской и великопольской, началась борьба за первенство на жизнь и смерть,—борьба, протянувшаяся вплоть

до конца XIII вѣка. Въ сущности это была борьба между принципомъ единодержавія и «можновладствомъ». «Можновладческая» іерархія была несравненно сильнѣе, поэтому Мѣшко Старый былъ обязанъ своимъ кратковременнымъ счастьемъ только раздорамъ, возникавшимъ среди ея. Уже въ 1177 г. его изгнали изъ Кракова подъ предводительствомъ епископа Краковскаго, Гетка, и Стефана, краковскаго воеводы. Былъ призванъ Казиміръ, и лэнчицкое вѣче 1177 года, постановленія котораго утвердилъ папа Александръ III, признало право первенства за младшей линіей Пястовъ, т. е. за Казиміромъ и его потомками. Казиміръ занялъ Краковъ и даже Гнѣзно, и только часть Великой Польши, Познань, оставилъ сыну Мѣшка, Одону.

Лэнчицкое вѣче (colloquium) представляетъ собою важное явленіе въ тогдашней исторіи. Хорошая сторона его состоитъ въ томъ, что оно соединяетъ для общаго дѣла князей и «можныхъ» пановъ со всей Польши и хотъ такимъ образомъ обнаруживаетъ идею государственнаго единства. За то мѣсто прежняго самодержавнаго монарха теперь занимаетъ собраніе, состоящее изъ князей и «можновладцевъ», духовныхъ и свѣтскихъ, и издаетъ основные законы для государства и династїи. Постановленіе вѣча сдѣлано безъ участія законнаго монарха-сеніора, Мѣшка, и направлено противъ него. Лэнчицкое вѣче утверждаетъ недавнюю революцію, но составившія его лица чувствуютъ, что власть, узурпированная ими, незаконна и поэтому они обращаются къ папѣ, первый разъ признавъ теорію верховной власти папы не только въ духовныхъ, но и въ мірскихъ дѣлахъ. Лэнчицкое вѣче полагаетъ начало ограниченія государственныхъ повинностей («перевода» и «стана»), уничтожаетъ право государя на наслѣдство послѣ епископовъ, но и эти постановленія отдаетъ подъ санкцію церкви: за нарушеніе ихъ грозитъ церковное отлученіе. Однако постановленія лэнчицкаго вѣча—это только первая программа будущаго, до осуществленія которой было еще далеко.

Постановленія эти осуществились уже безъ Мѣшка Стараго, котóрый уже въ 1182 г. возвратилъ себѣ Великую Польшу и не только не помирился съ совершившимися фактами, но добивался своего права постоянными интригами и даже оружіемъ. При дворѣ Казиміра главную роль игралъ воевода Николай, что вызывало зависть и ненависть къ нему въ части малопольскихъ пановъ. Пользуясь отсутствіемъ князя и воеводы къ 1191 г., они призвали на краковскій престолъ Мѣшка, но не могли противостать Казиміру, возвратившемуся съ войскомъ и со вспо-

могательной силой русскихъ. Послѣ усмиренія мятежа, Казиміръ усилился болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, но въ 1194 г. онъ внезапно умеръ. Пользуясь малолѣтствомъ его сыновей, Лѣшка Бѣлаго и Конрада, Мѣшко вторично попытался захватить власть и хотя встрѣтилъ непримѣримое сопротивление со стороны малопольскаго «можновладства», душой котораго были епископъ Пѣлка и воевода Николай, однако только кровавая битва на Мозгавѣ заставила его отступить. Но между Николаемъ, воеводой краковскимъ и сандомирскимъ Говоркомъ начался споръ изъ-за опеки надъ малолѣтнимъ сыномъ Казиміра, Лѣшкомъ Бѣлымъ и матерью его, Еленой, вслѣдствіе чего Мѣшко, поддерживаемый теперь самымъ заклятымъ своимъ врагомъ, воеводой Николаемъ, занялъ таки наконецъ краковскій престолъ. Вся Польша, за исключеніемъ Силезіи и Поморья, досталась ему, но этотъ фактъ не имѣлъ болѣе значительныхъ послѣдствій, такъ какъ Мѣшко держался на престолѣ благодаря договорамъ, которые онъ заключалъ съ «можными» панами и которые принужденъ былъ соблюдать. Соперничество между воеводами обезпечило также престолъ послѣ смерти Мѣшка въ 1202 г. за его сыномъ Владиславомъ Тонконогимъ. Когда однако Владиславъ началъ отстаивать старинныя права монарха противъ новыхъ стремленій церкви и подвергся отлученію, то краковская «дѣлница» была отдана въ 1206 году Лѣшку Бѣлому.

Теперь осуществилось главное постановленіе лэнчицкаго вѣча, съ которымъ велъ всю жизнь отчаянную борьбу представитель старой традиціи Пястовъ. Трудно относиться безъ глубокаго сочувствія къ неутомимой, непреклонной личности Мѣшка Стараго, но нельзя однако не видѣть, что принципъ абсолютной, патриархальной княжеской власти, представителемъ котораго онъ былъ, уже отжилъ свое время въ умахъ народа. Лэнчицкое вѣче—это другой поворотный пунктъ того направленія, первымъ проявленіемъ котораго была сто лѣтъ назадъ смерть св. Станислава. Подъ вліяніемъ церкви, подъ руководствомъ духовной іерархіи общество пробуждалось къ самостоятельной жизни. Повторяемъ вопросъ: не слишкомъ ли далеко шелъ этотъ процессъ? не слишкомъ ли рано онъ возникъ?

§ 28. *Внѣшнія отношенія.*

Отвѣтъ можетъ быть сомнительнымъ, если мы ограничимся рассмотрѣніемъ исключительно внутренняго развитія, для кото-

раго узкія рамки патріархальной власти могли уже быть слишкомъ тѣсными. Но сомнѣніе исчезнетъ, если мы зададимъ себѣ вопросъ, осуществила ли уже эта власть великія національныя задачи, или же была еще нужна и необходима для осуществленія ихъ на болѣе продолжительное время. Займемся только внѣшними отношеніями Польши во время царствованія сыновей Болеслава Кривоустаго. Минуло прежнее величіе, котораго Польша достигла благодаря соединенію всѣхъ силъ въ рукахъ своихъ великихъ единодержцевъ. Силы народа, которыя, будучи направлены на внѣшнія предпріятія, могли бы упрочить грозное положеніе государства, пропадали бесполезно въ постоянныхъ раздорахъ и борьбѣ между отдѣльными князьями. Среди этого великаго раскола Польшу спасало только то обстоятельство, что всѣ сосѣднія государства находились въ то время въ упадкѣ и, занятія внутренними смутами, не могли и думать о завоеваніи Польши. Великокняжеская власть, хотя и ослабленная постоянными междоусобіями, держалась еще между сыновьями Болеслава Кривоустаго и охраняла, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, государственное единство. Нерѣдко князья, епископы и польскіе паны съѣзжались на общія вѣча, на которыхъ разсматривали дѣла всего государства и всѣхъ его «дѣльницъ»; не разъ сосредоточивали всѣ свои силы и поддерживали другъ друга для того, чтобы осуществить на дѣлѣ общее рѣшеніе. Такимъ образомъ они отдаляли самыя большія опасности, но не только не могли осуществить болѣе важныхъ, существенныхъ національныхъ задачъ, но даже выпустили изъ рукъ результаты прежнихъ усилій, предпринятыхъ въ этомъ направленіи.

Самой важной задачей польскаго государства было объединеніе лехитскихъ племенъ въ одно политическое и національное цѣлое, а эта задача была исполнена только отчасти. Не смотря на всѣ отличительныя особенности, Великая Польша, Силезія, Мазовія и западная Хробація прочно уже соединились въ одно цѣлое и только искусственно, подъ внѣшнимъ давленіемъ одна изъ этихъ земель могла быть оторвана отъ остальныхъ. Но этого нельзя было сказать о другихъ лехитскихъ, а слѣдовательно польскихъ земляхъ и племенахъ: ни о лютичахъ, ни о поморянахъ, ни о восточной Хробаціи, ни объ оботритахъ. До послѣднихъ польское оружіе до того времени даже еще не достигло. Города Червенскіе, оторванные отъ Хробаціи еще до присоединенія ея къ Польшѣ, Польша нѣсколько разъ возвращала, но и снова

теряла, и они—что хуже всего—подъ влияніемъ Руси потеряли свой лехитскій характеръ.

Съ лютичами дѣло было лучше, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, восточная часть ихъ земли прочно прильнула къ Великой Польшѣ, но бѣльшая часть ихъ земли или подпала подъ нѣмецкое иго, или только временно признавала верховенство польскихъ монарховъ и, стремясь къ самостоятельности, представляла легкую добычу для нѣмцевъ. Наконецъ драгоцѣннѣйшій перлъ польской короны, Поморье, добытое съ такимъ трудомъ Кривоустымъ, было еще не прочнымъ достояніемъ Польши, такъ какъ тамъ правили особые князья, не Пястовой династїи, а идея національнаго единства не пустила еще тамъ никакихъ корней.

Итакъ, для Польши задача первостепенной важности, задача, рѣшавшая ея судьбу, состояла въ томъ, чтобы удержать Поморье, спасти отъ нѣмецкаго завоеванія великое и мужественное племя лютичей и создать болѣе тѣсную связь національную и общественную съ этими западными племенами. Этого не могли уравновѣсить никакія присоединенія или завоеванія сдѣланныя на востокъ, такъ какъ они вводили въ польское государство чуждые элементы, трудно поддававшіеся ассимиляціи. Въ Поморьѣ же и въ землѣ лютичей намъ приходилось присоединять такихъ же поляковъ, какъ и въ Мазовїи, въ Великой Польшѣ и Хробаціи, а результаты такого труда, разъ достигнутые, не уничтожились бы вѣками. вмѣстѣ съ тѣмъ намъ слѣдовало удержать Одеръ, если ужъ не Эльбу, какъ великую пограничную линію, слѣдовало упрочить за собой владѣніе большой береговой линіей Балтійскаго моря.

Но эту задачу могла исполнить только Польша нераздѣльная, только, какъ прежде, самодержавная, могъ исполнить ее только рядъ монарховъ, неограниченно распоряжающихся всеми силами народа. Ради этой задачи общественная свобода, хоть бы даже и свобода церкви, могла еще безъ вреда воздержаться въ своихъ стремленїяхъ. Но случилось иначе. Когда представитель государственнаго единства, Владиславъ, побѣжденный въ кровавыхъ битвахъ и преданный проклятїю епископами, принужденъ былъ оставить страну,—въ то самое время, въ 1147 г. нѣмецкіе и датскіе князья бросаются на лютичей и оботритовъ и завоевываютъ оба эти мужественныя племена. Тогда именно Альбрехтъ, прозванный Медвѣдемъ, окончательно организовалъ въ землѣ лютичей бренденбургскую марку, которая должна была играть столь роковую роль въ позднѣйшей исторїи Польши. Князья западнаго

Поморья (шепчинскіе), признававшіе верховенство князя краковскаго, Болеславъ и Казиміръ, долше защищались противъ датчанъ и саксовъ. Однако, не будучи въ состояніи рассчитывать на помощь Польши, они спасли себя тѣмъ, что въ 1181 г. признали себя вассалами императора Фридриха и вошли въ составъ германской имперіи. И это бѣдствіе постигло насъ опять-таки въ то время, когда второй представитель единой державы, Мѣшко Старый, принужденъ былъ удалиться изъ страны, а лэнчицкое вѣче формулировало результаты побѣды, одержанной «можновладствомъ». Только лишь восточное Поморье осталось за Польшей.

Отброшенная отъ Эльбы и Одера, Польша начинаетъ обращать большее вниманіе на устья Вислы и соединяетъ всѣ свои силы для походовъ противъ пруссовъ, которые въ недоступныхъ болотахъ и дремучихъ лѣсахъ на правомъ берегу Вислы отстаивали свое язычество и варварство. Однако эти войны не ведутся съ цѣлью систематическаго завоеванія, а представляютъ собой скорѣе порожденіе духа времени—крестовые походы противъ невѣрныхъ. Движеніе это, охватившее въ то время всю западную Европу, сильно отозвалось также и въ Польшѣ. Одинъ изъ польскихъ князей, Генрихъ Сандомірскій, не поколебался отправиться даже въ Палестину съ вооруженной дружиной. Воинствующіе ордена іоанитовъ и тамплиеровъ находили въ Польшѣ щедрыхъ жертвователей. Главнымъ образомъ однако крестоносное движеніе въ Польшѣ выражалось въ походахъ противъ сосѣднихъ язычниковъ, пруссовъ. Но послѣ нѣсколькихъ такихъ побѣдоносныхъ, но безплодныхъ походовъ, польское войско потерпѣло въ Пруссіи въ 1167 г. страшное пораженіе, въ которомъ погпбъ геройской смертью Генрихъ сандомірскій ¹⁾, а самъ Болеславъ Кудрявый едва спасъ жизнь. Это пораженіе задержало на долгое время движеніе поляковъ въ глубь Пруссіи, хотя завоеваніе морского берега по правой сторонѣ Вислы было насущной задачей. Только лишь въ 1193 г. собрался крестовый походъ противъ ятвяговъ.

За то съ большимъ натискомъ устремляется Малая Польша на бассейнъ Днѣстра, на галицкую Русь, и прокладываетъ здѣсь себѣ прочный путь для дальнѣйшаго движенія и вліянія. Эту задачу она исполняетъ только собственными силами, но въ свою очередь оказываетъ полное равнодушіе къ польскимъ интересамъ на западѣ, поэтому она такъ враждебно относится къ Мѣшку

¹⁾ Въ послѣднее время этотъ фактъ смерти Генриха во время похода былъ подвергнутъ сомнѣнію.

Старому, опасаясь, чтобы онъ не вовлекъ ее въ борьбу на Одерѣ, изъ которой малопольскіе паны не могли получить никакой выгоды. На Руси дѣло было напротивъ. Повидимому, всѣ эти, нерѣдко кровавыя столкновения съ Червонной Русью не имѣютъ характера борьбы одного народа съ другимъ, но возникаютъ изъ чисто династическихъ интересовъ. Польскіе князья, именно Казиміръ Справедливый и Лѣшко Бѣлый, поддерживали русскихъ князей противъ ихъ соперниковъ и въ свою очередь получали отъ нихъ помощь въ борьбѣ съ собственными врагами. Хуже всего было то, что во всѣ эти дѣла стали вмѣшиваться венгры и воевода краковскій Николай едва изгналъ ихъ изъ Галича въ 1189 г. Но ни Мѣшко Старый въ Польшѣ, ни князь Романъ на Руси не могли возстановить единства, такъ какъ противниковъ Мѣшка поддерживали всегда русскіе, а противниковъ Романа не разъ поддерживали поляки. Въ 1195 г. русскія полчища помогли сыновьямъ Казиміра побѣдить Мѣшка на Мозгавѣ, а въ 1205 г. въ рѣшительной битвѣ подъ Завихостомъ съ Лѣшкомъ Бѣлымъ, дѣльный князь Романъ потерялъ не только тронъ, но и жизнь. Множество другихъ походовъ и нападеній невозможно здѣсь перечислить и рассказать.

Во всѣхъ этихъ походахъ замѣтенъ перевѣсъ на сторонѣ Польши; цѣлый рядъ русскихъ князей въ Галичѣ, въ Белзѣ, во Владимірѣ, въ Брестѣ и Дрогичинѣ дѣлается вассалами Польши и подпадаетъ подъ непосредственное вліяніе ея; подъ прикрытіемъ Польши «можновладческая» колонизація начинаетъ занимать земли на правомъ берегу Вислы, бывшія до того времени пустыми. Во второй половинѣ XIII вѣка заселяется и образуется земля Люблинская, а Подлѣсье (Podlasie), нѣкогда земля ятвяговъ, подпадаетъ подъ власть Польши. Вслѣдствіе этого усиливается польское вліяніе на внутреннія отношенія въ Червонной Руси, которая все болѣе и болѣе отдѣляется отъ Руси кievской и сближается съ Польшей. Завязываются и усиливаются торговыя сношенія; въ русскомъ обществѣ пробуждается нѣкоторая самостоятельность; бояре, очевидно, подражаютъ «можнымъ» польскимъ панамъ: забираютъ власть надъ князьями, переходятъ отъ одного владѣтеля къ другому и во всемъ этомъ даже опережаютъ польскихъ «можновладцевъ», наконецъ сами русскіе князья женятся на польскихъ княжнахъ, при посредствѣ которыхъ распространяются на Руси польскіе обычаи.

VI

Упадокъ первоначальной Польши подъ вліяніемъ монгольскаго нашествія.

(1201—1241).

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Репелля дополняютъ:

Смолька, Станиславъ: «Генрихъ Бородатый». («Henryk Brodaty». Lwów. 1872).

Берсонъ, Матвѣй: «Болеславъ Высокій, князь вроцлавскій и лигницкій». («Bolesław Wysoki, książę wrocławski i lignicki». Biblioteka warsz. 1868. I).

Шкарадко, Казиміръ: «Положеніе Польши послѣ смерти Лѣшка Бѣлаго». («Stosunki polskie po śmierci Leszka Białego». Kraków. 1886).

Отношенія къ Руси выясняетъ Людвигъ Дроба въ сочиненіи: «Отношенія Лѣшка Бѣлаго къ Руси и Венгріи». («Stosunki Leszka Białego z Rusią i Węgrami». Rozprawy wydz. hist. Akademii, tom XIII. Kraków. 1881).

Къ монгольскому нашествію относятся: историческій эскизъ Шайнохи «Путь хана Батыя». («Szlak Batu chana». Szkice hist. Lwów. 1854), а также небольшія разсужденія Болеслава Уляновскаго: «Объ участіи тамплиеровъ въ сраженіи при Лигницѣ». («O współudziale Templaryuszów w bitwie pod Lignica. Rozprawy wydz. hist. Akademii, t. XVII. Kraków. 1884). «О нѣсколькихъ источникахъ для исторіи перваго татарскаго нашествія». («O kilku pomniejszych źródłach do dziejów pierwszego napadu Tatarów». Ibidem). «Второе татарское нашествіе на Польшу». («Drugi napad Tatarów na Polskę». Ibid., tom. XVIII. 1885).

О поселеніи тевтонскаго ордена въ Пруссіи трактуютъ, кромѣ общихъ сочиненій (см. литературу перваго періода), еще слѣдующія разсужденія:

Кентржинскій, Войцѣхъ: «Пруссія и Польша до прибытія крестоносцевъ». («Prusy a Polska przed przybyciem Krzyżaków». Przewodnik naukowy. Lwów. 1881. I).

Соколовскій, Августъ: «Конрадъ мазовецкій и Тевтонскій орденъ». («Konrad, książę na Mazowszu i Zakon niemiecki». Poznań. 1873).

Перльбахъ, М. «Древнѣйшія прусскія грамоты, критически изслѣдованныя». («Die ältesten preussischen Urkunden kritisch untersucht». Königsberg. 1873). Прекрасный трудъ, обнаруживающій подлоги тевтонскихъ рыцарей (тамъ же указаны болѣе старыя сочиненія).

§ 29. *Мазовія и Куявія, Тевтонскій орденъ, Поморье.*

Исполненіе самой важной національной задачи выпало на долю Мазовіи. Послѣ смерти бездѣтнаго Лѣшка, сына Болеслава Кудряваго, въ 1186 г., она перешла къ Казимиру Справедливому, а послѣ его смерти въ 1194 г. досталась вмѣстѣ съ Куявіей младшему сыну Казимира, Конраду, называемому поэтому мазовецкимъ ¹⁾. Итакъ, къ Конраду перешла по наслѣдству отъ Казимира задача подчиненія Польшѣ и обращенія въ христіанство сосѣднихъ варваровъ-язычниковъ. Обстоятельства благопріятствовали этому. Постоянно отражая нападенія пруссовъ и ятвяговъ, Мазовія дѣлалась похожей на Украину позднѣйшихъ временъ. Тамъ было много многочисленныхъ военныхъ поселеній, большихъ же помѣстій и знатныхъ пановъ почти не существовало, вслѣдствіе чего княжеская власть была сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ «дѣльницахъ» (удѣлахъ). Нашлись для Пруссіи ревностные апостолы въ лицѣ Готфрида и Христіана, монаховъ бернардинскаго ордена изъ великопольскаго монастыря въ Лэкнѣ. Особенно горячо взялся за дѣло и велъ его успѣшно Христіанъ, поддерживаемый папой и назначенный въ 1215 г. прусскимъ епископомъ. Однако, не смотря на это, предпріятіе оказалось Конраду не по силамъ. Пока еще жилъ мазовецкій воевода Крыстынь, гроза пруссовъ, дѣло шло недурно, но когда Конрадъ, завидуя его вліянію, приказалъ умертвить его коварнымъ образомъ, а собственное миссіонерство въ Пруссіи началъ соединять съ на-

¹⁾ Два сына Казимира Справедливаго, отъ Елены, княжны русской, въ 1194 г. подѣлились наслѣдствомъ отца и дали начало двумъ линіямъ Пястовъ. Малую Польшу получилъ Лѣшко Бѣлый, а Мазовію и Куявію — Конрадъ, княжившій въ нихъ до 1247 г.

силіємъ и вымогательствомъ, пруссы вышли изъ терпѣнія и стали страшно опустошать Куявію и Мазовію. Вся Польша вознегодовала, походы всѣхъ князей: Конрада, Лѣшка Бѣлаго, Генриха Бородатого и Святополка поморскаго, а также ихъ пановъ и епископовъ въ 1222 и въ 1223 гг. помогли еще разъ усмирить пруссовъ и упрочить положеніе епископства. Однако вскорѣ нападены пруссовъ возобновились, тогда Конрадъ старался помочь дѣлу тѣмъ, что основалъ орденъ рыцарскаго братства противъ пруссовъ, которому подарилъ Добржинскій замокъ. Но этотъ орденъ не имѣлъ успѣха. Къ бѣльшимъ результатамъ привела мысль пригласить орденъ крестоносцевъ, которому съ этой цѣлью Конрадъ пожаловалъ въ 1228 г. пограничныя польскія земли Хелминскую и Лобавскую.

Этотъ рыцарскій орденъ, основанный во время крестоваго похода въ 1198 г., достигъ въ краткій промежутокъ времени большаго значенія и приобрѣлъ много владѣній въ Германіи и Италіи; опираясь на такую прочную моральную и матеріальную основу, онъ былъ въ состояніи исполнить задачу, порученную ему Конрадомъ. Не предчувствовалъ мазовецкій князь, какого неумолимаго врага всей Польши призвалъ онъ къ себѣ, не предвидѣлъ того, что, поселяя орденъ на нижнемъ теченіи Вислы и отдавъ ему такимъ образомъ ключъ ко всему бассейну этой рѣки, онъ закрываетъ для народа единственный путь и доступъ къ морю. Въ XIII вѣкѣ тевтонскіе рыцари, занятые обоснованіемъ своего могущества не давали себя почувствовать полякамъ, отъ которыхъ притомъ они получали сильную поддержку. Тогдашній великій магистръ ордена, Германъ Зальца, прежде всего постарался получить привилегіи отъ императора Фридриха II и папы Григорія IX, подтверждавшія пожалованія Конрада и отдававшія ордену земли, которыя будутъ имъ завоеваны у язычниковъ. Обезпечивъ себя такимъ образомъ, рыцари переселились въ 1230 г. въ хелминскую землю и подъ начальствомъ провинціальнаго магистра, Германа Балъке, направили всѣ свои усилія на покореніе пруссовъ. Все бѣльшими и бѣльшими толпами спѣшило къ нимъ на помощь нѣмецкое рыцарство, въ которомъ еще не совсѣмъ угасъ духъ крестовыхъ походовъ, но для котораго Пруссія была ближайшей и благодарнѣйшей ареной для борьбы съ язычниками, нежели отдаленная Палестина, побѣдоносно защищаемая арабами. Не менѣе дѣйствительную поддержку получали тевтонскіе рыцари и со стороны почти всѣхъ польскихъ князей. Орденъ и поляки не разъ предпринимали походы сообща, но вели ихъ уже съ нѣ-

медкой систематичностью: подвигались впередъ медленно, но постоянно, приче́мъ на завоеванной территории основывали укрѣпленные замки. Такимъ образомъ возникали на прусской землѣ одинъ за другимъ—Торунь (1231), Хелмно, Мариенвердеръ (1233), Эльбингъ (1237), Браунсбергъ (1240), Гейльсбергъ, и всѣ эти укрѣпленные замки и города, населенные нѣмецкими колонистами, дѣлали господство ордена въ завоеванной странѣ болѣе прочнымъ. Господство это было жестокимъ и деспотическимъ по отношенію къ пруссамъ и опаснымъ для сосѣдей: поморянъ и литовцевъ.

Мужественный князь восточнаго Поморья, Святополкъ, первый понялъ значеніе этой опасности. Онъ происходилъ изъ рода, который въ половинѣ XII вѣка сдѣлалъ намѣстническую власть въ Гданскѣ наслѣдственной, превратилъ ее въ княжескую и оставался лишь въ слабой вассальной зависимости отъ польскихъ князей. Эти поморскіе князья, а именно: Субиславъ (?), сыновья его, Самборъ (до 1207), и Мествинъ I (до 1220), и сынъ Мествина, Святополкъ I (до 1266), защищали свою «дѣльницу», цивилизовали ее, основывая монастыри (въ Оливѣ и пр.) и вполне сохранили польскій характеръ ея. Въ 1242 году вступилъ Святополкъ въ отчаянную борьбу съ тевтонскими рыцарями. Поднятое имъ страшное возстаніе пруссовъ потрясло основы могущества ордена, но противъ Святополка были папскій престолъ, а также польскія и нѣмецкія войска, поддерживавшія рыцарей, и онъ въ концѣ концовъ былъ подавленъ въ 1253 г. преобладавшей силой и только лишь удержался при своемъ наслѣдственномъ владѣніи.

Между тѣмъ тевтонскіе рыцари успѣли окончательно поработить пруссовъ. Въ этомъ дѣлѣ помогъ имъ могущественный король Чехіи, Оттокаръ II, предпринявшій въ 1254 г. большой крестовый походъ противъ пруссовъ. Основанная въ то время крѣпость, Королевецъ (теперь Кенигсбергъ) не только упрочила господство тевтонскаго ордена въ восточной Пруссіи, но облегчила ему непосредственныя сношенія съ обширнымъ владѣніемъ его въ Лифляндіи. Это владѣніе они унаслѣдовали отъ ордена меченосцевъ, съ которымъ соединились въ 1235 г., атакуя такимъ образомъ съ двухъ сторонъ Жмудь, литовскую область, дальше другихъ выдвинутую къ западу. Послѣ продолжительной борьбы вліянію рыцарей подчиняется и литовскій князь Миндовгъ, который принимаетъ христіанство въ 1251 году и за это, два года спустя, получаетъ изъ Рима королевскую корону.

Усиливаясь и расширяя свое значеніе, тевтонскіе рыцари ду-

мали только о себѣ, а забывали о мазовецкихъ князьяхъ, не разъ имъ помогавшихъ. Мазовія и Куявія, все болѣе и болѣе раздробляемыя сыновьями и внуками Конрада, подвергались нападеніямъ мстившихъ за себя пруссовъ и литовцевъ, теряли поэтому свою прежнюю силу, замыкались въ кругѣ своихъ домашнихъ интересовъ и регрессировали въ культурномъ отношеніи.

§ 30. *Малая Польша.*

Старшій сынъ и наследникъ Казимира († 1194 г.), Лѣшко Бѣлый, получивъ въ 1206 году краковскій удѣлъ послѣ удаленія Владислава Тонконогаго, подчинилъ свое княжество верховной власти папы, которому обязался платить ежегодно 4 гривны серебра; поэтому въ его княженіе не было столкновеній съ духовенствомъ, и это давало ему возможность обратиться къ внѣшнимъ дѣламъ, именно къ дѣламъ русскимъ. Лѣшко, сынъ русской княжны Елены и мужъ Гремиславы, тоже русской княжны, дѣятельно вмѣшался въ распрю, возникшую въ Галицкомъ княжествѣ послѣ смерти князя Романа, павшаго въ сраженіи подъ Завихостомъ. Русскія дѣла и частые военные походы на Русь до такой степени поглощали вниманіе Лѣшка, что онъ сталъ вполнѣ равнодушнымъ къ дѣламъ остальной Польши и совсѣмъ погрузился вмѣстѣ съ своей «дѣльницей», Малой Польшей, въ интересы восточнаго славянскаго міра. Наконецъ, въ русскую распрю вмѣшались венгры; они не только совершенно вытѣснили польское вліяніе изъ Галицкой Руси, но еще, благодаря имъ, Лѣшко потерялъ Перемышль. Король венгерскій Андрей, женивъ своего сына Андрея на дочери князя Мстислава, послѣ долгой борьбы добылъ для него Галицкое княжество.—Только эта неудача на Русь заставила Лѣшка обратить вниманіе на западъ, на Поморье. Но въ то время, когда онъ, желая оружіемъ принудить Святополка поморскаго къ признанію вассальной зависимости, совѣщался съ своимъ союзникомъ, Генрихомъ Бородатымъ, въ Гонсавѣ, на границѣ поморской земли въ 1227 г., внезапно напалъ на нихъ Святополкъ и Лѣшко погибъ во время бѣгства и общаго смятенія. Послѣ него остался малолѣтній сынъ Болеславъ Стыдливый, опекуномъ котораго долженъ былъ быть дядя его, Конрадъ мазовецкій. Но вдова Лѣшка, Гремислава, видя, что жестокой и жадный Конрадъ стремится захватить достояніе ея сына, призвала на помощь Генриха Бородатаго изъ Силезіи и,

отдавъ ему великокняжескую краковскую дѣльницу, обезпечила себѣ и своему сыну подѣ опекой Генриха владѣніе Сандомірской землей.

§ 31. Великая Польша.

Въ Великой Польшѣ жизнь была болѣе оживленной. Это была вполнѣ консервативная «дѣльница»: она упорно держалась прежнихъ Пястовскихъ учрежденій, не давала доступа новшествамъ и «можновладству» и старалась удержать церковь въ первоначальномъ ея положеніи. Сынъ Мѣшка Старого, Владиславъ Тонконогій ¹⁾ унаслѣдовалъ старыя преданія Пястовъ. Получивъ власть въ 1202 г., онъ совѣтъ не думалъ отказываться ни отъ права назначенія епископовъ, ни отъ судопроизводства въ церковныхъ владѣніяхъ, ни отъ различныхъ податей и повинностей, которымъ подлежали эти владѣнія. Но стремленіе къ независимости все яснѣе и яснѣе обнаруживалось въ польской церкви. XII вѣкъ, частыя визитаціи папскихъ легатовъ, болѣе близкія отношенія къ Риму, лэнчицкое вѣче, наконецъ ревностная дѣятельность новыхъ монашескихъ орденовъ, цистерціанцевъ и премонстрантовъ, — все это не осталось безъ вліянія. Уже среди польскаго духовенства появились люди, которые не столько заботились о своемъ аристократическомъ положеніи въ государствѣ, сколько о проведеніи реформъ въ духѣ Григорія VII, въ духѣ полной независимости церкви и преобладанія ея надъ государствомъ. Число и сила ихъ стали возрастать особенно съ того времени, когда на папскій престолъ вступилъ великій папа Иннокентій III. Въ Польшѣ ими руководили краковскій епископъ Пѣлка и архіепископъ гнѣзненскій Генрихъ Кетличъ. Между ними и Владиславомъ Тонконогимъ началась ожесточенная борьба. Архіепископъ предалъ князя анаемѣ, и хотя самъ принужденъ былъ удалиться изъ Великой Польшы, не нашедши сначала въ ней поддержки, тѣмъ не менѣе Владиславъ Тонконогій, благодаря церковному отлученію, потерялъ великокняжескій престолъ и краковскій удѣлъ, а въ Великой Польшѣ принужденъ былъ вести долгую борьбу съ церковью. Уже 1209 г. вернулся Генрихъ Кетличъ, въ качествѣ папскаго легата, вторично предалъ проклятію Владислава и послѣ многихъ превратностей принудилъ его къ соглашенію и уступ-

¹⁾ Послѣ смерти Мѣшка Старого въ 1201 г. Великая Польша была раздѣлена между его сыномъ Владиславомъ Тонконогимъ и внукомъ отъ второго сына, Одона, Владиславомъ Одоничемъ.

камъ. Въ этомъ соглашеніи приняли участіе также и другіе князья, а именно Лѣшко Бѣлый, Конрадъ мазовецкій и Казиміръ опольскій, уступая многократнымъ возваніямъ папы и настояніямъ собственнаго духовенства.

Такимъ образомъ состоялось установленіе памятной привилегіи отъ 1210 года, данной названными князьями въ пользу польской церкви. Важны и содержаніе и форма этой привилегіи. Сущность ея состоитъ въ принципиальномъ признаніи автономіи церкви какъ въ предѣлахъ ея организациі, такъ и въ предѣлахъ ея владѣній, т. е. въ признаніи за ней права суда надъ подданными и освобожденіе послѣднихъ отъ государственныхъ повинностей. Что же говоритъ о формѣ этого акта! Это — совсѣмъ не добровольный актъ монаршей милости, которой до того времени нерѣдко бывала взыскана церковь, это, очевидно, договоръ, контрактъ, заключенный между церковью и государствомъ, какъ равнозначущими силами. Результаты привилегіи 1210 года должны были привести къ совершенному измѣненію государственнаго строя. Принципы, выраженные въ этомъ актѣ, представляли программу, которую еще нужно было провести въ жизнь, но для этого было достаточно нѣсколькихъ десятилѣтій и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ духовенства какъ въ цѣломъ государствѣ, такъ и въ каждой его дѣльницѣ.

Труднѣе всего было справиться съ послѣднимъ эпигономъ патріархальныхъ самодержцевъ, Владиславомъ Тонконогимъ. Однако духовенство нашло поддержку въ самой Великой Польшѣ въ лицѣ внука Мѣшка Стараго, калишскаго князя, Владислава Одонича, который велъ съ перемѣннымъ счастіемъ постоянную борьбу съ своимъ дядей, Владиславомъ Тонконогимъ. Они изгоняли другъ друга изъ своихъ владѣній, призывали на помощь Лѣшка Бѣлаго и Святополка поморскаго, пока, наконецъ, послѣ смерти Владислава Тонконогаго въ 1231 г., не оставившаго потомства, Одоничъ не соединилъ подъ своей властью всей Великопольской «дѣльницы».

Владиславъ Одоничъ отдался подъ покровительство папскаго престола, обязавшись платить по десяти гривенъ золота черезъ каждые три года; онъ первый въ Польшѣ призналъ независимость церкви и надѣлилъ ее самыми большими вольностями и пожалованіями. Этотъ поступокъ, вполне противорѣчившій Пястовской традиціи, вызвалъ вооруженное возстаніе свѣтскихъ пановъ. На престолъ былъ призванъ Генрихъ Бородатый изъ Силезіи, и кровопролитное междоусобіе кончилось тѣмъ, что Влади-

славъ Одоничъ принужденъ былъ уступить Генриху бѣольшую часть Великой Польши, примыкавшую къ Силезіи.

§ 32. Силезія.

Итакъ, отреченіе отъ правъ и традицій первыхъ Пястовъ, сдѣланное Лѣшкомъ Бѣлымъ и Владиславомъ Одоничемъ, принесло имъ очень мало пользы. Они не только не сумѣли добиться великокняжеской власти, но даже могли удержать для себя и своего потомства только лишь незначительную часть своихъ «дѣльницъ»: земли Сандомірскую и Калишскую. Между тѣмъ господиномъ положенія дѣлался все болѣе и болѣе Генрихъ Борода-тый, не давшій согласія на привилегію 1210 года и отстаивав-шій прежнія права монарха. Это — выдающаяся личность изъ среды князей Пястовской династіи. Въ Генрихѣ Бородатомъ нѣтъ авантюризма и легкомыслія, которыми столь рѣзко отличались Владиславъ Тонконогій, Конрадъ Мазовецкій и другіе князья-со-временники. Получивъ Силезскій удѣлъ послѣ смерти своего отца, Болеслава Высокаго въ 1201 г., онъ сохранилъ мирныя отноше-нія къ своему дядѣ, князю опольскому, Мѣшку Хрому († 1211) и къ его сыну Казимиру, а послѣ смерти Казимира въ 1229 году, получилъ опеку надъ малолѣтними сыновьями послѣдняго и соединилъ въ своихъ рукахъ всю Силезію; будучи въ дружествен-ныхъ отношеніяхъ даже съ Владиславомъ Тонконогимъ, онъ за-щищалъ Любушскую землю отъ притязаній ландграфа тюринген-скаго и проявлялъ энергичную дѣятельность въ экономическомъ отношеніи. Породнившись посредствомъ женитьбы съ Гогенштауфе-нами и поддерживая близкія отношенія съ Германіей, завязанныи еще дѣдомъ Владиславомъ II, Генрихъ перенималъ нѣмецкіе обы-чай и началъ вызывать нѣмецкихъ колонистовъ въ гораздо боль-шемъ количествѣ, чѣмъ это дѣлалось прежде; онъ не колебался даже признать ихъ особую общинную организацію не только въ деревняхъ, но и въ городахъ. Тогда-то въ Силезіи возникло нѣ-сколько нѣмецкихъ городовъ, а именно: Шрода (Środa, Неймарктъ), Гольдбергъ, Лѣвенбергъ и Наумбургъ съ внутренней организа-ціей по магдебургскому праву, образцемъ которой служила для нихъ сосѣдняя магдебургская колонія Галле. Нѣмецкіе колонисты заселили обширныя пустыни, которыя государь раздавалъ съ этой цѣлью различнымъ монастырямъ. Такимъ образомъ, силезкая «дѣльница», до этого времени не заселенная и опустошенная по-

стоянными нападеніями враговъ, пользуясь болѣе продолжительнымъ спокойствіемъ, стала процвѣтать подъ мудрымъ управленіемъ Генриха и распространила славу его и въ прочихъ «дѣльницахъ».

Благодаря этой славѣ, арена дѣятельности Генриха расширилась. Въ 1228 г. вдова Мѣшка Бѣлаго отдала ему Краковскую «дѣльницу», чтобы подъ его опекой обезпечить своего малолѣтняго сына, Болеслава Стыдливаго; въ 1231 г. Владиславъ Тонконогій, умирая, завѣщалъ ему свое княжество. Оба эти владѣнія нужно было защищать съ оружіемъ въ рукахъ противъ соперниковъ, но Генрихъ Бородатый вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ Конрадомъ Мазовецкимъ и Владиславомъ Одоничемъ и достигъ такого могущества, какого не имѣлъ ни одинъ изъ преемниковъ Болеслава Кривоустаго. Силезія, Малая Польша и Великая Польша подчинялись ему частью непосредственно, частью признавали его верховенство. Сеніоратъ, отнятый у первороднаго сына Болеслава Кривоустаго, фактически вернулся къ его правнуку. Исчезало опасеніе, что силезкая «дѣльница» отпадетъ отъ Польши и сдѣлается добычей Германіи, такъ какъ въ нее перемѣщался центръ тяжести всего государства.

Проникнутый религіознымъ духомъ, мужъ св. Ядвиги, основатель и благодѣтель многихъ монастырей, рыцарь, принимавшій участіе въ крестовыхъ походахъ на пруссовъ—Генрихъ Бородатый не явился въ отношеніяхъ къ церкви самодержцемъ прежняго времени, однако онъ не думалъ отрекаться ни отъ права суда надъ церковными крѣпостными, ни отъ податей и повинностей, которымъ они подлежали; не думалъ безусловно подчиняться церкви и не нуждался въ церковной санкціи своихъ правъ. Поэтому онъ не могъ избѣжать борьбы съ духовенствомъ, требованія котораго были вполне абсолютны. Во главѣ послѣдняго стоялъ архіепископъ гнѣзненскій, прежде епископъ краковскій, Пѣлка, поддерживаемый папскимъ легатомъ Вильгельмомъ, но Генрихъ остался вполне непоколебимымъ, и даже проклятія, сыпавшіяся на его голову, остались безъ послѣдствій.

Умирая въ 1239 г., Генрихъ Бородатый оставилъ все наслѣдство своему сыну, завѣщая ему окончательное объединеніе государства. Но уже въ третій годъ правленія Генриха Благочестиваго надъ Польшей разразилась такая гроза, какой она еще не видала съ самаго начала своего существованія.

Но, прежде чѣмъ говорить о нашествіи монголовъ, мы должны еще разъ обзрѣть внутреннія отношенія первоначальной Польши.

§ 33. *Внутреннія отношенія. Образованность.*

Не смотря на раздробленіе и частыя княжескія междоусобія, Польша не была лишена силъ и средствъ къ развитію, совершавшемуся, пожалуй, медленно, но непрерывно. Само раздробленіе на удѣлы не мало содѣйствовало эманципаціи польскаго общества, которое до того времени даже въ экономическомъ отношеніи во многомъ зависѣло отъ монарха. пожалованія земель, дѣлаемыя удѣльными («дѣльничными») князьями церкви и болѣе выдающимся личностямъ изъ рыцарскаго сословія, увеличивали количество самостоятельныхъ хозяйствъ; такія пожалованія все болѣе и болѣе возрастаютъ въ числѣ, такъ какъ нужды княжескихъ дворовъ велики и удѣльные князья не въ состояніи уже содержать всѣхъ своихъ рыцарей на собственный счетъ. Вслѣдствіе этого, не только рыцарство болѣе знатное владѣетъ собственными населенными землями, но и низшее рыцарство—«влодыки» получаютъ отъ князей земли, возвращаются къ хозяйственнымъ занятіямъ, отъ которыхъ ихъ оторвали нѣкогда первые Болеславы. Многочисленныя населенія «влодыковъ» возникаютъ на окраинахъ— въ Куявіи, въ Мазовіи и въ Люблинской землѣ, ради лучшей обороны страны. Они отличаются отъ большихъ рыцарскихъ помѣстій тѣмъ, что жители ихъ сами обрабатываютъ землю, но отличаются также и отъ крестьянскихъ селъ, такъ какъ рыцари владѣютъ землей въ качествѣ собственниковъ и платятъ съ нея только незначительную подать князю; иначе они не могли бы исполнять военной службы, на которую они часто призывались, надлежащимъ образомъ вооруженные на собственный счетъ. Эти рыцарскія населенія или хутора («*zaścianki*») имѣютъ особыя, имъ только свойственныя названія, произошедшія отъ именъ и прозвищъ ихъ жителей, напр.: Броніше, Мѣшки, Цѣрпента, Чайки, Орлы, Рѣси, Козероги, Рыбоѣды. Поселенія «влодыковъ» не мало содѣйствуютъ улучшенію общественнаго хозяйства ¹⁾.

Но наилучшимъ доказательствомъ общественнаго прогресса является все болѣшая и болѣшая самостоятельность труда. Положеніе крестьянъ княжескихъ, церковныхъ и помѣщичьихъ различалось въ правовомъ отношеніи, но все они были прикрѣплены къ землѣ своего пана. Однако, уже въ XII столѣтіи рядомъ съ

¹⁾ По мнѣнію Пекосинскаго, надѣленіе землей этого рыцарства произошло въ одно время съ надѣленіемъ «шляхты»—въ концѣ XI вѣка.

крѣпостными крестьянами начинаютъ появляться вольные люди (*liberi*), не принадлежавшіе ни къ духовному, ни къ рыцарскому сословію, но пользовавшіеся правомъ выбора мѣста жительства и рода занятія и вслѣдствіе этого называвшіеся «лазэнгами» (бродягами). Этотъ классъ, все болѣе и болѣе разрастаясь, уже въ первой половинѣ XIII вѣка играетъ значительную роль въ экономической дѣятельности. Онъ состоитъ изъ различныхъ элементовъ: частью изъ иностранныхъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцовъ, вызванныхъ изъ за-границы или прибывшихъ по собственной инициативѣ въ качествѣ колонистовъ, частью изъ польскихъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости или бѣжавшихъ отъ своихъ пановъ, частью, наконецъ, изъ сыновей низшаго духовенства и рыцарства, оставившихъ профессію и сословіе своихъ отцевъ ¹⁾. Эти вольные люди иногда приобрѣтали землю въ собственность, обыкновенно же брали ее отъ князей и пановъ духовныхъ или свѣтскихъ въ вѣчную аренду на основаніи особаго договора, или же нанимались у нихъ въ качествѣ слугъ и ремесленниковъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ поселялись въ «пригородьяхъ» (*podgradzie*) и занимались торговлей. Вслѣдствіе этого усиливалось экономическое значеніе этихъ поселеній, лежавшихъ у подножія укрѣпленныхъ «городовъ». Евреи, прибывавшіе въ Польшу въ большомъ количествѣ уже съ конца XI вѣка, образовали въ этихъ поселеніяхъ свои особые кварталы, то же дѣлали въ позднѣйшее время и колонисты, прибывшіе изъ Германіи, и такимъ образомъ, болѣе значительныя «пригородія», построенныя изъ дерева, но по извѣстному плану, имѣвшія постоянное торговое и ремесленное населеніе, окруженныя особымъ укрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ земляного вала и частокола, могли уже считаться городами, хотя и не имѣли особой городской организаціи. Возвышавшіеся надъ такими городами замки («гроды»), въ которыхъ находились княжескій и епископскій дворцы и каедральный соборъ, приняли величественный видъ. Сначала, какъ мы уже упоминали, строились маленькіе костѣлы изъ камня; въ концѣ XII вѣка появился кирпичъ, и стали воздвигать болѣе грандіозныя монастырскіе и каедральные храмы; теперь же появляются каменные замки и княжескіе дворцы. Это былъ именно моментъ наибольшаго процвѣтанія у насъ романскаго искусства.

¹⁾ По мнѣнію Смольки, ядро этого класса составляютъ мелкіе земледѣльцы-собственники, которые, теряя собственность, дѣлаются чиншевиками. Это происходитъ гораздо раньше.

Всякій княжескій дворъ былъ для населенія центромъ, изъ котораго распространялась цивилизація, былъ для него, а особенно для рыцарства, настоящей политической школой. Князь, управлявшій небольшою «дѣльницей», могъ вникать гораздо болѣе во всѣ общественныя дѣла, нежели одинъ правитель большого государства, какъ было прежде. Многочисленныя должности при каждомъ княжескомъ дворѣ втягивали значительную часть рыцарства въ общественную службу. Возросло значеніе вѣчевыхъ собраний, безъ которыхъ теперь не рѣшалось ни одно болѣе важное судебное или административное дѣло; благодаря частымъ, періодически собиравшимся вѣчамъ, развивалось правосознаніе и практическое ознакомленіе съ законами, пробуждались политическій смыслъ и гражданское чувство въ болѣе широкихъ слояхъ общества. Грамотность существуетъ только въ средѣ духовенства, но и свѣтское общество начинаетъ понимать ея значеніе. Всякій, получившій на вѣчѣ приговоръ, пожалованіе, привилегію, требуетъ, чтобы они ему были выданы въ видѣ письменныхъ документовъ, и заботливо бережетъ полученный пергаментъ.

Литературной дѣятельностью уже занимаются не только иностранцы, поселившіеся въ Польшѣ, но также и поляки. Викентій Кадлубекъ, краковскій епископъ, позднѣе инокъ въ цистерціанскомъ монастырѣ въ Енджеевѣ († 1223), собираетъ въ одно цѣлое старинныя историческія преданія и пишетъ хронику, доведенную до 1205 года. Рядомъ съ нимъ Богухвалъ, епископъ познанскій († 1253), пишетъ хронику великопольскую, дополненную до 1273 г. познанскимъ казнохранителемъ Башкомъ. Хроника Кадлубка читалась и комментировалась въ школахъ, что объясняется не только ея содержаніемъ, но также и моднымъ въ то время (латинскимъ) слогомъ. Объ эти хроники, а особенно Кадлубкова, даютъ намъ вѣрное изображеніе нашей науки XIII вѣка, богатой эрудиціей, но легковѣрной и нерѣдко жертвующей содержаніемъ ради напыщенной фразы. Кроме того, сочиненіе Кадлубка служитъ показателемъ измѣненія духа времени, такъ какъ авторъ, вполне отрѣшившись отъ пѣстовскихъ предацій, распространяетъ культъ св. Станислава (еще до канонизированія его), хвалитъ послушнаго церкви Казимира Справедливаго и безусловно осуждаетъ Мѣшка Стараго, послѣдняго выдающагося представителя пѣстовской идеи.

Съ хроникерствомъ соединяется латинская поэзія, которая переноситъ къ намъ западныя повѣсти, придавая имъ мѣстный колоритъ (о Вандѣ, о Вальтерѣ и Гелигундѣ) и даже беретъ сюжеты

изъ польской жизни. Въ хроникахъ сохранились риёмованные стихи (на завоеваніе Поморья, на смерть Болеслава Храбраго, на смерть Казимира Справедливаго); но бѣльшее значеніе имѣеть то обстоятельство, что нѣкоторыя главы хроникъ кажутся взятыми живьемъ изъ отдѣльныхъ поэмъ или даже переведенными съ народныхъ былинъ, напр.: о кіевскомъ походѣ Болеслава Храбраго, о Казимирѣ Монахѣ, о Петрѣ Властѣ.

Итакъ, не смотря на удѣльную раздробленность, Польша неоспоримо шла по пути развитія и въ политическомъ, и въ культурномъ, и въ экономическомъ отношеніи; но прежняя государственная и политическая организація не соотвѣтствовала уже этому развитію. Новое государство, надъ созиданіемъ котораго начали трудиться силезскіе Пясты, хотя сильное и однородное, не должно было быть патріархальнымъ и самодержавнымъ, такъ какъ ему пришлось бы считаться съ самостоятельной церковью, съ рыцарствомъ, владѣвшимъ землею и съ городами, которые быстро развивались.—Общество, стремившееся къ расширенію свободы труда и цѣнившее ее все лучше и лучше, создало бы себѣ новыя формы городской и сельской организаціи. При этомъ не обошлось бы безъ вліянія западныхъ учреждений, переносимыхъ къ намъ многочисленными выходцами оттуда, но это вліяніе не отняло бы у польскаго общества его прежней организаціи и характера.

Между тѣмъ внезапно въ 1241 г. обрушилось на Польшу страшное монгольское нашествіе, которое разрушило результаты ея развитія и насильственно задержало само это развитіе.

§ 34. *Нашествіе монголовъ.*

Уже въ началѣ XIII вѣка обнаружилось сильное движеніе въ монгольскихъ ордахъ, кочевавшихъ въ Средней Азій. Всѣ эти орды соединилъ подъ своею властью Чингисъ-ханъ и рѣшилъ завоевать весь міръ съ своими безчисленными подчищами. Уже въ 1224 году Русь подъ начальствомъ князя Мстислава потерпѣла страшное пораженіе въ битвѣ на Калкѣ, которая уничтожила ея самостоятельность и подверга ее вѣковому монгольскому игу. Въ 1237 г. всѣ мелкіе русскіе князья послѣ непродолжительнаго сопротивленія подчинились преемнику Чингисъ-хана, Бату-хану (Батыю), и монгольская орда устремилась на Венгрію тремя путями, изъ которыхъ одинъ шелъ черезъ Польшу. Польша, ослабленная

раздѣленіемъ, не могла противостоять ей. Рыцарство малопольское защищало каждую пядь своей земли съ отчаянной храбростью. Послѣ двухъ менѣе значительныхъ поражений, оно собралось еще разъ, и въ битвѣ подъ Хмѣльникомъ погибло почти все геройской смертью за вѣру и отечество. Татарскія орды, сжегши Сандоміръ, Краковъ и Вроцлавъ, задержались только подъ Лигницею, гдѣ ихъ поджидалъ князь Генрихъ Благочестивый съ собраннымъ со всѣхъ сторонъ войскомъ. Татары одержали побѣду, и хотя главныя силы ихъ направились на Моравію и Венгрію, тѣмъ не менѣе память о пораженіи при Лигницѣ и близкое сосѣдство съ татарами на Руси внушали еще долгое время польскому населенію страхъ при мысли о новомъ нашествіи, которому никто не въ состояніи дать отпоръ, отъ котораго спастись можно только бѣгствомъ. Одни укрывались въ княжескихъ «городахъ» и укрѣпленныхъ монастыряхъ, но подъ вліяніемъ паники сдавались, часто не пытаясь защищаться; другіе бѣжали въ недоступныя лѣса и болота, но и тамъ ихъ выслѣживали отдѣльныя татарскія отряды. И тѣхъ и другихъ ожидала смерть или еще хуже — неволя («ясырь»). Къ счастью, дальнѣйшія нападенія татаръ были слабѣе и не простирались дальше Малой Польши.

Папы превозглашали крестовые походы на помощь Польшѣ и христіанству, но Европа, занятая своими внутренними раздорами, больше думала объ нихъ, чѣмъ о защитѣ религіи и цивилизаціи. Геройская Польша защитила ее своей грудью; выдерживая самыя страшныя погромы, она не уступила ни шагу, не продалась врагамъ ради собственнаго спокойствія, не увеличила собой ихъ полчищъ. Никогда Польша не заслуживала болѣе названія оплота христіанства, какъ именно тогда, когда, послѣ вѣковой борьбы съ поморскими и прусскими язычниками, она выкопала на своей землѣ могилу монгольской силѣ. Но эта высокая миссія пагубно вліяла на внутреннее развитіе ея. Весь Западъ во время крестовыхъ походовъ и въ Испаніи боролся съ магометанскимъ міромъ, который въ дѣлѣ хозяйства, образованности и внѣшняго лоска стоялъ во многихъ отношеніяхъ выше его, поэтому изъ этой борьбы онъ выносилъ поучительныя примѣры и средства для собственнаго развитія. Мы, напротивъ, въ то же время принуждены были бороться съ варварами въ полномъ смыслѣ, отъ которыхъ нельзя было ничему научиться; оставленные Западомъ, мы должны были смотрѣть безпомощно, какъ эти варвары уничтожали плоды нашей вѣковой дѣятельности.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

отъ половины XIII до конца XV вѣка.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ ПОЛЬША.

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОГО ПЕРІОДА.

Этотъ періодъ во всемъ своемъ объемѣ до сихъ поръ былъ обработанъ лучше всего въ «Исторіи Польши» (Geschichte Polens) Репелля и Каро. Сочиненіе Репелля оканчивается изображеніемъ переворота, который совершился въ нашей исторіи въ половинѣ XIII вѣка, и доводитъ повѣствованіе о событіяхъ до конца того же столѣтія. Отъ этого пункта продолжаетъ рассказъ Яковъ Каро и доводитъ его до 1470 года («Geschichte Polens. Gotha». Томъ II. 1863. III. 1869. IV. 1875. V. 1886).

Однако весь этотъ трудъ, за исключеніемъ послѣдняго тома, мы можемъ считать въ настоящее время потерявшимъ значеніе, благодаря вновь появившимся источникамъ и монографіямъ, которые пролили новый свѣтъ на ходъ событій.

То же самое, но еще въ большей степени мы должны сказать объ изображеніи внутреннихъ отношеній съ половины XIII до конца X вѣка. Мѣста въ сочиненіи Каро, относящіяся къ этому вопросу и написанныя черезъ значительные промежутки времени, не даютъ цѣльнаго взгляда и не имѣютъ тѣсной связи между собою. Труды же съ характеромъ монографій ограничиваются разъясненіемъ только нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ и, не смотря на свое большое значеніе, оставляютъ много пробѣловъ.

Изображеніемъ церковной организаціи занимаются:

І. Н. Романовскій: «Otia Cornicensia». Познань 1862. Этюдъ объ отношеніяхъ церкви къ государству.

С(вятославъ) Л(агуна): «Двѣ элекціи въ Польшѣ XIII вѣка». («Dwie elekcye w Polsce XIII-go wieku». Ateneum. Warszawa. 1878. III). Онъ даетъ наилучшее изображеніе тогдашнихъ церковныхъ и бытовыхъ отношеній.

Важнѣйшіе труды о церковныхъ отношеніяхъ въ средневѣковой Польшѣ вращаются около гуситскаго вопроса въ Польшѣ и трактата Остророга (см. литературу IV и V отдѣловъ).

Процессомъ нѣмецкой колонизаціи и организаціей городовъ и сель по нѣмецкому праву занимаются:

Михайль Бобржинскій: «Объ учрежденіи въ краковскомъ замкѣ вышшаго и верховнаго суда по нѣмецкому праву». Разсужденія историческаго отдѣленія Академіи. («O założeniu wyższego i najwyższego sądu prawa niemieckiego na zamku krakowskim». Rozprawę wydziału historycznego Akademii. Kraków. 1875. Tom. IV).

Францискъ Пекосинскій: «О вышнихъ судахъ по нѣмецкому праву въ Польшѣ среднихъ вѣковъ». Разсужд. истор. отд. Акад. («O sądach wyższych prawa niemieckiego w Polsce wieków średnich». Rozprawę wydz. hist. Akademii. Kraków. 1884. Tom. XVIII).

Тотъ же самый авторъ: «Предисловіе къ дипломатическому кодексу города Кракова». («Przedmowa do kodeksu dyplomatycznego miasta Krakowa. Kraków». 1879).

Іосифъ Шуйскій: «Краковъ передъ началомъ XV вѣка». («Kraków do początków XV-go wieku». Предисловіе къ «Древнѣйшимъ книгамъ Кракова». «Najstarsze księgi Krakowa». Kraków. 1878).

Национальнымъ польскимъ правомъ занимается Ромуальдъ Губе въ двухъ сочиненіяхъ: «Польское право XIII вѣка». («Prawo polskie XIII-go wieku». Warszawa. 1874) и «Польское право XIV вѣка». («Prawo polskie XIV-go wieku». Warszawa. 1881). Его дополняетъ Карль Дунинъ своимъ трудомъ о «Мазовецкомъ правѣ». («Prawo mazowieckie». Warszawa. 1880).

Объ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ землянъ находится многое 1) въ трудахъ по общественной организаціи первоначальной Польши, названныхъ въ литературѣ перваго періода, и 2) въ трудахъ по Нешавскому законодательству и по трактату Остророга, поименованныхъ въ литературѣ V отдѣла.

По исторіи экономическихъ отношеній есть два важныхъ сочиненія:

Августа Мейтцена (Meitzen): «Грамоты силезскихъ сель. Къ исторіи сельскихъ отношеній и земельныхъ раздѣловъ въ особенности». («Urkunden schlesischer Dörfer. Zur Geschichte der ländlichen Verhältnisse und der Flureintheilung insbesondere»). Бреславль. 1863. Издано въ IV томѣ Codicis diplomatici Silesiae.

Теодора Гирша (Hirsch): «Исторія торговли и промышленности Дан-

цига подъ властью Тевтонскаго ордена». («Handels-und Gewerbegeschichte Danzigs unter der Herrschaft des Deutschen Ordens». Лейпцигъ. 1858).

Рядъ болѣе старыхъ трудовъ по литературѣ и просвѣщенію среднихъ вѣковъ заканчиваетъ Генрихъ Цейсбергъ (Zeissberg) сочиненіемъ: «Исторіографія средневѣковой Польши». («Geschichtsschreibung Polens im Mittelalter». Лейпцигъ. 1873).

Изъ новѣйшихъ трудовъ заслуживаютъ вниманія:

Іосифъ Шуйскій: «Изъ исторіи краковскаго университета». («Z dziejów Uniwersytetu krakowskiego». Opowiadania. II. Kraków. 1886).

Владиславъ Вислоцкій: «Объ изданіи liber diligentiarum краковскимъ философскимъ факультетомъ въ 1487—1563 годахъ». («O wydawnictwie liber diligentiarum krakowskiego fakultetu filozoficznego z lat 1487—1563». Kraków. 1886).

Подъ этимъ заглавіемъ дается изображеніе научнаго движенія въ краковскомъ университетѣ, богатое новыми фактами и наблюденіями.

I.

Возрожденіе Польши при помощи новаго общественнаго и политическаго устройства.

ЛИТЕРАТУРА.

Репелля дополняютъ:

Болеславъ Уляновскій: «Добавленіе къ исторіи Павла изъ Пржеманкова. Нѣсколько словъ о супругахъ Пржемыслава II. О датѣ привилегіи Болеслава Мазовецкаго повидимому отъ 1278 года». Разсужд. истор. отд. Академіи. («Przyczynek do dziejów Pawła z Przemankowa. Kilka słów o małżonkach Przemysława II. O dacie przywileju Bolesława Mazowieckiego rzekomo z r. 1278». Rozprawy wydz. hist. Akademii tom XVII. Kraków. 1884).

Тотъ-же самый авторъ: «Внукъ Мѣшка Стараго». («Wnuk Mieszka Starego». Ateneum. 1884. I).

Онъ же: «Критическіе очерки изъ исторіи Силезіи». («Szkice krytyczne z dziejów Śląska». Kraków. 1886).

Войцѣхъ Кентржинскій: «Объ отдачѣ Поморья герцогу Пржемыславу Великопольскому въ 1282 г.» («Über die Verleihung Pomorellens an Herzog Przemystaw von Gross-Polen 1282. Altpreussische Monatschrift. XIV». Königsberg. 1878).

Станиславъ Куйотъ: «Бранденбургскіе маркграфы въ исторіи Поморья въ эпоху князя Мествина II». («Margrabiowie brandenburscy w dziejach Pomorza za ks. Mestwina II». Rocznik tow. nauk. Toruń. I. 1878).

Витольдъ Рубчинскій: «Великая Польша подъ управленіемъ сыновей Владислава Одонича». («Wielkopolska pod rządami synów Władysława Odonicza. Kraków». 1886).

§ 35. *Очеркъ раздѣленія.*

Смерть Генриха Благочестиваго на поляхъ лигницкихъ въ 1241 году была для Польши громадной потерей, потому что этимъ разрушалось почти уже законченное дѣло объединенія ея подъ скипетромъ силезской линіи. Оставшіеся въ Силезіи четыре малолѣтнихъ сына Генриха Благочестиваго и два сына Казимира опольскаго подѣлили между собою Силезію и Опольскую землю на мелкія княжества: лигницкое, свидницкое, бреславское, глоговское, опольское, бытомское, цѣшинское, козленское, заторское и рациборское, и ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи удержать верховную власть надъ всей Польшей. Лишившись вслѣдствіе этого того интереса, который до сихъ поръ соединялъ силезскихъ князей съ Польшей, они начали тяготѣть все болѣе и болѣе къ нѣмецкой имперіи, онѣмечивались сами, онѣмечивали свой дворъ и шляхту и еще болѣе помогали нѣмецкой колонизаціи въ городахъ и селеніяхъ. Хотя этимъ онѣмечиваніемъ и нельзя было совершенно подавить и вытѣснить польскій элементъ, однако онъ пересталъ играть политическую роль, и Силезія съ половины XIII вѣка уже болѣе не принимаетъ дѣятельнаго участія въ развитіи польскаго національнаго духа. Только внѣшняя сила могла возвратить ее Польшѣ, а такой силы не доставало.

Не только кто-либо изъ силезскихъ князей, но и вообще никто изъ тогдашнихъ Пястовъ не могъ совладать съ наслѣдствомъ, оставленнымъ Генрихомъ Благочестивымъ. Каждый замыкался въ тѣсной сферѣ своей собственной «дѣльницы» или части дѣльницы, въ маленькомъ княжествѣ, и не былъ въ состояніи видѣть дальше этого горизонта. Не было и теперь недостатка въ столкновеніяхъ между князьями, но эти междоусобія не имѣли никакой высокой политической идеи. Обособленность же отдѣльных удѣловъ и ихъ раздробленность никогда не достигали такихъ размѣровъ, какъ во второй половинѣ XIII вѣка. Примѣру Силезіи въ скоромъ времени послѣдовалъ Мазовецкій удѣлъ. Смерть Конрада Мазовецкаго въ 1247 году даетъ лозунгъ къ раздѣленію между его сыновьями доголѣ соединенныхъ Мазовіи и Куявіи. Земовитъ получилъ въ наслѣдство Мазовію и сдѣлался родоначальникомъ цѣлаго ряда мазовецкихъ князей, которые, размножаясь все болѣе и болѣе, должны были нерѣдко довольствоваться крохотными княжествами и направляли свое вниманіе главнымъ образомъ на пруссовъ, ятвяговъ и литву. Другой сынъ Кон-

рада, Казиміръ, получилъ Куявію, которая послѣ его смерти въ 1268 году снова распалась на нѣсколько частей: Лѣшко Черный († 1288) получилъ княжество сѣрадзское, Земомысль († 1287)—княжество иноврацлавское, потомъ еще раздѣлившееся между его тремя сыновьями; Владиславъ Локотокъ († 1333) — княжество бресто-куявское, Казиміръ († 1294)—княжество лэнчицкое, Земовитъ († 1307)—княжество добржинское. Всѣ эти куявскіе князья отличались удивительно безпокойнымъ характеромъ и являлись самыми главными виновниками общихъ смуть и борьбы.

Наибольшимъ сравнительно удѣломъ владѣлъ Болеславъ Стыдливый, сынъ Лѣшка Бѣлаго, который по смерти Генриха Благочестиваго занялъ краковскую землю и присоединилъ къ своей сандомирской землѣ. Но объ эти земли послѣ нападенія монголовъ представляли собою громадную сплошную пустыню и только что начали застраиваться, какъ вторичное нападеніе въ 1259—60 годахъ истребило огнемъ Сандомиръ и Краковъ и въ своемъ неудержимомъ стремленіи дошло даже до стѣнъ Бытоми. Не бездѣйствовали тѣмъ временемъ и дикіе ятвяги съ литвою, помогая татарамъ непрерывными набѣгами на Польшу, и даже галицкіе князья, смирившись передъ ханомъ, усердно помогали ему и, пользуясь слабостью Польши, захватили себѣ Люблинскую землю. Дать отпоръ этимъ опасностямъ пытался Лѣшко Черный, князь сѣрадзскій, который въ 1278 году получилъ краковскій и сандомирскій удѣлъ послѣ бездѣтной смерти Болеслава Стыдливаго, такъ какъ этотъ послѣдній назначилъ его своимъ преемникомъ. Мужества у него было вполне достаточно. Вскорѣ послѣ того въ 1280 году онъ подъ Гослицами разбилъ на голову князя галицкаго Льва, 1282 г. одержалъ блистательную побѣду надъ ятвягами, а хищную литву побѣдилъ въ жестокомъ сраженіи подъ Ровномъ. Но Лѣшко слишкомъ поддался нѣмецкимъ обычаямъ, слишкомъ опирался на нѣмецкіе города, велъ постоянные споры съ Павломъ изъ Пржеманкова, епископомъ краковскимъ, одно время даже держалъ его въ заключеніи въ своемъ замкѣ въ Сѣрадзи и, раздраживъ противъ себя малопольскую шляхту, тѣмъ самымъ принуждалъ ее къ открытымъ бунтамъ. Сраженія его съ Конрадомъ, княземъ черскимъ (въ Мазовіи), также имѣли характеръ братоубійственныхъ раздоровъ, а (третье) страшное нападеніе Татаръ, дошедшее вплоть до Новаго Сонча, опустошило удѣлъ Лѣшка и несчастнымъ образомъ заключило его княженіе.

Оставалась Великая Польша. Сыновья Одонича († 1239): Пржемыславъ I и Болеславъ Благочестивый, послѣ лигницкой битвы

приобрѣли часть края, захваченную Генрихомъ Бородатымъ, и послѣ многихъ ссоръ и сраженій подѣлили между собою Великую Польшу на княжества Калишское и Познанское. Только по смерти Пржемыслава въ 1257 году Болеславъ Благочестивый приобрѣлъ власть надъ всѣмъ удѣломъ и, заключивъ союзъ съ княземъ поморскимъ Мествиномъ, въ 1278 году далъ отпоръ бранденбургскимъ маркграфамъ, которые, покоривъ лютичей, начали уже пробираться въ глубь Великой Польши и Поморья.

§ 36. Нѣмецкая колонизація.

Однако, среди этого полного политическаго раздѣленія и упадка, во всей Польшѣ, въ каждой «дѣльницѣ» особо началъ развиваться въ иной области рѣшительный поворотъ къ лучшему. Незначительность раздробленныхъ до безконечности удѣловъ, страшное опустошеніе ихъ и безлюдность вслѣдствіе нападений монголовъ и другихъ, не лучшихъ сосѣдей, отнимали у отдѣльныхъ князей возможность соответствующаго ихъ положенію образа дѣйствій, возможность приобрѣтать средства, необходимыя въ равной мѣрѣ какъ для отраженія враговъ, такъ и для удовлетворенія своего собственнаго честолюбія, нерѣдко хватавшаго уже черезчуръ далеко. Поэтому каждый изъ нихъ съ лихорадочной поспѣшностью началъ разыскивать средства для быстраго заживленія ранъ, нанесенныхъ нападеніями, и для матеріальнаго устройства своего разореннаго удѣла и въ этомъ дѣлѣ нашелъ себѣ ревностныхъ послѣдователей въ духовѣнствѣ и «можновладствѣ» (аристократіи), экономическое положеніе которыхъ точно также было разстроено и потрясено. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было удовольствоваться въ данное время обычными, дотолѣ существовавшими способами и средствами выполненія народнаго труда. Въ странѣ не хватало рукъ и охоты къ труду; общественныя связи порвались; остатки народонаселенія, которые уцѣлѣли отъ татарскаго меча и еще худшей бѣды—рабства, бродили, потерявъ всякую энергію, и не возвращались къ пашнѣ, отъ которой оторвала ихъ повсюду пронесшаяся гроза.

Скорая и основательная помощь могла придти только извнѣ, и она явилась въ видѣ нѣмецкой колонизаціи. Это средство было извѣстно еще до монгольскихъ нападений; имъ пользовались монастыри, монахи въ которыхъ состояли преимущественно изъ нѣмцевъ; имѣли его къ своимъ услугамъ и князья, главнымъ

образомъ въ Силезіи; но эти старинныя колоніи, сравнительно рѣдкія, имѣли значеніе только образцовыхъ фольварговъ. Теперь же нѣмецкая колонизація должна была оказывать свое дѣйствіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и сдѣлаться перворазряднымъ социальнымъ факторомъ. Это было опасное, обоюдоострое средство, которое могло повести за собой въ концѣ концовъ полное уничтоженіе польскаго элемента. Но иного исхода не было, и князья Пястовичи ухватились за это средство обѣими руками, не только въ одной Силезіи, но также и Болеславъ Стыдливый въ Малой Польшѣ (1279), равно какъ Пржемыславъ I (+1257) и Болеславъ Благочестивый (+1279), сыновья Одонича въ Великой Польшѣ, какъ наконецъ преемники Земовита мазовецкаго въ Мазовіи. Правленіе этихъ князей, исключительное по своей продолжительности, было посвящено преимущественно тихой и скромной внутренней работѣ надъ заживленіемъ ранъ, нанесенныхъ странаѣ нападеніями монголовъ. Особенно отличились въ этой работѣ оба Болеслава, Стыдливый и Благочестивый. Усилія польскихъ князей счастливымъ образомъ сталкивались съ стремленіемъ къ эмиграціи, которое въ то время обнаружилось съ неслыханною дотолѣ силою среди нѣмецкаго населенія. Это послѣднее въ смутахъ, возникшихъ въ эпоху междуцарствія по смерти императора Фридриха II Гогенштауфена, лишилось всякой защиты со стороны закона и, обреченное на страшное угнетеніе со стороны разбойническаго рыцарства и притѣснявшихъ народъ господъ, стремилось въ какой-бы то ни было уголокъ земли, гдѣ бы можно было найти защиту со стороны государства и свободу для обычнаго труда. Когда польскіе князья гарантировали это нѣмецкому населенію, то нѣтъ ничего удивительнаго, что оно цѣлыми толпами бросилось въ ихъ земли.

Отыскались и посредники между князьями и прибывавшимъ на поселеніе народомъ. Въ этой роли выступили многіе изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые передъ тѣмъ уже прибыли въ Польшу поодиночкѣ или немногочисленными группами, ознакомились съ польскими отношеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ еще сохранили въ Германіи многочисленныя связи и знакомства. Они именно заключали съ князьями договоры объ основаніи въ Польшѣ нѣмецкихъ поселеній, и такіе договоры, написанные на пергаментѣ, назывались «основательскими привилегіями» (*przywileje lokacyjne*). Здѣсь подробно были обозначены условія, на основаніи которыхъ должна была совершиться закладка новой колоніи, обстоятельно трактовалось объ отношеніи, въ какомъ эта колонія должна была на-

ходиться впоследствии ко всей странѣ и къ правящему въ ней князю.

Князь изъ своихъ обширныхъ владѣній назначалъ кусокъ земли для zaloженія новой колоніи и гарантировалъ ей болѣе или менѣе широкое самоуправленіе, предпринимателямъ же обезпечивалъ привилегированное положеніе и значительный земельный надѣлъ. Предприниматели въ свою очередь обязывались привлечь нѣмецкихъ колонистовъ, дать колоніи устройство и затѣмъ управлять ею.

Полученную такимъ образомъ землю переселенцы дѣлили между собою сообразно съ установленнымъ ранѣе порядкомъ. Если колонія должна была сдѣлаться городомъ, то прежде всего намѣчали четырехугольный рынокъ и правильныя улицы, расходящіяся отъ рынка. На этихъ улицахъ постепенно появлялись строенія горожанъ, деревянныя и обыкновенно отдѣленныя другъ отъ друга садомъ; въ серединѣ рынка воздвигали ратушу для помѣщенія властей и лавки для торговли, сбоку городской приходскій костѣль. Весь городъ окружался рвомъ, валами и палисадами. Изъ городской земли, находившейся за валами, каждому выдѣлялось по нѣскольку полосъ, а все остальное, какъ лѣсъ и пастбище, удерживалось для общаго пользованія. Ибо городское населеніе, организовавшись въ цехи, хотя и посвящало свой трудъ ремесламъ или торговлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ держало скотъ для выгоды, занималось садоводствомъ и не умѣло еще совершенно оторваться отъ земледѣльческаго труда. Такимъ образомъ у воротъ старинныхъ княжескихъ городовъ, безъ всякой связи съ этими городами, въ половинѣ XIII вѣка возникли и застроились города нѣмецкіе: Бреславль, Познань, Краковъ, Сандомиръ, Люблинъ, Плоцкъ, Калишь и т. д. Подобнымъ же образомъ основывались сельскія колоніи. Жилища размѣщались въ одинъ рядъ, пахатную землю дѣлили на длинныя, правильныя ланы и давали въ надѣлъ членамъ гмины, а лѣсъ и луга оставались въ общемъ пользованіи.

Самоуправленіе, о которомъ мы упомянули, основывалось на освобожденіи колоніи отъ польскаго права и отъ власти княжескихъ чиновниковъ. Колонисты были свободны отъ всякихъ податей, которыя вносило польское населеніе, и платили только незначительную поземельную ^мподать (*czynsz ziemny*), а военную службу несли только въ случаѣ защиты своихъ поселеній. Ни одинъ княжескій чиновникъ не имѣлъ надъ ними власти и не могъ переступить границу колоніи въ качествѣ чиновника. Ко-

лонисты вѣдались своимъ собственнымъ правомъ, нѣмецкимъ, магдебургскимъ; болѣе значительныя поселенія, какъ Бреславль, Шрода (въ Силезіи), Познань, Хелмно, Краковъ, управлялись по образцу извѣстнаго въ Германіи Магдебурга, а менѣе значительныя колоніи по образцу одного изъ вышепоименованныхъ городовъ, слѣдовательно, какъ говорили, управлялись правомъ бреславскимъ, шродскимъ, хелминскимъ, краковскимъ; однако всѣ эти права въ концѣ концовъ сводились къ магдебургскому праву.

Въ управленіи городовъ и селъ была нѣкоторая разница. Въ городахъ находились два начальственныхъ учрежденія: городской совѣтъ и суды «лавниковъ» (*sady lawnicze*),—и тотъ и другіе состояли изъ должностныхъ лицъ, выбранныхъ мѣщанами. Городской совѣтъ являлся представителемъ города во внѣшнихъ сношеніяхъ, завѣдывалъ всей его внутренней администраціей, издавалъ распоряженія, называвшіяся «вилкержами» (*wilkierze, willkühre*); лавники рѣшали тяжбы. Въ селахъ существовали только суды лавниковъ, и они, вмѣстѣ съ судопроизводствомъ, завѣдывали всѣми другими дѣлами. Кромѣ того, во главѣ каждаго города стоялъ «войтъ», во главѣ села — «солтысъ», которые предсѣдательствовали въ городскомъ совѣтѣ и въ судѣ лавниковъ. Они отправляли свою должность отъ имени князя, но на самомъ дѣлѣ почти вовсе не зависѣли отъ него, потому что эти должности дѣлались наслѣдственными въ родѣ основателей колоніи. Съ ними соединено было обладаніе шестою частью всей земли, пожалованной поселенію, доходъ отъ корчемъ и мельницъ и участіе въ пользованіи значительными въ то время судебными пошлинами. Часть этихъ пошлинъ князь оставлялъ за собою и для взиманія ихъ трижды въ годъ посылъ въ колонію особое довѣренное лицо. И такъ солтысъ и войтъ вмѣстѣ съ властью пользовались имущественнымъ положеніемъ, равнявшимъ ихъ вполне съ польскою шляхтою. Это равенство проявлялось въ военной службѣ, которую солтысы и войты должны были исполнять наравнѣ со шляхтою; точно также обращаться съ жалобой на нихъ можно было только къ самому князю.

На такихъ основаніяхъ развилась въ огромныхъ размѣрахъ нѣмецкая колонизація въ Польшѣ, начиная съ половины XIII вѣка; и эта колонизація усиливалась тѣмъ болѣе, что епископы, аббаты и самые богатые паны, слѣдуя примѣру князей, обратили свои владѣнія въ нѣмецкія колоніи. Эти владѣнія до того времени были по большей части покрыты лѣсами. Ибо польскіе крестьяне зависѣли только отъ князя, и только лишь въ концѣ XII вѣка

мы встрѣчаемъ рѣдкіе примѣры, что тотъ или другой князь жалуетъ крестьянъ вмѣстѣ съ землею костѣламъ или монастыримъ. Поэтому духовные и свѣтскіе владѣльцы могли вырубать лѣса и хозяйствовать въ незначительныхъ фольваркахъ, пользуясь единственно трудами своихъ весьма немногочисленныхъ рабовъ. Теперь съ переселеніемъ нѣмецкихъ колонистовъ они приобрѣли населеніе, необходимое для обработыванія земли, населеніе, которое, правда, замкнулось въ обособленныхъ колоніяхъ и не имѣло никакой связи съ панскими фольварками, которое обязывалось платить только точно опредѣленные подати и пошлыны, но за всѣмъ тѣмъ приносило вѣрный и все болѣе и болѣе увеличивающійся доходъ.

Сверхъ того, нѣмецкая колонизація оказала чрезвычайно сильное вліяніе и на польское крестьянское населеніе, потому что она появилась въ тотъ моментъ, когда Польша стремилась именно къ новой общественной организаціи, но еще не создала для нея новой формы. Такую форму, очень оригинальную и какъ разъ пришедшуюся, принесли съ собой колонисты въ видѣ автономной «гмины». Въ нѣмецкія колоніи сталъ стремиться и поселялся въ нихъ цѣлый классъ людей «вольныхъ», иначе «лазэнковъ» (бродягъ, *łazęki*), который образовался въ послѣднемъ столѣтіи и въ прежней польской организаціи не имѣлъ ничего себѣ соответствующаго. Эти люди поселялись поодиночкѣ по контракту на княжескихъ и частныхъ земляхъ; но тамъ имъ, однако, грозила опасность, что въ первомъ же или слѣдующемъ за нимъ поколѣніи они сольются съ массой зависимаго крестьянскаго населенія, окружавшаго ихъ. Напротивъ того, самоуправляющаяся гмина обезпечивала имъ свободу; поэтому они такими массами хлынули въ нее, что уже въ XIV вѣкѣ совершенно не слышно объ этомъ классѣ «лазэнковъ». Излишне упоминать, что нѣмецкія гмины приобрѣли большее значеніе и силу, благодаря такому наплыву польскаго населенія.

По отношенію къ польскимъ селеніямъ онѣ представляли противоположность, которая не могла долго удержаться, когда часть этихъ селеній (польскихъ), находившаяся во владѣніи шляхты, состояла изъ рабовъ, въ другой же части, находившейся во владѣніи церкви, бремя повинностей росло все болѣе и болѣе. Это именно потому, что духовенство выхлопатывало для своихъ крѣпостныхъ многочисленныхъ освобожденія отъ княжескихъ повинностей для того только, чтобы тѣмъ большеподатей и повинностей наложить на крѣпостныхъ ради своей собственной пользы. Издавна также укре-

нились въ Польшѣ побѣги крѣпостныхъ, и преслѣдованіе ихъ судебнымъ порядкомъ не приносило большой пользы, потому что, убѣгая далеко, въ другую «дѣльницу», они исчезали безслѣдно и увеличивали ряды «лазѣнковъ». Теперь же такіе побѣги тѣмъ болѣе грозили панамъ, что нѣмецкія гмины, и по преимуществу города, не смотря на запрещенія принимали бѣглецовъ съ распростертыми объятіями и вполне обезпечивали ихъ отъ розысковъ. Повсюду стало распространяться убѣжденіе, что народъ, организованный въ «гмины» и надѣленный свободой, приноситъ пану больше прибыли, чѣмъ трудъ крѣпостныхъ, выполняющійся только благодаря принужденію. Подъ этимъ вліяніемъ и среди такихъ условій уже во второй половинѣ XIII вѣка начинается организованіе польскаго крѣпостнаго населенія въ автономныя гмины по образцу нѣмецкихъ колоній. Это называлось перемѣщеніемъ поселенія съ польскаго права на право нѣмецкое, хотя въ дѣйствительности тутъ не могло быть рѣчи о примѣненіи нѣмецкаго права къ процессу и къ семейнымъ и имущественнымъ отношеніямъ. Введенію этой гминной организаціи кладетъ починъ духовенство, а за нимъ послѣдуютъ свѣтскіе владѣльцы и князья.

Земледѣльческій трудъ, исполняемый въ этихъ условіяхъ, былъ непрерывной борьбой съ грозной стихіей природы, каковой до сихъ поръ являлась вода, вмѣстѣ съ необозримыми борами и лѣсами. Множество историческихъ свидѣтельствъ, начиная съ XIII-го вѣка, доказываютъ намъ, съ какими усиліями старались усмирить эту непослушную стихію и заставить ее служить человѣку. Вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, по необозримымъ трясинамъ строить мосты и насыпать гати, тянувшіяся на цѣлыя мили, для необходимаго сообщенія, теперь стали копать каналы и осушать нездоровыя и бесплодныя болота и обращать ихъ такимъ образомъ въ плодородныя пашни. Насыпаніемъ плотинъ и валовъ заставляли течъ въ одномъ общемъ руслѣ разливавшіеся и не имѣвшіе постоянного русла потоки; а благодаря созданной такимъ образомъ цѣлой сѣти водныхъ дорогъ, приближались и къ самой грозной Вислѣ. Трудно было бы управиться съ ней, и это представляло бы задачу, превосходившую силы тогдашняго народонаселенія, если бы ему не оказало помощи какъ разъ во время другое обстоятельство. Это именно была вырубка лѣсовъ, произведенная въ огромныхъ размѣрахъ и измѣнившая первоначальный видъ всей страны и ея физическія условія. Еще оставались исполинскія группы лѣсовъ, но онѣ уже не представляли одного непрерывнаго цѣлага, край на половину освободился отъ лѣсовъ, и тогдашній тяжелый

и неудобный плугъ завладѣлъ этой половиной. Климать страны вслѣдствіе этого совершенно измѣнился, уменьшалось количество атмосферныхъ осадковъ; вѣтры, прежде шумѣвшіе только по верхушкамъ деревьевъ, проносились теперь надъ самой землей, уносили съ нея пары и непрерывно осушали ее. Вслѣдствіе всего этого исчезали болота, понижался уровень воды въ рѣкахъ, уменьшалась стремительность ихъ теченія, становились рѣже грозныя наводненія. Висла, дотолѣ бывшая недоступной, переставала блуждать среди пущъ, оставляя случайныя русла; отчасти сама, отчасти при содѣйствіи человѣка она проложила себѣ постоянное русло съ твердыми и высокими берегами и сдѣлалась судоходной рѣкой. Только по этому водному пути могъ совершаться вывозъ самыхъ главныхъ продуктовъ нашей страны: лѣса и хлѣба, а безъ этого вывоза край не могъ развиваться и возвышаться въ экономическомъ отношеніи и не имѣлъ возможности приобрѣтать тѣ продукты, какіе болѣе высокая цивилизація изобрѣтала на Западѣ.

Однако это значеніе Висла могло получить только въ томъ случаѣ, если товары, ввѣренныя ея теченію, найдутъ открытую дорогу черезъ ея устье къ Балтійскому и къ другимъ морямъ. Съ этой цѣлью Поляки усиленно помогаютъ Тевтонскому Ордену уничтожить преграду, которая существовала на этой дорогѣ въ видѣ хищныхъ пруссовъ. Покореніе пруссовъ, завершенное во второй половинѣ XIII вѣка, открываетъ Вислу и для польской торговли, и хотя Орденъ впоследствии захватываетъ эту торговлю исключительно въ свои руки, вслѣдствіе чего возникаетъ вѣковая борьба, однако эта торговля продолжаетъ существовать и развиваться въ рукахъ нѣмецкихъ городовъ, основанныхъ по нижнему теченію Вислы, поднимаетъ цѣну хлѣба, побуждаетъ польское населеніе къ вырубкѣ лѣсовъ и обращенію въ пашни все большіхъ и большіхъ пространствъ и дѣлаетъ Польшу земледѣльческимъ краемъ въ полномъ значеніи этого слова.

Съ концомъ XIII вѣка изгладились слѣды татарскихъ нападений, и вся страна измѣнилась до неузнаваемости. Населеніе чрезвычайно увеличилось, поднялся земледѣльческій и промышленный трудъ, развилось горное дѣло (Величка, Бохнія, Олькушъ), возникли торговые города, началась постройка красивыхъ костѣловъ изъ камня и кирпича, романскій стиль быстро замѣнился готическимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкое искусство распространилось въ Польшѣ. Все это развивалось само собою, скоро, по свободной инициативѣ, безъ постояннаго надзора и принужденія.

Вотъ какія благодѣтельныя, полезныя послѣдствія повлекла за собою нѣмецкая колонизація въ Польшѣ.

Но въ равной мѣрѣ она принесла съ собою сомнительныя и прямо опасныя послѣдствія. Нѣмецкій языкъ и нѣмецкая мода укоренились при княжескихъ дворахъ, а оттуда распространялись между духовенствомъ и шляхтой и угрожали потерю народности и онѣмеченіемъ. Хотя нигдѣ въ странѣ дѣло не дошло до той крайности, какая уже наступила въ Силезіи, но тѣмъ не менѣе уничтожилось прежнее единство польскаго народа, которое обуславливало собою большіе размѣры первоначальной, Болеславовой Польши. Рядомъ съ польскимъ населеніемъ, но обособленно отъ него появилось населеніе нѣмецкое, скопившееся въ городахъ и многочисленныхъ селахъ, управлявшееся своимъ собственнымъ нѣмецкимъ правомъ, заботившееся только о себѣ, считавшее себя обязаннымъ только тѣми повинностями, какія оно взяло на себя на основаніи договоровъ, отказывавшееся отъ болѣе значительныхъ жертвъ на благо общественное, не вѣдавшее преданности и любви къ отчизнѣ. Это населеніе тяготѣло къ Германіи, поддерживало съ нею постоянныя связи и въ случаѣ войны съ Германіей становилось опаснымъ элементомъ внутри страны.

§ 37. *Привилегіи церкви.*

Не одни только нѣмецкіе колонисты выдѣлились изъ остальной массы польскаго народа: еще сильнѣе выдѣлилось духовенство. Во второй половинѣ XIII вѣка положеніе польской церкви совершенно измѣнилось. Разъединенные князья Пястовичи власть которыхъ была потрясена или взаимнымъ соперничествомъ, или аристократіей, обращались къ покровительству апостольскаго престола, какъ мы уже упоминали объ этомъ, бывшаго верховной политической инстанціей для тогдашней Европы, и выпрашивали у папъ санкціонированія своихъ различныхъ домогательствъ или требовали разрѣшенія возникавшихъ между ними частныхъ распрей и споровъ. Такимъ образомъ католическая церковь, которая дотолѣ составляла въ Польшѣ политическое учрежденіе и абсолютно зависѣла отъ короля, возвысилась теперь надъ князьями и вмѣсто того, чтобы повиноваться ихъ постановленіямъ, надменно навязывала имъ свое каноническое право. Но не вслѣдствіе только этой внѣшней, универсальной силы церковь въ тогдашней Польшѣ играетъ значительную роль.

Вступая въ болѣе близкія отношенія къ Западу, бѣольшая часть польскаго духовенства въ продолженіе XIII вѣка заняла высшее положеніе, соотвѣтствовавшее положенію духовенства въ остальной Европѣ, прониклась духомъ церковной реформы и стала въ дѣлѣ ея искренно помогать папскимъ легатамъ, посѣщавшимъ Польшу. Прежнее женатое духовенство, заботившееся о своихъ семьяхъ и черезъ то весьма тѣсно связанное съ свѣтскимъ обществомъ, безпрестанно сталкивавшееся съ нимъ въ обыденной жизни, грубое, подобно большинству тогдашней шляхты и сельскаго населенія, вымирало и исчезало, а вмѣсто него выступало новое, безбрачное, исключительно преданное цѣлямъ церкви, проникнутое духомъ своего особеннаго призванія, ставившее себѣ авторитетомъ Римъ и Западъ вообще, заимствовавшее отсюда не только умственное развитіе, но и новыя обычаи вмѣстѣ съ истиннымъ религіознымъ духомъ. Рядомъ съ прежними орденами, посвящавшими себя аскетизму или матеріальному труду, какъ напримѣръ Бенедиктинцы и Цистерціанцы, появляются теперь два новыхъ ордена: Доминиканскій и Францисканскій, которые входятъ въ непосредственное соприкосновеніе со всѣми слоями общества, горячо принимаются за дѣло проповѣди и поученія, руководятъ бѣлымъ духовенствомъ и оказываютъ ему немаловажную помощь. Кажется, имъ главнымъ образомъ нужно приписать ту заслугу, что религія въ XIII вѣкѣ перестаетъ быть одной только формой и, всецѣло проникнувъ въ польское общество, охватываетъ все болѣе и болѣе широкіе слои и въ отдѣльныхъ личностяхъ доходитъ до аскетизма. Нападенія монголовъ, выбивая народъ изъ обычной дотошнѣ колеи его мыслей и труда, потрясаютъ его волю и чувство, и это душевное настроеніе сообщается даже и тѣмъ удѣламъ, въ которыхъ земля не была изрыта копытами татарскихъ коней.

Въ нравственной области обнаруживаются рѣзкія противоположности. Среди общества, одичавшаго въ мелдоусобныхъ раздорахъ, потревоженнаго нападеніями враговъ, живущаго изо дня въ день, погрязшаго въ грубомъ невѣжествѣ и предавашагося во всѣхъ сословіяхъ разврату, среди общества, въ которомъ жадность соединялась съ расточительностью, слабость съ жестокостью и авантюристскимъ легкомысліемъ, мы встрѣчаемся съ личностями, которыя удаляются отъ міра, уединяются въ монастырскихъ стѣнахъ и предаются дѣламъ благочестія и милосердія. Число такихъ лицъ постоянно возрастаетъ. Никогда Польша не производила столько святыхъ и блаженныхъ. Св. Ядвига, жена

Генриха Бородатого, проводить тридцать лѣтъ супружества въ Тржебницкомъ монастырѣ, св. Клинга ведетъ дѣвственную жизнь съ своимъ мужемъ, Болеславомъ Стыдливимъ, и заканчиваетъ ее въ Сондецкомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ блаж. Еленой, женою Болеслава Благочестиваго, князя калишскаго; въ Краковѣ славятся чудесами св. Бронислава Норбертанка и св. Яцекъ изъ знатнаго рода Одровонжей, доминиканецъ, первый полякъ, который беретъ на себя апостольскую миссію (на Руси); въ Завихвостѣ уединяется въ монастырѣ св. Саломея, дочь Лѣшка Бѣлаго, въ Енджеёвѣ епископъ краковскій, блаж. Кадлубекъ. Кульминаціоннымъ пунктомъ всего этого движенія является канонизація св. Станислава и провозглашеніе его патрономъ Польши въ 1254 г. Князья Пястовичи, фамиліная традиція которыхъ заклемила епископа Станислава измѣнникомъ отчизны и престола, теперь лично присутствуютъ при его канонизаціи, смиряясь передъ церковью и окончательно порывая съ воспоминаніемъ о своей прежней автократіи.

Не по принужденію, но по внутреннему побужденію, ради вѣчнаго спасенія они осуществляютъ теперь церковную программу, изложенную въ общей привилегіи отъ 1210 г. Привилегіи въ половинѣ XIII вѣка льются обильнымъ потокомъ на отдѣльные епископства, костѣлы и монастыри, къ которымъ переходятъ почти всѣ княжескія права; нѣкоторые получаютъ даже право чеканки монеты. Вмѣстѣ съ привилегіями развивается въ равной мѣрѣ необыкновенная щедрость. Монастыри размножаются въ громадномъ количествѣ. Польская церковь организуется на новыхъ основаніяхъ, на своемъ собственномъ каноническомъ правѣ; ея судебная компетенція распространяется не только на духовныхъ, но также и на населеніе церковныхъ помѣстій, а во многихъ случаяхъ и на все католическое общество. Дѣйствительность постановленій церкви обеспечивается интердиктомъ, проклятіемъ, а въ случаѣ нужды является помощь свѣтской силы. Церковь и духовенство переходятъ въ особое политическое сословіе, надѣленное полнымъ самоуправленіемъ.

Князья утратили всякое вліяніе на замѣщеніе высшихъ духовныхъ должностей, соборные капитулы по мысли каноническихъ постановленій получили право выбора епископовъ, и съ этого момента не только епископы перестаютъ находиться въ зависимыхъ отношеніяхъ къ князьямъ, но и низшее духовенство уже болѣе не добивается, на перерывѣ другъ передъ другомъ, княжеской милости, зная что только въ сферѣ церкви, оставаясь

вѣрными ея духу и интересамъ, они могутъ получить и значеніе, и высшій санъ.

Самымъ главнымъ законодательнымъ учрежденіемъ католической церкви въ Польшѣ были синоды, на которые съѣзжались депутаты отдѣльныхъ капитуловъ и всѣ епископы. Эти синоды происходили подъ предѣдательствомъ архіепископа гнѣзненскаго или папскихъ легатовъ и издавали обширныя, точно формулированныя и систематически расположенныя постановленія, которыя по формѣ, равно какъ и по содержанию послужили образцомъ для нашего свѣтскаго законодательства. Заботясь о самостоятельности церкви, эти синоды вмѣстѣ съ тѣмъ прилагали всѣ старанія, чтобы утвердить и обезпечить за ней большее вліяніе на общество, чѣмъ какое существовало доселѣ, и съ большою заботливостью занимались школами и дѣломъ просвѣщенія вообще. Соборныя школы, служившія для образованія духовенства, улучшились вслѣдствіе тщательнаго выбора учителей и расширенія круга преподаваемыхъ предметовъ; а вмѣстѣ съ ними, благодаря стараніямъ синодовъ, начали появляться низшія приходскія школы, которыя основывались при приходскихъ костелахъ и вѣрялись попеченію и контролю пробстовъ. Въ нихъ учили читать и писать (по латыни), катехизису и церковному пѣнію, отчасти счету и латинскому языку. Письменный польскій языкъ еще не существовалъ и поэтому не могъ быть предметомъ школьнаго обученія; но такъ какъ многочисленныя нѣмецкія колоніи начали распространять онѣмечиваніе, то синодъ 1285 г. издалъ постановленіе, чтобы учителями брали только такихъ людей, которые знаютъ польскій языкъ и могутъ объяснять и сообщать молодежи школьныя науки.

Сверхъ всего этого въ эпоху полнаго раздробленія Польши на маленькія княжества имѣло большой вѣсъ въ ходѣ событий то обстоятельство, что польская церковь удержала свою цѣлостность и утвердила ее на многочисленныхъ синодахъ; что она не перестала быть польскою церковью вообще, отдѣльной провинціей вселенской церкви, и въ самыя тяжелыя времена оберегала идею народнаго единства.

§ 38. *Привилегіи землянь.*

Общій политическій и экономическій переворотъ не могъ, конечно, не отразиться и на шляхтѣ.

Что среди нея еще осталось на содержаніи князей, то послѣ

монгольскихъ нашествій окончательно переходитъ на житье въ села. Раздача земель совершается теперь въ огромныхъ размѣрахъ, и въ связи съ этимъ развивается понятіе, что рыцарская служба не есть особенная обязанность, но повинность, соединенная съ обладаніемъ землею, съ обладаніемъ помѣстьями на «рыцарскомъ правѣ», т. е. свободнымъ отъ всякихъ податей и повинностей, которыя основаны на частномъ правѣ и обязательны для людей закрѣпленныхъ. Только то рыцарство, которое является осѣдлымъ (поссесіонаты, *possessyonaci*), образуетъ сословіе земель, пользуется его правами и исполняетъ его обязанности. Отсюда страстная привязанность шляхты къ отчинѣ, отсюда многочисленныя трудности, юридически соединенныя съ отказомъ отъ нея (необходимо согласіе родственниковъ), отсюда то явленіе, что шляхетскія помѣстья переходятъ по наслѣдству даже и къ отдаленнымъ родственникамъ мужскаго пола, тогда какъ женщины, даже дочери, оставшіяся послѣ умершаго, не имѣютъ права наслѣдовать ихъ. Ибо кто не имѣлъ земли, тотъ становился «голытьбой» (не-поссесіонатомъ), не имѣлъ правъ и обязанностей шляхетскихъ по отношенію къ государству, переходилъ въ частную службу или поселялся въ городѣ, принимался за аршинъ или кварту и рано или поздно утрачивалъ свое шляхетское званіе.

Въ земледѣльческомъ сословіи однако нѣтъ цѣлостности. Въ немъ ясно различаются другъ отъ друга два слоя: во-первыхъ, обладающіе помѣстьями и хозяйничающіе въ нихъ съ помощью управителей и крѣпостныхъ, и во-вторыхъ, владѣющіе только нѣсколькими ланами; эти послѣдніе должны лично заниматься земледѣльческимъ трудомъ. Въ первомъ классѣ уже нѣтъ тѣхъ исполинскихъ латифундій, какія существовали нѣкогда, потому что вслѣдствіе непрерывнаго размноженія семей крупныхъ собственниковъ и дѣленія владѣній изъ кучки немногочисленныхъ магнатовъ образовался огромный классъ земледѣльцевъ, обладавшихъ одною или нѣсколькими деревушками. Однако они вполне могутъ нести военную службу и выступаютъ на войну съ отрядомъ, соотвѣтствующимъ величинѣ помѣстій.

Напротивъ того для загоновой шляхты военная повинность является бременемъ, превосходящимъ его силы, потому что эта шляхта не въ состояніи добыть средствъ на тяжелое вооруженіе и на коня, не можетъ, бросивъ пашню, содержаться на войнѣ. Шляхетское поселеніе довольствуется тѣмъ, что отправляетъ на войну нѣсколькихъ изъ своей среды, часто только пѣшихъ; но и

между ними и богатою шляхтою рѣзко бросается въ глаза разница въ вооруженіи и въ шляхетской выправкѣ. Рыцарскіе обычаи, которые возникли на Западѣ подѣ влияніемъ крестовыхъ походовъ, дошли и до насъ, но проникли только въ высшую, болѣе знатную часть шляхты. Даже названіе «рыцарь» употребляется собственно лишь высшимъ слоемъ, тогда какъ низшій носитъ старинное названіе «влодыкъ» (*włodyki*). Когда это оказалось несостоятельнымъ, такъ какъ влодыки присвоили себѣ названіе рыцарей, то высшій рыцарскій слой принимаетъ названіе шляхты и юридически разграничивается отъ низшаго ¹⁾).

Теперь однако не только тѣ причисляются къ шляхтѣ, которые могли бы вывести свое происхожденіе отъ древнихъ княжескихъ родовъ, потому что традиція такого происхожденія затирается и гаснетъ въ польской шляхтѣ. Къ шляхтѣ принадлежатъ всѣ тѣ, которые, обладая помѣстьями, отправляютъ за то княжескія должности, придворныя или городскія, или родственники и предки которыхъ исполняли ихъ; а въ предшествовавшую эпоху милость государя надѣлила такими должностями не одного простаго «влодыку» или иностраннаго рыцаря. Княжеская должность также возвышала достоинство человѣка въ Польшѣ, какъ и на Западѣ въ среднихъ вѣкахъ: вира за убитаго чиновника въ три раза превосходила виру за простаго человѣка. Это личное право переносится теперь на все шляхетское сословіе, становится наследственнымъ и раздѣляетъ шляхту отъ влодыкъ. Точно также преимущество, которымъ пользовалась шляхта при замѣщеніи должностей, становится ея исключительнымъ правомъ. Къ этому присоединяются и внѣшніе знаки. Ими дѣлаются эмблемы (гербы, *herby*) и девизы (*zawołania, hasła*). Нѣкогда магнаты имѣли на своихъ знаменахъ руническіе знаки; теперь носятъ ихъ на знаменахъ и щитахъ вся шляхта, передавая ихъ по наследству, а вмѣсто руническихъ знаковъ принимаетъ въ XIV вѣкѣ разнаго рода эмблемы по заграничному образцу: топоры, грифовъ, подковы, копыя и т. д.

Обособленность шляхты не могла бы сохраниться безъ опредѣленной организаціи, и подобная организація появляется въ XIII в. въ видѣ шляхетскихъ родовъ. Всѣ выводящіе свое

¹⁾ По мнѣнію Пекосинскаго это разграниченіе существовало уже во времена нашествій, и шляхта совѣмъ не пополнялась изъ рядовъ низшаго рыцарства—влодыкъ, а возникла исключительно вслѣдствіе размноженія княжескихъ родовъ.

происхожденіе отъ одного рода имѣютъ общій гербъ и девизъ, сражаются на войнѣхъ подъ однимъ и тѣмъ-же знаменемъ, во время мира соблюдаютъ полную солидарность, помогаютъ тѣмъ изъ своей среды, которые достигли высшихъ должностей, и образуютъ нѣчто вродѣ политическихъ партій. Если родъ слишкомъ увеличился и не въ состояніи сохранить солидарность, то отъ главнаго рода отдѣляются новые, принимающіе другіе гербы и девизы. Такъ отъ Старжей (Топорчиковъ) происходятъ Запржанцы, Палуки и Окши, отъ Свѣбодзичей (Грифитовъ) Побендзи и Косцѣши, отъ Лабендзей Гоздавы и Радваны, отъ Одробондовъ (Одровонжей) Повалы (Огончики), Крживосонды (Несоби) и Дрогославы и т. п. Члены одного и того же рода различаются другъ отъ друга только фамиліей, которую они заимствуютъ отъ названія своего помѣстья, употребляя это названіе въ прилагательной формѣ (напримѣръ въ родѣ Одровонжей отъ Шидловца Шидловецкіе, отъ Спровы Спровскіе), а иногда отъ постоянного родового прозвища (такъ напримѣръ въ томъ же родѣ Пенѣнжки). Однако каждый перемѣняетъ фамилію, если перемѣняетъ помѣстье, и такимъ образомъ каждый раздѣлъ наслѣдства создаетъ новыя прозвища.

Самымъ яснымъ доказательствомъ обособленія шляхты являются сверхъ всего этого нобилитаціи (возведенія въ шляхетское достоинство), передъ тѣмъ неизвѣстныя и возникающія во второй половинѣ XIII столѣтія. Уже необходимъ особый монаршій актъ, чтобы кому-нибудь не-шляхетскаго происхожденія пожаловать шляхетство и соединенные съ нимъ гербъ и девизъ. За то шляхетскіе роды сохраняютъ за собою право путемъ усыновленія принимать въ свой родъ и тѣмъ самымъ допускать до шляхетства постороннихъ людей не-шляхетскаго происхожденія.

Еще одна задача стоитъ передъ шляхтой, но и это препятствіе она счастливо преодолеваетъ во второй половинѣ XIII вѣка. До сихъ поръ шляхта имѣла въ своихъ помѣстьяхъ не-свободное населеніе, вполне подчиненное ей и въ юридическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Желая теперь по общему примѣру улучшить свое хозяйство и увеличивать доходъ, она не могла ограничиться только этими крѣпостными, но должна была привлекать свободныхъ людей на пустыя земли и поселять ихъ по контракту на такъ называемомъ нѣмецкомъ правѣ. Однако это превосходило компетенцію шляхты, ибо власть надъ свободными людьми принадлежала государю и его чиновникамъ, и самовольно нельзя было нарушать такой порядокъ вещей. Поэтому

отдѣльные паны пріобрѣтаютъ себѣ цѣлый рядъ специальныхъ привилегій, въ силу которыхъ они получаютъ власть надъ свободнымъ населеніемъ, живущимъ въ ихъ помѣстьяхъ, и право организациі нѣмецкихъ гминъ, которыя должны быть свободны, если не отъ всѣхъ, то по крайней мѣрѣ отъ многихъ общественныхъ повинностей.

§ 39. Государь и государство.

Единственной силой, на которую еще могъ опираться государь независимо отъ кого бы то ни было, было сельское населеніе, жившее на его земляхъ. Эти земли (*partimonium*), не смотря на многочисленныя пожалованія церкви и шляхтѣ, не смотря на нѣмецкія колоніи, были все еще обширны, а увеличеніе народонаселенія и улучшеніе способовъ хозяйства прибавило доходовъ князьямъ. Изъ этихъ доходовъ государь удовлетворялъ нуждамъ своего двора и нуждамъ общественнымъ, а во время войны прибѣгалъ къ военной службѣ, которой ему были обязаны шляхта и солтысы.

Важнымъ дѣятелемъ въ увеличеніи доходовъ княжеской казны стала та часть народонаселенія, которая спорадически находилась въ Польшѣ уже съ самыхъ давнихъ временъ, но только лишь теперь начала прибывать болѣе многочисленными толпами и пріобрѣтать постоянную осѣдность въ княжескихъ помѣстьяхъ. Это были евреи. Преслѣдуемые въ то время на Западѣ, они нашли у насъ убѣжище, безопасность жизни, имущества и вѣры, которое впервые официально утвердилъ за ними Болеславъ, князь калишскій, привилегіей 1257 г. Они исключительно зависѣли отъ князя, состояли подъ его покровительствомъ и распоряженіемъ, принадлежали къ его наслѣдству (*patrimonium*), къ его казнѣ, въ которую они дѣйствительно вносили многочисленныя подати.

Если мы представимъ себѣ теперь заразъ это измѣненіе политическихъ и общественныхъ отношеній, то убѣдимся, что съ концомъ XIII вѣка идея первоначальнаго польскаго государства съ патриархальнымъ характеромъ уничтожилась, а вмѣсто нея создавалась новая. Она отличалась тѣмъ: 1) что народъ состоялъ изъ трехъ сословій, совершенно обособленныхъ и самоуправляющихся, тогда какъ прежде онъ составлялъ единое цѣлое; 2) что князья опирались главнымъ образомъ на доходы отъ своихъ земель и, не мѣшаясь во внутреннія дѣла сословій, только защи-

щали ихъ отъ внѣшнихъ враговъ и заботились о сохраненіи между ними равновѣсія и согласія, тогда какъ прежде они прямо и непосредственно вѣдали всѣ дѣла своего народа; 3) что отношенія между княземъ и сословіями основывались на взаимномъ договорѣ, изложенномъ въ многочисленныхъ привилегіяхъ, тогда какъ прежде эти отношенія основывались на признаніи государя, какъ главы большаго семейства, на патріархальныхъ связяхъ.

Привилегіи составляютъ внѣшній признакъ для періода средневѣковаго развитія польскаго государства. Ихъ даруетъ государь, но на основаніи предварительнаго соглашенія съ частнымъ лицомъ, городомъ, костѣломъ, епархією, областью. Привилегіи являются самымъ древнимъ письменнымъ законодательствомъ нашимъ политическаго содержанія. Это новое средневѣковое устройство называется патримоніальнымъ государствомъ по имуществу князя, которое называлось *patrimonium* и играло въ немъ важную роль; мы можемъ назвать его также сословнымъ государствомъ, т. е. основаннымъ на нѣсколькихъ самоуправляющихся сословіяхъ. Патріархальный порядокъ уже сдѣлалъ свое дѣло, образовалъ изъ элементовъ, находившихся въ хаотическомъ состояніи, народъ и государство; теперь нужно было пробудить общество къ самостоятельному экономическому и цивилизаторскому труду, а такой трудъ безъ облегченія отъ тяжестей княжескаго права, безъ самоуправления, безъ привилегій былъ прямо невозможнымъ. И такъ хотя правители потеряли часть власти, за то общество выиграло вдвое, и народъ приобрѣлъ необходимыя условія для дальнѣйшаго, обильнаго результатами развитія ¹⁾.

§ 40. *Коронація Пржемыслава Великопольскаго.*

Это новое политическое устройство стало непосредственнымъ побужденіемъ и причиной, принуждавшей отдѣльныя дѣлницы, на которыя распалась Польша по смерти Кривоустаго, соединиться въ одно могущественное государство.

¹⁾ Возникновеніе сословнаго самоуправления было, слѣдовательно, необходимымъ, естественнымъ результатомъ нашего развитія. Раздѣлъ Польши, совершенный Кривоустымъ, ослабилъ княжескую власть и облегчилъ отдѣльнымъ общественнымъ слоямъ освобожденіе изъ-подъ нея, но не былъ причиною самоуправления. Оно возникло только во второй половинѣ XIII вѣка, и ошибочно относятъ его многіе историки, и между ними прежде всего Шуйскій, къ 1139 г.

Самоуправленіе и вольности, которыя получили церковь, нѣмецкія колоніи и шляхта, должны были однако служить для той цѣли и для того имъ были даны, чтобы подъ ихъ охраною лучше и успѣшнѣ могла развиваться общественная дѣятельность. Но этой цѣли нельзя было достигнуть до тѣхъ поръ, пока край подвергался постояннымъ нападеніямъ враговъ, которымъ удѣльные князья не могли оказывать сопротивленіе; до тѣхъ поръ, пока сами эти князья, ссорясь между собою, производили и другъ у друга, и въ своихъ земляхъ грабежи и опустошенія, болѣе ужасныя, чѣмъ тѣ, которыя производились внѣшними непріятелями. Обществу, уже научившемуся цѣнить плоды своего заботливаго труда, должна была быть въ тягость слабость разьединенныхъ князей, которые не умѣли дать отпоръ врагамъ; должны были сдѣлаться ненавистными ихъ ссоры и распри. Это общество сильно желало единого и могучаго властителя, подъ покровительство котораго оно могло бы отдаться съ полезными результатами для себя.

Поляки имѣли чрезвычайно важную причину, побуждавшую ихъ стремиться къ государственному единству. Они видѣли среди себя множество многолюдныхъ, богатыхъ нѣмецкихъ колоній, которыя начали дѣлаться бременемъ для польскаго населенія и грозили ему опасностью германизациі и нѣмецкаго завоеванія. Польская шляхта пришла къ убѣжденію, что только соединеніемъ страны въ одно государство удастся отвратить эту опасность и доставить надлежащій перевѣсъ польскому элементу.

Съ концомъ XIII вѣка во всей Польшѣ возникло сильное движеніе, стремившееся къ соединенію дѣльницъ, движеніе политическое и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто народное. Весь народъ разискивалъ князя, который сталъ бы во главѣ этого движенія и докончилъ великое дѣло.

Первый, кто взялся за эту великую мысль, былъ сынъ Пржемыслава I, Пржемыславъ II, который въ 1278 г., по смерти дяди Болеслава Благочестиваго, соединилъ въ своихъ рукахъ всю Великую Польшу. Безпрерывно борясь съ беспокоившими его онѣмечившимися силезскими князьями, именно съ Генрихомъ Пробусомъ, этотъ мужественный князь соединился съ Мествиномъ или Мщугомъ, сыномъ Святополка, княземъ поморскимъ, и, допущенный имъ еще при жизни (въ 1282 г.) къ совмѣстному правленію, послѣ его бездѣтной смерти въ 1294 г. получилъ во владѣніе Поморье, въ теченіе долгихъ лѣтъ бывшее утраченнымъ для Польши; а временно захватилъ въ свою власть даже Краковъ въ 1290 г. Однако болѣе, чѣмъ всѣмъ этимъ, Пржемыславъ увѣко-

вѣчилъ свое имя тѣмъ, что первый возобновилъ мысль о единствѣ государства и въ 1295 г. торжественно вѣнчался польскимъ королемъ съ разрѣшенія апостольскаго престола. Хотя въ слѣдующемъ году Пржемыславъ погибъ отъ рукъ тайныхъ убійцъ, подосланныхъ бранденбургскими маркграфами, однако мысль его уже нельзя было уничтожить.

II.

Локотокъ и Казиміръ Великій воздвигаютъ новое государственное зданіе.

(1288—1370).

Л И Т Е Р А Т У Р А.

Мастерскія изслѣдованія З. А. Гельцеля: «Старинные памятники польскаго права. («Starodawne prawa polskiego pomniki». Tom I. Kraków. 1856) о законодательствѣ Казиміра Великаго обстоятельно доказали, что прежніе историки, именно Лелевель и Шайноха, находились на ложной дорогѣ при оцѣнкѣ правленія Локотка и Казиміра Великаго, перенося центръ тяжести на правленіе Локотка и приписывая ему всѣ заслуги.

Наилучшій взглядъ на этотъ отдѣлъ исторіи мы имѣемъ въ настоящее время въ разсужденіяхъ І. Шуйскаго: «Характеристика Казиміра Великаго. («Charakterystyka Kazimierza W-go». Przewodnik naukowy. Lwów. 1876. IV).

«Мацько Борковиць, воевода познанскій, и первая шляхетская конфедерация 1352 г.» (Maćko Borkowic, wojewoda poznański, i pierwsza konfederacja rycerska z r. 1352).

«Условія калишскаго трактата 1343 г.» («Warunki traktatu kalińskiego z r. 1343»).

Всѣ три разсужденія появились въ «Разсказахъ» («Opowiadania». Warszawa. 1882).

Кромѣ того разсужденія:

М. Бобржинскій: «Бунтъ краковскаго войта Альберта». («Bunt wójta krakowskiego Alberta». Biblioteka warszawska. 1877. III).

І. Ленокъ: «Вышегородскій конгрессъ въ 1335 г.» («Kongres wysze-grodzki w r. 1335». Przewodnik naukowy. Lwów 1884. I).

§ 41. Чешское господство. (1291—1306).

Мысль Пржемыслава усвоилъ Владиславъ Локотокъ ¹⁾, князь бресто-куявскій, который послѣ своего брата, Лѣшка Чернаго, наследовалъ Сѣрадское княжество. Локотокъ сталъ во главѣ народнаго движенія противъ угрожающей странѣ нѣмчины, и этотъ лозунгъ, который онъ поставилъ на своемъ знамени, возвелъ его, мелкаго князька, на королевскій тронъ, правда, послѣ продолжительныхъ, страшныхъ переворотовъ и неудачъ.

Уже съ 1288 г. Локотокъ боролся съ онѣмеченнымъ силезскимъ княземъ Пробусомъ, котораго нѣмецкое городское населеніе вызвало на престолъ Малой Польши по смерти Лѣшка. Локотокъ захватилъ сандомирскую землю, но не смотря на кровавую борьбу, ему не удалось окончательно выгнать войска Генриха (Пробуса) изъ краковской земли. Польскій элементъ, казалось, совершенно уничтожился; а чужеземщина брала такой большой перевѣсъ, что по смерти Генриха въ 1290 г. ни Пржемыславъ Великопольскій, назначенный имъ преемникомъ, ни Владиславъ Локотокъ не смогли удержаться въ Краковѣ.

Въ это время выступилъ новый претендентъ на польскій тронъ, король чешскій Вацлавъ. Мысль о соединеніи подъ однимъ скипетромъ Чехіи и Польши никогда не исчезала совершенно; а теперь, въ моментъ полнаго, какъ казалось, упадка Польши ухватился за эту мысль Вацлавъ, король изъ династіи Пржемысловичей. Вацлавъ покровительствовалъ въ Чехіи нѣмецкому элементу и неоднократно опирался на него въ борьбѣ съ чешскими панами; его могущество импонировало также и нѣмецкимъ колоніямъ въ Польшѣ, которыя прежде всего искали отъ престола надежнаго покровительства своему промышленному и земледѣльческому труду и нисколько не заботились о томъ, сядетъ ли на польскомъ тронѣ одинъ изъ пястовскихъ князей или чуждый монархъ. Нѣмецкія колоніи въ Малой Польшѣ призвали на тронъ Вацлава. Въ 1291 г. онъ издалъ первую «всеобщую привилегію» (*przywilej generalny*), которой торжественно подтвердилъ права и вольности землянь, церкви и городовъ Малой Польши,

¹⁾ Владиславъ Локотокъ, третій сынъ Казимира, князя куювскаго, и третьей жены его Евфросиніи, род. 1260†1333, женился на Ядвигѣ, княжнѣ великопольской, имѣлъ онъ отъ нея сына Казимира V. и дочь Елизавету (Ельжбету), выданную за Роберта, короля Венгерскаго.

и, выступивъ съ вооруженными войсками, привелъ въ вассальную зависимость силезскихъ князей, занявъ краковскую и сандомирскую земли, не смотря на сопротивление Локотка, даже самъ добылъ Сѣрадзъ и принудилъ къ зависимости Локотка съ его братомъ Казиміромъ, княземъ лэнчицкимъ. Даже польское рыцарство, усумнившись въ собственныхъ силахъ и въ силахъ своихъ князей, подчинилось Вацлаву. Оно въ 1296 г. по смерти Пржемыслава въ Великой Польшѣ призвало на тронъ Локотка, но видя, что Локотокъ не можетъ справиться въ борьбѣ съ противниками: Лѣшкомъ куявскимъ и Генрихомъ глоговскимъ, уже въ 1300 г. отложило отъ него и предложило правленіе Вацлаву. Локотокъ долженъ былъ удалиться изъ страны послѣ безплодныхъ порывовъ, и Вацлавъ увидѣлъ себя обладателемъ всей Польши, за исключеніемъ Мазовіи, упорно отстаивавшей свою самостоятельность. Торжественная коронація Вацлава увѣнчала дѣло объединенія края, исполненное, правда, иностраннымъ монархомъ.

Хотя, какъ мы увидимъ, чешскому господству не удалось прочно утвердиться, однако оно произвело благотворное вліяніе на дальнѣйшее развитіе Польши. Король Вацлавъ управлялъ новымъ государствомъ съ помощью намѣтниковъ, старостъ, которыхъ онъ во главѣ вооруженныхъ войскъ помѣстилъ въ важнѣйшихъ городахъ и поставилъ надъ отдѣльными удѣлами. Такимъ образомъ это было сильное правленіе, которое подавляло въ зародышѣ всякое замѣшательство и приучало къ единенію и согласію польское общество, составленное изъ столькихъ разнородныхъ элементовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ чешская политика, проводимая въ одномъ и томъ же направленіи, приучала къ единенію отдѣльные удѣлы и убѣждала поляковъ, что, не смотря на полуторговское раздѣленіе, они могутъ съ большою для себя пользою создать единый политическій организмъ. Кто знаетъ, дошли ли бы мы сами когда-нибудь до единой монархіи безъ короткаго правленія Вацлава.

§ 42. Правленіе Локотка. (1306—1333),

Противъ Вацлава собрались грозныя бури: на него поднялись папа Бонифацій VIII, императоръ Альбрехтъ и посаженный ими на венгерскомъ престолѣ, вопреки Вацлаву, Карлъ-Робертъ Анжуйскій. Съ этой европейской коалиціей соединился также Владиславъ Локотокъ, который послѣ изгнанія удалился въ Римъ и

во время своей скитальческой жизни приготовился встрѣтить приближавшіяся тяжелыя минуты. Съ помощью венгровъ Локотокъ вступилъ въ Польшу въ 1304 г., занявъ Вислицу, но, собравъ около себя только горсть недовольныхъ, съ трудомъ успѣлъ удержаться въ этомъ городѣ. Только лишь смерть Вацлава въ 1305 г. и внезапная кончина его бездѣтнаго сына Вацлава въ 1306 г. открыли для Локотка лучшія перспективы, благодаря освобожденію польскаго трона. Первою стала на его сторону сандомирская шляхта; затѣмъ игравшій главную роль въ краковской землѣ епископъ Муската и Альбертъ, войтъ города Кракова, переманенные щедрыми привилегіями, открыли ему ворота города, а черезъ то самое и всю краковскую землю; наконецъ, въ этомъ же году призвало Локотка Поморье. Одна Великая Польша временно поддалась Генриху, князю глоговскому, но уже въ 1310 г. послѣ его смерти тамошнее рыцарство перешло на сторону Локотка. Пыталось сопротивляться познанское мѣщанство, но Локотокъ сурово умирилъ его и окончательно присоединилъ Великую Польшу къ своему государству. Въ этого государства еще существовали особо три удѣла, подѣленные на мелкія княжества: Силезія, находившаяся въ зависимости отъ Чехіи ¹⁾, Мазовія ²⁾ и часть Куявіи съ Добржинской землею ³⁾. Однако легче было собрать подъ одинъ скипетръ бредшія розно дѣльницы, легче даже было оборонить ихъ отъ внѣшняго врага, чѣмъ удержать въ должныхъ предѣлахъ внутренніе элементы, которые въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ привыкли навязывать свою волю князьямъ, становиться съ ними наравнѣ, диктовать имъ условія, поднимать открытые бунты и призывать чужихъ князей. Пробовали дѣлать это и теперь поочередно епископы, могущественные паны и города; поэтому правленіе Локотка не имѣло болѣе важной задачи,

¹⁾ Силезскихъ Пястовъ уже такъ много, что разобрать ихъ связи можно только по генеалогической таблицѣ.

²⁾ По смерти Земовита Мазовецкаго († 1252), господствуютъ въ Мазовіи его сыновья Болеславъ († 1313) и Конрадъ, который умеръ, не оставивъ потомства († 1294). Болеславъ оставилъ трехъ сыновей: Земовита (1343), Тройдена (1342) и Ванка.

³⁾ Четверо братьевъ Локотка, составляющіе вмѣстѣ съ нимъ куявскую линію, умерли раньше его. Послѣ бездѣтнаго Лѣшка Чернаго († 1288) Локотокъ наслѣдовалъ княжество сѣрадское, послѣ Казимира († 1249), княжество ланцицкое; за то Земомышль, князь Иновроцлавскій († 1287) оставилъ трехъ сыновей: 1) Лѣшка кн. въ Иновроцлавѣ, 2) Казимира кн. въ Гнѣвковѣ, 3) Пржемыслава, кн. въ Быдгощѣ. Земовитъ же, князь добржинскій († 1307), оставилъ двухъ сыновей.

чѣмъ усмиреніе всѣхъ этихъ непокорныхъ элементовъ, пріобрѣтеніе значенія королевскому слову и пробужденіе страха передъ королевскимъ могуществомъ.

Первымъ, кто началъ раздоры, былъ Янъ Муската, онѣмеченный силезецъ, который при чешскомъ господствѣ добился епископской кааедры въ Краковѣ. Задобренный въ 1306 г. привилегіями, утверждавшими его въ обладаніи епископскими помѣстьями и прибавившими ему новыя, онъ вскорѣ поссорился съ Локоткомъ. Занятіе княжескимъ войскомъ помѣстій и епископскаго города Беча (Biecz) и грозное посланіе благосклоннаго къ Локотку папы Бонифація VIII уняли на время гордаго епископа. Однако снова возгорѣлись споры, Локотокъ посадилъ его въ тюрьму, папа освободилъ, но унизилъ и сурово наказалъ. Въ сердцѣ Мускаты закипѣла месть, и ею отлично умѣлъ воспользоваться войтъ Краковскій Альбертъ.

Это былъ могущественный панъ, обладавшій какъ бы въ качествѣ удѣльнаго князя нѣмецкимъ Краковомъ, своимъ громаднымъ вліяніемъ увлекавшій за собою всѣхъ нѣмцевъ, поселившихся въ малопольскомъ удѣлѣ. Правленіе Локотка, сильно опиравшееся на польскій элементъ, стало для него невыносимымъ; сговорившись съ епископомъ Мускатою, онъ рѣшился свергнуть его. По данному имъ сигналу въ 1311 г. возгорѣлся грозный бунтъ въ краковской землѣ; въ немъ приняли участіе всѣ города и богатые монастыри, наполненные нѣмцами. Краковъ отворилъ ворота Болеславу, князю опольскому, и съ триумфомъ ввелъ его въ княжескую столицу. Локотокъ едва удержался съ вооруженной дружиной въ краковскомъ замкѣ, но, перенесши первую опасность, упорно бросился въ борьбу на жизнь и смерть. Собравши около себя польское рыцарство, мудрый князь искусно вызвалъ несогласіе между возставшими, вызвалъ междоусобную войну въ Сандомирѣ и привлекъ на свою сторону соперничавшій съ Краковомъ Новый Сончъ (Nowy Sacz) и аббатство тынецкое, стремившееся къ увеличенію своего матеріальнаго благосостоянія и значенія. Были добыты менѣе значительныя возмутившіяся мѣста, а въ 1312 г. подступили подъ самый Краковъ. Тогда князь Болеславъ съ войтомъ Альбертомъ бѣжали изъ него; польское войско, ворвавшись въ городъ, произвело страшную рѣзню; а Локотокъ, учредивъ судъ, наказалъ бунтовщиковъ смертною казною и конфискаціей имуществъ. Это былъ устрашающій примѣръ. Желѣзная рука Локотка простерлась съ того времени надъ нѣмецкими колонистами, которые, вылечившись отъ гибельныхъ для страны

претензій, обратились къ мирному труду и нашли въ немъ дѣятельную помощь со стороны Локотка. Польскій элементъ, такъ долго угрожаемый, получилъ наконецъ рѣшительный перевѣсъ

Въ правленіе Локотка организуется также польское рыцарство окончательно въ шляхетское сословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сословіе землянь. Правитель покровительствуетъ этой организаціи, ибо въ польскомъ землянствѣ ищетъ и найдетъ дѣйствительный противовѣсъ противъ неоднократно грозившаго ему могущества двухъ другихъ сословій; найдетъ самую прочную опору для новаго государства.

Мы уже упоминали выше, какъ и оно (шляхетское сословіе) подъ конецъ XIII вѣка усиленнѣе стало заниматься сельскимъ хозяйствомъ, привлекая крестьянское населеніе на пустоши своихъ фольварковъ, получая это населеніе отъ правителя, вызывая, съ его позволенія, колонистовъ ихъ Германіи, основывая поддѣ своихъ фольварковъ и дворовъ сельскія поселенія. Мы знаемъ, что, добывая себѣ отъ князя патримоніальную власть надъ этими поселеніями, т. е. право суда и наложенія податей, шляхта организуетъ ихъ въ автономныя гмины по нѣмецкому образцу, подражая въ этомъ экономической политикѣ князей и церкви.

За этой первой вольностью, основавшейся на многочисленныхъ частныхъ пожалованіяхъ, привилегіяхъ и повсемѣстномъ обычаѣ и подтвержденной привилегією Вацлава отъ 1291 г., въ скоромъ времени появилась другая. Автономія шляхты до сихъ поръ зависѣла главнымъ образомъ отъ ея родственныхъ связей, отъ покровительства, которое каждый родъ доставлялъ своимъ членамъ, отъ солидарности, съ какою онъ старался выступить въ общественной жизни. Впрочемъ всѣ должности, занимавшіяся землянами, имѣли характеръ княжескихъ придворныхъ должностей, зависѣли прямо отъ князя и охраняли его интересы. Только при Локоткѣ шляхта выработала себѣ автономную организацію, подобную той, какую уже раньше приобрѣли церковь и нѣмецкіе города. Желанный случай для того представило шляхтѣ соединеніе отдѣльныхъ земель и княжествъ подъ скипетромъ Локотка. Унія, соединявшая ихъ, была чисто личной: каждая земля выговаривала себѣ сохраненіе своей обособленности, существовавшей въ ней дотолѣ организаціи и іерархіи должностныхъ лицъ. Остались также въ каждой дѣльницѣ прежніе княжескіе чиновники: воевода и каштеляны, предводительствовавшіе на войнѣ, канцлеръ, подкоморій, судья, подсудокъ и судейскій писарь, хорунжіи, мечникъ, стольникъ и чашникъ. Но тамъ однако, гдѣ кругъ

дѣтельности этихъ должностныхъ лицъ ограничивался предѣлами одной только дѣльницы, государь не могъ обойтись ими въ дѣлахъ, касающихся всего государства; они остались на стражѣ интересовъ своей земли или, вѣрнѣе сказать, интересовъ шляхты въ той или другой землѣ, вслѣдствіе этого измѣнился характеръ ихъ должностей, и они изъ княжескихъ чиновниковъ обратились въ чиновниковъ земскихъ, автономныхъ. Судья, подсудокъ и писарь перемѣнили даже названіе, вмѣсто придворныхъ стали называться земскими. По закону они не могли дѣйствовать въ отсутствіе князя, и поэтому Локотокъ старался ежегодно объѣзжать всѣ земли и лично рѣшать дѣла каждой изъ нихъ. Но когда это оказалось невозможнымъ, онъ долженъ былъ согласиться на рѣшеніе дѣлъ земскими чиновниками безъ своего личнаго участія. Съ тѣхъ поръ судья, подсудокъ и земскій писарь сами объѣзжали отдѣльные повѣты своей земли и на такъ-называемыхъ «рочкахъ» (roszki) рѣшали болѣе мелкія тяжбы; а всѣ земскіе чиновники собирались нѣсколько разъ въ годъ на такъ-называемые большіе «роки» или иначе «вѣча» (wiece, colloquia), рѣшали на нихъ болѣе значительныя дѣла въ послѣдней инстанціи и совѣщались о нуждахъ своей земли. Такимъ образомъ шляхта каждой земли удерживала свою особенную, самостоятельную, автономную организацію, которой ей передъ тѣмъ не доставало.

Завершивъ постройку общественнаго зданія, на которомъ могло прочно опереться и развиваться государство, Локотокъ въ 1319 г. короновался въ Краковскомъ соборѣ, тѣмъ самымъ неизмѣримо возвышая свое положеніе и еще болѣе укрѣпляя дѣло объединенія, которому онъ посвятилъ себя всецѣло.

Съ этого времени уже никто не смѣлъ безнаказанно подняться противъ него. Силезца Нанкера, епископа Краковскаго, за оскорбительное слово онъ ударилъ по щекамъ; а когда Викентій изъ Шамотулъ, генеральный староста Великопольскій, сталъ замышлять противъ него измѣну, то Локотокъ въ 1331 г. созвалъ шляхту на общее вѣче (wajny wiec) въ Хенщины, свергнулъ съ должности надменнаго старосту и на его мѣсто назначилъ своего сына Казимира.

§ 43. Народная война съ Тевтонскимъ орденомъ.

Сильнѣе однако, чѣмъ своей неутомимой энергіей при усмирении непокорныхъ, Локотокъ объединилъ польскій народъ и воз-

высиль значеніе королевской власти, начавъ вполнѣ народную борьбу на жизнь и смерть съ Тевтонскимъ орденомъ.

Сначала ордену удалось сравнительно легко завладѣть Пруссіей (см. § 29); но тѣмъ болѣе тяжелая борьба ожидала его во второй половинѣ XIII вѣка.

Сигналь къ ней дало поражение, которое магистръ Ливонскаго ордена потерпѣлъ въ 1260 г., во время похода на Жмудь. Ободренные этимъ, пруссы схватились за оружіе противъ своихъ суровыхъ господъ и въ короткій промежутокъ времени уничтожили все плоды ихъ трудовъ. Въ дыму пожаровъ исчезли все ихъ замки, поселенія, церкви; христіанское населеніе, привлеченное Тевтонами въ прусскую землю, попало въ рабство къ пруссамъ или погибло подъ мечемъ. Вождь пруссовъ, Генрихъ Монте, въ кровопролитномъ сраженіи въ 1263 г. одолѣлъ ополченія ордена, который едва успѣлъ удержать въ своей власти только три приморскихъ города: Эльбингъ, Балгу (Balga) и Крулевецъ (Кенигсбергъ). Опираясь на эти города и на Хелминскую землю, Тевтоны однако принялись за вторичное покореніе пруссовъ и, работая надъ нимъ съ еще большею неутомимостью и безпощадностью, окончательно завершили его въ 1283 г. Сила прусскаго населенія была совершенно сокрушена, а жалкіе остатки его подверглись тяжкому рабству. Позднѣйшія возмущенія были уже только частными и легко подавлялись орденомъ.

Одновременно съ покореніемъ пруссовъ начинается орденъ свои первые походы на Жмудь и на Литву, но тутъ наталкивается на сильное и серьезное сопротивленіе.

Не только не появляется въ результатъ какое-либо прочное приобрѣтеніе, но, напротивъ того, нападенія мстительныхъ литвиновъ проникаютъ въ глубь орденскихъ земель и опустошаютъ ихъ огнемъ и мечемъ. Поэтому тевтонская политика обращаетъ свое вниманье на Поморье, на ту польскую землю, которая отдѣляла Тевтоновъ отъ германской имперіи. Занятые борьбою съ пруссами и литвой, они вплоть до настоящаго момента должны были оставить въ полномъ покоѣ послѣдняго изъ поморскихъ князей, Мествина, и послѣ его смерти (1294) видѣть, какъ Поморье было соединено съ польской короной въ правленія Пржемыслава, Вацлавовъ и Локотка.

Однако въ 1307 г. Тевтоны выискали случай вмѣшаться въ дѣла Поморья. Могущественный тамъ родъ Свѣнцовъ, недовольный правленіемъ Локотка, поднялъ бунтъ и съ городомъ Гданскомъ (Данцигомъ) подчинился Вальдемару, маркграфу бранден-

бургскому. Тогда Локотку, который не могъ усмирить возстанія, пришла несчастная мысль—вызвать на помощь Тевтоновъ. Тевтоны исполнили просьбу, вмѣстѣ съ Локоткомъ утомили возстаніе, вмѣстѣ заняли Поморье, но для того только, чтобы выгнать войско Локотка и этотъ польскій край окончательно захватить въ свои руки въ 1309 г.

Только лишь теперь обнаружилась во всей своей наготѣ орденская политика. Орденъ, получивъ отъ Конрада мазовецкаго земли Хелминскую и Лобавскую въ качествѣ лишь обычнаго пожалованія, какое получали и многіе другіе ордена въ Польшѣ, поселился въ этихъ земляхъ, завоевалъ Пруссовъ и сфабриковалъ подложныя привилегіи. Основываясь на нихъ, онъ не признавалъ надъ собою ничьей верховной власти, за исключеніемъ власти папы и императора, да и тѣмъ подчинялся лишь настолько, насколько они ему были нужны и оказывались помощниками; въ дѣйствительности же считалъ себя неограниченнымъ господиномъ и владѣтелемъ своихъ земель. Теперь Тевтоны купили у Вальдемара его мнимыя права на Поморье и въ 1313 г. отдали императору подтвердить эту покупку въ ихъ пользу. Великій магистръ ордена въ 1309 г. переѣхалъ на постоянную резиденцію въ Пруссію и основалъ столицу въ Мальборгѣ. Такимъ образомъ на сѣверѣ Польши, господствуя надъ устьемъ Вислы, появилась грозная сила Тевтонскаго ордена. Исчезъ церковный универсальный характеръ, который доселѣ обезпечивалъ ему помощь всего Запада, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Польши и возможность роста, и выступилъ наружу характеръ нѣмецкій. Орденское государство стало тяготѣть надъ Польшей, какъ передовой постъ Германіи. Насколько тогдашняя Германія, раздробленная на множество мелкихъ княжествъ, состоявшая почти лишь номинально подъ общей властью императора, была совсѣмъ безсильна, причемъ, вслѣдствіе непрерывныхъ внутреннихъ смуть, еще болѣе усиливалось въ ней разъединенность,—настолько Тевтонскій орденъ умѣлъ прекрасно организовать стекавшееся къ нему населеніе и рыцарство.

Орденскія земли не представляли цѣльнаго централизованнаго общества и государства. Какъ во всей средневѣковой Европѣ, такъ и здѣсь населеніе было организовано въ обособленныя отъ ордена и автономныя сословія. Иначе и не могло быть. Безъ той приманки, какую представляла автономія, орденъ не привлекъ бы колонистовъ въ свои владѣнія, не могъ бы заселить эти послѣднія и хозяйничать въ нихъ. Поэтому онъ надѣлялъ широкимъ

самоуправленіемъ прибывавшихъ толпами въ его земли нѣмцевъ и поляковъ; даже за пруссами, добровольно ему подчинявшимися, орденъ сохранялъ до нѣкоторой степени самоуправленіе, а многочисленными привилегіями утверждалъ его и за церковной іерархіей, и за рыцарствомъ, и за городами, и за селами, сообразуясь въ каждомъ случаѣ съ существовавшими условіями и нуждами. Въ общемъ населеніе орденскаго государства представляло такую же пеструю мозаику большихъ и малыхъ автономныхъ группъ, какая существовала и въ любомъ изъ тогдашнихъ государствъ, и даже, можетъ быть, еще болѣе пеструю, потому что она составлялась изъ трехъ отдѣльныхъ народовъ. Отъ прочихъ современныхъ государствъ орденское государство отличалось только формой своего правленія, вполне оригинальной. Здѣсь не господствовала одна какая-либо династія, но весь орденъ самъ исключительно заправлялъ всѣмъ механизмомъ средневѣковаго государства и присвоилъ себѣ всѣ его права.

По этой причинѣ орденское государство не знало тѣхъ опасностей, какія угрожали инымъ государствамъ вслѣдствіе династическихъ раздѣленій, борьбы за тронъ и сплоченія аристократіи въ ущербъ центральной власти. Въ орденскомъ государствѣ не нужно было, какъ это дѣлалось въ другихъ, раздавать должности подданнымъ и вслѣдствіе этого дѣлить съ ними власть и мало по-малу утрачивать ее; ибо для образованія потребной ордену іерархіи должностныхъ лицъ вполне было достаточно членовъ ордена, рѣзко выдѣленныхъ изъ остальной подчиненной массы.

Вступающіе въ орденъ давали торжественные обѣты цѣломудрія, бѣдности и послушанія и дѣлились на рыцарей, священниковъ и служебную братію. Священники играли важную роль, ибо они занимали епископскія кафедры (за исключеніемъ Варміи) и предсѣдательствовали въ соборныхъ капитулахъ прусскихъ епархій; и хотя эти послѣднія имѣли широкую (болѣе значительную, чѣмъ польскія епархіи) автономію, однако епископы-члены ордена, подчиняясь его власти, не злоупотребляли этой автономіей по отношенію къ государству и въ борьбѣ за общественныя вольности не шли во главѣ другихъ сословій. Управление государствомъ находилось въ рукахъ немногочисленной группы рыцарей-членовъ ордена. Верховную и пожизненную власть имѣлъ великій магистръ (Hochmeister); онъ раздѣлялъ ее съ министрами (oberste Gebietiger), именно: съ великимъ командоромъ (Groskomtur), намѣстникомъ магистра и контролеромъ казны; маршаломъ ордена (Ordensmarschall), завѣдывавшимъ военными дѣлами; госпиталь-

никомъ (Spittler), имѣвшимъ попеченіе о госпиталяхъ; крайчимъ (Trarier), заботившимся объ одеждѣ, и казначеемъ (Tressler), поставленнымъ надъ казной. Великому магистру были подчинены провинціальныя магистры (Landmeister), поставленные надъ отдѣльными провинціями ордена; а отъ нихъ въ свою очередь зависѣли начальники, поставленные надъ уѣздами, составлявшими провинцію. Тѣмъ и другимъ были даны члены-рыцари для совѣта и помощи. Послушаніе, царившее въ средѣ ордена, сообщало всей этой іерархіи чрезвычайную энергію и силу; а важнѣйшія дѣла, какъ напримѣръ выборъ магистра и другихъ начальниковъ, рѣшалъ генеральный капитулъ, который собирался ежегодно въ день Воздвиженія Креста Господня (14-го сентября) и въ которомъ вмѣстѣ съ великимъ магистромъ принимали участіе провинціальныя магистры и пять министровъ.

Подобная организація имѣла своимъ слѣдствіемъ то, что орденское государство не позволило автономіи своихъ подданныхъ переступить опредѣленные границы, что оно не было принуждено отказаться ни отъ источниковъ дохода, выговоренныхъ себѣ въ привилегіяхъ: податей и повинностей, ни отъ военной службы, ни отъ верховной судебной компетенціи, и что наконецъ оно могло осуществлять свои планы и на войнѣ и въ мирѣ.

Сила этой организаціи была также причиной того, что орденское государство побѣдоносно выдержало всѣ бури, которыя пронесли надъ нимъ въ продолженіе XIII столѣтія; что, докончивъ покореніе пруссовъ, оно завершило затѣмъ колонизацію обширной ихъ страны и распространило въ ней земледѣліе и оживленную мануфактурную дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ захвативъ въ свои руки торговлю съ Польшей, Новгородомъ, Швеціей, Фландріей и Франціей. Эта торговля и для самого Ордена и для его подданныхъ сдѣлалась источникомъ большого богатства и матеріальнаго благосостоянія.

Когда великій магистръ перенесъ свою резиденцію въ Мальборгъ, то всѣ провинціи ордена, разбросанныя по всему Западу, перенесли туда свой центръ тяжести и были готовы защищать орденъ отъ всѣхъ враговъ и содѣйствовать еще большому утвержденію его въ тѣхъ странахъ. На сторонѣ этихъ орденскихъ провинцій было кромѣ того и общественное мнѣніе и всѣ пылкіе рыцари Германіи, Франціи и Англіи, которые въ предпріятіяхъ Тевтоновъ видѣли дальнѣйшее продолженіе крестовыхъ походовъ.

Съ этой-то силой пришлось помѣряться Польшѣ, которая, послѣ столькихъ переворотовъ и пораженій, съ трудомъ только

что объединилась и, не устроивъ еще своихъ внутреннихъ дѣлъ, должна была бороться съ сильными врагами. Поэтому Локотокъ, когда у него было отнято Поморье, не могъ думать о наступательной войнѣ противъ ордена. Онъ прибѣгъ къ сдѣлкамъ и перенесъ споръ на рѣшеніе апостольскаго престола, которому онъ подчинился въ данномъ случаѣ, и отъ котораго, въ качествѣ ордена, зависѣли Тевтоны. Дѣло тянулось долго, вплоть до 1321 г.: съѣзжались папскія комиссары, представлялись документы, допрашивались свидѣтели, постановлялись приговоры, подавались на нихъ аппеляціи, потому что Тевтоны пускали въ ходъ все свое вліяніе и не жалѣли денегъ. Наконецъ польскій уполномоченный, неутомимый епископъ куявскій Гервардъ, одержалъ верхъ; папа издалъ буллу, осуждавшую орденъ; а его комиссары въ 1321 г. постановили приговоръ, по которому орденъ долженъ былъ возвратить Поморье и уплатить Польшѣ 30000 гривенъ въ видѣ вознагражденія за убытки и вмѣстѣ съ тѣмъ за издержки по процессу. Но Тевтоны, въ которыхъ религія и обѣтъ послушанія апостольскому престолу уступили мѣсто жаднѣ захвата, протестовали противъ приговора, удержали подать св. Петра, слѣдующую папѣ, и не обращали вниманія ни на какія угрозы и даже на анаему, которую изрекъ на нихъ въ 1328 г. папа Іоаннъ XXII. Въ это время уже несомнѣнно обнаружилось, что только оружіе можетъ рѣшить споръ между орденомъ и Польшей. Съ той и другой стороны готовились къ войнѣ и разыскивали союзниковъ.

Локотокъ соединился съ князьями западнаго Поморья, выговорилъ себѣ помощь войсками у мужественнаго короля венгерскаго Карла Роберта, за котораго выдалъ дочь свою Елизавету, въ 1326 г. напалъ на Брандербургъ, страшно опустошилъ его, возвратилъ нѣкогда захваченные у Польши пограничныя замки, наконецъ обратилъ вниманіе на востокъ и первый напалъ на счастливую мысль о польско-литовскомъ союзѣ, направленномъ противъ Тевтоновъ. Залогомъ союза стала въ 1325 г. женитьба королевича Казимира на дочери великаго князя литовскаго Гедимина, Альдонѣ. Двадцать четыре тысячи польскихъ плѣнниковъ возвратились на родину изъ глубины Литвы. Тевтоны въ свою очередь поднимаютъ силезскихъ и мазовецкихъ князей, завидующихъ Локотку, и соединяются съ Чехіей, отъ которой находятся въ зависимости силезскіе князья. Въ 1328 г. возгорѣлась война, успешная сначала для Локотка. Но потомъ Тевтоны, опаматовавшись, провозглашаютъ крестовый походъ противъ Литвы и во главѣ

его ставятъ Яна, короля чешскаго, добивавшагося по смерти Вацлава права на польскій престолъ. Побѣдоносно проникнувъ въ глубь Литвы, участники похода обратились затѣмъ на Польшу. Янъ чешскій добылъ Добржинскую землю, и, какъ мнимый польскій король, продалъ ее Тевтонамъ вмѣстѣ съ Поморьемъ. Локотокъ едва защитилъ Куявию. По непродолжительномъ перемиріи война возобновилась въ 1331 г. съ еще большею силою. Тевтоны проникли вплоть до Калиша, съ необузданнымъ варварствомъ предавая все огню и мечу, но при возвращеніи понесли чувствительное пораженіе подъ Пловцами. Викентій изъ Шамотуль, извѣстный великопольскій староста, прогнанный съ должности и сражавшійся въ рядахъ ордена, рѣшилъ битву, передавшись на сторону поляковъ. Яна чешскаго, спѣшившаго съ юга на помощь Тевтонамъ, познанскіе мѣщане прогнали отъ стѣнъ своего города; а Локотокъ сурово отметилъ вѣроломной Силезіи. Поморье, Брестъ Куявскій и Добржинская земля не были возвращены; но народъ отстоялъ свою независимость богатырскимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ подъ предводительствомъ мужественнаго короля. Кровь, вмѣстѣ пролитая на поляхъ битвъ, самымъ прочнымъ образомъ скрѣпила тѣ слабыя связи, которыми до сихъ поръ соединены были отдѣльные удѣлы. Уничтожилась удѣльная политика, политика разныхъ угловъ и закоулковъ, а началась вмѣсто того политика общенародная. Съ орденомъ было заключено перемиреніе; въ это время Локотокъ, измученный военными трудами, разболѣлся и въ 1333 г. окончилъ свою славную жизнь.

Локотокъ оставилъ въ наслѣдство своему преемнику борьбу съ Тевтонскимъ орденомъ. Это была борьба народная, которая должна была рѣшить вопросъ о самомъ жизненномъ интересѣ народа. Польскій элементъ, вытѣсненный, какъ мы упоминали о томъ выше, съ береговъ Одера, перебрался на Вислу, которая составляла дотолѣ его восточную границу, и поселился на обѣихъ ея берегахъ. Въ продолженіе XIII и въ первой половинѣ XIV вѣка происходитъ также въ широкихъ размѣрахъ колонизація карпатскаго Подгорья, Люблинской земли и восточной Мазовіи, создаются новые жизненные центры для развитія и народнаго труда. Однако при устьѣ Вислы основался неблагоразумно допущенный туда Тевтонскій орденъ, который отлично понималъ свои интересы. Онъ хорошо сознавалъ, что, занимая небольшую полосу надъ моремъ, онъ въ сущности зависитъ отъ обширной страны, простирающейся за нимъ, и что только изъ этой страны онъ можетъ почерпнуть всѣ свои доходы. Поэтому Тевтоны за-

вязали торговые сношения съ Польшей, старались облегчить ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекая къ Торуню, именно черезъ Вислу, всю вывозную польскую торговлю, удерживали ее въ своихъ рукахъ. Укрѣпленные замки заперли устье Вислы для приплывавшихъ изъ глубины страны барокъ и кораблей, и здѣсь немилосердно взыскивались пошлины, изъ которыхъ накаплились огромные запасы въ кладовыхъ ордена. Кромѣ того, польскіе матросы не могли отправлять свои товары далѣе, а должны были продавать ихъ торунскимъ мѣщанамъ по той, разумѣется, весьма низкой цѣнѣ, какую этимъ послѣднимъ угодно было назначить. Только отъ Торуню прусскіе купцы могли отправлять товары далѣе, въ Гданскъ, и тамъ или продавать ихъ чужимъ купцамъ или на собственныхъ корабляхъ вывозить въ Швецію, Англію, Фландрію и Францію. Это было страшной эксплуатаціей, и поэтому борьба за устье Вислы и вмѣстѣ съ тѣмъ и за доступъ къ Балтійскому морю сдѣлалась вопросомъ о нашемъ существованіи.

§ 44. *Политика Казимира В. (1333—1370). Миръ съ орденомъ и Чехіей (1343).*

Трудный былъ тотъ моментъ, когда на польскомъ тронѣ сѣлъ молодой (род. въ 1310 г.) сынъ Локотка Казиміръ, полный надеждъ. Онъ былъ совершенно иного типа, чѣмъ Локотокъ. Этотъ послѣдній выросъ и воспитался въ смутныя времена полного политическаго разстройства въ концѣ XIII столѣтія; его окружали со всѣхъ сторонъ примѣры Пястовичей, полудикихъ, необузданныхъ въ своихъ страстяхъ, близорукихъ въ политическомъ отношеніи, выжидавшихъ случая отнять у другого его владѣнія. И Локотокъ въ своихъ первыхъ дѣйствіяхъ былъ не лучше ихъ, не смотря на свои, безспорно, болѣе высокія духовныя силы. Только тяжкія испытанія выработали изъ него совсѣмъ иного человѣка, великаго богатыря и предусмотрительнаго короля, но они не смягчили его характера, онъ попрежнему признавалъ только ту физическую силу, ту энергію воли, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ государствомъ и сохраненіемъ его цѣлости. Иное дѣло Казиміръ. Онъ воспитывался уже какъ наслѣдникъ престола великаго государства, не имѣлъ нужды опасаться соперниковъ, получилъ тщательное воспитаніе и, пробывъ долгое время при венгерскомъ дворѣ у своего шурина, имѣлъ случай присмотрѣться къ высшей цивилизаціи и искусству управленія, которыя прибыли

туда вмѣстѣ съ Карломъ-Робертомъ анжуйскимъ съ дальняго юга, изъ Неаполя, родового гнѣзда Анжуйской династіи. Тамъ на почвѣ, еще неисчезнувшей классической цивилизаціи арабская культура столкнулась съ свѣжей силой норманскихъ завоевателей; тамъ, вслѣдствіе этого, уже въ XIV столѣтіи появился первый проблескъ «Возрожденія». Контрастъ этой цивилизаціи съ одичалой отъ продолжительныхъ нападеній и междоусобной борьбы Польшею произвелъ глубокое впечатлѣніе на Казимира, выработалъ изъ него такую личность, какой Польша до сихъ поръ не имѣла, и расширилъ его умственный кругозоръ далѣе тѣсной сферы обязанностей средненѣвоваго монарха. Получивъ по смерти отца корону правленія, онъ рѣшилъ какой бы то ни было цѣной положить конецъ эпохѣ борьбы и поднять страну и общество польское на тотъ уровень матеріальнаго благосостоянія, просвѣщенія и цивилизаціи, на какомъ въ то время уже находилась западная и южная Европа.

Въ этомъ намѣреніи его тѣмъ сильнѣе укрѣпляло трезвое разсмотрѣніе политическихъ отношеній Польши. Увѣнчавшееся побѣдой сраженіе подъ Пловцами не сокрушило еще могущества ордена, Добржинская земля и часть Куявіи остались въ его рукахъ, средства для веденія войны были неисчерпаемы; перевѣсъ ордена надъ уменьшенной до послѣднихъ предѣловъ Польшей очевиденъ. Еще одна или двѣ битвы, благодаря неустрашимому мужеству поляковъ, могли рѣшиться въ ихъ пользу, но потомъ горе.... Вѣдь чешскіе короли не перестали еще величаться королями польскими; вѣдь Силезія находилась въ зависимости отъ нихъ, а Мазовія была въ союзѣ съ Тевтонами. То обстоятельство, что Польша была раздираема между орденомъ и Чехіей, тяготѣло какъ зловѣщій кошмаръ надъ завѣтными думами Казимира.

Нельзя было терять ни минуты. Пользуясь перемиріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посредничествомъ Карла-Роберта, Казимиръ въ 1336 году заключаетъ въ Вышеградѣ вѣчный миръ съ Чехіей, по которому за отказъ отъ притязаній чешскихъ королей на польскую корону онъ уступаетъ имъ свои верховныя права надъ Силезіей и княжествомъ Плоцкимъ. Былъ заключенъ союзъ съ Чехіей и Венгріей; и Тевтоны, вида это, стали болѣе сговорчивыми къ примиренію. Взамѣнъ признанія за ними Поморья, они должны были возвратить Казимиру Куявію и Добржинскую землю. Съ глубокою печалью принужденъ былъ Казимиръ согласиться на столь тяжкія жертвы: на уступку Силезіи и Поморья; борясь самъ съ собою, онъ не хотѣлъ брать на себя полную отвѣтствен-

ность за это дѣло и потому помѣстилъ въ трактатѣ оговорку, что его должны подтвердить папа отъ имени ордена и польская шляхта—отъ имени народа. Эта оговорка подала поводъ съ семи лѣтнимъ совѣщаніямъ и тяжбамъ. Противъ такого «мира» возмущилась въ своемъ задорѣ польская аристократія, духовная и свѣтская, созванная Казиміромъ на совѣщаніе; на ея сторону сталъ папа; но новый приговоръ папскихъ легатовъ въ 1339 г., присуждавшій орденъ къ возвращенію всѣхъ отнятыхъ у Польши владѣній, разбился о непоколебимое рѣшеніе орденской братіи; и такимъ образомъ Поляки, волей-неволей, приступили въ Калишѣ въ 1343 г. къ подтвержденію Вышеградскаго договора и къ заключенію окончательнаго мира съ орденомъ.

§ 45. Присоединеніе Галицкой Руси въ 1340 г.

Къ исторіи Червонной Руси, кромѣ сочиненій, указанныхъ во вступленіи II, относятся слѣдующіе труды:

Д. Иловайскій: «Исторія Россіи. Часть 2-я. Владимірскій періодъ». Москва, 1880.

Н. Дашкевичъ: «Княженіе Данила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ». Кіевъ. 1874.

В. Руликовскій и З. Радзимицкій: «Князья и шляхта»... («Kniaziowie i szlachta»... Kraków. 1880. Том. I).

Рейфенкугель: «Основаніе римско-католическихъ епископствъ въ Галичѣ и Владимірѣ». Архивъ австрійской исторіи. («Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in Halicz und Wladimir». Archiv für österreichische Geschichte. Wien. 1875).

К. Стадницікій: «О началѣ римско-католическихъ архіепископства и епископствъ въ Галицкой Руси и на Волыни». («O początkach arcybiskupstwa i biskupstw katolickich łacińskiego obrządku na Rusi halickiej i Wołyniu». Lwów. 1882).

Труды того же автора, относящіяся къ литовско-русской исторіи, см. въ § 51.

Имъ пришлось сдѣлать это гораздо легче, чѣмъ прежде, потому что Казиміръ умѣлъ тѣмъ временемъ направить въ иную сторону мысль и дѣятельность народа.

Съ востока съ Польшей граничила Червонная Русь, о судьбахъ которой мы уже имѣли случай неоднократно упоминать въ теченіе нашего разсказа. Объединенная изъ многихъ славянскихъ

племень, благодаря нападеніямъ варяговъ, приведенная въ порядокъ завоевателями, окрещенная и устроенная трудами великихъ князей изъ рода Рюрика (см. § 3), Русь не успѣла сохранить свое единство. Какъ въ Польшѣ, такъ точно и на Руси господствовалъ принципъ дѣленія государства между всѣми сыновьями умершаго князя. Тотчасъ по смерти Владиміра Святого († 1015) между его преемниками начались кровавыя распри за власть. Эти распри принимали на Руси болѣе гибельный характеръ, чѣмъ въ Польшѣ, потому что династія Рюриковичей разрослась въ громадныхъ размѣрахъ, претендентовъ на власть и престолъ было всегда безъ числа, а обширность страны облегчала раздѣлы. Сынъ Владиміра Ярославъ Великій (1015—1054) выполнилъ на Руси то же самое, что у насъ сдѣлалъ Болеславъ Храбрый: одолѣвъ братьевъ и раздѣлавшись съ ними, организовалъ обширное государство. Однако, послѣ его смерти Русь, съ концомъ XI вѣка, окончательно распалась на двѣ части: сѣверную, во главѣ которой сталъ Новгородъ, и южную, главнымъ городомъ которой остался Кіевъ. Каждая изъ этихъ частей развивалась подъ различными вліяніями, выработывала себѣ особенный характеръ. Сѣверная половина ограждена была недоступными лѣсами, расширяла свое вліяніе на сосѣднія чуждскія и финскія племена, укрѣпляла самодержавную власть князей, но не имѣла доступа къ цивилизаціи. Южная раскидывалась по необозримымъ степямъ и сохраняла болѣе прочныя связи съ Цареградомъ, а посредственно даже и съ отдаленнымъ Западомъ. И та и другая половина распадалась на болѣе мелкія княжества. Въ южной существовали особые черниговскіе, волынскіе, теребовльскіе и перемышльскіе князья, надъ которыми обладалъ верховной властью старѣйшій въ родѣ, въ качествѣ великаго князя кіевскаго. Договоръ, заключенный между князьями въ Любечѣ въ 1097 г., узаконилъ это раздѣленіе. Съ тѣхъ поръ отдѣльно развивалась Русь при-днѣпровская, отдѣльно—княжество волынское, названное владимірскимъ по своему главному городу Владиміру, отдѣльно, наконецъ, часть, лежащая у отроговъ Карпатъ, т. наз. Червоная Русь. Раздробленная такимъ образомъ, Русь не могла дожидаться возможности спокойнаго развитія. Ея князья ни на минуту не переставали вести кровавыя распри; въ каждомъ княжествѣ боролись между собой претенденты; тотъ, который удерживалъ за собою княжескій столъ, тотчасъ-же начиналъ думать о томъ, какъ бы захватить удѣлъ своего сосѣда; а всѣ вмѣстѣ они добивались великокняжескаго кіевскаго стола, на которомъ съ трудомъ могли держаться мужественные Свято-

полкъ (1093—1113) и Владиміръ Мономахъ (1113—1125). По смерти Мономаха возгорѣлись такія страшныя смуты и междоусобныя войны, что великокняжеская власть совершенно упала, и Кіевъ, взятый приступомъ въ 1169 г. и опустошенный Андреемъ, княземъ Суздальскимъ (сѣверной Руси), окруженный пробывавшими съ юга дикими ордами печенѣговъ и половцевъ, пересталъ быть жизненнымъ центромъ южной Руси. Съ упадкомъ Кіева прекратились связи, еще соединявшія сѣверную Русь съ остатками южной Руси, сконцентрировавшимися у отроговъ Карпатъ надъ Припетью и Днѣстромъ, или Руси Червонной, которая начинаетъ съ того момента самостоятельную жизнь.

Политическое существованіе далъ ей князь Володимірко Володаревичъ тѣмъ, что въ 1141 г. соединилъ теребовльское княжество съ перемышльскимъ и основалъ столицу въ Галичѣ. Однако, причина самостоятельности Руси Червонной по отношенію къ остальной Руси лежала глубже. Какъ мы уже говорили о томъ выше (§ 13), только въ 981 г. завладѣли этимъ краемъ хробатскіе русины, и хотя они успѣли окончательно удержать его за собою и навязать ему свои вѣру и языкъ, однако червоннорусское населеніе было смѣсью двухъ племенъ, имѣло много особенностей, постоянно обращало вниманіе на Польшу и по ея образцу создало себѣ можновладство, въ жилахъ котораго было больше польской, нежели русской, крови, и которое долго еще носило польскія имена. Оно-то уже съ самаго начала играетъ важную роль въ галицкой исторіи и придаетъ ей особенный, нерусскій характеръ. Послѣ мирнаго правленія сына Володимірки, Ярослава Осмомысла (1153—1187), въ Галичѣ поднялось страшное возмущеніе противъ его жестокаго преемника Владиміра. Стремясь обезпечить себя отъ его нападеній, Казиміръ Справедливый посадилъ на галицкій столъ Романа; Владиміръ призвалъ на помощь венгровъ; но король венгерскій Бела, занявъ Галичъ, посадилъ въ тюрьму Владиміра, а сына своего Андрея поставилъ правителемъ. Съ этого времени венгры начинаютъ домогаться Галича, и домогательства ихъ сдерживаетъ время отъ времени только польское оружіе и вліяніе. Въ 1188 г., выгоняя венгровъ, поляки посадили Владиміра, который убѣжалъ изъ тюрьмы въ Галичѣ, и вплоть до смерти въ 1198 г. поддерживали его.

Послѣ его смерти галицкимъ княжествомъ овладѣлъ съ помощью Лѣшка Бѣлаго мужественный князь владимірскій Романъ, сынъ Юдифи, дочери Болеслава Кривоустаго. Защищая Червонную Русь отъ набѣговъ половцевъ и валаховъ, онъ возвысилъ

матеріальное благосостояніе края и сумѣлъ удержать въ должныхъ предѣлахъ непокорные можновладческіе элементы, не оставиваясь и передъ жестокими мѣрами. О печальной его гибели въ сраженіи подъ Завихостомъ въ 1205 г. мы уже упомянули въ рассказѣ о княженіи Лѣшка Бѣлаго. Вслѣдствіе ея владимірска-галицкое княжество подверглось страшнѣйшимъ смутамъ. Различные русскіе князья покушались силой оружія занять свободный столъ. Лѣшко Бѣлый, князь польскій, и Андрей, король венгерскій поддерживая сына Романова, малолѣтняго Даниіла, и непрерывно ссорясь между собою, поочередно владѣли его наслѣдствомъ подъ видомъ опеки, галицкіе бояре перебѣгали то на ту, то на другую сторону; а одинъ изъ нихъ, по имени Владиславъ, провозгласивъ себя княземъ галицкимъ, даже господствовалъ самъ нѣкоторое время, до тѣхъ поръ, пока Лѣшко Бѣлый не одолѣлъ его и не лишилъ княжеской власти. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Галичъ и Владиміръ непрерывно переходили изъ рукъ въ руки, причемъ въ нихъ господствовали самыя разнообразныя личности: Даниілъ, Игоревичи, Коломанъ, сынъ Андрея венгерскаго, который, женившись на Саломеѣ, дочери Лѣшка Бѣлаго, въ 1214 г. короновался галицкимъ княземъ; Мстиславъ, князь новгородскій, бояринъ Владиславъ и Андрей, другой сынъ венгерскаго короля Андрея. Отдѣльные города, какъ, на примѣръ, Перемышль, Бельзь, Любачевъ и т. д., временно переходили къ Польщѣ или имѣли особыхъ князей; казалось что нестроенія не будутъ имѣть конца, какъ вдругъ внезапно обрушилось на Русь монгольское нашествіе. Битва при Калкѣ въ 1224 г. рѣшила ея судьбу, а страшная гроза въ 1241 г., стремясь черезъ Польшу въ Венгрію, прежде всего разразилась надъ землями Червонной Руси. Монгольское иго утвердилось въ ней на долгіе годы, уничтожая всѣ ея силы и средства, лишая страну населенія и отнимая у нея необходимыя условія развитія и жизни. Даниілъ, уже бывшій совершеннолѣтнимъ и отличавшійся личнымъ мужествомъ, видѣлъ единственное спасеніе въ подчиненіи монголамъ и, сговорившись съ братомъ своимъ Василькомъ, владѣвшимъ Волинью, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ татарскую орду; и оба князя въ 1250 г. признали зависимость отъ хана и дали ему дань съ своихъ владѣній. Даниілъ дѣйствительно старался освободиться отъ татарскаго ига, вступилъ въ болѣе близкія сношенія съ Венгріей и Польшей, обратился даже къ апостольскому престолу, въ 1253 г. перешелъ въ католицизмъ и короновался королемъ, и все это съ тою цѣлью, чтобы обезпечить себѣ помощь западныхъ госу-

дарствѣ и вызвать общій крестовый походъ противъ татаръ. Однако эти усилія оказались напрасными вслѣдствіе несогласія Венгріи и безсилія тогдашней Польши; а Даниилъ, обманувшись въ своихъ надеждахъ, прервалъ сношенія съ Римомъ и снова долженъ былъ подчиниться татарамъ. Сынъ его Левъ и братъ Василько принимали участіе въ 1260 г. въ походѣ татаръ на Польшу. Грозная власть татаръ, тяготѣвшая преимущественно надъ Кіевомъ, окончательно оторвала отъ Руси Галичъ и Владиміръ, два княжества, лежавшія на западъ далѣе всѣхъ остальныхъ и опиравшіяся на Польшу и Литву. Эта власть обезпечила также господство династіи Даниила.

По смерти его въ 1264 г. на галицкомъ столѣ сѣлъ сынъ его Левъ († 1301), а другой сынъ Мстиславъ въ 1289 г. добился владимірскаго стола; сынъ же Льва Юрій I (1301—1316) господствовалъ надъ обоими княжествами. Это были мужественные и скопидомные князья. Отражая нашествія враговъ, они чрезвычайно заботились о возвышеніи матеріальнаго благосостоянія страны, основывали города (Львовъ основанъ Данииломъ въ половинѣ XIII вѣка), завязывали торговые сношенія съ Западомъ, съ Польшей и Германіей и уже начали привлекать въ свои города нѣмецкихъ колонистовъ. Въ началѣ XIV в. была основана особая владимірско-галицкая метрополія. Однако всѣ эти труды не приводили къ желанной цѣли, до тѣхъ поръ пока надъ всею Русью владычествовали дикіе татары и, отрывая ее отъ цивилизаціи, подвергали ее самымъ горькимъ униженіямъ и пораженіямъ. Освобожденіе отъ татарскаго ига сдѣлалось жизненнымъ вопросомъ Руси; но однако на то не хватало силъ владимірско-галицкихъ князей.

Сыновья Юрія I, Андрей и Левъ, сблизились съ могущественнымъ княземъ Литвы Гедиминомъ. Дочь Андрея вышла за сына Гедиминова, Любарта (принесши ему въ приданое Луцкъ; и литовцы, ставъ такимъ образомъ твердой ногой на Руси, вступили въ упорную борьбу съ татарами. Въ 1319—1333 годахъ Гедиминъ добылъ Кіевъ (?) съ окрестными мѣстами, но, вытѣснивъ оттуда Рюриковичей, захватилъ завоеванное себѣ и присоединилъ къ Литвѣ. По смерти своихъ русскихъ союзниковъ, Андрея и Льва († 1324), онъ двинулся далѣе и помышлялъ о господствѣ надъ ихъ владѣніями, а черезъ то и надъ всею Русью. Только въ галицкомъ княжествѣ успѣлъ удержаться сынъ Андрея, князь Юрій II.

Съ нимъ однако въ 1336 г. прекратилась династія Романо-

вичей въ мужской линіи, и для галицкой Руси, называвшейся также Червонной, наступила рѣшительная минута. Лишенная собственной династіи, окруженная со всѣхъ сторонъ могущественными соперниками, она должна была выбирать между ними. Надъ ней еще висѣло татарское иго, которое обезлюдило ее, задержало ея цивилизацію, оторвало отъ труда и вызвало въ ней полное сомнѣніе въ своихъ силахъ. Съ юга протягивала къ ней жадныя руки Венгрія, чуждая ей по происхожденію, обычаямъ и языку; съ сѣвера приближалось къ ней оружіе языческой Литвы, которое могло оборонять ее отъ татаръ, но не было въ состояніи обезпечить ей развитіе и свободный доступъ къ цивилизаціи. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такихъ соперникахъ Червонная Русь выбрала Польшу: народъ, съ которымъ соединило ее самое близкое родство по происхожденію и языку, который могъ сообщить ей плоды западно-европейской цивилизаціи; страну, съ которой существовали у ней самыя тѣсныя экономическія связи; съ которой соединяла ее съ самыхъ отдаленныхъ временъ одна и та же большая промышленная дорога, проходившая черезъ Краковъ и Львовъ; государство, которое, объединившись теперь подъ скипетромъ великихъ королей Локотка и Казимира, давало вѣрное ручательство въ успѣшной защитѣ отъ Востока. Итакъ, когда по смерти Юрія II татарскій ханъ хотѣлъ непосредственно овладѣть страной, русины воспротивились этому и посадили на престолъ князя Болеслава мазовецкаго, сына сестры Юрія, Маріи. Правленіе мазовецкаго князя на Руси было непродолжительно, но оставило по себѣ хорошее воспоминаніе. Толпы польскаго населенія перешли на Русь, заселили ея пустыни, развили земледѣльческій трудъ и укрѣпили связь между Польшей и Русью.

И поляки также уже издавна, современъ Болеслава Храбраго, жаднымъ взоромъ смотрѣли на эту плодородную и по природѣ богатую страну. Обладаніе ею не только вознаграждало ихъ за всѣ потери, которыя они непрерывно терпѣли на западной границѣ, не только позволяло имъ расширять свои владѣнія на востокъ, если ужъ западъ былъ для нихъ закрытъ, но сверхъ того обезпечивало имъ великій торговый путь къ берегамъ Чернаго моря; а этотъ путь былъ главной жизненной артеріей ихъ промышленности и благосостоянія. Хотя въ продолжительный удѣльный періодъ малопольскіе князья могли вмѣшиваться въ династическіе раздоры на Руси, особенно въ ближайшемъ къ нимъ галицкомъ княжествѣ, могли начинать войны съ галицкими кня-

зьями и заключать временные союзы съ корыстными цѣлями, однако они не могли и мечтать о распространеніи прочнаго вліянія и о перевѣсѣ надъ Русью. Только лишь теперь, при Казимірѣ, насталъ этотъ моментъ для Польши, соединенной и обезпеченной со стороны Запада.

Въ 1340 г. Болеславъ умеръ, не оставивъ потомства; и смерть его открыла широкое поле для происковъ относительно владычества на Руси, Литвѣ, татарамъ, Венгрии и Польшѣ. Казиміръ В. не пропустилъ такого момента, опередилъ всѣхъ соперниковъ, безъ труда занялъ всю Червонную Русь, освободилъ ее отъ татарскаго ига въ кровопролитной битвѣ подъ Люблиномъ въ 1341 г., домогательства венгровъ удовлетворилъ деньгами и склонилъ литовцевъ къ признанію за нимъ новаго приобрѣтенія. У Казимира было намѣреніе впослѣдствіи добыть отъ татаръ обширный и пустынный край по дальнѣйшему теченію Днѣстра, Подолію, и приобрѣсть власть надъ всей торговой дорогой до Чернаго моря. Но его опередили въ этомъ литовцы, которые овладѣли Подоліей, побѣдивъ татаръ въ битвѣ подъ Синими Водами. Вслѣдствіе этого возникли продолжительные раздоры и стычки, въ которыхъ Казиміръ удержалъ за собою на Волыни только Холмъ и Владиміръ въ 1336 г. Однако, владѣвшіе Подоліей литовскіе князья Коріатовичи должны были обращаться къ Польшѣ за помощью въ дѣлѣ хозяйственнаго устройства своего пустыннаго края и черезъ то самое все болѣе и болѣе подчиняться польскому вліянію.

Червонная Русь соединилась съ польскою короною только лишь посредствомъ династической уніи. Казиміръ В. оставилъ ей полное самоуправленіе, и представителемъ его верховной власти надъ ней былъ особый староста. Тѣмъ не менѣе залогомъ прочности новаго приобрѣтенія являлась та общественная и политическая обособленность, которая вѣками создавалась въ Червонной Руси и которая вполнѣ отдѣляла ее отъ остальныхъ русскихъ земель, сближая съ Западомъ и Польшей. Великій король умѣлъ усилить эту обособленность, выхлопотавъ у константинопольскаго патріарха санъ митрополита галицкимъ епископамъ и тѣмъ самымъ освободивъ восточную церковь въ Червонной Руси отъ подчиненія кіевскимъ митрополитамъ, которые уже съ 1308 г. имѣли резиденцію въ Москвѣ. Для католиковъ (поляковъ и нѣмцевъ) была отдѣльная іерархія съ епископами въ Перемышлѣ, Владимірѣ, Холмѣ и архіепископомъ въ Галичѣ (въ 1367 г.). И для Польши, въ свою очередь, приобрѣтеніе Руси сопровождалось огромными послѣдствіями.

Благодаря занятію Руси Польша окончательно утвердилась надъ всѣмъ верхнимъ теченіемъ Вислы, надъ Саномъ и Бугомъ, вслѣдствіе чего Висла сдѣлалась внутренней польской рѣкою и главной артеріей хозяйственнаго движенія Польши. Польскій элементъ приобрѣлъ себѣ сильную опору, основываясь на которой онъ могъ смѣло стремиться къ обладанію дальнѣйшимъ теченіемъ Вислы и, встрѣтившись въ ея устьѣ съ Тевтонскимъ орденомъ, вступить съ нимъ въ борьбу при иныхъ, нежели прежде, условіяхъ.

§ 46. *Внутреннее развитіе Польши.*

Внѣшняя политика Казимира свидѣтельствуетъ о его чрезвычайномъ благоразуміи, знаніи, отношеніи и мудромъ употребленіи собственныхъ силъ. Однако, сама по себѣ она не оправдала бы прозванія: «Великій», которымъ надѣлило Казимира уже непосредственно слѣдовавшее за нимъ поколѣніе. Великимъ сдѣлался Казимиръ лишь потому, что, щадя народныя силы и удерживаясь отъ бесполезныхъ, истребляющихъ населеніе войнъ, онъ умѣлъ соединить народъ въ дружной внутренней работѣ и въ ней руководить имъ, благодаря блеску своего генія и своей непоколебимой энергіи. Это руководство тѣмъ болѣе возвышаетъ его въ нашихъ глазахъ, что въ то время польскій монархъ не былъ обязанъ имѣть попеченіе о народномъ трудѣ. Государственное устройство было таково, что общество, раздѣленное на сословія, трудилось само по себѣ и не могло требовать помощи отъ государя, который долженъ былъ только оберегать границы государства и сохранять равновѣсіе внутри. А Казимиръ В. умѣлъ стать выше своихъ обязанностей и выше понятій общества; благодаря своей проницательности, онъ замѣтилъ, что помощь, оказанная народному труду, увеличиваетъ силы народа, а черезъ то самое и государства. Великій король не нуждался въ измѣненіи основъ и средствъ, на какихъ утверждался и какія выработалъ себѣ этотъ трудъ уже съ половины XIII вѣка; но его всесторонній умъ успѣлъ въ каждой области открыть новыя сферы для народнаго труда и при помощи новыхъ побужденій сдѣлать его еще напряженнѣе.

Казимиръ В. преимущественно покровительствовалъ процвѣтавшимъ въ городахъ промышленности и торговлѣ, которая искала себѣ путей не только на Руси и въ Германіи, но также въ Венгріи, Италіи, Фландріи, Лифляндіи и въ отдаленной Москвѣ.

Вся торговля между сѣверомъ и востокомъ, съ одной стороны, и западомъ и югомъ—съ другой сконцентрировалась въ то время въ польскихъ городахъ. Въ только что прибрѣтенномъ и перемѣщенномъ на магдебургское право Львовѣ (1356) сходились двѣ большія торговыя дороги, одна изъ Кракова и Бреславля, другая изъ Плоцка и Гданска и сливались въ одну, шедшую вплоть до генуэзскихъ колоній по берегу Чернаго моря. Эти города, пользуясь даннымъ имъ «правомъ склада» (*prawo składu*), не пропускали ни одного чужого купца, но покупали у него привезенный товаръ и сами отправляли его въ другую сторону, накладывая произвольную цѣну. Такимъ именно путемъ уничтожали для пруссовъ возможность сбыта ихъ товаровъ въ Польшу, преграждали для нихъ торговые пути въ Венгрію, на Русь и къ берегамъ Чернаго моря, платя имъ этимъ за притѣсненія, и принуждали ихъ къ созданію болѣе благоприятныхъ условій для торговли на Вислѣ. Огромныя сокровища накоплялись въ кладовыхъ краковскихъ, познанскихъ, сандомирскихъ, люблинскихъ и львовскихъ горожанъ. На Руси появились незамѣнимые въ торговлѣ съ востокомъ армяне, элементъ, который, будучи гостепріимно принятъ и надѣленъ широкими привилегіями, скоро привязался къ странѣ и сталъ очень полезнымъ для нея.

Нельзя сказать того же о евреяхъ. Желая привлечь капиталы въ страну и черезъ то расширить промышленность и увеличить королевскіе доходы, король покровительствовалъ все болѣе и болѣе усиливавшейся колонизаціи евреевъ, которые, подвергаясь преслѣдованіямъ за границей, толпами переселялись въ Польшу; онъ урегулировалъ ихъ отношенія въ особыхъ привилегіяхъ и принялъ ихъ подъ свое личное покровительство. Увлечшись минутными выгодами отъ наплыва евреевъ, Казиміръ, увы! — не предвидѣлъ, какъ твердо сохранить свою обособленность этотъ элементъ, чуждый нашему обществу и по вѣрѣ, и по языку, и по характеру, и какое губительное дѣйствіе онъ будетъ оказывать на народъ.

Вызывая къ жизни промышленность и торговлю, король не забылъ и о крестьянскомъ населеніи. Въ его правленіе почти завершилось окончательное перемѣщеніе польскихъ селъ на нѣмецкое право, т. е. организація ихъ въ автономныя общины. Крестьянское населеніе заняло и очистило отъ лѣсовъ неизмѣримыя пространства, бывшія дотолѣ пустыней. Освобожденное отъ угнетавшихъ его податей и войнъ, уменьшавшихъ его численность, оно сильно увеличилось, достигло неслыханнаго передъ

этимъ благосостоянія и окрестило Казимира «королемъ хлоповъ» (król chłopów). Огромныя королевскія помѣстья, въ которыхъ хозяйство производилось подобнымъ образомъ, приносили королю такіе доходы, что дворъ послѣдняго отличался необычайнымъ блескомъ и богатствомъ; не было нужды обращаться къ чрезвычайнымъ налогамъ, и вмѣсто прежнихъ деревянныхъ мазанокъ во многихъ городахъ возвышались великолѣпныя костѣлы и зданія, появились укрѣпленныя стѣны, которыя могли дать отпоръ не только нашествіямъ дикихъ варваровъ, но позже также и нѣмецкому военному искусству. Примѣру короля послѣдовали духовенство и шляхта. Эта шляхта, которая такъ недавно взялась за плугъ, теперь, при помощи его, начала успѣшнѣе, нежели прежде оружіемъ, добывать новыя дѣльницы. Ей недоставало земли, именно въ Великой Польшѣ и Мазовіи,—она толпами переселялась на востокъ, въ только-что прибрѣтенныя Казимиромъ владѣнія. Не только Червоная Русь и Люблинская земля, но и всѣ западныя прикарпатскія взгорья (теперешняя западная Галиція) обязаны окончательной обработкой и заселеніемъ своихъ пространствъ этому колонизаціонному движенію шляхты въ правленіе Казимира В. Въ еще бѣльшихъ размѣрахъ дѣлали это богатые паны, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи болѣе значительныя капиталы. Оставляя западныя страны, они всѣ устремлялись на востокъ и тутъ устраивали громадныя помѣстья, цѣнность которыхъ увеличивалась съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе хорошаго веденія хозяйства.

Среди шляхетскаго сословія, члены котораго, вслѣдствіе раздѣловъ наслѣдствъ, уравнились между собою въ имущественномъ отношеніи въ продолженіе XIII вѣка, снова создаются въ первой половинѣ XIV магнатскія состоянія, и они уже не достаются въ удѣлъ тѣмъ родамъ, которые до сихъ поръ играли самую главную роль. Господствовавшіе прежде Грифиты и Лабендзи отступаютъ на второй планъ, прочнѣе держатся Одровонжи, но всѣхъ ихъ затмеваютъ Топорчѣки, которые, послѣ долгаго перерыва, возвратили себѣ свою былую славу, на Тенчинѣ въ Сѣцѣховскія времена; при Локоткѣ появляются Леливиты въ Тарновѣ и въ Мельштынѣ. Въ доказательство же того, что новыя времена требуютъ новыхъ людей, въ Великой Польшѣ начинаютъ играть большую роль Зарембы и Борковы, которые прибыли въ Польшу въ половинѣ XIII вѣка.

Вмѣстѣ съ развитіемъ нѣмецкой колонизаціи развились также и красовались въ полномъ блескѣ искусства, занесенныя ею въ

Польшу: живопись, скульптура, архитектура и ювелирное дѣло. Въ великолѣпныхъ королевскихъ печатяхъ, въ миниатюрахъ, сохранившихся въ рукописныхъ кодексахъ, въ церковныхъ памятникахъ видно животворное вѣяніе искусства. Мнѣніе, что Казимиръ Великій «засталъ Польшу деревянной, а оставилъ ее каменной» (*zastał Polskę drewnianą, a zostawił ją murowaną*), — совершенная правда. Только лишь при Казимирѣ и по его дѣятельной инициативѣ начали воздвигать изъ камня укрѣпленные замки, королевскіе и рыцарскіе дворцы, башни, ворота, ратуши гостинные дворы (*sukieninice*) и даже частные дома въ городахъ; старинные костѣлы превращались въ огромные храмы, и романскій стиль уступилъ первенство готическому. Заботясь объ общемъ благосостояніи, Казимиръ обращалъ вниманіе также и на духовныя нужды народа. Церковь, бывшая въ то время представительницей не только нравственности, но и просвѣщенія, нашла въ немъ ревностнаго защитника и благодѣтеля. По всей странѣ распространились школы, именно такія приходскія школы, какія существовали въ стольныхъ городахъ. Въ нихъ преподавались такъ наз. свободныя науки во всемъ ихъ объемѣ (квадриумъ, см. § 24), подготовлявшія къ слушанію богословія и права. Въ странѣ уже находились свѣтскіе люди, которые устно и письменно владѣли латинскимъ языкомъ и могли исполнять обязанности нотаріевъ въ городскихъ и земскихъ судахъ. Многіе поляки отпра-влялись также за границу, одни, чтобы при иностранныхъ дворахъ набраться рыцарской благовоспитанности и присмотрѣться вблизи къ чужому искусству управленія; другіе, чтобы въ заграничныхъ университетахъ, именно въ парижскомъ, болонскомъ или пражскомъ, познать тайники тогдашней правовѣдной и богословской науки и, возвратившись на родину, блистать тамъ своими знаніями. Впрочемъ наука, покровительствуемая Казимиромъ Великимъ, отличалась ясно опредѣленнымъ практическимъ направле-ніемъ. Она вовсе не создала литературы, такъ что отъ всего XIV вѣка сохранилась для насъ только одна хроника, написанная, правда, съ большимъ политическимъ смысломъ и живо, обнимающая правленіе Казимира и его преемника Людовика до 1384 года (авторъ ея — Янко изъ Чарнкова, архидіаконъ гнѣзненскій и королевскій подканцлеръ). За то тогдашніе доктора и магистры римскаго и каноническаго права занимаютъ самыя почетныя мѣста въ польской церковной іерархіи, находятся подлѣ короля, наполняютъ его канцелярію и, — приходится ли вести трудныя дипломатическіе переговоры или процессъ съ орденомъ или

устраивать внутренні дѣла,—выручаютъ короля съ честью для себя и родины. Стремясь расширить въ странѣ это благодѣтельное вліяніе науки, главнымъ образомъ правовѣдной, Казиміръ основываетъ наконецъ, съ разрѣшенія папы Урбана V, университетъ въ Краковѣ въ 1364 г., по образцу болонскаго. Богословіе еще не преподавалось въ немъ, но за то наука права была выдвинута на первый планъ. Ее должны были преподавать семь профессоровъ, сперва, очевидно, вызванныхъ изъ-за границы. Для открытія философскаго факультета нашлись готовыя основы въ городской приходской школѣ, въ которой преподаваніе стояло на высокомъ уровнѣ; нужно было только реорганизовать ее и придать ей характеръ университета, что не стоило особаго труда.

Такимъ образомъ въ средней Европѣ пробился источникъ знанія, значеніе котораго еще болѣе усиливалось вслѣдствіе того, что и сами пѣмцы, кромѣ основаннаго въ 1347 г. пражскаго университета, не обладали другимъ подобнымъ учрежденіемъ.

Около сорока лѣтъ продолжалась эта животворная дѣятельность, но уже черезъ нѣсколько времени обнаружились ея плоды. Не смотря на оскорбительный вышегородскій миръ, Польша немедленно заняла почетное положеніе въ Европѣ; папы, короли императоры наперерывъ другъ передъ другомъ старались приобрѣсти дружбу польскаго короля; и голосъ Казиміра Великаго имѣлъ большое рѣшающее значеніе въ каждомъ политическомъ вопросѣ, волновавшемъ тогдашній свѣтъ. Чужеземцы чувствовали, что имѣютъ дѣло съ народомъ, который могъ бы не только выдержать одно или два сраженія, но и вести войну съ той же самой энергіей и неутомимостью, какою до сихъ поръ отличался въ своемъ трудѣ. Жизненная сила Польши и цивилизующее значеніе ея обнаружились лучше всего въ присоединеніи Червонной Руси. Нѣкогда поляки умѣли сражаться, дѣлать набѣги, опустошать; теперь они уже научились прочно присоединять къ себѣ добытыя земли. Въмѣсто грабежей и насилій Казиміръ окружилъ приобрѣтенный край самыми тщательными попеченіями, оставилъ ему его законы и учрежденія и только посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ, старостъ; а польскій народъ, помогая королю, переселялся на Русь, колонизовалъ ея пустыни, распространялъ въ ней польскіе обычаи, просвѣщеніе и рѣчь. Казиміръ не могъ помириться съ мыслью о потерѣ Мазовіи и Силезіи, но по крайней мѣрѣ добился того, что чешскій король отступился отъ верховныхъ правъ надъ Мазовіей. Въ 1356 г. Земовитъ, князь мазовецкій, торжественно присягнулъ Казиміру, и такимъ образомъ эта

давняя польская дѣльница неразрывно скрѣпила связи, соединившія ее съ Польшей. Въ 1365 г. добровольно возвратились къ Польшѣ Сантокъ и Дрезденко, захваченные бранденбургскими маркграфами. Однако сильнѣе всего обнаружилось значеніе Казимира въ 1363 г. на конгрессѣ, состоявшемся въ Краковѣ и имѣвшемъ цѣлью примирить императора Карла IV съ могущественнымъ венгерскимъ королемъ Людовикомъ, сыномъ Карла Роберта. Кромѣ императора и Людовика въ Краковѣ съѣхались датскій и кипрскій короли, баварскій герцогъ, почти все князья Пястовичи изъ Силезіи и мазовецкій князь, наконецъ Богуславъ, князь Шетинскій (штетинскій), на дочери, котораго, Елизаветѣ, тутъ же, въ Краковѣ, женился императоръ Карлъ IV, давъ пиръ по этому случаю. Польша расточила тутъ такія сокровища, съ которыми, безъ всякаго сомнѣнія, не могъ равняться пріемъ, сдѣланной когда-то Оттону Болеславомъ храбрымъ. Тамъ только государь блисталъ пышностью; теперь весь народъ, во всехъ его слояхъ, могъ себя показать. Пиръ, заданный гостившимъ у Казимира монархамъ краковскимъ мѣщаниномъ, Вѣржингомъ, превосходилъ королевскіе пріемы своимъ великолѣпіемъ и розданными на немъ подарками.

§ 47. Устройство государства.

Къ такимъ выдающимся результатамъ привела внутренняя политика Казимира Великаго, слѣдовавшая новымъ, хорошимъ образцамъ—анжуйскимъ—вдохновленная его необычайнымъ талантомъ, приспособленная къ мѣстнымъ условіямъ, твердо державшаяся разѣ избраннаго направленія. Ея цѣлью и лозунгомъ было—пробудить общество къ самостоятельному труду; поэтому-то вся экономическая и цивилизаторская дѣятельность великаго короля заключалась въ границахъ существовавшей общественной организаціи; не уничтожая дѣленія на сословія, онъ, напротивъ того, старался извлечь пользу изъ такого дѣленія и для этой цѣли еще болѣе укрѣпить его.

Но, уважая самоуправленіе сословій, церкви, иностранныхъ колонистовъ и шляхты, епархій, городовъ, земель и самыхъ мелкихъ общественныхъ группъ, не могъ такой проицательный въ политическомъ отношеніи монархъ, какимъ былъ Казимиръ В., не видѣть, что Польшѣ недостаетъ сильной и удачно задуманной общегосударственной организаціи, которая могла бы обезпечить плоды народнаго труда и гарантировать единство новаго госу-

дарства. Для этой цѣли, пользуясь учрежденіями, введенными уже отчасти Локоткомъ, Казиміръ В. надъ сословнымъ самоуправленіемъ создалъ іерархію государственныхъ чиновниковъ, на которую онъ могъ вполне положиться и съ помощью которой онъ былъ въ состояніи осуществлять свои планы.

Прежде всего были учреждены новыя придворныя должности: «подскарбія», который долженъ былъ завѣдывать помѣстьями и доходами короля и давать приказанія фискальнымъ агентамъ: управителямъ, прокураторамъ и экономамъ; «подканцлера», завѣдывавшаго королевской административной, судебной и дипломатической канцеляріей; «маршалка», заботившагося о внѣшнемъ порядкѣ въ королевскомъ дворцѣ, что прежде было обязанностью воеводы. Самые знаменитые люди, отличавшіеся образованіемъ и талантомъ, занимали эти должности и являлись правой рукой короля. Когда появится большее количество источниковъ, для историка будетъ благодарнымъ трудомъ—вывести на свѣтъ эти типы изъ мглы вѣковъ. Здѣсь достаточно замѣтить, что при дворѣ Казимира В. появилась школа общественной жизни, традиція которой пережила великаго короля и перешла къ нашимъ политическимъ дѣятелямъ XV столѣтія.

Затѣмъ воспользовались примѣромъ, который былъ данъ королемъ Вацлавомъ: въ каждой дѣльницѣ были учреждены неизвѣстные прежде въ Польшѣ старосты, и подъ ихъ начальство были отданы военныя силы. Эти старосты, вполне зависимые отъ короля и слѣпо повиновавшіеся его приказаніямъ, представляли теперь самую сильную, всегда надежную основу королевской власти и были самымъ вѣрнымъ залогомъ государственнаго единства. Они преслѣдовали разбойниковъ, судили преступниковъ, схваченныхъ на мѣстѣ преступленія, и въ подобныхъ случаяхъ немедленно постановляли безапелляціонные приговоры. Они пользовались вооруженной силой для обузданія властолюбивыхъ поползновеній городовъ или могущественныхъ духовныхъ и свѣтскихъ пановъ, они укрощали мятежи, которые по временамъ поднимали земскія должностныя лица, недовольныя твердымъ направленіемъ короля. Могучая королевская рука справилась даже и съ такимъ могущественнымъ лицомъ, каковъ былъ Мацекъ Борковицъ, воевода познанскій. Когда онъ поднялъ бунтъ въ 1360 г., Казиміръ Великій приказалъ схватить его и уморить голодомъ въ темницѣ. Старосты, поставленные въ большихъ и отдаленнѣйшихъ отъ королевской столицы, Кракова, дѣльницахъ, напр. въ Великой Польшѣ, имѣли подъ своею властью бурграфовъ,

размѣщенныхъ по главнымъ городамъ отдѣльныхъ повѣтовъ, и, обходясь этими бургграфами въ болѣе мелкихъ дѣлахъ, назывались намѣстниками и дѣйствительно выполняли функціи королевской власти. Они именно, подобно королю, располагали правомъ безотлагательнаго суда, свободнаго отъ проволочекъ и формализма обычнаго процесса и необходимаго для охраненія общественнаго порядка и для избавленія Польши отъ средневѣковыхъ бѣдъ разбойническаго рыцарства и такъ наз. кулачнаго права.

Равнымъ образомъ не позволялъ Казиміръ подымать слишкомъ высоко голову и духовнымъ сановникамъ, которые въ удѣльный періодъ привыкли потрясать цѣлымъ государствомъ. Пользуясь ихъ знаніями и опытностью, опираясь все время своего правленія на Ярослава, архіепископа гнѣзненскаго, онъ однако никому не давалъ господствовать надъ собой. Король защищалъ бѣдный людъ отъ лихоимства, отъ десятинь, становившихся все болѣе и болѣе тяжелыми, и при достиженіи этой цѣли не побоялся даже подвергнуться церковному проклятію. Глубоко чувствуя свое величіе и въ гнѣвѣ переходя всякія границы, если кто-нибудь осмѣливался оскорблять это величіе, онъ приказалъ утопить въ Вислѣ капеллана Барычку (Вагусзка), который сообщилъ ему о церковномъ проклятіи, и въ концѣ концовъ поставилъ на своемъ.

Двойная іерархія должностныхъ лицъ, сохранившаяся вплоть до конца XV вѣка, давала отличные результаты, потому что церковныя, земскія и городскія, автономныя, должностныя лица заботились объ интересахъ церкви, землянь и городовъ, въ то время какъ королевскіе чиновники обеспечивали исполненіе королевскихъ приказовъ; и обѣ іерархіи отлично пополняли другъ друга. Самоуправленіе, оставленное дѣльницамъ, сдѣлалось главной причиной, побуждавшей къ соединенію съ Польшей всѣ сосѣднія земли. Червоная Русь, которой были оставлены всѣ права, и которая со стороны поляковъ не потерпѣла никакого притѣсненія, была блестящимъ примѣромъ въ этомъ дѣлѣ объединенія. Впрочемъ Казиміръ не оставилъ самоуправления земель и городовъ безъ своего надзора и вліянія. Эту сторону его внутренней политики трудно изслѣдовать; но на сколько мы изучаемъ ее, она открываетъ передъ нами самыя славныя, наиболѣе глубоко обдуманныя дѣйствія великаго короля.

Особенное вниманіе обратилъ король на нѣмецкія колоніи. Тутъ предстояла для него затруднительная задача: во-первыхъ, нужно было пресѣчь слишкомъ близкія связи нѣмецкихъ горо-

довъ въ Польшѣ съ за-границей, и затѣмъ нужно было защитить отъ угнетенія со стороны пановъ крестьянскія поселенія, находившіяся на частныхъ земляхъ. Обѣихъ этихъ цѣлей Казиміръ добился посредствомъ знаменитаго устава, который онъ торжественно опубликовалъ въ 1361 г. (?), послѣ многихъ совѣщаній съ городами, духовенствомъ и шляхтой. Воспреещая городамъ апеллировать на судебные приговоры въ Магдебургъ, какъ это часто случалось до сихъ поръ, король учредилъ для нѣмецкихъ колоній въ каждой дѣльницѣ особыя высшіе провинціальныя суды и верховный судъ въ краковскомъ замкѣ. Верховный нѣмецкій судъ долженъ былъ въ послѣдней инстанціи давать рѣшеніе всѣмъ апелляциямъ, подававшимся въ него нѣмецкими колоніями, на основаніи книгъ права саксонскаго (такъ наз. «Саксонское Зерцало») и магдебургскаго. Эти книги король приказалъ особо переписать и положить на храненіе въ краковскомъ замкѣ. Провинціальнымъ же нѣмецкимъ судамъ должны были подлежать всѣ солтысы, исправлявшіе свою должность даже въ частныхъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ солтысы, а вмѣстѣ съ ними и колоніи, освободились изъ-подъ вліянія своихъ пановъ и перешли подъ власть королевскихъ общественныхъ судовъ. Это была одна изъ самыхъ смѣлыхъ и наиболѣе обдуманыхъ реформъ Казиміра Великаго.

«Король хлоповъ» не забылъ однако и шляхты. Обѣзжая страну, онъ неоднократно лично предсѣдательствовалъ на судебныхъ вѣчахъ, а если ихъ не было, то призывалъ на свой дворъ земскаго судью, подсудка и писаря и съ ихъ помощью въ такъ называемыхъ надворныхъ судахъ рѣшалъ важнѣйшія судебныя и административныя дѣла той земли, въ которой находился. Рѣшеніе земскаго суда, состоявшееся на «рочкахъ», можно было обжаловать («*paganić*») въ вѣчевомъ или надворномъ судѣ и потребовать новаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ король созывалъ чиновниковъ изъ всѣхъ земель на сѣзды, на которыхъ освѣдомлялся о ихъ мнѣніи по политическимъ вопросамъ, сблизжалъ ихъ съ собою и старался сообщить имъ одинъ и тотъ же духъ, одно и то же направленіе. На такихъ вѣчахъ и сѣздахъ уже Локотокъ очень часто постановлялъ свои устные распоряженія; на такихъ вѣчахъ и сами земяне утверждали тѣ правовыя постановленія (*lauda*), которыя казались имъ необходимыми и нужными. Наконецъ, въ 1347 г. Казиміръ сталъ думать о правильномъ законодательствѣ.

Право, которымъ до сихъ поръ вѣдалась земяне, издавна выработывалось подъ вліяніемъ церковныхъ уставовъ и княжескихъ

распоряженій, но не перестало быть обычнымъ, т. е. осталось неписаннымъ и поддерживалось единственно устной традиціей и постоянной судебной практикой. Населеніе, правовому сознанию и отношеніямъ котораго оно вполне соответствовало, упорно держалось его, видя въ немъ часть своего самоуправления и самое драгоценное наслѣдіе предковъ. За всѣмъ тѣмъ земское право, именно потому, что оно было обычнымъ и неписаннымъ, непрерывно давало поводы къ многочисленнымъ сомнѣніямъ и злоупотребленіямъ, не заключало въ себѣ задатковъ для дальнѣйшихъ реформъ и въ каждой землѣ выработалось съ различнымъ до нѣкоторой степени характеромъ. Было чрезвычайно трудной задачей склонить землянъ къ принятію писанныхъ законовъ, къ реформѣ, хотя бы осторожной и несмѣлой. Имѣя около себя такихъ извѣстныхъ законовѣдовъ, какъ Ярослава Скотницкаго, архіепископа гнѣзненскаго, бывшаго когда-то студентомъ и потомъ ректоромъ болонскаго университета, и Януша Стржелецкаго, прозваннаго Суховолкомъ, доктора правъ и краковскаго канцлера, Казиміръ, однако, выполнилъ эту великую задачу, принимая въ соображеніе довольно различные правовые обычаи, господствовавшіе въ разныхъ дѣльницахъ; онъ издавалъ на вѣчахъ обширныя статуты, особые для Великой Польши, особые для Малой, и наконецъ склонилъ всѣ дѣльницы къ принятію одного общаго статута, въ которомъ было постановленіе, что какъ скоро въ Польшѣ одинъ государь, то должны быть также общая монетная система и одно и то же право. Статуты Казиміра В. нашли для себя внѣшнюю форму въ многочисленныхъ болѣе давнихъ статутахъ синодовъ; отъ нихъ заимствовали они латинскій стиль и юридическую терминологию, порядокъ и расположеніе постановленій, а по содержанию своему они представляютъ оригинальный, знаменитый трудъ. Покоясь на основѣ существующаго общаго права, они стараются реформировать его, устранить многочисленные злоупотребленія и лихоимства судебныхъ лицъ, пресѣчь болѣе суровыми наказаніями насилія и иныя преступленія и господствовавшій до тѣхъ поръ произволъ тяжущихся сторонъ и обычай—рѣшать тяжбы силой—замѣнить дѣятельностью суда, которая подчинена опредѣленнымъ предписаніямъ. Короля неоднократно упрекали въ нарушеніи земскаго права и самоуправления. Часть великопольской шляхты, заразившись примѣромъ сосѣдней Германіи, составила въ 1352 г. первую конфедерацію въ Польшѣ подъ предводительствомъ познанскаго воеводы Мацька Борковица; и союзъ этотъ, насколько мы можемъ предполагать, стремился къ

уничтоженію законодательныхъ реформъ, которыя королевскій староста Вѣржбента началъ осуществлять, ни на что не обращая вниманія. Но Казиміръ, убѣдивъ несогласныхъ, мирно поладилъ съ ними, а упорныхъ, какъ мы о томъ упоминали выше, усмирить, усилилъ связь между Великой и Малой Польшей и своими статутами воздвигъ себѣ несокрушимый памятникъ короля-законодателя.

Объединенное внутри, польское государство могло противопоставить внѣшнему врагу совершенно инныя силы, чѣмъ прежде. Если желали раздѣлаться съ своимъ смертельнымъ врагомъ, Тевтонскимъ орденомъ, то прежде нужно было сравняться съ нимъ и превзойти его въ военной организаціи. Военная служба была нѣкогда личной обязанностью рыцарскаго класса. Однако уже въ XIII вѣкѣ ее могли исполнять только тѣ, которые владѣли имѣніями и поѣтому могли пробрѣсти себѣ дорого стоившее вооруженіе и содержаться во время войны. Впрочемъ, чѣмъ болѣшихъ издержекъ требовали походы, тѣмъ болѣе по другой еще причинѣ уменьшалось число людей, принимавшихъ въ нихъ участіе. Духовенство, не смотря на свои громадныя имѣнія, уклонялось отъ поставки вооруженныхъ ратниковъ, отговариваясь каноническимъ правомъ; число болѣе самостоятельной шляхты уменьшалось съ тѣхъ поръ, какъ шляхта бросилась въ деревни, и болѣе счастливые и хозяйственные среди нея, на счетъ остальныхъ, собирали въ свои руки большія состоянія. Этому пособилъ Казиміръ Великій, проводя слѣдующія положенія: 1) что военная служба соединена не съ принадлежностью къ шляхетскому сословію, но съ обладаніемъ земскимъ имѣніемъ, и что, слѣдовательно, каждый житель страны, обладающій такимъ имѣніемъ, долженъ исполнять военную службу, все равно: духовный-ли онъ, шляхтичъ, мѣщанинъ или солтысъ (духовные, очевидно, посредствомъ замѣстителей); 2) что всякій, болѣе состоятельный, долженъ явиться на войну съ рыцарскимъ отрядомъ, соотвѣтствующимъ величинѣ его имѣнія, т. е. наwerbовать въ такую дружину людей изъ среды безземельнаго рыцарства (*rycerstwo nieosiadłe*), вооружить ихъ и содержать во время войны. На такихъ принципахъ основалось всеобщее народное ополченіе (посполитое рушеніе). Король созывалъ его приказомъ, называвшимся вицами («*wici*») и повторявшимся троекратно. Послѣ перваго объявленія каждый, обизанный службой, долженъ былъ приготовляться къ войнѣ; послѣ же третьяго—садиться на коня и ѣхать къ назначенному въ его повѣтъ сборному пункту. Каштелянъ приводилъ въ порядокъ соби-

равшихся и выступалъ съ ними къ сборному пункту всего воеводства. Надъ отрядами, прибывшими изъ повѣтовъ, принималъ начальство воевода и велъ ихъ въ походъ. Король отъ своего имени назначалъ главныхъ вождей, обыкновенно изъ среды родовыхъ старостъ, и самъ лично былъ верховнымъ предводителемъ.

Этой организаціи войска, постепенно, спокойно, но тѣмъ не менѣе настойчиво выполнявшейся, обязана Польша тѣми славными триумфами, которые достались ей на долю въ слѣдующемъ столѣтіи ¹⁾.

¹⁾ Казиміръ В., сынъ Локотка и жены его Ядвиги, княжны галицкой, род. 1310, ум. 30 ноября 1370. Имѣлъ трехъ женъ: 1) Альдону Гедиминову. Дочь отъ этого брака сначала была замужемъ за Яномъ, княземъ баварскимъ, а потомъ за Богуславомъ, княземъ щетинскимъ. 2) Аделаиду, дочь Генриха II, ландграфа гессенскаго, на которой онъ женился въ 1341 г. († 1361). 3) Ядвигу-Елизавету, дочь Генриха V, князя глоговскаго († 1381). Изъ любовницъ короля прославились чешка Рокичана и еврейка Эсеирь.

III.

**Можновладство, взявъ правленіе въ свои руки, присоединяетъ
Литву и громитъ Тевтоновъ.**

(1370—1423).

Л И Т Е Р А Т У Р А .

Не смотря на позднѣйшую обработку этого историческаго періода въ сочиненіи Якова Каро, еще не потерялъ свѣжести и значенія прекрасный трудъ Карла Шайнохи: «Ядвига и Ягелло» («Jadwiga i Jagiełło»).

Новые взгляды даютъ: Юсифъ Шуйскій въ разсужденіяхъ: «Людовикъ венгерскій и безкоролье послѣ его смерти» («Ludwik węgierski i bezkrólewie po jego śmierci»), и затѣмъ: «Еще о элекціи въ эпоху Ягеллоновъ» («Jeszcze o elekcyi w erose Jagellonów». Opowiadania. II. Warsz. 1882).

Станиславъ Смольба: «Въ пятисотлѣтнюю годовщину». («W pięciowiekową rocznicę. Przegląd Polski.» Kraków. 1886).

О частностяхъ трактуютъ слѣдующія разсужденія:

Клементій Кантецкій: «Елизавета, третья жена Ягеллы». («Elżbieta trzecia żona Jagiełły». Przewodnik naukowy. Lwów. 1873).

Романъ Мауреръ: «Процессъ королевы Ядвиги». («Proces królowej Jadwigi». Przewodnik naukowy. Lwów. 1875. III).

Людовикъ Кубаля: «Янъ Чарнковскій и его хроника». («Jan Czarnkowski i jego kronika». Biblioteka Warsz. 1871. III. IV).

Михаилъ Хилинскій: «Памфлетъ Фалькенберга на Констанцкомъ соборѣ». («Pamflet Falkenberga na soborze Konstancyeńskim». Ateneum. 1878. III.).

Кантецкій: «Павелъ Владимірецъ» (скорѣе «Влодковецъ»). («Paweł Włodkiemierzowic». Przegląd kościelny. Nr. 22—24. Poznań. 1879).

Константинъ Гефлеръ: «Борьба поляковъ и нѣмцевъ передъ Констанцскимъ соборомъ». («Der Streit der Polen und der Deutschen vor dem Constanzer Concil». Sitzungsberichte der phil. hist. Classe der Akademie. Bd. XCV. Wien. 1880).

Антонъ Прохаска: «Конрадъ Валленродъ въ поэзи и исторіи. Передъ Грюнвальденомъ. Завиша Черный. Трефнисъ Гансъ у Витовта». Историческіе очерки. («Konrad Wallenrod w poezyi i dziejach. Przed Grunwaldem. Zawisza Czarny. Trefniś Hans u Witolda». Szkice historyczne. Kraków. 1884).

Станиславъ Смолька: «Витовтъ подъ Грюнвальденомъ». Очерки. I. («Witold pod Grunwaldem». Szkice. I. Warszawa. 1882).

§ 48. Вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ Пястовъ.

Со смертью Казимира Великаго, не оставившаго по себѣ мужского потомства, Пясты еще не вымерли. Они разродились въ пять большихъ вѣтвей (см. генеалогическую таблицу). Изъ нихъ самая старшая (I), силезская, происходившая отъ Владислава II, сына Болеслава Кривоустаго, еще имѣла многочисленныхъ представителей. Вторая по порядку (II), великопольская, происходившая отъ Мечислава Стараго, третьяго сына Кривоустаго, окончилась съ королемъ Пржемыславомъ, убитымъ, какъ извѣстно, въ 1296 г. Третьмъ младшимъ вѣтвямъ далъ начало самый младшій сынъ Кривоустаго, Казимиръ Справедливый. Сынъ Казимира, Лѣшко Бѣлый, и внукъ, Болеславъ Стыдливый, образовали малопольскую вѣтвь (III), которая съ тѣмъ же Болеславомъ и закончилась. Отъ другого сына Казимирова, Конрада, происходили князья кувяскіе (IV) и мазовецкіе (V). Представителемъ первыхъ, къ которымъ принадлежалъ и Казимиръ Великій, по смерти этого короля былъ его племянникъ (отъ брата), Владиславъ Бѣлый, князь гнѣвковскій (въ Кувявіи ¹); представителемъ вторыхъ—Земовитъ III, князь мазовецкій ²). Итакъ, если не могло быть рѣчи о силезскихъ Пястахъ, онѣмечившихся, находившихся въ вас-

¹ Владиславъ Бѣлый, сынъ Казимира и внукъ Земомысла, князя провацкаго, умеръ въ Германіи въ 1388 г.

² Земовитъ III, сынъ Тройдена, князя мазовецкаго, имѣлъ двухъ братьевъ: Болеслава, князя Червонной Руси († 1340), и Казимира, по смерти котораго онъ получилъ во власть въ 1354 г. всю Мазовію. Умеръ въ 1381 г., раздѣливъ страну между двумя сыновьями: Янушемъ, кн. въ Черскѣ и Варшавѣ, и Земовитомъ IV, кн. въ Плоцкѣ. Третій сынъ, Генрихъ, былъ епископомъ плоцкимъ.

сальной зависимости отъ чешскаго короля и отстраненныхъ отъ польскаго престола, то только два послѣдніе князя могли предъ-
явить въ свою пользу ближайшія права на наслѣдство Казимира. Владиславъ гнѣвковскій не умѣлъ поддержать свое право, потому что этотъ князекъ, утративъ пястовскую традицію, пустился въ авантюристскія похождения, потерялъ свою дѣльницу, скитался по Европѣ и наконецъ въ 1367 г. принялъ монашество въ Дижонскомъ монастырѣ, во Франціи. За то Земовитъ, владѣтель благоразумный, во многихъ отношеніяхъ подражавшій Казимиру въ управленіи Мазовіей, могъ справедливо полагать, что корона Польши не должна миновать его. И однако уже въ 1339 г., во время вышегородскихъ совѣщаній, Казимиръ заключилъ съ Карломъ Робертомъ договоръ, на основаніи котораго назначилъ своимъ преемникомъ его сына, Людовика.

Этотъ шагъ короля не встрѣтилъ въ народѣ сильнаго сопротивленія. Въ то время существовали двѣ политическія партіи. Одну составляла болѣе мелкая шляхта, сидѣвшая главнымъ образомъ въ Великой Польшѣ, до мозга костей консервативная и по патріархальному привязанная къ династіи Пястовъ. Она благопріятствовала несомнѣнно Земовиту. Но болѣе сильною была противная партія, составленная могущественными малопольскими панями, которые захватили въ свои руки всю власть и всѣ должности, поняли мысль Казимира и, помогая ей, имѣли также свои личные виды. Они хорошо чувствовали, что политическое устройство Польши уже давно утратило свой патріархальный характеръ, что отношенія короля къ сословіямъ основываются на взаимномъ договорѣ; они стремились укрѣпить это отношеніе, и могли ли они лучше достигнуть такой цѣли, какъ именно открыто разрывая связь съ принципомъ наслѣдственности, призывая на тронъ иностраннаго монарха и по своей волѣ диктуя ему условія договора? Они хорошо знали, что если дѣло дойдетъ до такого договора, то никто другой, а только лишь они сами заключать его отъ имени народа; знали, что вслѣдствіе этого возрастеть ихъ значеніе, что они захватятъ въ свои руки кормило правленія. Итакъ, они съ нескрываемой радостью усвоили мысль Казимира, въ 1355 г. отправили посольство въ Буду и заключили торжественный договоръ съ королемъ Людовикомъ, уже правившимъ тогда по смерти Карла Роберта. Принявъ предложенную ему корону, Людовикъ обязался формальной привилегіей уважать всѣ права сословій, не устанавливать чрезвычайныхъ налоговъ и вести на свой счетъ войны за предѣлами страны. Та-

кого же рода привилегіи, данныя наиболѣе извѣстнымъ городамъ, привлекли на его сторону и этотъ сильный элементъ, стоявшій заодно съ можновладствомъ.

Почему Пясты были лишены наслѣдства? Почему такъ поступилъ съ ними Казиміръ Великій? Начавъ новую политику, болѣе рассчитанную на далекое будущее, будучи обязанъ ею очень продолжительному пребыванію при Анжуйскомъ дворѣ въ Венгріи, онъ, быть можетъ, въ другихъ Пястахъ, воспитанныхъ въ тѣсной сферѣ мелкихъ княжествъ, не предполагалъ способности къ дальнѣйшему осуществленію той политики, въ которой онъ усматривалъ будущность Польши, и рѣшилъ искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ достойнаго себѣ преемника. А гдѣ-же онъ долженъ былъ искать его, какъ не въ той династіи, съ которой онъ породнился черезъ выдачу замужъ за Карла Роберта сестры своей Елизаветы, которая ему самому служила образцомъ, и со стороны которой онъ испыталъ дѣятельную помощь? И однако это предположеніе, по болѣе пристальномъ размышленіи, не можетъ удовлетворить насъ; мы ищемъ болѣе глубокихъ причинъ, которыя склонили великаго короля къ такому чужестранному поступку.

Договоръ о преемничествѣ Казиміръ В. заключилъ уже въ 1336 г., передъ подтвержденіемъ Калишскаго міра, заключилъ его подъ тѣмъ условіемъ, что будущій венгерскій и польскій король начнетъ свое правленіе борьбою съ орденомъ и добываніемъ Поморья. Казиміръ зналъ, что приобрѣтеніе устья Вислы и побѣда надъ орденомъ являются для Польши вопросомъ о ея существованіи, и чувствовалъ, что Польша, даже укрѣпленная продолжительнымъ міромъ, одна не выполнитъ этой задачи; поэтому онъ искалъ ей союзника и ради этой высшей задачи безъ колебанія пожертвовалъ всякими другими соображеніями, говорившими за принципъ наслѣдственности.

§ 49. *Правленіе пановъ отъ имени короля венгерскаго Людовика* ¹⁾
(1370—1382).

По смерти Казиміра въ 1370 г. Людовикъ безъ препятствій получилъ власть надъ Польшей, но не осуществилъ возлагав-

¹⁾ Людовикъ венгерскій родился въ 1326 г. отъ Карла Роберта анжуйскаго, короля Венгріи, и Елизаветы, дочери Владислава Локотка. Отъ жены Елизаветы, княжны боснянской, племянницы Владислава Бѣлаго, князя гнѣвковскаго, имѣлъ трехъ дочерей: 1) Екатерину († 1374), 2) Марію, жену Сигизмунда Люксембургскаго, 3) Ядвига, род. въ 1371 г., вышедшую замужъ за Ягелло въ 1386 и скончавшуюся въ 1399 г.

шихся на него надеждъ. Въмѣсто того, чтобы стать во главѣ народа и въ соединеніи съ Венгріей сокрушить Тевтонскій орденъ, Людовикъ занимался главнымъ образомъ венгерскими дѣлами и, обходясь съ Польшей какъ вотчимъ, считалъ ее лишь богатой кладовой, которая должна была увеличивать его богатства и значеніе въ Европѣ. Управление Червонною Русью, которую онъ стремился обособить отъ Польши, онъ сначала (въ 1372 г.) отдалъ своему вѣрному стороннику Владиславу, князю опольскому; переведши его позже въ Куявію, онъ самъ занялъ Русь венгерскими войсками и захватилъ ее въ пользу Венгріи. Это было вопіющимъ вѣроломствомъ. Раздраженъ былъ народъ, и прежде всего шляхта, издавна неблагоклонно относившаяся къ Людовику; начались смуты. Но Людовикъ оперся на можновластво. Поставивъ регентшей въ Краковѣ мать свою Елизавету (дочь Владислава Локотка), онъ отстраняетъ старинныхъ совѣтниковъ Казимира, какъ то: Янка изъ Чарикова, подканцлера, Януша Суховолка и многихъ иныхъ и собираетъ около регентши свою собственную партію, въ которой выдавались паны Пораи изъ Курозвенкъ: Добѣславъ, воевода краковскій, и сынъ его Завиша, подканцлеръ, а съ 1380 г., благодаря вліянію Людовика, епископъ краковскій; далѣе паны Топорчики: Отто изъ Пильцы, генераль-староста великопольскій, и Сендзивой изъ Шубина, воевода калишскій, позже, по смерти Яська Кмиты, староста краковскій; наконецъ, паны Гржималиты: Янушъ, архіепископъ гнѣзненскій, Домаратъ, каштелянъ познанскій, Петрашъ изъ Малахова, староста куявскій. Росла ненависть шляхты, преимущественно великопольской, во главѣ которой стали Налэнчи; былъ вызванъ (въ 1373 и 1375 г.г.) Владиславъ Бѣлый изъ Дижонскаго монастыря, и въ Куявіи вступили въ борьбу ради его защиты; на улицахъ Кракова совершались избіенія венгровъ, Литва проникала смѣлыми набѣгами въ глубь страны; но могущественные малопольскіе паны, держа правленіе въ своихъ рукахъ, извлекали изъ этого большую пользу для себя и составляли себѣ громадныя состоянія.

Снова начались переговоры съ королемъ Людовикомъ. Людовикъ, не имѣя сыновей, желалъ передать польскій тронъ одной изъ своихъ дочерей. Это предположеніе было въ высшей степени противно рыцарскому настроенію поляковъ, которые даже въ частныхъ помѣстьяхъ не допускали женщинъ до наслѣдства; и все-таки польскіе паны согласились на это въ 1373 и 1374 г.г. въ Кошицахъ; король за то далъ имъ достопамятную привилегію,

на основаніи которой точно опредѣлялось отношеніе правительственной власти къ шляхетскому сословію. Подтверждая за шляхтой всё ея, существовавшія дотолѣ права и вольности, и особенно самоуправленіе земель, король освободилъ ее отъ податей и повинностей за исключеніемъ: 1) ежегодной уплаты двухъ грошей съ каждаго лана, называвшейся поплужнымъ (poradnie); 2) военной службы для отраженія непріятельскихъ нашествій, причемъ эта служба отправлялась шляхтою на собственный счетъ; 3) исправленія замковъ. Отъ духовенства король потребовалъ сначала по шести грошей съ лана и по корцу ржи и овса, но позже, въ 1381 г. согласился на то, чтобы бѣлое духовенство платило ежегодно по два гроша съ лана, а въ случаѣ войны — потребованный поборъ, монашество же—по четыре гроша, корецъ жита и овса. Новыя привилегіи для той же самой цѣли были получены и городами въ 1375 г. ¹⁾.

Чѣмъ болѣе, однако, вслѣдствіе этихъ привилегій выработывалось и росло самоуправленіе отдѣльныхъ сословій, тѣмъ болѣе требовалось у кормила правленія могучая рука. Между тѣмъ Людовикъ постоянно жилъ въ Венгріи, и поэтому споры за власть доходили въ Польшѣ до ужасающихъ размѣровъ. Имъ нѣсколько не былъ положенъ конецъ въ 1381 г. назначеніемъ трехъ намѣстниковъ въ лицѣ Завиши и Добѣслава Курозвенцкихъ и Сендзивоя изъ Шубина. Каждое замѣщеніе вакантной должности служило причиною смутъ; всякій поступалъ по своему произволу и начпналъ усобицу съ ближайшимъ сосѣдомъ; Бартошь изъ Одолянова, изъ рода Налэнчей, велъ борьбу за свое старство, литвины нападали на восточные повѣты, наконецъ князь мазовецкій Земовитъ занялъ Ловичъ, и всюду настали страшныя смуты.

Видя это, Людовикъ, еще при жизни, рѣшилъ отдать Польшу своей старшей дочери Маріи и ея мужу Сигизмунду, маркграфу бренденбургскому, сыну императора Карла IV люксембургскаго,

¹⁾ Привилегіи 1355 и 1374 г.г. служатъ яснымъ подтвержденіемъ тѣхъ отношеній, которыя уже выработались предварительно между королемъ и сословіемъ земянъ. Однако не онѣ создали это отношеніе, не онѣ только теперь уничтожили патриархальную королевскую власть надъ земянскимъ сословіемъ. Между тѣмъ многіе историки и въ особенности І. Шуйскій, до сихъ поръ думаютъ, что княжеское право оставалось въ принципѣ неповрежденнымъ вплоть до 1374 г., и принимаетъ копицкую привилегію за актъ, въ которомъ новое договорное отношеніе между народомъ и верховной властью имѣетъ свое начало и источникъ.

и дѣйствительно отправилъ ихъ въ Польшу, какъ въ 1382 г. его постигла внезапно смерть.

§ 50. *Побѣда можновладства во время безкоролья (1382—1386.)*

Назначеніе Маріи или скорѣе ея мужа на польскій престолъ заключало въ себѣ очень глубокую политическую идею, потому что оно соединяло Польшу съ Бранденбургомъ, въ которомъ польскій элементъ не совсѣмъ еще уничтожился, открывало виды на западъ и угрожало Тевтонамъ. Но венгры неожиданно разстроили эти планы, призывая на свой тронъ не младшую дочь Людовика, Ядвига, какъ это было рѣшено, а именно старшую, Марію. А дальнѣйшее соединеніе польской короны съ венгерской не могло улыбаться полягамъ: вѣдь оно недавно, при Людовикѣ, было соединено съ такою невыгодою для нихъ. Поэтому тотчасъ же, въ 1382 г. великопольская шляхта составила въ Сѣрадзи конфедерацію, въ которой поставила обязательнымъ, чтобы дочь Людовика, которая вмѣстѣ съ мужемъ получить польскій престолъ, имѣла постоянную резиденцію въ странѣ. Между тѣмъ, вслѣдствіе отсутствія какого бы то ни было правленія, порвались всякія отношенія, закипѣла междоусобная война, которая велась враждебными другъ другу родами Налэнчей и Гржималитовъ; эти послѣдніе шли за Бранденбургомъ. Шляхетская партія, нашедши себя предводителя въ лицѣ самого архіепископа Бодзанты, получила перевѣсъ, выставила кандидатуру популярнаго въ народѣ Земовита мазовецкаго и въ 1383 г. созвала всеобщее собраніе въ Сѣрадзи, чтобы провести эту кандидатуру.

Но не бездѣйствовали между тѣмъ малопольскіе паны. Они хорошо знали, что допущеніе Земовита къ трону было бы побѣдою шляхты, уничтожающею на долгое время ихъ перевѣсъ. Поэтому они воспротивились Земовиту и напомнили народу о торжественномъ договорѣ, заключенномъ съ Людовикомъ въ Кошицахъ въ 1374 г. Только одна изъ венгерскихъ королевенъ могла быть законной польской королевой. Упорно настаивать на Маріи и Сигизмундѣ было бы безразсудствомъ,—они вполне убѣдились въ томъ; да кромѣ того, великопольская политика, толкавшая Польшу на западъ, никогда не имѣла въ нихъ сторонниковъ. И такъ, они принудили мать королевенъ Елизавету отправить посольство на сѣрадзскій съѣздъ; и это посольство, освобождая поляковъ отъ подчиненія Маріи, объявило имъ о близкомъ прибытіи ея младшей сестры, Ядвиги. Не смотря на крики, подня-

тые за Земовита, Ясько изъ Тенчина, каптелянъ войницкій, склонилъ собраніе твердо стоять на данномъ Людовику словѣ и терпѣливо ожидать прїѣзда Ядвиги. Изъ-за опасеній Елизаветы этотъ прїѣздъ затянулся вплоть до осени 1384 г. Еще въ теченіе цѣлаго года Польша была подвержена страшнымъ междоусобіямъ, среди которыхъ Сигизмундъ бранденбургскій и Земовитъ мазовецкій пытались вооруженной рукой добиться успѣха, произошелъ еще одинъ бурный съѣздъ въ Радомскѣ, пока наконецъ прїѣздъ Ядвиги и ея торжественная коронація въ Краковѣ не положили предѣла страшнымъ смутамъ.

Малопольскіе паны одержали славную побѣду. Имъ помогало право, на которое они ссылались, помогало то необычайное постоянство, какое они умѣли выказать въ осуществленіи своего плана. Чтобы однако обезпечить себѣ постоянный перевѣсъ въ народѣ и воспользоваться плодами своей побѣды, имъ нужно было выказать еще высшій политическій тактъ въ выборѣ мужа для юной Ядвиги. Въ исполненіи этого были неизмѣримыя трудности. По обычаю, практиковавшемуся очень часто въ среднихъ вѣкахъ, король Людовикъ выдалъ Ядвигу, когда она была еще ребенкомъ, за мало чѣмъ превосходившаго ее по возрасту Вильгельма, сына Леопольда, герцога австрійскаго. Дѣти заключили между собою формальный церковный бракъ. Онъ принималъ дѣйствительное значеніе съ той минуты, когда Ядвиги и Вильгельмъ, ставъ взрослыми и вступивъ въ супружескую жизнь, тѣмъ самымъ закрѣпили этотъ бракъ. Увидавъ Ядвигу на тронѣ, Вильгельмъ прїѣхалъ въ Краковъ, своею мужественною прелестью покорила ея юное сердце при первомъ же взглядѣ и, пользуясь временной неосмотрительностью пановъ, жилъ вмѣстѣ съ нею въ замкѣ, какъ законный супругъ ¹⁾.

Этотъ день былъ торжественно отпразднованъ въ Краковѣ, потому что Краковъ, какъ нѣмецкій городъ, былъ радъ видѣть на польскомъ тронѣ нѣмецкаго князя; среди общаго веселья ос-

¹⁾ Этотъ фактъ, ясно указанный Длугошемъ, подтвержденъ слѣдующей современною записью въ недавно изданныхъ книгахъ города Кракова („Историческіе памятники.“ „Pomniki dziejowe“. Tom IV. Kraków. 1878): „in vigila s. Bartholomaei post nuptiarum dominae reginae consumationem commissum et rogatum fuit per eandem dominam reginam, ut captivi omnes, qui protunc in civitatis detentione habentur, deberent liberari... (Въ канунъ св. Вароламея, по совершеніи брака государыни королевы, она просила и сдѣлала порученіе, чтобы были освобождены всѣ заключенные, которые находились тогда въ городской тюрьмѣ).

вобожжены были даже узники, заключенные въ ратушѣ, и о томъ было записано въ актахъ. Поздно спохватились польскіе паны, но для людей XIV вѣка никогда не было не во-время. Краковскій каштелянъ, Добѣславъ изъ Курозвенкѣ, не обращая вниманія на то, дѣйствителенъ или недѣйствителенъ заключенный между Ядвигаго и Вильгельмомъ бракъ, силой вырываетъ его изъ объятій Ядвиги и принуждаетъ удалиться изъ краковскаго замка. Ядвига, въ припадкѣ отчаянія, пытается топоромъ пробить себѣ дорогу къ мужу; Димитрій изъ Горая отклоняетъ ее отъ того убѣжденіемъ, за которымъ скрывалась сила. Плѣненная такимъ образомъ и заботливо сторожившаяся въ Краковѣ, Ядвига пала трагической жертвой высшей цѣли, для которой готовили ее духовные и свѣтскіе паны.

Этою цѣлью была женитьба на Ядвигѣ Ягеллы, великаго князя литовскаго, присоединеніе и обращеніе языческой еще Литвы и борьба съ Тевтонскимъ орденомъ. Ученики Казимира Великаго не могли поступить иначе, не могли сдѣлаться невѣрными той задачѣ, которую великій король оставилъ имъ въ наслѣдство. Не удалась одна попытка, не пришлось въ Венгріи найти союзницу для борьбы со смертельнымъ врагомъ,—они принялись за другую попытку, искали союзницу въ Литвѣ. Сверхъ того, не было безразличнымъ для польскихъ пановъ и то обстоятельство, что по смерти Казимира Великаго литовцы захватили Владиміръ и окрестные города, бросая жадные взгляды и на остальную Червонную Русь. Призваніе Ягеллы и присоединеніе Литвы устраняло эти опасенія и безъ борьбы открывало Польшѣ обширныя земли южной Руси, куда малопольскіе паны издавна стремились направить всю дѣятельность государства и общества. По соглашенію съ польскими панами, Ягелло отправилъ пословъ просить руки Ядвиги, и большой съѣздъ пановъ въ Краковѣ принялъ это предложеніе. Ягелло, получивши отвѣтъ, вмѣстѣ съ остальными литовскими князьями издалъ въ Кривѣ 14 сентября 1385 г. торжественный документъ, которымъ обязался принять со всѣмъ народомъ христіанскую вѣру, соединить Литву съ Польшей и вступить въ борьбу ради возвращенія земель, потерянныхъ Польшей.

Ядвига, чувствуя отвращеніе къ дикому Ягеллѣ, умоляла о помощи мать; но Елизавета отстранилась отъ всего; Ядвига обратилась къ апостольскому престолу, но церковь расторгла ея бракъ съ Вильгельмомъ. Когда и эта послѣдняя надежда обманула Ядвигу, она должна была подчиниться необходимости. 15 февраля 1386 г. совершилось крещеніе Ягеллы съ братьями, 18 февраля

женитьба на Ядвига и 4 марта торжественная коронация въ Краковѣ.

§ 51. *Обращение Литвы.*

На бракъ Ядвиги съ Ягеллой не преминули пригласить и великаго магистра ордена, давая ему понять тѣмъ самымъ, что пробилъ часъ, когда онъ долженъ или смириться передъ соединенными Литвой и Польшей, или необходимо вступить въ борьбу на жизнь и смерть. Великій магистръ отвергъ предложеніе, отговариваясь тѣмъ, что для него слишкомъ далека дорога въ Краковъ, и тѣмъ самымъ принялъ вызовъ.

Однако не сразу началась борьба. Ей должно было предшествовать сближеніе поляковъ съ Литвою и распространеніе въ этой странѣ польскаго вліянія и цивилизаціи. Это былъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ въ исторіи Польши; но, желая понять его, мы должны отступить нѣсколько назадъ и познакомиться съ тогдашней Литвой и ея развитіемъ до данной минуты.

Къ исторіи Литвы, кромѣ сочиненій Нарбутта и Ярошевича, названныхъ во вступленіи, относятся труды Казимира Стадницкаго, основанные на обширныхъ матеріалахъ, почерпнутыхъ изъ источниковъ, исправляющіе много частныхъ фактовъ, особенно генеалогическихъ, и служащіе единственными пособіями по исторіи Подолии и Волыни, обою которыхъ такъ часто вращается польская политика XV вѣка:

«Ольгердъ и Кейстутъ, сыновья Гедимины, вел. князя литовскаго». («Olgerd i Kiejstut synowie Gedymina W. księcia Litwy». Lwów. 1870).

«Сыновья Гедимины: Монвидъ, Нарымунтъ, Явнута, сыновья Явнута и ихъ потомство». Изданіе исправленное. («Synowie Gedymina: Monwid, Narymunt, Jewnuta, synowie Jewnuty i ich potomstwo». Rozprawy wydz. hist. Akademii. Kraków. 1875. Tom. III).

«Коріатъ Гедиминовичъ и Коріатовичи». («Koryat Gedyminowicz i Koryatowicze». Rozprawy wydz. hist. Akademii. Kraków. 1877. Tom. VII).

«Любартъ, князь волынской». («Lubart książę wołyński». Lwów. 1853).

«Братья Владислава Ягеллы». («Bracia Władysława Jagiełły». Lwów. 1866).

Эти труды дополняетъ Иосифъ Вольфъ: «Родъ Гедимины, дополненія и поправки къ сочиненіямъ Казимира Стадницкаго» («Ród Gedymina, dodatki i poprawki do dzieł Kazimierza Stadnickiego». Kraków. 1886).

Изъ русскихъ сочиненій слѣдуетъ назвать:

Антоновичъ, В. В. «Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV столѣтія». Кіевъ. 1878.

Родственная стариннымъ пруссамъ Литва вмѣстѣ съ ними составляла племя, близкое къ славянамъ, но отъ нихъ особое. Литовцы жили долѣе поляковъ въ своихъ пушахъ въ бассейнѣ Нѣмана и Вилии, погруженные въ варварство, скрытые въ до-историческомъ мракѣ. Только лишь основаніе на берегахъ Балтійскаго моря двухъ нѣмецкихъ военныхъ орденовъ, Меченосцевъ въ Лифляндіи (около 1204 г.) и Тевтоновъ въ Пруссіи (1228 г.) пробудило ихъ къ исторической жизни, къ соединенію въ половинѣ XIII вѣка въ опредѣленное политическое цѣлое и ко вступленію въ борьбу съ орденами и съ Русью, окружавшей ихъ съ востока. Въ этомъ дѣлѣ Литвѣ страшно мѣшаль господствовавшій и тамъ принципъ раздѣленія государства между сыновьями умершаго князя. Не было недостатка въ постоянныхъ междоусобіяхъ и раздорахъ; не было недостатка въ князьяхъ, которые, не желая признавать верховную власть великаго князя, переходили въ ряды непріятелей, Тевтоновъ и Руси; не было недостатка въ великихъ князьяхъ, которые лишали наслѣдства своихъ братьевъ и племянниковъ и время отъ времени объединяли все государство въ своихъ рукахъ. Не смотря на все это, исторія Литвы не имѣетъ никакого сходства съ исторіей сосѣдней съ ней Польши, хотя бы въ эпоху раздѣленія государства по смерти Кривоустаго.

Польша, вслѣдствіе принятія христіанства, отняла у Германіи поводъ къ страшнымъ крестовымъ походамъ и истребительнымъ войнамъ; Литва, благодаря своей упорной приверженности къ язычеству, обратила противъ себя все могущество Германіи, организованное Тевтонскимъ орденомъ; среди убійственной, ведшейся безъ отдыха въ теченіе полтораста лѣтъ, борьбы, Литва, дѣйствительно, создала въ себѣ воинственный духъ, который не имѣлъ недостатка даже въ нѣкоторой рыцарской полировке, но не могла пріобрѣсти условій, необходимыхъ для внутренняго развитія и мирнаго труда.

Кромѣ того, Польша издавна выработалась въ государство, въ которомъ весь народъ: и можновладство, и шляхта, и крестьяне, за исключеніемъ немногочисленныхъ рабовъ, пользовался одинаковой свободой, трудился самъ для себя, подчинялся одной только княжеской, королевской, патриархальной власти; и этотъ принципъ свободы развился еще болѣе вслѣдствіе привилегій. О внутренней организаціи Литвы мы до сихъ поръ знаемъ мало опредѣленнаго; однако, на первоначальныя патриархальныя отно-

шенія тамъ вліялъ, очевидно, и примѣръ орденскихъ земель и завоеванія, совершенныя на Руси. Князь, въ вознагражденіе за военную службу и повиновеніе своимъ приказаніямъ, отдавалъ извѣстному числу наиболѣе знаменитыхъ пановъ, бояръ, всю страну въ наслѣдственные владѣнія, не освобождая ихъ, впрочемъ, отъ личнаго подчиненія себѣ и отъ своей абсолютной власти; эти паны выдѣляли въ своихъ владѣніяхъ меньшія помѣстья для рыцарства, обязуя его военной службой по первому требованію и различными податями и повинностями; рыцарство, наконецъ, абсолютно подчиненное власти бояръ, держало въ своихъ помѣстьяхъ остальное населеніе подъ игомъ, въ гнетущей неволѣ. Итакъ, въ Литвѣ никто не имѣлъ собственной земли; никто, за исключеніемъ немногочисленныхъ сравнительно бояръ, не обладалъ свободою, потому что не пользовался покровительствомъ государства и не зависѣлъ непосредственно отъ государя. Отношенія подобнаго рода усиливали духъ дисциплины и повиновенія, благопріятствовали развитію сильной военной организаціи, но, подавляя духъ свободы и самостоятельности, подавляли вмѣстѣ съ тѣмъ высшее развитіе и настоящій прогрессъ.

За то Литва могла считаться болѣе счастливою, чѣмъ Польша, въ томъ отношеніи, что въ эпоху постоянныхъ междоусобій и династическихъ раздоровъ она обладала цѣлымъ рядомъ истинно-великихъ, богатырскихъ князей. Мы уже упоминали выше (см. § 29) о Миндовгѣ (Mendog, Mindowe), сынѣ Рингольда (1240—1263), который началъ борьбу съ орденомъ и завоеванія на Руси, а временно принялъ даже христіанство (1251 г.) и королевскую корону (1253 г.), чтобы этимъ путемъ охранить себя отъ хищнической политики Тевтонскаго ордена. Насильственная языческая реакція и побѣда, одержанная надъ орденомъ въ 1260 году, положили однако конецъ этому первому обращенію въ христіанство. Миндовгъ усиленно старался распространить свою власть на окрестныхъ литовскихъ и русскихъ князей и былъ убитъ ими въ 1263 г. Въ междоусобіяхъ, которыя возгорѣлись послѣ его смерти, стали другъ противъ друга партія языческая, опиравшаяся на собственную Литву, и партія христіанская, опиравшаяся на только что прибрѣтенныя русскія владѣнія. Во главѣ этой послѣдней партіи сталъ сынъ Миндовга Войшелгъ, но язычество одержало перевѣсъ въ лицѣ великаго князя Тройдена (1270—1282).

Съ Литаворомъ выступила на историческое поприще Литвы новая мужественная династія, но только лишь сыновья его, Ви-

тенесь (1292—1315) и Гедиминъ (1315—1341) вознесли Литву на верхъ ея языческаго могущества. Гедиминъ отразилъ все походы Тевтоновъ, умѣлъ найти союзниковъ даже въ предѣлахъ ихъ земель (городъ Ригу), завязалъ сношенія съ Локоткомъ (см. § 43), даже велъ переговоры съ апостольскимъ престоломъ, пока не убѣдился, что онъ не въ состояніи удержать Тевтоновъ. Отвернувшись отъ запада, у котораго онъ не могъ найти дѣйствительной защиты, онъ обратился на востокъ, распространилъ свою власть надъ Витебскомъ, Полоцкомъ, Мнскомъ и Новгородомъ и наконецъ завладѣлъ Владиміромъ, Луцкомъ и Киевомъ. Литвѣ нетрудно было утвердиться въ этихъ владѣніяхъ, потому что русское населеніе охотно перемѣняло династію ради своего освобожденія отъ татарскаго ига; а литовскіе князья, которые поселились на Русь подъ верховною властью великаго князя, принимали христіанскую вѣру и русскіе обычаи и обезпечивали за русскими землями неизвѣстныя дотолѣ спокойствіе и безопасность. При Гедиминѣ также выработалось то оригинальное литовское государство, которое мы видимъ впоследствии въ нашей исторіи, сильное своей военной организаціей, соединявшее въ полномъ согласіи два отдѣльныхъ элемента: литовскій и русскій, двѣ религіи и цивилизаціи: языческую и христіанскую, безъ ущерба для той и другой. Даже католическая церковь имѣла своихъ представителей въ Литвѣ въ францисканскихъ и доминиканскихъ миссіяхъ.

.

По смерти Гедимина въ 1341 г. великокняжескую власть получилъ сынъ его Ольгердъ, оставляя братьямъ, подъ своимъ верховнымъ правленіемъ, отдѣльныя княжества. Онъ проводилъ политику отца, т. е. воевалъ на всѣхъ границахъ. Съ помощью брата Кейстута, княжившаго на Жмуди, онъ отражалъ постоянные походы Тевтоновъ наступательной войной и за каждое нападеніе отплачивалъ суровымъ набѣгомъ въ глубь Пруссіи и Лифляндіи. Съ помощью другого брата Любарта, княжившаго на Волыни, онъ сражался съ Казиміромъ Великимъ и помѣшалъ ему приобрести Волынь. Въ то же время онъ нанесъ татарамъ полное пораженіе въ битвѣ подъ Синими Водами въ 1362 г., занялъ всю южную Русь вокругъ Кіева и съ помощью брата Коріата началъ устраивать и заселять новую провинцію, Подолію; наконецъ на сѣверѣ онъ защищалъ свои верховныя права надъ Смоленскомъ, Псковомъ и Новгородомъ, полагалъ предѣлъ расширенію владѣній великихъ князей московскихъ и нѣсколько разъ проникалъ въ глубь московскаго княжества. Возобновились ста-

ранія Рима, чтобы обратить Литву въ христіанство, однако они кончились ничѣмъ, потому что Тевтонскій орденъ дѣятельно мѣшалъ имъ, видя въ литовскомъ язычествѣ предлогъ къ своимъ грабительскимъ нападеніямъ, облеченнымъ въ форму крестовыхъ походовъ. Передавъ брату Кейстуту власть надъ собственной Литвой, Ольгердъ опирался преимущественно на русскій элементъ, направилъ въ эту сторону все свое вниманіе и, женившись на русской княжнѣ, принялъ крещеніе отъ рукъ греческаго духовенства. Умеръ онъ въ 1377 г., оставивъ двѣнадцать сыновей, изъ которыхъ великокняжескую власть получилъ нашъ Ягелло.

В. кн. Ягелло былъ уже новымъ типомъ на литовскомъ тронѣ. Не довѣряя счастью оружія и не любя военного дѣла, тихій и скрытный, онъ сблизился съ Западомъ и крестоносцами и соединилъ въ своемъ характерѣ коварство Литвы съ беззащитностью Тевтона, который ради достиженія цѣли не отступитъ ни передъ какимъ средствомъ. За то Кейстутъ, дядя его, правившій какъ и прежде, въ Жмуди, западномъ уголкѣ Литвы, гдѣ наиболѣе сохранились старинные литовскіе обычаи, представлялъ вѣрный типъ старой, уже исчезавшей со свѣта, воинственной и языческой Литвы.

Жестокіе, кровавые споры за власть начались между Кейстутомъ, Ягеллой и Витовтомъ, сыномъ Кейстута, самымъ мужественнымъ изъ всѣхъ ихъ. Тевтоны искусно раздували эти споры и прекрасно пользовались ими, проникая подъ самыя Вильно и Ковно.

Ягелло соединился съ Тевтонами на погибель Кейстуту; Кейстутъ, предупреждая его замыслы, осадилъ Вильно, лишилъ Ягеллу княжеской власти и самъ завладѣлъ послѣднею, но погубилъ себя излишнимъ довѣріемъ. Положившись на племянника, снова завязавшаго тайныя сношенія съ Тевтонскимъ орденомъ, онъ прибылъ въ его лагерь и, измѣннически схваченный, кончилъ свою жизнь въ 1382 г., задушенный въ темницѣ Ягеллы. Витовтъ спасся бѣгствомъ къ Тевтонамъ и, дружелюбно принятый ими, помогалъ имъ въ борьбѣ противъ Ягеллы. Однако, получивъ отвращеніе къ такой двуличной роли и не желая долѣе служить врагамъ противъ собственной родины, Витовтъ въ 1384 г. помирился съ Ягеллой, передалъ этому послѣднему вѣренныя ему тевтонскіе замки и подвергъ неслыханному опустошенію земли ордена и ихъ главную твердыню, Маріенвердеръ. Въ тотъ моментъ, когда орденъ готовилъ страшную месть, Ягелло бросился въ объятія Польши.

И дѣйствительно, для этого наступалъ послѣдній срокъ. Отголосокъ литовскихъ войнъ привлечь въ ряды ордена несмѣтныя толпы рыцарей-авантюристовъ со всего Запада; господство Тевтоновъ систематически подвигалось все далѣе и далѣе въ глубь Литвы; а литовское племя, немногочисленное, порѣдѣвшее отъ долготѣльныхъ войнъ, уже напрягало послѣднія силы. Грозилъ ему опасность и съ другой стороны. Небольшая горсть литовцевъ, завоевавши Русь, разстроенную въ политическомъ отношеніи, но обширную по пространству, болѣе населенную, болѣе цвѣтущую и сравнительно цивилизованную, могла навязать ей свое правленіе, но не была въ состояніи лишить ее народности, распространить въ ней свою языческую вѣру, свои обычаи и языкъ. Напротивъ того, русская цивилизація побѣждала литовцевъ; Ольгердовичи, имѣя на Руси владѣнія и княжества, приняли христіанство и обрусились; языкъ и вліяніе русскіе стали господствовать даже на великокняжескомъ дворѣ Ягеллы. Тамъ и вообще въ Литвѣ должна была получить господство и русская вѣра, т. е. восточная церковь, потому что иначе трудно было литовскимъ князьямъ побудить своихъ русскихъ подданныхъ къ борьбѣ съ Москвой, становившейся все болѣе и болѣе грозной. Поэтому соединеніе съ Польшей и принятіе римскаго вѣроисповѣданія представлялись Литвѣ единственнымъ средствомъ спасенія отъ мстительнаго ордена и вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденія отъ русскаго вліянія.

Въ 1387 г. Ягелло отправился въ Литву, окруженный толпою польскихъ пановъ и духовенства. Это былъ моментъ полного переворота въ исторіи Литвы. Мирнымъ убѣжденіемъ, примѣромъ, а въ крайнихъ случаяхъ и насиліемъ, было введено христіанство, уничтожены всѣ внѣшніе знаки язычества, основана епископія въ Вильнѣ и многочисленные костелы. Вводя католическую церковную іерархію, польскіе паны подумывали въ тоже время и объ учрежденіи свѣтской іерархіи, о созданіи въ Литвѣ элемента, который былъ бы обязанъ имъ своимъ положеніемъ и долженъ былъ бы дѣйствовать заодно съ ними, въ данномъ случаѣ прямо противъ литовскихъ князей. Привилегіей отъ 1387 г. Ягелло сравнялъ литовскихъ бояръ съ польскими панами, далъ имъ въ собственность имѣнія и освободилъ эти имѣнія отъ обременительныхъ податей и повинностей. Это былъ первый лучъ свободы, пробившійся въ литовскія «пущи», первый ударъ, нанесенный феодальной системѣ литовскаго государства.

§ 52. Погромъ ордена.

Можно представить себѣ, какимъ бѣшенствомъ закипѣли Тевтоны при извѣстїи о великой цивилизаторской миссїи, которую поляки исполняли въ Литвѣ. Въ одну минуту орденъ утратилъ добычу, которая непременно должна была попасть въ его руки, лишился своей задачи: обращенїя невѣрныхъ, терялъ основу своего существованїя. Уступить добровольно болѣе счастливому сопернику, Польшѣ,—этого не позволяла гордость ордена, а потомъ и борьба за перевѣсъ и существованїе. Тевтоны умѣли воспользоваться элементами, непрїязненными Польшѣ, и двинуть ихъ на нее; они начали возмущать русскїй элементъ въ Литвѣ и раздувать раздоры между многочисленными родственниками Ягеллы. По ихъ наущенїямъ Андрей Вингольдъ, князь полоцкїй, и Святославъ, князь смоленскїй, въ 1386 г. стали во главѣ русскаго элемента, бросились на Литву и проиграли свое дѣло въ битвѣ подъ Мстиславлемъ. Самый мужественный изъ всѣхъ князей, двоюродный братъ Ягеллы, гордый сынъ великаго Кейстута, Витовтъ, оскорбленный тѣмъ, что намѣстничество на Литвѣ было отдано не ему, а брату Ягеллы, неспособному Скиргеллѣ, перешелъ на сторону Тевтоновъ; но двукратные походы магистровъ Энгельгардта Рабе и Конрада Валленрода на литовскїя земли, защищаемыя теперь не только Литовцами, но также и храбрыми дружинами поляковъ, окончились позорнымъ пораженїемъ. Витовтъ, снова разорвавъ безчестившїй его союзъ, въ 1392 году примирился съ Ягеллой и сѣлъ на великокняжескомъ тронѣ.

Поляки показали, что они способны не только окрестить и цивилизовать Литву, но и защищать ее. То же самое должно было сдѣлать и по отношенїю къ Руси, надъ которой до сихъ поръ еще тяготѣло страшное могущество татаръ. Польскїе паны, нашедши такого вождя, какъ Витовтъ, помогли ему выгнать удѣльныхъ князей и соединить въ однѣхъ рукахъ всѣ литовско-русскїя земли Ольгердова государства и совершили смѣлый походъ въ земли Золотой Кипчакской орды. Въ 1399 г. произошла кровопролитная битва при Ворсклѣ. Ханъ Эдигей остался въ ней побѣдителемъ; цвѣтъ польскаго рыцарства, со Спыткомъ Мельштынскимъ во главѣ, погибъ; Витовтъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, и для Польши были потеряны берега Чернаго моря. Втеченїе трехсотъ лѣтъ суждено было татарскимъ полчищамъ опустошать плодоносныя пространства южной Руси; но татары,

разъ помѣрявшись на своей собственной землѣ съ польско-литовскимъ оружіемъ, узнали, съ кѣмъ имѣють дѣло, ограничивались разбойничьими набѣгами и съ тѣхъ поръ всегда избѣгали рѣшительнаго столкновенія съ новой силой, не смѣя мечтать о расширеніи своего господства на западъ.

Самый надежный оплотъ противъ татаръ поляки создали себѣ изъ Червонной Руси, которую въ 1377 г. отобрали у Венгріи. Дѣло взяла на себя Ядвига, чтобы не было сомнѣнія, что Польша, а не Литва, беретъ Червонную Русь. Здѣсь Ягелло раздѣлилъ огромныя пространства между Мельштынскими, Горайскими, Курозвенцкими, Тарлами и Кмитами; а эти вельможные роды, направивъ капиталъ и рабочія силы въ опустошенный край, сумѣли хозяйствовать въ немъ, вооружить его укрѣпленными замками и съ Яськомъ Тенчинскимъ, русскимъ намѣстникомъ, во главѣ самостоятельно защищать его отъ варварскихъ нападений. Здѣсь, на Руси, Земовитъ мозовецкій получилъ Бельзскую землю въ награду за признаніе Ягеллы, между тѣмъ какъ Владиславъ опольскій, посаженный въ Куявіи Людовикомъ венгерскимъ, за непріязнь къ Ягеллѣ лишился своего удѣла.

Мирнымъ завоеваніемъ Литвы и Руси Польша была обязана тому, что Казиміръ Великій мудро берегалъ и укрѣплялъ ея силы; а соединенію этихъ трехъ народовъ въ одно громадное государство она обязана была своимъ тогдашнимъ перевѣсомъ въ Европѣ. Уже не только Тевтоны смотрѣли на нее со страхомъ, но также и оба короля люксембургской династіи: Вацлавъ чешскій и Сигизмундъ венгерскій. Они не пользовались довѣріемъ у собственныхъ подданныхъ, и народныя партіи въ Чехіи и Венгріи смотрѣли на Ягеллу, какъ на короля, у котораго они найдутъ во всякомъ случаѣ болѣе дѣйствительное покровительство. Неувѣренные въ собственныхъ подданныхъ, Сигизмундъ и Вацлавъ не осмѣливались поэтому вступить въ явный союзъ съ Тевтонами на погибель Польшѣ; напротивъ того, они въ концѣ XIV вѣка заключили съ Ягеллой торжественный миръ и, притворяясь, будто питаютъ къ нему сердечное расположеніе, выступили въ роли посредниковъ въ польско-тевтонскомъ вопросѣ. Играя комедію по отношенію къ ордену, они брали отъ него крупныя суммы, обѣщались выступить съ войсками противъ Польши, а на самомъ дѣлѣ старались прежде всего о томъ, чтобы обѣ эти могучія силы какъ можно болѣе ослабились отъ взаимныхъ столкновений. Не имѣлъ также никакого значенія миръ, заключенный

въ 1404 г., по которому орденъ за выкупъ уступилъ Польшѣ Добржинскую землю.

Это было только предзнаменованіемъ окончательной борьбы, въ которой съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ готовились и Польша и Тевтонскій орденъ. Немедленно въ слѣдующемъ году начались раздоры; Витовтъ отнялъ захваченную орденомъ Жмудь, и въ Польшѣ оставили мирную политику, представительницей которой была нѣкогда Ядвига, а по ея смерти—Петръ Вышь, епископъ краковскій. Стоявшій во главѣ сторонниковъ войны, Войцѣхъ Ястржембець, епископъ познанскій, находившійся въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Витовтомъ, одержалъ верхъ въ королевскомъ совѣтѣ, и 15 іюля 1410 г. на поляхъ Грюнвальдена стали другъ противъ друга войска, какихъ не видѣла средневѣковая исторія ни передъ тѣмъ, ни потомъ. Ни одно изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ не было въ состояніи вступитъ въ борьбу, имѣя такую вооруженную силу, потому что центробѣжный феодализмъ ослаблялъ ихъ военную организацію. Короли зависѣли отъ доброй воли своихъ могущественныхъ вассаловъ, никогда не имѣли денегъ, и если и добивались наконецъ рыцарскихъ дружинъ отъ своихъ ленниковъ и такимъ образомъ собирали войска, то эти войска ни по своей численности, ни по дисциплинѣ не могли пригодиться для выполненія какой-либо болѣе или менѣе значительной задачи. Только Польша и Тевтонскій орденъ составляли исключеніе изъ этого общаго правила. Оба эти государства не знали феодализма и, готовясь въ теченіе ста лѣтъ къ смертельному бою, организовались такъ, чтобы въ данный моментъ поставить на карту всѣ свои силы. И организація обоихъ государствъ представляла большое сходство. Самоуправленіе, которымъ пользовались въ Польшѣ отдѣльные земли и города, ввели также и Тевтоны въ своей сторонѣ, черезъ то обезпечивая ей матеріальное благосостояніе, а себѣ—неисчерпаемый источникъ доходовъ. Съ громадными имѣніями польскаго короля, отлично управлявшимися, соперничали казна и имѣнія ордена. Гродскіе старосты, всецѣло зависѣвшіе отъ польскаго короля, это—какъ бы орденскіе командоры, подчиненные великому магистру. А самъ великій магистръ (выборный) съ своимъ капитуломъ не соответствовалъ ли польскому королю съ окружавшимъ послѣдняго можновладствомъ? Нуженъ былъ только приказъ такихъ монарховъ, чтобы оторвать оба государства отъ мира, уже давно сдѣлавшагося невыносимымъ для нихъ, чтобы въ одинъ моментъ двинуть въ бой громадныя и дисциплинированныя войска, на жалованье,

вооруженіе и содержаніе въ походѣ которыхъ имѣлись нужныя средства.

На поляхъ Грюнвальдена долженъ былъ рѣшиться великій споръ между міромъ германскимъ, который былъ организованъ Тевтонскимъ орденомъ, и міромъ славянскимъ, въ которомъ Польша занимала первое мѣсто. Самъ великій магистръ, Ульрихъ Юнгингенъ, предводительствовалъ войсками ордена и великодѣльнымъ рыцарствомъ, которое стеклось на помощь ему со всего Запада. Но также и подъ знамя Ягеллы, вмѣстѣ съ шляхетскими отрядами, собрались воинственные польскіе рыцари, которые за предѣлами Польши, при иностранныхъ дворахъ и на дальнихъ ратныхъ поляхъ выказывали закаленное мужество; стали тутъ и чешскія подкрѣпленія подъ предводительствомъ прославившагося впоследствии Жижки; стали литовцы, подкрѣплявшіе ихъ татары и богатырскій Витовтъ. Когда Ягелло съ благоговѣніемъ возсылалъ молитвы къ небу, литовское войско сошло съ Тевтонами и попятилось назадъ; польскія хоругви бросаются въ бой, снова закипаетъ битва, склоняется то на ту, то на другую сторону и затягивается. Семнадцать свѣжихъ отборныхъ тевтонскихъ отрядовъ, кажется, уже рѣшаютъ сраженіе въ пользу ордена, какъ въ эту минуту польскіе резервы, вмѣсто того чтобы защищать короля, находившагося въ крайней опасности, бросаются съ бѣшеннымъ натискомъ въ самую середину битвы и все сокрушаютъ передъ собой. 40000 Тевтоновъ осталось на полѣ сраженія, въ числѣ ихъ великій магистръ и старѣйшины ордена; столько же было взято въ плѣнъ.

Увы! Поляки не умѣли воспользоваться побѣдой какъ слѣдуетъ: они дозволили ордену очнуться отъ пораженія, привлечь къ себѣ подкрѣпленія, отчаянно защищать Мальборгъ и продолжать войну. Въ 1411 г. былъ заключенъ торунскій миръ, только обезпечивавшій Польшѣ Добржинскую землю и Литвѣ Жмудь.

Первымъ дѣломъ, которое своимъ началомъ обязано побѣдѣ подъ Грюнвальденомъ, было обращеніе языческой до сихъ поръ Жмуди, освобожденной отъ тевтонскаго ига. Жмудь по отношенію къ Литвѣ занимала то же самое положеніе, какое Мазовія занимала по отношенію къ Польшѣ. Русское вліяніе и феодализмъ не проникли въ нее, воинственное населеніе пользовалось свободой, въ ней было много старинной, но мелкой шляхты; княжеская власть носила патріархальный характеръ. Распространивъ христіанство и основавъ въ 1413 г. епископію въ Мѣдникахъ, поляки сохранили за жмудинами ихъ давніе учрежденія и законы и

во главѣ провинціи поставили старосту, представлявшаго особу князя.

Однако это были мелкія пріобрѣтенія въ сравненіи съ одержанною побѣдою; нужно было искать болѣе значительныхъ выгодъ въ чемъ-либо другомъ. Въ грюнвальденской битвѣ орденъ утратилъ свое неизмѣримое обаяніе, ибо обнаружилось, что его можно побѣдить; въ грюнвальденской битвѣ рухнула та великая моральная сила, доселѣ поддерживавшая орденъ и всю его внутреннюю организацію. Между орденской братіею начались раздоры и мятежи, отъ которыхъ преемникъ Юнгингена, великій магистръ Генрихъ фонъ-Плауенъ, мужественный защитникъ Мальборга, долженъ былъ скрываться при дворѣ Владислава Ягеллы; начались ужасныя притѣсненія, которыя отталкивали отъ ордена даже нѣмецкое населеніе, жившее въ его земляхъ. Между тѣмъ польская и литовская кровь, пролитая на поляхъ Грюнвальдена, принесла обильную жатву. Въ 1385 г. только великій князь Ягелло съ своими братьями соединилъ Литву съ Польшей; теперь, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ отъ освобожденія литовскихъ бояръ, изъ нихъ образовалось сильное, самодѣятельное, дозрѣвшее до политической жизни можновладческое сословіе, которое стремилось подтвердить и расширить династическую унію и черезъ то вполнѣ сравняться съ польскими панами и возвысить свое положеніе. Въ 1413 г. на съѣздѣ въ Городлѣ состоялась вторая, можновладческая унія. Былъ провозглашенъ принципъ полного уравниенія литовскихъ бояръ-католиковъ съ польскими панами, которые допустили ихъ до своихъ гербовъ и такимъ образомъ вступили съ ними въ самыя тѣсныя, братскія связи. Въ собственной Литвѣ, въ Вильнѣ и Трокахъ были учреждены воеводства и каштелянства; этимъ путемъ распространялись въ Литвѣ политическія учрежденія Польши, и постепенно создавались основы взаимнаго сближенія обѣихъ странъ въ общественномъ и политическомъ отношеніяхъ. Съ цѣлью однообразнаго веденія государственныхъ дѣлъ было рѣшено собирать общіе саноуническіе, можновладческіе сеймы въ Люблинѣ или Парчовѣ. Но самымъ важнымъ пунктомъ уніи было постановленіе, что по смерти Ягеллы и Витовта ни въ Литвѣ великій князь безъ согласія поляковъ, ни въ Польшѣ король безъ согласія литовцевъ не займетъ престола.

Итакъ, призваніе на тронъ Ягеллы избавило Польшу отъ гибели, угрожавшей ей со стороны Тевтоновъ, создало изъ Польши могучую силу, около которой стала вращаться политика всѣхъ

сосѣднихъ государствъ, и сдѣлало возможнымъ для нея исполненіе великой миссіи, которую уже Казиміръ Великій указалъ ей: цивилизаціи Востока.

§ 53. Характеръ можновладческаго управленія.

Связь между Литвой и Польшей все еще была чрезвычайно слабою, различіе ихъ культуръ—слишкомъ значительнымъ, чтобы Литва могла тотчасъ же, прямо и непосредственно оказывать вліяніе на внутреннее развитіе Польши. Съ такимъ вліяніемъ мы встрѣтимся только въ XVI столѣтіи. Ягелло сѣлъ на польскомъ тронѣ на тѣхъ же самыхъ правахъ и привилегіяхъ, на которыя уже опирались предшественники его, Людовикъ, Казиміръ и Локотокъ; обаяніе же наслѣдственности, окружавшей Пястовъ, онъ замѣнилъ своимъ самостоятельнымъ могуществомъ и могуществомъ наслѣдственнымъ, Литвою ¹⁾. Одного только не могъ Ягелло дать Польшѣ, а именно личнаго правленія. Будучи королемъ безъ образованія и знакомства съ польскими отношеніями и новичкомъ прежде всего, онъ не могъ возвыситься фактически надъ духовной и свѣтской іерархіей и выступить съ самостоятельной инициативой по примѣру Казиміра Великаго.

Пунктъ городельской уніи, установившій политическіе съѣзды польскихъ и литовскихъ пановъ, правда, не привелъ къ тому, чтобы всѣ литовскія и польскія дѣла постоянно обсуждались сообща, не склонилъ литовцевъ къ отреченію отъ своей обособленности и отъ своихъ отдѣльныхъ видовъ и стремленій, но утвердилъ въ Польшѣ и Литвѣ институтъ съѣздовъ, которыхъ было два рода. Одинъ, составлявшійся изъ епископовъ и всѣхъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ, называвшійся «общимъ съѣздомъ» (zjazd walny), происходилъ обыкновенно весною; другой состоялъ изъ болѣе тѣснаго кружка самыхъ высшихъ сановниковъ и, будучи созываемъ осенью, готовилъ дѣла для общаго съѣзда.

Такимъ образомъ польское правленіе, монархическое въ принципѣ, фактически перешло въ аристократическое. На польскомъ

¹⁾ Другіе историки, и въ особенности Шуйскій, приписываютъ призванію Ягеллы на тронъ значеніе поворотнаго пункта во внутренней исторіи Польши, лишь съ этого времени отмѣчая окончательное введеніе договорныхъ отношеній между народами и верховной властью, которыя, по моему мнѣнію, существуютъ уже съ начала XIV в.

тронъ сидѣлъ Владиславъ Ягелло, король смиренный и тихій, но полный честолюбія и слишкомъ много думавшій о себѣ и о своемъ величіи; подозрительный и скрытный, онъ ни на кого не опирался долго, но позволялъ всѣмъ болѣе выдающимся личностямъ вліять на него и забирать голосъ въ совѣтъ, въ которомъ послѣднее слово принадлежало королю. Окончательно рѣшая между противоположными мнѣніями, Ягелло воображалъ, что онъ всѣми управляетъ и дѣйствуетъ самостоятельно. Однако въ королевскихъ рѣшеніяхъ не было твердой послѣдовательности, не было самостоятельности и оригинальной мысли, которая является удѣломъ только высшаго образованія, таланта и воли, а всѣмъ этимъ Ягелло не обладалъ. Поэтому въ дѣйствительности король всегда склонялся къ тому мнѣнію, на сторонѣ котораго стояли болѣе важныя и болѣе вліятельныя личности, въ пользу котораго временно свидѣтельствовали политическія событія. Если эти событія измѣнялись, если политика, до сихъ поръ проводившаяся, встрѣчала большія препятствія, если партіи, боровшіяся за власть, группировались иначе. — Ягелло не былъ въ состояніи противиться и шелъ за новымъ теченіемъ. Поэтому въ самомъ близкомъ королевскомъ кругу, на можновладческихъ съѣздахъ непрерывно велась между различными партіями упорная борьба за направленіе польской политики, и та партія, которой удалось овладѣть помыслами короля, на извѣстное время захватывала правленіе и выдвигала впередъ своихъ людей.

Впрочемъ это можновладческое правленіе понимало весьма узко свою внутреннюю задачу или, лучше, задачу и обязанности короля, отъ имени котораго оно дѣйствовало. Предоставляя полную свободу народному труду, можновладство не заботилось о немъ, не возвышалось до того положенія, которое Казиміръ Великій опредѣлилъ для своей дѣятельности. Не беспокоились объ этомъ ни духовенство, ни богатые города, ни возраставшія по населенію и все еще непрерывно умножавшіяся поселенія, перемѣщенные на нѣмецкое право. Могущество государства гарантировало имъ безопасность отъ нападений, давало свободу труду, расширяло торговыя связи; войты и солтысы, почти равнявшіеся со шляхтою по численности и своему положенію, защищали народъ отъ всякаго угнетенія. Но въ то время, какъ духовныя лица, надѣленные богатыми «пребндами», изобиловали всяческимъ достаткомъ; когда ни одинъ горожанинъ не хотѣлъ ни въ чемъ уступить самымъ богатымъ панамъ; когда даже крестьянинъ, освобожденный отъ повинностей и военной службы, барствовалъ

и посылалъ сыновей учиться,—одинъ только шляхтичъ несъ на себѣ бремя общественной службы, расплачивался за нее собственною кровью и имуществомъ въ непрерывныхъ походахъ; а, возвратившись съ поля славныхъ битвъ, находилъ свое хозяйство заброшеннымъ и землю безъ урожая. Обиженный могущественнымъ паномъ, какимъ-нибудь сосѣдомъ или кичливымъ и богатымъ хлопомъ, онъ не могъ даже добиться справедливости, потому что благодѣтельные статуты Казимира уже давно подверглись забвенію, и въ судопроизводство, о которомъ король не умѣлъ позаботиться, проникли злоупотребленія и безпримѣрное лихоимство. Къ довершенію всего пріѣзжалъ сборщикъ установленныхъ панами податей или еще болѣе ненавистный сборщикъ десятинныхъ сноповъ. Одинъ отнималъ домашнее имущество, другой угрожалъ церковнымъ проклятіемъ. Положеніе бѣднаго шляхтича было отчаяннымъ. Еще легче можно было жаловаться на чрезмѣрные сборы духовенства въ формѣ церковной десятины, потому что въ этомъ могущественный панъ готовъ былъ оказать поддержку; поэтому шляхта неоднократно собиралась толпами по своимъ землямъ и, свидѣтельствуя о своемъ безпрекословномъ повиновеніи королю, энергичными выраженіями облегчала негодованіе, накопившееся у нея противъ духовенства. Труднѣе было подать жалобу на пановъ: вѣдь они же и правили. Нужно было ждать удобнаго случая, и такой случай доставленъ былъ походомъ. Собравшись на поляхъ Червенска въ 1422 г. на войну съ орденомъ, шляхта составляетъ большой лагерный кругъ, несколько не помышляя о власти, о вольностяхъ, о политикѣ, но только заявляетъ королю о своихъ обидахъ и требуетъ, чтобы занялись ея участію, а прежде всего, чтобы были возобновлены Казиміровскіе статуты и улучшено было судопроизводство. Иначе она грозитъ бросить все и до единаго человѣка разойтись по домамъ. Только такому напору уступило можновладство: немедленно, въ слѣдующемъ же году собирается общій законодательный съѣздъ въ Вартѣ, возобновляются статуты Казимира, соединяются въ одно цѣлое, реформируются и дополняются новыми постановленіями. Однако же это—единственное проявленіе вниманія къ участи шляхты со стороны долготѣняго можновладческаго правленія. Мысль можновладства занята всеѣмъ инымъ.

На первомъ планѣ стоитъ несомнѣнно стремленіе къ умноженію родовыхъ имѣній. Объ этомъ не забываютъ все тѣ панскіе роды, которые обладаютъ уже многимъ, чрезвычайно многимъ. Рука Ягеллы, который обязанъ имъ своимъ крещеніемъ, поль-

скимъ трономъ, защитою отъ ордена, могуществомъ, распространяющимъ блескъ свой на всю Европу,—никогда не закрывается. Можновладство выступаетъ сомкнутымъ строемъ, не допуская никого изъ мелкой шляхты къ должностямъ, почестямъ и приобрѣтенію имѣній. Единственный свободный доступъ къ нимъ—черезъ епископскій санъ. Только въ церкви выбиваются наверхъ заслуга и талантъ; но кто уже разъ съѣлъ на епископскомъ креслѣ, тотъ помогаетъ племянникамъ, въ тяжкой борьбѣ добываетъ имъ имѣнія и почести и даетъ начало новому можновладческому роду. Тенчинскіе, Тарновскіе, Мельштынскіе, Курозвенцкіе, Кмиты, аристократія XIV в., колонизовавшая въ большихъ размѣрахъ Малую Польшу и Русь, пополняются въ XV в. Олесницкими и Ястржембцами-Рытвянскими. Страсть приобрѣтать имѣнія переходитъ въ какую то горячку, побуждаетъ къ скандальнымъ спорамъ, борьбѣ и преступленіямъ, бросаетъ невыгодный свѣтъ на самыя знаменитыя личности XV в., порождаетъ порчу и дикость нравовъ. Однако не для своего только пользованія, не ради безпутнаго сибаритства польская аристократія XV в. борется за владѣнія. Это единственный путь къ достиженію политическаго значенія и вліянія. Благодаря примѣрному хозяйству, увеличиваются не только состоянія пановъ, но и народное богатство; а когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи благороднаго политическаго честолюбія, о постройкѣ укрѣпленныхъ замковъ и выставкѣ вооруженныхъ отрядовъ для защиты страны,—польскій вельможа XV в. не колеблется поставить на карту все свое состояніе. Благодаря примѣрному хозяйству, на стражѣ котораго стоитъ оружіе, готовое дать отпоръ татарскимъ нападеніямъ, Польша подвигается впередъ и въ обширныхъ юго-восточныхъ пустыняхъ создаетъ новые жизненные центры своей и вмѣстѣ съ тѣмъ западной цивилизаціи.

Не правительство, а польское можновладство, соединяя съ большими матеріальными средствами необычайную предприимчивость и хозяйственный смыслъ, исполняетъ тутъ великое народное дѣло совершенно самобытнымъ способомъ, съ сильнымъ и общимъ сознаниемъ своей задачи.

Имѣніе является только средствомъ; цѣлью же, къ которой стремится тогдашнее можновладство, служить высшая политика. Для тѣхъ, которые спасли страну отъ междоусобныхъ замѣшательствъ, которые присоединили Русь и Литву, не берясь за оружіе, а употребивъ это послѣднее нанесли окончательный ударъ могуществу ордена,—ничто не кажется невозможнымъ. Не

удивительно, что самыя славныя страницы нашей отечественной исторіи относятся ко времени правленія этихъ людей съ истинно-мужественнымъ сердцемъ, съ широкимъ взглядомъ на обще-европейскія дѣла, съ настоящимъ государственнымъ умомъ и опытностью и, сверхъ всего этого, съ возвышеннымъ честолюбіемъ и страстною послѣдовательностью въ дѣйствіяхъ.

§ 54. Церковная іерархія.

Во всемъ этомъ великомъ можновладческомъ лагерѣ польская церковная іерархія составляла извѣстную обособленную и руководящую партію. Уже прошли тѣ времена, когда польская церковь удовлетворялась тѣмъ самоуправленіемъ, какое ей было оставлено государствомъ; теперь крещеніе Литвы и не давнее обращеніе Ягеллы поставили ее у кормила государства, и церковная іерархія, разъ получивъ доступъ къ управленію, никому не позволила столкнуть себя съ этой позиціи. Петръ Вышь уступалъ церковныя должности Войцѣху Ястржембцу, Ястржембецъ въ свою очередь передалъ ихъ Олесницкому. Кто же могъ сравняться съ тогдашней церковной іерархіей имѣніями или умственнымъ развитіемъ или, наконецъ, превосходной организаціей?

Все устроеніе церкви держалось на томъ, чтобы привлечь къ ней наилучшія, самыя умныя и способныя личности изъ массы, давать имъ образованіе, приспособлять ихъ къ извѣстнымъ цѣлямъ и, при дальнѣйшемъ служеніи, открыть самое широкое поприще талантамъ, личной заслугъ и честолюбію. Поэтому въ ряды духовенства устремлялись способные и честолюбивые молодые люди, которымъ судьба не позволила принадлежать по рожденію къ можно владческому сословію. Еще передъ принятіемъ посвященія ожидали ихъ приходы, пребанды, викаріаты, нерѣдко мѣста канониковъ, а такая бенефиція давала молодому человѣку обильныя средства для свободныхъ, систематическихъ занятій. Прежде для высшаго образованія, для полученія степеней магистровъ и докторовъ нужно было ѣздить за границу. Казиміровскій университетъ имѣлъ юридическое направленіе и по смерти великаго короля, среди междоусобій, пришелъ въ упадокъ.

Но церковная іерархія, ставъ у кормила правленія, начала думать о его поднятій. Благосклонная къ церкви Ядвига, умирая въ 1399 г., завѣщала свое имущество на основаніе университета, и Ягелло съ душеприкащиками добросовѣстно выполнилъ волю

покойной. Такъ возникъ въ 1400 г., съ разрѣшенія папы Бонифація IX, Ягеллонскій университетъ (Jagellońska wszechnica), состоявшій изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, физическаго (такъ назывался медицинскій) и свободныхъ наукъ. Программа преподаванія была довольно обширной. Свободныя науки заключали въ себѣ филологію, философію, политику, естественныя науки, математику и астрономію. Эти предметы преподавались по сочиненіямъ Аристотеля, Цицерона, Птолемея и средневѣковыхъ авторовъ. На юридическомъ факультетѣ объяснялись собранія каноническаго и римскаго правъ; на медицинскомъ—сочиненія Гиппократы, Галена, Авиценны; на богословскомъ—св. писаніе, сочиненія Петра Ломбарда и св. Тома Аквината. Философскій факультетъ былъ приготовительной школой для трехъ остальныхъ. Образцомъ для новаго учрежденія должна была быть уже не Болонья, а Парижъ. Въмѣсто студенческой республики, въ которой самую важную роль играла наука права, и господствовалъ свѣтскій духъ, какъ это было въ Болоньи, университетъ получилъ полумонастырскую организацію: богословіе давало въ немъ тонъ всему, и управленіе сосредоточивалось въ рукахъ профессоровъ, ректора и епископа краковскаго, канцлера. Преподаваніе почти что ограничивалось диктованіемъ автора, котораго профессоръ бралъ основой курса. Записки, составлявшіяся такимъ образомъ, штудировались студентами, жившими въ особенныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, т. наз. бурсахъ, при помощи особенныхъ частныхъ прецепторовъ (preceptoriowie); усвоивъ себѣ элементарныя свѣдѣнія по каждому предмету, они упражнялись въ немъ, набирались искусства и сноровки, благодаря диспутамъ, происходившимъ подъ руководствомъ профессоровъ. Въ этихъ диспутахъ, а не въ преподаваніи искали профессора, а съ ними и весь университетъ, извѣстности и славы. Подъ покровительствомъ университета, какъ самой высшей духовной силы, возникли разбросанныя по всей странѣ: въ Пултускѣ, Познани, Плоцкѣ, Варшавѣ, Львовѣ и т. д., низшія коллегіи т. наз. академическія колоніи (kolonie akademickie), въ которыхъ, по образцу философскаго факультета въ Краковѣ, сообщались приготовительныя науки. Итакъ, университетъ, съ рѣзко выраженнымъ космополитическимъ характеромъ, наполненный толпами молодежи не только со всей Польши, но также изъ Чехіи, Венгріи и Германіи, сообщалъ польской молодежи во всей полнотѣ и изъ первыхъ рукъ тѣ знанія, которыя имѣла въ своемъ распоряженіи современная наука, сразу замѣнялъ въ молодежи болѣе узкое поль-

ское міровоззрѣніе міровоззрѣніемъ обще-европейскимъ, представительницей котораго была тогдашняя схоластическая наука, развивавшаяся подъ покровительствомъ церкви. Это направленіе въ польской молодежи укрѣпляли путешествія; и когда послѣ продолжительнаго пребыванія за границей, полякъ уже зрѣлымъ человекомъ возвращался на родину, то онъ не былъ больше простоватой и близорукой деревенщиной пястовскихъ временъ, а человекомъ образованнымъ и благовоспитаннымъ, мысль котораго устремлялась къ задачамъ общеевропейской политики и цивилизаціи, и который стремился не только служить своей отчизнѣ, но и за границей играть болѣе значительную роль и пріобрѣтать признаніе польскому голосу. Самые способные и честолюбивые занимали университетскія кафедры или, въ качествѣ секретарей, работали въ епископскихъ и королевскихъ канцеляріяхъ, во главѣ которыхъ точно также находились епископы; и съ этого момента уже ничто не могло препятствовать имъ въ достиженіи самыхъ высшихъ почестей. Исполняя секретарскія и профессорскія обязанности, они получали мѣста кафедральныхъ канониковъ, а по смерти епископа сами выбирали преемника изъ своей среды. Прибавимъ къ этому, что церковная организація не позволяла этимъ людямъ поступать произвольно, но указывала имъ предводителей, обезпечивала дисциплину и повиновеніе, — и мы можемъ легко представить себѣ, что церковная іерархія въ Польшѣ XV вѣка должна была захватить въ свои руки кормило политики и умѣла владѣть имъ.

Свой погромъ подъ Грюнвальденомъ Тевтоны представляли Европѣ торжествомъ варварства, ереси и язычества надъ дѣломъ католической церкви и цивилизаціи и, указывая на себя, какъ на защитниковъ этой церкви и цивилизаціи, просили у Запада вооруженной и денежной помощи, которая до сихъ поръ щедро оказывалась имъ и составляла ихъ главную силу. Если орденъ, послѣ грюнвальденскаго погрома, не могъ скоро придти въ прежнее положеніе, то Польша передъ лицомъ всего Запада должна была сорвать съ ордена маску, которой онъ прикрывался, и убѣдить Западъ, что поляки лучше и успѣшнѣе, чѣмъ орденъ, обращаютъ свои побѣды на поляхъ битвъ въ пользу церкви и просвѣщенія. Къ этому представился отличный случай на всеобщемъ Констанцскомъ соборѣ, который собрался въ 1414 г. съ цѣлью устраненія ереси Гуса и церковной схизмы. Отправленное на соборъ польское посольство, во главѣ котораго сталъ Николай Тромба, архіепископъ гнѣзненскій, принимая дѣятельное участіе

во всѣхъ совѣщаніяхъ собора, доказало этимъ лучше всего, что Польша также обладаетъ людьми, которые по образованію смѣло могутъ состязаться съ извѣстными учеными Запада. Ректоръ ягеллонскаго университета, Павелъ Влодковицъ шелъ рука объ руку съ знаменитымъ ректоромъ парижскаго университета, Жерсономъ. Онъ-то предъявилъ на рѣшеніе собора мнѣніе, что «язычниковъ не слѣдуетъ обращать къ вѣрѣ мечемъ», защищалъ это мнѣніе въ извѣстныхъ рѣчахъ и трактатахъ противъ сторонниковъ ордена и добился соборнаго декрета, осуждавшаго доктрину Тевтоновъ. Въ то же время Андрей Лоскарій изъ Гославицъ усиленно работалъ надъ устраненіемъ церковнаго раскола, съ разрѣшенія всего собранія торжественно провозгласилъ принципъ верховенства собора надъ папою и существенно содѣйствовалъ выбору новаго, повсюду признаннаго, папы Мартина V. Когда же Мартинъ V воспротивился утвердить декретъ, выданный ранѣе соборомъ относительно польско-тевтонскаго вопроса, то Павелъ Влодковицъ на послѣднемъ засѣданіи собора въ 1418 г. апеллировалъ къ будущему собору и своею непоколебимостью склонилъ папу согласиться на требованіе польскаго посольства. Это было ударомъ, попавшимъ въ самое сердце ордена, потрясшимъ самыя основы его посланничества, а для Польши второю грюнвальденской побѣдой, которою она была обязана силѣ своей духовной интеллигенціи.

IV.

Сбигнѣвъ Олесницкій руководить польской политикой въ церковномъ направленіи.

(1423—1454).

ЛИТЕРАТУРА.

Исторію Польши въ эпоху Сбигнѣва Олесницкаго первый обработалъ Маврикій Дзѣдушицкій въ сочиненіи: «Сбигнѣвъ Олесницкій», но ради дурно понятой тенденціи представилъ великаго государственнаго челоуѣка въ каррикатурномъ видѣ: изъ прелата, жившаго во времена Базельскаго собора и защищавшаго автономію епископовъ и польской церковной провинціи по отношенію къ Риму, онъ сдѣлалъ ультрамонтана въ теперешнемъ значеніи этого слова. Яковъ Каро въ «Geschichte Polens», единственномъ впрочемъ до сихъ поръ сочиненіи, которое даетъ намъ полную обработку этой эпохи, вмѣсто апофеоза Дзѣдушицкаго, съ либеральной точки зрѣнія заявилъ равно анахроничные упреки и жалобы; оппозиціи же, съ которой Олесницкій долженъ былъ бороться, не понялъ и ложно охарактеризовалъ ее. Противъ его выводовъ выступилъ Антонъ Прохаска въ разсужденіи: «Польша и Чехія въ гуситскую эпоху до отозванія Корибута изъ Чехіи». Части I и II. («Polska a Czechy w czasach hussyckich az do odwołania Korybuta z Czech». Część I i II. Rozprawy wydz. hist. filoz. Akademii w Krakowie, 1877, tom. VII i 1878, tom. VIII). Однако, исправляя много частностей, онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на тогдашнюю внутреннюю польскую организацію и въ черезчуръ общихъ фразахъ и по-доктринерски осудилъ поведеніе Польши въ гуситскомъ вопросѣ. Другіе труды того-же автора, относящіяся къ той-же эпохѣ: («Послѣдніе годы Витовта». («Ostatnie lata Witolda». Warszawa. 1882). «Историческіе очерки изъ XV вѣка». («Szkice historyczne z XV wieku. Krakówi War-

szawa. 1884, съ разсужденіями: «Польскій гуситъ, происки Цѣлка для полученія епископской митры», («Husyta polski, zabiegi Ciółka o infułę») заключають много новыхъ частныхъ, однако грѣшатъ и въ общемъ построеніи, и въ историческомъ судѣ. Глубже вникъ въ эту эпоху Станиславъ Смолька въ трудѣ: «Польша въ разгаръ гуситскихъ войнъ». («Polska wobec wybuchu wojen hussyckich». Ateneum. 1878. I. Warszawa. Это же самое подъ заглавіемъ: «Союзъ съ Чехіей» («Unia z Czechami», въ Szkice II. Warszawa. 1883).

Болѣе мелкія разсужденія:

Юліанъ Сутовичъ: «Луцкій съѣздъ». («Zjazd Łucki». Przegląd polski. 1876. II, III. 1877. I). «Отношенія Вл. Ягеллы къ чешскимъ гуситамъ». («Stosunek Wł. Jagielly do hussytów czeskich». Bibl. warsz. 1879. II).

Августъ Соколовскій: «Чешская элекція по смерти Сигизмунда Люксембургскаго» («Elekcya czeska po śmierci Zygmunta Luksemburczyka». Rozprawy wydz. hist. fil. Akademii um. w Krakowie 1876. tom. V).

Его же: «Андрей Га́лка изъ Добчина, польскій поэтъ XV в.». («Andrzej Gałka z Dobczyna, poeta polski XV wieku». Przewodnik naukowy. Lwów. 1874. II).

Викентій Закржевскій: «Возведеніе Владислава III на венгерскій тронъ». («Ladislaus III Erhebung auf den ungarischen Thron». Leipzig. 1876).

Казиміръ Грюнбергъ: «Выборъ Владислава Варненчика на венгерскій тронъ». («Wybor Władysława Warneńczyka na tron węgierski». Wadowice. 1881).

Сатурнинъ Квятковскій: «Послѣдніе годы Варненчика». («Ostatnie lata Warneńczyka». Przewodnik naukowy. 1883. I. Lwów).

За то важень трудъ Антона Малэцкаго: «Страница изъ исторіи краковскаго университета» (по вопросу о Базельскомъ соборѣ. «Karta z dziejów uniwersytetu krakowskiego». Rozprawy. wydz. hist. filoz. Akademii um. w Krakowie. 1874. tom II), потому что содержитъ въ себѣ наилучшій взглядъ на церковную политику Польши въ эпоху соборовъ.

Къ этому же вопросу относятся разсужденія:

Валентина Микрота: «Борьба въ Польшѣ за отношенія церкви къ государству». («Walka w Polsce o stosunek kościoła do państwa». Przegląd akademicki. Kraków. 1881).

Людвика Гроссе: «Отношенія Польши къ Базельскому собору». («Stosunki Polski z soborem bazylejskim». Warszawa. 1885).

§ 55. Гуситское движеніе въ Польшу. Первое выступленіе Оленицкаго.

Масса польскаго народа несомнѣнно вовсе неблагоклонно относилась къ церковной іерархіи. Эта масса съ завистью смотрѣла на тѣ немногочисленныя личности, которыя подѣ покровительствомъ своихъ родственниковъ откармливались на хлѣбѣ духовенства; громко роптала [на вольности, на основаніи которыхъ духовенство выгораживало себя отъ исполненія общественныхъ обязанностей; негодовала и протестовала противъ чрезмѣрныхъ поборовъ въ формѣ церковной десятины, противъ вмѣшательства духовныхъ судовъ въ свѣтскія дѣла, противъ ябедническаго и убыточнаго въ матеріальномъ отношеніи вызова шляхты на папскій судъ; чѣмъ болѣе бѣднѣла эта масса, тѣмъ съ большею завистью смотрѣла она на громадныя богатства духовенства; наконецъ, она не могла понять церковной политики, которая не разъ переходила за предѣлы узко-народныхъ интересовъ. Однако оппозиція могла проявиться только со стороны политически зрѣлаго можновладства, и дѣйствительно оттуда и вышла. Нашлись люди, сначала очень незначительная горсть, потомъ все болѣе и болѣе многочисленная партія, которые открыто порвали связь съ политикой церкви, выступили противъ ея перевѣса и космополитическаго направленія и, имѣя на своей сторонѣ мнѣніе низшихъ слоевъ народа, старались выставить программу болѣе народной, какъ имъ казалось, политики и взять правленіе въ свои руки. Такая положительная программа была нелегкою вещью, потому что при двухъ великихъ задачахъ, соединеніи съ Литвой и борьбѣ съ орденомъ, которыя захватила себѣ церковная іерархія, можно ли было бы выдумать что-нибудь новое. Итакъ, слѣдовало ожидать удобнаго случая, который представился только лишь благодаря новому историческому и религіозному движенію, вышедшему изъ Чехіи и потрясшему всю Европу—гуситству.

Блескъ Польшы, ея соединеніе съ Литвой, ея грюнвальденскій триумфъ тѣмъ чувствительнѣе заставили чешскій народъ ощутить тяготѣвшее надъ нимъ нѣмецкое господство. Поэтому въ Чехіи готовилась борьба славянства противъ онемечиванія, и эта борьба вспыхнула тѣмъ сильнѣе, что къ ней примѣшался религіозный элементъ вмѣстѣ съ національнымъ. Это были времена печальнаго раздвоенія въ лонѣ католической церкви: двое папъ, одинъ

въ Римѣ, другой въ Авиньонѣ, уже съ 1378 г. осыпали другъ друга взаимными проклятіями; духовенство, предавшись политическимъ дѣламъ, забывало о своихъ церковныхъ обязанностяхъ, алчность къ богатствамъ побуждало его къ лихоимствамъ и злоупотребленіямъ. Болѣе разсудительные люди съ трепетомъ смотрѣли на это, во всей церкви слышались требованія реформы, состоялся всеобщій соборъ въ Пизѣ, но безъ всякихъ результатовъ, былъ объявленъ Констанцскій соборъ. Болѣе нетерпѣливыя головы не хотѣли однако ожидать постановленій собора; не вѣря въ ихъ дѣйствительность, онѣ начали самовольно провозглашать реформу и мысль о ней разжигать умы толпы. Сильнѣе всего раздавался такой голосъ въ процвѣтавшемъ тогда пражскомъ университетѣ изъ устъ Яна Гуса; а когда Гусъ, обличенный на соборѣ въ ереси, защищая свои положенія, умеръ на кострѣ, возстала вся Чехія и въ неудержимомъ порывѣ снесла вмѣстѣ съ своей церковной іерархіей и все вліяніе нѣмецкой имперіи, поддерживавшей эту іерархію. Подъ лозунгомъ гуситства чешскій народъ одержалъ самые блестящіе триумфы надъ угнетавшимъ его до сихъ поръ нѣмецкимъ міромъ, высоко поднялъ знамя славянской независимости, а не имѣя отечественной династіи, кому другому долженъ былъ онъ предложить тронъ, какъ не побѣдителю при Грюнвальденѣ, Ягеллѣ? Подъ покровомъ его могущества должны были улечься разъяренныя страсти чешскаго народа, закончиться новая организація, и два братскихъ народа въ самомъ сердцѣ Европы должны были соединиться въ одно славянское государство.

Слишкомъ важна была эта мысль, слишкомъ увлекательны перспективы, чтобы онѣ не могли найти доступа къ чувству и мысли поляковъ. Сознаніе близкаго родства съ чехами живо сохранилось въ народной памяти; чешскій языкъ былъ еще такъ близокъ къ польскому, что польскій народъ совершенно понималъ чешскихъ проповѣдниковъ. Ненависть къ нѣмцамъ объединяла лучше, чѣмъ что-либо другое, оба народа, а на поляхъ Грюнвальдена чешская кровь лилась вмѣстѣ съ польской. Гуситство дѣлало устрашающіе успѣхи въ рядахъ низшаго духовенства и между рыцарствомъ; за него ухватились наконецъ нѣкоторые польскіе паны, нерасположенные къ церковной іерархіи, и подъ лозунгомъ соединенія Чехіи съ Польшей образовали особую партію, все яснѣе и яснѣе выказывавшую свою пріязнь гуситамъ.

Польская церковь очутилась въ трудномъ положеніи; но если она могла поколебаться и выбрать нерѣшительный образъ дѣй-

ствій, то не поколебался ни на минуту, не отступилъ отъ программы ни на одинъ шагъ новый вождь всей церковной партіи, Сбигнѣвъ Олесницкій. Ягелло, будучи обязанъ ему своимъ спасеніемъ въ грюнвальденской битвѣ, сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и открылъ ему дорогу къ почестямъ. Но честолюбіе молодого секретаря простиралось дальше самыхъ почестей: онъ помышлялъ только о томъ, какъ бы уничтожить вліяніе Витовта, управлять Польшей и завладѣть Ягеллой. Достигнуть этой цѣли онъ могъ лишь въ томъ случаѣ, если ему удастся стать единственнымъ представителемъ церкви въ Польшѣ, если онъ поставитъ интересы церкви выше интересовъ государства и, захвативъ власть во имя этого высшаго могущества, потребуетъ покорности отъ пановъ, князей и отъ самого короля. Такое смѣлое предпріятіе сокрушило бы каждого человѣка, не имѣющаго той неумолимой послѣдовательности и беззавѣтности, того дара господствовать надъ людскими помыслами, какимъ обладалъ самъ Олесницкій. Онъ нисколько не побоялся отвратить отъ себя Ягеллу, рѣшительно выступивъ за перевѣсъ церкви; онъ зналъ честолюбивое, а въ сущности безхарактерное настроеніе короля; зналъ, что тотъ будетъ владѣть имъ, кто лучше и рѣшительнѣе будетъ импонировать ему. А что могло лучше импонировать Ягеллѣ, какъ не могущество церкви? Онъ будетъ ненавидѣть его, будетъ жаловаться и сѣтовать, но будетъ бояться и слушаться. Среди тяжелой борьбы уничтожилъ Олесницкій намѣренія противнаго лагеря и, войдя въ 1423 г., какъ краковскій епископъ, въ ближайшій кругъ короля, уже не упустилъ польской политики изъ-подъ своего вліянія.

Велика несомнѣнно была идея соединенія Чехіи съ Польшей; но какія же жертвы должно было принести ей! Переходя на сторону гуситовъ, Польша въ одинъ моментъ тратила свое важное положеніе въ католическомъ мірѣ, затемняла блескъ, который покрывалъ ее на Констанцскомъ соборѣ, благодаря ея епископамъ; лишалась самой надежной обороны противъ Тевтонскаго ордена. Исполняя доселѣ апостольскую миссію на Литвѣ, указывая на ея результаты, дѣятельно возвышая голосъ въ вопросѣ о легальной реформѣ церкви, Польша морально губила орденъ, лишала его помощи со стороны христіанскаго міра и обрекала на медленную смерть. Между тѣмъ, заподозрѣнная въ гуситской ереси, она обратила бы на себя крестовые походы Запада и помогла бы возродиться ордену, сокрушенному, но не въ конецъ еще побѣжденному. Далѣе, мѣшаясь въ чешскія дѣла, развѣ не должна

была бы Польша отвратить свое вниманіе отъ Литвы, только что обращенной и находившейся въ слабой связи съ Польшей? Развѣ могла бы она съ успѣхомъ обуздывать стремленія Витовта къ полной самостоятельности, становившіяся все болѣе и болѣе ясными? Польская церковная іерархія отлично чувствовала это и имѣла въ этомъ обстоятельстве второй важный поводъ къ отстраненію себя отъ гуситскаго вопроса. Однако оба эти повода не могли окончателно рѣшить дѣло. Сознвая свою силу, Польша могла не страшиться войскъ всей Европы и вмѣстѣ съ тѣмъ не выпускать литовскаго вопроса изъ своихъ рукъ. А соединенію съ чешскими гуситами не подрывало-ли собственно той силы, на которую опиралось польское правительство? Развѣ гуситское движеніе не сообщило бы Польшѣ и не обратилось бы противъ церковной іерархіи? Польша не имѣла достаточно силы, чтобы одолѣть страшныя общественныя смуты, ареною которыхъ была несчастная Чехія, потому что среди польскаго народа существовали тѣ-же самые разрушительные элементы, открыто благопріятствовавшіе гуситскому движенію и ожидавшіе только сигнала. Между тѣмъ, пусть пройдетъ въ Чехіи моментъ перваго возбужденія, пусть улягутся страсти, исчезнутъ крайнія партіи,—и тогда, въ моментъ всеобщаго утомленія, возвращенія къ мирному труду и необходимыхъ сдѣлокъ съ Римомъ, настанетъ время, когда Польша, сильная и сохраненная, съ успѣхомъ выполнитъ свою роль. Вѣдь и въ то время элементы порядка въ Чехіи должны опереться на консервативную и родственную Польшу.

Вотъ тѣ важныя и благоразумныя причины, которыя удержали польскую іерархію отъ того, чтобы принять къ сердцу гуситское дѣло.

§ 56. Торжество Олесницкаго въ чешскомъ и литовскомъ вопросахъ.

Въ 1420 и слѣдующемъ годахъ чешскіе гуситы нѣсколько разъ присылали посольство къ Ягеллѣ, предлагая ему чешскую корону. Искушеніе было громадное, славянская политика находила откликъ въ сердцахъ всего народа, и во главѣ ея становится самъ великій князь литовскій, Витовтъ.

Великаго грюнвальденскаго вождя окружало вмѣстѣ съ тѣмъ обаяніе славнаго администратора и дипломата. Продолжительное пребываніе при тевтонскомъ дворѣ способствовало развитію его природныхъ способностей, замѣнило узкій кругозоръ его литов-

ской политики широкимъ обще-европейскимъ кругозоромъ и научило его цѣнить силу тогдашней западной цивилизаціи. Помирившись съ Ягеллой и будучи поставленъ у кормила правленія Литвы, Витовтъ не только умѣлъ сохранять союзъ и помочь Польшѣ сокрушить общаго врага, орденъ, но въ то же время поставилъ себѣ великую задачу: вырвать свою страну изъ объятій Востока и навсегда ввести ее въ среду цивилизованныхъ европейскихъ государствъ, въ среду такъ прекрасно называвшейся «христіанской республики» (*Rzeczpospolita chrześcijańska*). Только онъ одинъ могъ съ успѣхомъ выполнить эту задачу, и онъ дѣйствительно выполнилъ ее ¹⁾.

Онъ стремился воздвигнуть сильное государство, которое держалось бы на разумныхъ основаніяхъ, на цивилизаціи Запада, и къ этой цѣли направлялъ всю свою политику. До настоящаго времени литовское государство составлялось изъ цѣлаго ряда маленькихъ княжествъ, которыми почти независимо владѣли многочисленные потомки Гедимина. Витовтъ, стремясь къ успѣшному осуществленію реформъ, долженъ былъ начать съ объединенія всего государства подъ одной великокняжеской властью и поэтому или лишилъ власти всѣхъ удѣльныхъ князей, или подчинилъ ихъ своей власти и обязалъ повиновеніемъ себѣ, какъ простыхъ чиновниковъ.

Образуя единое государство, Витовтъ въ то же время создавалъ ему сильную опору въ литовцахъ, не для того чтобы придать ему однообразный литовскій характеръ, не для того чтобы поднять приходившую въ упадокъ литовскую народность и вдохнуть въ нее новую жизнь, но по той причинѣ, что литовцы легче всего проникались западной цивилизаціей, которой они искали вмѣстѣ съ христіанствомъ. Отъ этого Витовтъ является самымъ ревностнымъ распространителемъ христіанства среди литовскаго племени, въ 1387 г. помогаетъ Ягеллѣ, въ 1413 обращаетъ Жмудъ, тѣмъ привлекаетъ къ себѣ поляковъ и усердно помогаетъ ихъ политикѣ, стремящейся къ возвышенію Литвы; городельской уніей освобождаетъ литовскихъ бояръ-католиковъ, вводитъ должности по образцу польскихъ, заселяетъ нѣмцами городъ, устраиваетъ ихъ на нѣмецкій манеръ и всѣми способами распространяетъ земледѣліе, торговлю и промышленность.

¹⁾ Предположеніе Смольки, будто Витовтъ мечталъ о славянскомъ государствѣ, которое обнимало бы собою Литву съ Русью, Польшу и Чехію, кажется мнѣ слишкомъ смѣлымъ и неправдоподобнымъ.

Болѣ трудная задача ожидала Витовта относительно русскаго элемента, который составлялъ большинство его подданныхъ, принадлежалъ хотя къ христіанской, но восточной церкви, имѣлъ свою старинную цивилизацію, недавно еще заправлялъ всѣмъ на Литвѣ и считалъ столицу государства, Вильно, однимъ изъ своихъ главныхъ центровъ. Притѣснять русскихъ Витовтъ и не смѣлъ и не могъ. Онъ однако стремился примирить ихъ съ новымъ порядкомъ. Для этой цѣли онъ защищалъ свои верховныя права на Псковъ и Новгородъ, занялъ Смоленскъ и такъ ослабилъ московское государство, что русскіе подданные Витовта не могли тянуть въ сторону Москвы, а должны были искать удовлетворенія своихъ стремленій въ предѣлахъ литовскаго государства. Витовтъ облегчалъ имъ эту задачу и учредилъ или скорѣе возстановилъ особую, независимую отъ Москвы, митрополию въ Кіевѣ. Это было только первымъ шагомъ. Другимъ должна была сдѣлаться унія восточной церкви съ Римомъ. Церковная унія должна была направить русскихъ въ объятія Запада, сдѣлать возможною для нихъ равноправность съ католическимъ литовскимъ элементомъ и тѣсно связать ихъ съ послѣднимъ, пріобрѣсти равноправность литовскому государству въ ряду католическихъ государствъ Европы. Унії посвящаетъ Витовтъ всѣ свои силы, ради нея онъ отправляетъ кіевскаго митрополита въ 1418 г. на соборъ въ Констанць, ради нея отодвигаетъ на задній планъ борьбу съ орденомъ, сближается съ императоромъ Сигизмундомъ Люксембургскимъ, помогавшимъ Тевтонскому ордену, и заключаетъ съ нимъ миръ и союзъ для Польши въ Люблѣ въ 1412 г. Это не помѣшало новой войнѣ Польши съ орденомъ въ 1414 г., но она вскорѣ прекратилась, и польско-тевтонскій споръ перешолъ на третейскій судъ собора. Въ этомъ принималъ дѣятельное участіе Витовтъ, который нашелъ въ Польшѣ ревностнаго пособника въ лицѣ честолюбиваго епископа познанскаго, Войцѣха Ястржембца и, благодаря своему вліянію у Ягеллы, успѣлъ доставить ему санъ краковскаго епископа и должность канцлера. Однако политика, сближавшая Польшу съ Сигизмундомъ, потерпѣла большую неудачу. Не только Констанцскій соборъ не провелъ церковной унии и не рѣшилъ спора съ орденомъ,—но и Сигизмундъ, выбранный третейскимъ судьей и подкупленный Тевтонами, въ 1420 г. въ Бреславлѣ постановилъ рѣшеніе, невыгодное для Польши.

Это вызвало въ Польшѣ страшное негодованіе противъ Сигизмунда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ руководителя тогдашней

политики, канцлера Ястржембца. Лэнчицкй съѣздъ, который произошелъ въ 1420 г. и на которомъ чешское посольство должно было получить отвѣтъ Ягеллы, отдалъ канцлера подъ судъ. Съ трудомъ избавилъ его отъ суда Витовтъ. Въ то же самое время этотъ послѣдній, гордость котораго была сильно оскорблена, вполне перемѣнилъ свою политику и изъ друга императора и вмѣстѣ съ тѣмъ короля Чехіи, Сигизмунда, сдѣлался его заклятымъ врагомъ. На бреславльское рѣшеніе должно было отвѣтить: Ягеллѣ—принятіемъ чешской короны, а Витовту—вступленіемъ въ истребительную войну съ орденомъ. Съ этою мыслью Витовтъ сталъ во главѣ партіи, благопріятствовавшей въ Польшѣ гуситамъ.

И однако послѣ тяжелой борьбы побѣдила польская церковная іерархія подъ предводительствомъ Сбигнѣва Олесницкаго ¹⁾. Дѣйствительно, Олесницкй не успѣлъ довести до конца свой планъ, т. е. за уступку Польшѣ Силезіи предоставить въ распоряженіе Сигизмунда дѣло чешскихъ еретиковъ. Витовтъ принялъ чешскую корону и отправилъ въ Чехію князя Сигизмунда Корибута съ пятью тысячами рыцарства. Ягелло съ канцлеромъ Ястржембцемъ смотрѣлъ съвозъ пальцы на это предпріятіе, изъ Польши приходили къ чехамъ многочисленныя подкрѣпленія, чешскимъ посольствамъ не отказывали во всевозможныхъ надеждахъ, чтобы императора Сигизмунда сдерживать въ должныхъ границахъ, но Ягелло въ концѣ концовъ не принялъ чешской короны и не посвятилъ всѣхъ силъ Польши дѣлу Чехіи. Когда же Сигизмундъ Корибутъ не сумѣлъ удержаться въ Чехіи, когда Витовтъ утолил жажду мести безпримѣрнымъ опустошеніемъ орденскихъ земель въ 1422 и 1423 гг. и по Мельницкому миру добился отъ ордена окончательнаго отреченія отъ посягательствъ на Жмудь, когда, наконецъ, поколебалось положеніе Ягеллы и Витовта въ католическомъ мірѣ вслѣдствіе двусмысленной политики по отношенію къ Чехіи, а орденъ, благодаря этому, сталъ ободряться, то Витовтъ окончательно отступился отъ Чехіи, а Ягелло

¹⁾ Г. Прохаска съ сожалѣніемъ выражается о тѣхъ историкахъ,—а между ними находятся Каро и Смолька,—которые эту роль приписываютъ Олесницкому. Вѣдь-же Олесницкй былъ въ то время только королевскимъ секретаремъ и пробстомъ у св. Флоріана и не засѣдалъ даже въ коронной радѣ! Г. Прохаска забываетъ, что если Сбигнѣвъ уже съ 1423 г. сдѣлался краковскимъ епископомъ, и притомъ столкнувъ съ этого мѣста канцлера Ястржембца, то, навѣрное, уже и передъ тѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать что-либо болѣе важное, чѣмъ то, что предполагаетъ г. Прохаска, т. е. редактированіе писемъ въ канцеляріи и служеніе обѣденъ у св. Флоріана.

въ 1423 г. заключилъ съ императоромъ Сигизмундомъ сдѣлку, въ силу которой Польша должна была порвать связь съ Чехіей и за то развязать себѣ руки относительно ордена, которому помогаль Сигизмундъ.

Вслѣдствіе этого, представитель Витовтовой политикой въ Польшѣ, Ястржембець, потерялъ силу и былъ перемѣщенъ на гнѣзненскую архіепископскую кафедру, удаленную отъ короля и отъ двора. Олесницкій, въ качествѣ епископа краковскаго, занялъ его мѣсто; канцлеромъ былъ сдѣланъ Шафранець, личность менѣе значительная, очевидно съ тою цѣлью, чтобы не дразнить Витовта. И все-таки этого результата нисколько не удалось избѣжать. Да и у Витовта, какъ обладателя литовскаго государства, могли найтись поводы для существеннаго нерасположенія къ польскому можновладству.

Поляки помогали Литвѣ въ ея сравнительно быстромъ развитіи и цивилизаціи, но хорошо сознавали, что не могутъ считать ее своей провинціей, и потому оставили ей самостоятельность и довольствовались только слабыми верховными правами своего короля надъ Литвой. Однако практичное польское можновладство за подобную свою политику всегда требовало извѣстныхъ очевидныхъ и немедленныхъ выгодъ, и вознагражденіемъ въ данномъ случаѣ должна была служить южная Русь.

На восточныхъ границахъ Червонной Руси простиралось широкое пространство, ограниченное съ сѣвера и востока Днѣпромъ и впадающей въ него Припетью, опустошенное и безлюдное, съ тѣхъ поръ какъ подверглось игу и истребительнымъ нападеніямъ татаръ. Подолія и Волинь,—таково было общеупотребительное названіе этого пространства, — имѣли тѣмъ не менѣе здоровый климатъ, плодородную дѣвственную почву и обиліе воды и могли течь молокомъ и медомъ, только бы удалось отнять ихъ у татаръ и привлечь къ нимъ капиталъ, населеніе и заботливый хозяйственный трудъ. Поэтому уже Казиміръ Великій обращалъ вниманіе поляковъ на эти земли, направляя на востокъ все цивилизаторское и экономическое движеніе Польши. Но когда Казиміръ Великій занялъ Червонную Русь, какъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго движенія на востокъ, его опередилъ въ этомъ движеніи великій князь литовскій Ольгердъ, выгналъ татаръ послѣ битвы подъ Синими Водами, занялъ Подолію и Волинь и дальнѣйшую защиту ихъ ввѣрилъ своимъ братьямъ. Любартъ получилъ Волинь, Коріатъ—опустошенную въ конецъ Подолію. Казиміръ В. послѣ долгой борьбы успѣлъ удержать за Польшей

только западную часть Волыни. По смерти его, Польша утратила эти приобретения вмѣстѣ съ Червонною Русью, но польскій элементъ уже не прекращалъ своего цивилизаторскаго движенія въ южно-русскія земли, хотя власть надъ ними находилась въ рукахъ Венгрии и Литвы. Намѣстникъ Людовика, короля венгерскаго, въ Червонной Руси, Владиславъ, князь опольскій, весьма усиленно помогалъ колонизаціи, и въ его-то правленіе, въ 1375 году появилась папская булла, учреждавшая католическую митрополию въ Галичѣ (позднѣе перенесенную во Львовъ) и зависимыя отъ нея епископства въ Перемышлѣ, Холмѣ и Владимірѣ; въ концѣ XIV в. возникло отдѣльное епископство для Подоліи въ Каменцѣ, и черезъ то эти страны все болѣе и болѣе поддавались вліянію западной цивилизаціи, а, слѣдовательно, и польскаго элемента.

Въ 1387 г., въ тотъ моментъ, когда Ягелло былъ занятъ обращеніемъ Литвы, поляки выгоняютъ венгровъ изъ Червонной Руси и находятъ Волынь и Подолію во власти литовскихъ князей. Витовтъ, стремясь сохранить за Литвой эти владѣнія, устранилъ въ нихъ подвластныхъ князей и подчинилъ ихъ своей непосредственной власти, но однако не могъ отказаться отъ помощи поляковъ, потому что только они были въ состояніи съ успѣхомъ удерживать татаръ, они одни умѣли хозяйствовать и колонизовать, обладали большими капиталами и рабочимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, послѣ битвы при Вореклѣ, трудами Мельштынскихъ, Бучацкихъ, Шафранцовъ, Язловецкихъ и многихъ другихъ, Подолія на глазахъ Витовта заселялась, процвѣтала, но вмѣстѣ съ тѣмъ полонизировалась; а чѣмъ сильнѣе утверждался въ этой странѣ польскій элементъ, тѣмъ громче, очевидно, требовалъ онъ соединенія ея съ короной. Витовтъ долженъ былъ согласиться на то, чтобы Ягелло содержалъ польскіе гарнизоны въ главныхъ подолевскихъ замкахъ; споръ разгорался все болѣе и болѣе и склонялся въ пользу поляковъ. Это было такимъ жизненнымъ вопросомъ для польскаго можновладства, объединявшимъ его такою солидарностью, что самъ Ягелло, выступая въ роли посредника, не могъ вполне положиться даже на своихъ польскихъ чиновниковъ.

Витовтъ, смотря на это и будучи чрезвычайно раздраженъ неудачею, которая постигла его въ чешскомъ дѣлѣ, благодаря польской церковной іерархіи, внезапно перемѣняетъ ту позицію, которой держался до тѣхъ поръ, стремится къ полной самостоятельности Литвы, сближается съ императоромъ Сигизмундомъ и

при его содѣйствіи намѣревается короноваться. Долго старались польскіе паны уничтожить эти планы искусными происками; наконецъ дѣло дошло до открытаго столкновенія на общемъ съѣздѣ въ Луцкѣ, на который Витовтъ, подѣ предлогомъ иныхъ дѣлъ, пригласилъ Сигизмунда, Ягеллу и много другихъ князей и пановъ въ 1429 г. Сбигнѣвъ Олесницкій выступилъ отъ имени поляковъ и, заклеивъ предполагавшуюся коронацію Витовта, какъ нарушение уніи, скрѣпленной присягой, представилъ ее такимъ дѣйствіемъ, какое Польша никогда не можетъ допустить. Обѣ стороны разѣхались съ сильнымъ раздраженіемъ и рѣшились идти на проломъ. Въ это время внезапная смерть Витовта въ 1430 г. освободила Польшу отъ его опасныхъ стремленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдила поляковъ, какую сильную опору своей задачи въ Литвѣ они потеряли. Одинъ Витовтъ, открывая доступъ въ Литву польскому вліянію, католической церкви и западной цивилизаціи, умѣлъ безъ насилій обуздывать русскій элементъ, составлявшій большинство въ его обширномъ государствѣ и недавно еще господствовавшій.

Поляки,—увы,—не сумѣли идти по его слѣдамъ. Послѣ его смерти можновладство захватило Подолію для Польши, а великій князь Свидригайло, преемникъ Витовта, открыто вступился за русское дѣло. Немедленно въ 1430 г. возгорѣлась война. Во-лынь осталась за Литвою, поляки съ трудомъ успѣли удержаться въ Подоліи. Было счастьемъ для нихъ, что они нашли союзниковъ въ самомъ литовскомъ государствѣ, во враждебныхъ господству русскаго элемента католикахъ-литовцахъ. Эти послѣдніе принудили Свидригайлу къ бѣгству и, съ согласія Ягеллы, провозгласили великимъ княземъ Сигизмунда, князя стародубскаго, который въ 1432 г. подтвердилъ унію и уступилъ Польшѣ Подолію и Воынь. Но за Свидригайлу были русскіе удѣлы литовскаго государства, вступились за его дѣло также и Тевтоны, но поляки утомили ихъ въ 1433 г. взятіемъ Гданска (Данцига) и принудили къ перемирію; Сигизмундъ же въ 1435 г., по смерти Ягеллы, съ помощью поляковъ одолѣлъ Свидригайлу и помогавшихъ ему рыцарей Ливонскаго ордена въ кровавой битвѣ при рѣкѣ Свентѣ. Эта побѣда совершенно положила конецъ русскому сепаратизму въ Литвѣ и разбила грозную для Польши коалицію русскаго элемента съ Тевтонскимъ орденомъ. Свидригайло отказался отъ господства надъ Литвою и, признавъ зависимость Воыни отъ Польши, обезпечилъ себя обладаніе этой землею. Орденъ въ 1436 г. заключилъ вѣчный миръ въ Брестѣ Литовскомъ и

пересталъ быть опаснымъ, отказавшись отъ всякихъ замысловъ противъ Польши заодно съ соседними державами.

Итакъ, нужно было направиться на что-либо иное, проявиться гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ безпокойному духу народа, который лишь неохотно подчинялся политикѣ церковной іерархіи, неблагоприятствовавшей чехамъ, и никогда не позволялъ ей рѣшительно выступить противъ нихъ. Польская іерархія, нашедши себѣ геніальнаго вождя въ Сбигнѣвѣ Олесницкомъ, умѣла за то отстранить отъ Польши вредныя послѣдствія гуситскаго движенія, какъ скоро она окончательно отвергла тѣ выгоды, какія, по видимому, приносило съ собой это движеніе. Съ безпощадностью, какою отличалось у насъ только церковное правленіе, были подавлены въ краѣ проявленія гуситства и самыя поползновенія къ нему. Синодъ, собравшійся въ Калишѣ въ 1420 г. подъ предсѣдательствомъ примаса Николая Тромбы, кодифицировалъ уставы польской церкви, сдѣлалъ ихъ болѣе строгими, соединивъ въ одно цѣлое, укрѣпилъ и усилилъ дисциплину во всемъ духовенствѣ. Были учреждены инквизиторы для гуситской ереси, а въ 1424 г. былъ добытъ отъ Ягеллы знаменитый велюньскій эдиктъ, обезпечивавшій за церковью исполненіе ея уже самого по себѣ страшнаго проклятія при помощи вооруженной силы гродскихъ старость: конфискацію имѣнія лица, преданнаго проклятію.

Обезопасивъ себя со стороны народа, Олесницкій употребилъ равно успѣшныя средства и по отношенію къ самому Ягеллѣ; онъ поднялъ вопросъ объ обезпеченіи польскаго престола за сыновьями Ягеллы, захватилъ этотъ вопросъ въ свои руки и мастерски умѣлъ устрашать имъ постоянно нерѣшительнаго и слабаго короля. Къ сожалѣнію, тѣ выгоды, какихъ имѣлось въ виду достигнуть черезъ то, не окупали печальныхъ послѣдствій скандальнаго торга за корону. Чтобы завладѣть Ягеллою и навязать ему себя въ качествѣ посредника, Сбигнѣвъ долженъ былъ поссорить короля съ можновладствомъ. Королю были поставлены условія, въ которыхъ соединены были привилегіи, данныя Ягеллою при вступленіи на престолъ отдѣльно шляхтѣ и отдѣльно духовенству. Тѣмъ самымъ былъ подтвержденъ легальнымъ образомъ союзъ церковной іерархіи со свѣтской. Съ 1425 г. съ необычайною, непонятною горячностью велось дѣло, закончившееся только въ 1433 г. изданіемъ Едльненской привилегіи со стороны Ягеллы, а со стороны шляхты — формальнымъ признаніемъ въ слѣдующемъ году права наслѣдства за однимъ изъ его сыновей. Сбигнѣвъ не предчувствовалъ, что оппозиція, поднятая противъ

Ягеллы, обратится на него самого, когда по смерти короля онъ, на основаніи его завѣщанія, вознамѣрится захватить себѣ опеку надъ малолѣтнимъ Владиславомъ.

И дѣйствительно, элементы, не расположенные къ церковной политикѣ, какъ только скончался Ягелло въ 1434 г. ¹⁾, организовались въ сильную партію и начали грозную борьбу съ этой политикой и главнымъ ея представителемъ, Олесницкимъ. Въ то время какъ Сбигнѣвъ на познанскомъ и краковскомъ сѣздахъ хлопоталъ, чтобы былъ признанъ королемъ восьмилѣтній Владиславъ III, оппозиція, во главѣ которой стояли такіе вельможи, какъ Спытекъ изъ Мельштына, Дерславъ изъ Рытвянъ, Янъ Страшъ и Авраамъ Збонскій, созвала сѣздъ въ Опатовѣ и поставила кандидатуру Земовита мазовецкаго. По отношенію къ недавно заключеннымъ съ умершимъ королемъ трактатамъ, это было незаконною и неполитичною мыслью, которая потому тотчасъ-же провалилась и послужила къ еще большому возвышенію Олесницкаго. Гораздо искуснѣе поступила гуситская партія при коронаціи Владислава. Предлагая въ правители вмѣсто Олесницкаго Земовита, она нашла въ этомъ послѣднемъ такую поддержку, что Олесницкій, не желая допустить Земовита, самъ отказался отъ регенства, къ которому призывали его и завѣщаніе Ягеллы, и собственное честолюбіе. На время малолѣтства короля были установлены для каждой земли «провизоры»; но Олесницкій надѣялся, что надъ множествомъ «провизоровъ» ему еще легче будетъ господствовать, чѣмъ надъ слабымъ умомъ Ягеллы.

Едва только одолѣли Свидригайлу и заключили миръ съ орденомъ, о чемъ мы уже говорили, чешскій вопросъ выступилъ съ новой, неслыханной силой. Въ 1437 г. умеръ Сигизмундъ, послѣдній изъ Люксембурговъ, законный король венгерскій и чешскій; въ лицѣ его зятя Альберта династія Габсбурговъ въ первый разъ предъявила притязанія на обѣ короны; но чехи, опасаясь германизации, усиленно просили прислать имъ второго сына Ягеллы, Казимира. Чешскія отношенія уже измѣнились; умѣренная партія, послѣ страшныхъ потрясеній, одержала верхъ надъ крайними таборитами и, заключивъ соглашеніе (такъ-наз. ком-

¹⁾ Владиславъ Ягелло род. 1351, былъ королемъ въ Польшѣ съ 1386 г. по 1434, имѣлъ четырехъ женъ: 1) Ядвигу венгерскую († 1399), 2) Анну циллейскую († 1416), 3) Елизавету изъ Пилецкихъ Грановскую († 1420) и 4) русскую княжну Софью, дочь Юрія, кн. Ольшанскаго. Отъ этой послѣдней оставилъ двухъ сыновей: Владислава Варгенчика и Казимира Ягеллончика.

пактаты) съ Базельскимъ соборомъ, съ 1431 г. открывшимъ свои засѣданія, умѣла стереть съ себя признаки ереси и укрѣпить свое положеніе. Должны-ли были поляки, при столь выгодныхъ условіяхъ, отступить отъ чешскаго дѣла? Не слѣдовало ли поставить на вѣсы все могущество Польши и осуществить великую идею славянскаго единства? Но хотя весь народъ съ жаромъ проникся этою мыслью, церковная іерархія, и во главѣ ея Олесницкій, стала желѣзною стѣною, преграждая всякое соединеніе съ чехами. Переходъ на сторону чешскаго дѣла былъ побѣдою гуситской партіи въ Польшѣ и подрывалъ положеніе іерархіи, равно какъ и ея до сихъ поръ дившееся правленіе, которое она ни за какую цѣну не хотѣла выпустить изъ своихъ рукъ. Олесницкій не могъ помѣшать походу Казимира Ягеллончика за чешской короной, но, лишая его основательной поддержки со стороны польскаго правительства, не допустилъ, чтобы этотъ походъ достигъ предположенной цѣли. Альбертъ удержался въ Чехіи, Казимиръ долженъ былъ уступить. Раздраженіе противъ іерархіи, противъ Сбигнѣва Олесницкаго, грознымъ пламенемъ возгорѣлось въ Польшѣ. Въ 1438 и 1439 гг. составились двѣ конфедераціи, одна подъ предводительствомъ Сбигнѣва, другая собралась подъ знаменемъ Спытка Мельштынскаго; но счастье благоприятствовало іерархіи, которая была лучше организована: въ кровопролитномъ сраженіи подъ Гротниками гуситско-чешская партія проиграла свое дѣло, и самъ Спыткъ Мельштынскій погибъ мужественною смертью на полѣ битвы. Замки гуситскихъ пановъ брались штурмомъ, имѣнія отнимались; духовенство гуситское, какъ еретическое, сожигалось на востражахъ, и Сбигнѣвъ Олесницкій увидѣлъ себя господиномъ положенія.

§ 57. *Планы Сбигнѣва Олесницкаго.*

Только лишь теперь, послѣ полного пораженія соперниковъ, Олесницкій могъ подумать объ осуществленіи своихъ обширныхъ замысловъ и плановъ. Они опирались на употребленіи не той національной племенной силы, какую давало Польшѣ ея близкое родство съ сосѣдними славянскими народами, но культурной силы католической церкви. Принятіе славянской идеи несомнѣнно отдаляло Польшу отъ римской церкви, охватывавшей тогда германо-романскіе народы, и принуждало ее или сблизиться съ восточною церковью, или искать какого-нибудь средняго вѣроисповѣда-

нія. Передъ чѣмъ-либо подобнымъ не только по религіознымъ, но и по политическимъ соображеніямъ, содрогался Олесницкій, такъ какъ онъ думалъ,—и относительно этого трудно отказать ему въ справедливости,— что только управленіе католической церкви можетъ сдѣлаться школой политической жизни для этого славянскаго, и слѣдовательно слабаго и несогласнаго народа. Самая тѣсная, какая только возможна, связь съ церковнымъ движеніемъ на западѣ и югѣ Европы—вотъ первый основной пунктъ въ великой программѣ краковскаго епископа. Ради этого Олесницкій не поколебался стать лично во главѣ великаго посольства, которое въ 1434 г. отправилось на всеобщій соборъ, созданный въ Базелѣ; когда же смерть Ягеллы внезапно воротила Олесницкаго съ дороги и сдѣлала необходимымъ его присутствіе въ Польшѣ, то онъ передалъ предсѣдательство Станиславу Цѣлку, епископу познанскому, но все-таки, хотя—и издали, руководилъ посольствомъ. Польская интеллигенція на Базельскомъ соборѣ въ еще болѣе высшей степени, чѣмъ то имѣло мѣсто на Констанцкомъ соборѣ, входитъ въ непосредственныя сношенія со всѣмъ собраннымъ тамъ цвѣтомъ западной науки и просвѣщенія, наступаетъ живой обмѣнъ мыслей, завязывается корреспонденція; вмѣстѣ съ поляками, возвращающимися съ собора, появляется множество передъ тѣмъ неизвѣстныхъ у насъ научныхъ сочиненій не только схоластическаго содержанія, но также и изъ области классической литературы, уже возрождавшейся на югѣ. Итакъ, связь съ церковнымъ движеніемъ Запада дѣйствительно была культурнымъ факторомъ, которому Польша обязана своею первою и столь высоко сравнительно стоящею письменностью XV столѣтія, которому она обязана Станиславомъ изъ Скарбимѣржа, Павломъ Влодковицемъ, Яномъ Эльготомъ, Бенедиктомъ Гессомъ, Томою изъ Стржемпина, извѣстными правовѣдами, Яномъ Кантомъ, св. Исаіей Бонеромъ, Николаемъ изъ Блони и цѣлымъ рядомъ богослововъ и философовъ-схоластиковъ: Яномъ изъ Глоговы и Михаиломъ изъ Бреславля, математикомъ и астрономомъ Войцѣхомъ Брудзевскимъ, наконецъ великимъ статистикомъ и историкомъ Длугошемъ. Написанная Длугошемъ статистика краковской епархіи (такъ наз. «Книги бенефицій», *Libri beneficiorum*) приноситъ честь не только автору, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тогдашней церковной администраціи; его же «Исторія Польши» («*Dzieje Polski*»), изложенная въ XIII книгахъ, не имѣетъ равной себѣ во всей тогдашней Европѣ. Страдая недостаткомъ точной критики (еще неизвѣстной въ XV в.) въ пер-

вой своей части, этотъ трудъ отличается однако всестороннимъ пользованіемъ источниками; во второй же, при повѣствованіи о тѣхъ временахъ, въ которыя жилъ самъ Длугошъ, или о которыхъ онъ могъ слышать отъ очевидцевъ (до 1480 г.), «Исторія Польши» стоитъ высоко не только по изображенію, но также и по пониманію тѣхъ событій, которыя составляютъ суть народнаго развитія и существенное содержаніе его исторіи.

Побуждая Польшу принимать дѣятельное участіе въ общемъ движеніи католической церкви, Сбигнѣвъ не думалъ однако обратить ее въ покорную слугу господствовавшаго въ Римѣ направленія, но прежде всего старался обезпечить за Польшей ту самостоятельность, какая допускалась принципами церкви, и затѣмъ пріобрѣсти для нея вліятельный голосъ въ рѣшеніи самыхъ важныхъ интересовъ церкви. Этому благопріятствовали чрезвычайно печальныя въ иныхъ отношеніяхъ обстоятельства. Базельскій соборъ, приступивъ съ энергіей къ настоятельной въ то время внутренней реформѣ церкви, встрѣтился въ этомъ направленіи съ рѣшительнымъ сопротивленіемъ папы Евгенія IV. Тогда возобновилась борьба между двумя принципами, изъ которыхъ одинъ признавалъ верховную власть за самимъ папою, а всеобщій соборъ низводилъ на степень ближайшаго папскаго совѣта, другой же признавалъ эту власть за соборомъ, на которомъ папа долженъ былъ только предсѣдательствовать. Это была принципиальная борьба, потому что отъ ея исхода зависѣло, примѣнятся ли католическая церковь въ своей организаціи и обрядности къ особенностямъ и нуждамъ различныхъ народовъ, или же введетъ полное однообразіе даже въ наимельчайшихъ частностяхъ по образцу, составленному итальянцами. Такъ какъ на соборѣ, за сѣдавшемъ въ Базелѣ, итальянское духовенство, стоявшее за церковную централизацію, находилось въ меньшинствѣ, то папа старался имѣть соборъ поближе къ себѣ, подъ своимъ вліяніемъ, и пытался перенести его въ Феррару, а потомъ во Флоренцію. Однако только часть прелатовъ пошла за этимъ призывомъ; громадное большинство, оставшіеся въ Базелѣ, высказалось за главенство собора надъ папою и, низвергнувъ Евгенія IV съ апостольскаго престола, возвелъ на него въ 1439 г. Феликса V и продолжало засѣданія. Часть католическихъ странъ стала въ то время на сторону одного папы, часть—на сторону другого. Олесницкій, принявъ первоначально сторону Евгенія, перешелъ впоследствии на сторону собора и избраннаго имъ Феликса. По его порученію профессора краковскаго университета изготовили трак-

татахъ о главенствѣ собора надъ папою и, слѣдовательно, о законности власти Феликса V. Олесницкій прислалъ его съ торжественнымъ заявленіемъ подчиненія собору и Феликсу V, и этотъ трактатъ былъ признанъ самымъ лучшимъ и наиболѣе основательнымъ изъ всѣхъ, предложенныхъ собору. Однако, немного спустя, въ 1444 г. Олесницкій двинулся дальше: видя, что Евгений IV не теряетъ своихъ сторонниковъ и вмѣстѣ съ Феликсомъ добивается его благосклонности, онъ со всею Польшей принялъ такъ наз. нейтральную систему, т. е., признавая Базельскій соборъ, не призналъ ни того, ни другого изъ враждебныхъ другъ другу папъ; ожидая того момента, когда соборъ положитъ конецъ папской схизмѣ, онъ добился того, что польская церковь стала вполнѣ самостоятельной и сама рѣшала свои дѣла въ послѣдней инстанціи. Польша, и въ особенности краковскій университетъ, долѣе всѣхъ отстаивали принципъ главенства собора противъ папъ, противившихся этому принципу. Такое положеніе, занятое Польшей подъ предводительствомъ Олесницкаго, сдѣлавшееся извѣстнымъ и прославившееся во всемъ тогдашнемъ католическомъ мірѣ, соотвѣтствовавшее въ равной мѣрѣ наклонностямъ и стремленію польскаго народа, было самой главной пружиной въ управленіи краковскаго епископа и привлекало къ нему тѣ лица, которыя отдалились отъ него отпоръ, оказанный имъ гуситскому и славянскому дѣлу.

На церковной почвѣ, съ помощью католической церкви, Сбигнѣвъ въ то же время нашелъ случай поддерживать миссію Польши на Востокѣ.

Насколько легко доставалось Польшѣ сближеніе съ католической Литвой, настолько оно встрѣчало сопротивленіе въ православной и опасавшейся католическаго вліянія Руси. Подходящую политику по отношенію къ русскимъ указалъ уже великій администраторъ Витовтъ. Только организація восточной церкви на Руси въ одно самостоятельное цѣлое и дарованіе ей полной равноправности съ западною церковью въ Польшѣ и Литвѣ могли уничтожить опасенія русскихъ, создать для нихъ внутри государства центръ свободнаго развитія и дѣйствительно привлечь къ этому государству ихъ умы и сердца. Вслѣдствіе опасности, грозившей восточной церкви въ Константинополѣ, со стороны турокъ, уже давно начались между Римомъ и Константинополемъ совѣщанія о церковной уніи, которыя дѣятельно, но безрезультатно поддерживалъ Витовтъ на Констанцскомъ соборѣ. Только лишь теперь отыскался ревностный проповѣдникъ уніи

въ лицѣ московскаго митрополита Исидора. Въ 1439 г. дѣйстви-тельно была утверждена унія во Флоренціи, восточная церковь признала верховную власть папы и сохранила всю свою обряд-ность. Но однако въ Константинополѣ дѣло не дошло до полного осуществленія уніи; въ одной только Польшѣ, благодаря стараніямъ Олесницкаго и Исидора, дѣло было довершено, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Рушилась религіозная преграда, отдѣ-лявшая Русь отъ Польши; привилегія короля Владислава отъ 1443 г., даровавшая полную равноправность восточному обряду католической церкви и его послѣдователямъ, исправляла горо-дельскую унію (благодѣяніями которой пользовались только ли-товскіе бояре-католики), примиряла съ Польшей многочисленныхъ князей и пановъ русскихъ, особенно въ южной Руси,—достаточно вспомнить знаменитыхъ впослѣдствіи Острожскихъ, Сангушковъ, Чарторыхскихъ,—и сблизала ихъ съ западной цивилизаціей.

Впрочемъ все церковно-русское дѣло было ничтожной задачей въ сравненіи съ инымъ, которое Олесницкій готовилъ Польшѣ, и для выполненія котораго онъ въ теченіе двадцати лѣтъ соби-ралъ ея силы. Былъ оставленъ въ покоѣ орденъ, отложено чеш-ское дѣло, помирились съ Литвой и обезпечили себя съ ея сто-роны, чтобы всѣ силы Польши обратить на великую, предназна-ченную ей, историческую борьбу—съ полумѣсяцемъ.

Уже въ теченіе ста лѣтъ собиралась сильная гроза на юго-востокѣ Европы. Дикое племя турокъ заняло мѣсто арабовъ, приняло ихъ вѣру, во второй половинѣ XIV в. основалось на Балканскомъ полуостровѣ, въ страшной битвѣ на Коссовомъ полѣ въ 1433 г. сокрушило южное славянство и подъ предводитель-ствомъ султановъ, стремившихся къ завоеванію, готовилось на-нести послѣдній ударъ Константинополю и наводнить всю хри-стіанскую Европу. Уже не разъ разражалась буря у стѣнъ со-сѣдней Венгріи, но еще не дошла до Польши. Олесницкій рѣшилъ предупредить ее и одолѣть турокъ въ ихъ собственномъ гнѣздѣ. Юный, но уже геройскій Владиславъ во главѣ польскихъ войскъ долженъ былъ выполнить ту-же самую задачу, которую, восемь вѣковъ тому назадъ, побѣдоносно выполнилъ на поляхъ Тура и Пуатье Карлъ Мартель съ своими франками по отношенію къ арабамъ, дѣлавшимъ нападенія изъ Испаніи. Польша должна была стать передовымъ оплотомъ христіанства, и не подлежало сомнѣнію, что если она выполнитъ эту задачу, то народъ зай-метъ положеніе франковъ, а ягеллоны—каролинговъ.

Въ 1440 г. умеръ императоръ нѣмецкій и вмѣстѣ съ тѣмъ

король венгерскій Альбертъ, и когда появилось въ Краковѣ венгерское посольство съ просьбой принять венгерскую корону, Владиславъ принялъ ее, и весь народъ былъ проникнутъ великой мыслью о борьбѣ для защиты христіанства. Это былъ великій моментъ въ исторіи Польши, когда за мужественнымъ Владиславомъ отправилось въ Венгрію славное польское рыцарство, вооруженное и блестящее. Громкія побѣды, одержанныя надъ турками въ 1443 г., разожгли отвагу и воинственный пылъ. Въ слѣдующемъ году польско-венгерскія войска проникли до самой Варны, но, легкомысленно не обращая вниманія на грознаго врага, не ожидая находившихся въ пути подкрѣпленій, 10-го ноября 1444 г. бросились на несмѣтныхъ полчища Амурата и—уступили численному превосходству. Но истиннымъ поражениемъ для Польши и для христіанства была геройская смерть Владислава ¹⁾. Погибъ король, который могъ отмстить за проигранную битву, который преимущественно и былъ носителемъ идеи наступательной борьбы противъ магометанскаго міра. Разстроилась унія съ венграми, которые должны были думать теперь о защитѣ собственныхъ границъ, и всею Польшей овладѣли ужасъ и отчаяніе. Долго, въ теченіе трехъ лѣтъ не хотѣли вѣрить гибели любимца и надежды народной и ждали его возвращенія съ все болѣе и болѣе усиливавшимся уныніемъ. Даже Казиміръ, сидѣвшій въ Литвѣ, отказывался отъ принятія осиротѣвшей короны, какъ будто бы въ первый моментъ не смѣлъ, не чувствовалъ себя достойнымъ заступитъ своего великаго брата.

Самый суровый ударъ постигъ однако Сбигнѣва. Въ одинъ моментъ завистливая судьба опрокинула и разрушила то зданіе, надъ воздвиженіемъ котораго онъ трудился такъ долго и съ такимъ искусствомъ. На него взвалили вину въ несчастіи. Болѣе безпристрастная исторія не припишетъ ему вины. Можно критиковать политику Сбигнѣва, можно предполагать, что союзъ съ Чехіей былъ болѣе существенной задачей, чѣмъ борьба съ турками; но подобно тому, какъ никто не могъ предвидѣть пораженія при Варнѣ, точно также никто не можетъ утверждать, чтобы принятіе славянской идеи удалось и удержалось. Эту идею Сбигнѣвъ только отерочилъ и завѣщалъ будущимъ поколѣніямъ вмѣстѣ съ другой задачей—отразить турецкую грозу; и не слѣдовало сомнѣваться, что народъ, разъ двинутый на путь смѣлыхъ пред-

¹⁾ Владиславъ III Варненчикъ, первый сынъ Владислава Ягеллы отъ Софьи, род. въ 1424 г., былъ королемъ отъ 1434 по 1444 г.

пріятій и дѣяній, послѣ временнаго пораженія скоро поднимется снова и съ новымъ жаромъ устремится къ великимъ цѣлямъ.

§ 58. Паденіе Сбмнтва Олесницкаго.

Олесницкій былъ бы величайшимъ человѣкомъ, величайшимъ образомъ въ нашей исторіи, если бы созналъ, что пораженіе при Варнѣ закончило его политическую роль, если бы поборолъ самого себя и отстранился отъ политической жизни. Но онъ не сѣумѣлъ сдѣлать это. Привычка къ власти и выдающееся честолюбіе не позволяли ему уступить мѣсто тѣмъ элементамъ, которые при новыхъ условіяхъ лучше его могли управлять государственнымъ кораблемъ. Чѣмъ болѣе уходила власть изъ его рукъ, чѣмъ лучше дѣйствовали его преемники и до нѣкоторой степени ученики, тѣмъ черствѣе дѣлался опытный, но побитый вождь, тѣмъ болѣе добивался власти. Не будучи въ состояніи соперничать съ болѣе молодыми силами въ положительномъ направленіи, онъ нашелъ еще достаточно средствъ для того, чтобы парализовать намѣренія другихъ и чтобы вплоть до своей смерти мѣшать собою ходу польской исторіи. Самъ разрушая свои славныя дѣла, онъ подалъ первый примѣръ можновладческой анархіи.

Польская политика, потерпѣвъ пораженіе на западѣ, по естественному ходу вещей тѣмъ усиленнѣе обратилась къ востоку, къ Литвѣ. Пока тамъ властвовалъ Сигизмундъ Кейстutowичъ, который одолѣлъ Свидригайлу съ помощью поляковъ и только въ союзѣ съ Польшей могъ держаться на великокняжескомъ тронѣ, не было опасенія относительно Литвы. Но въ 1440 г. Сигизмундъ палъ подъ ударами составившихъ противъ него заговоръ русскихъ пановъ. На великокняжескій тронъ теперь призванъ былъ не какой-нибудь изъ дальнихъ князей литовскихъ, но сынъ Ягеллы, Казиміръ Ягеллончикъ, и сдѣлана была попытка, опираясь на его право наслѣдства, хотя бы съ оружіемъ въ рукъ, завоевать Литвѣ полную обособленность по отношенію къ Польшѣ. Свидригайло, до сихъ поръ державшійся на Водыни, порвалъ связь съ Польшей и поспѣшилъ принести вассальную присягу Казиміру; литовцы устремляли жадные взоры на Подолію, недавно занятую поляками.

Въ такую минуту пришлось пораженіе при Варнѣ и смерть короля Владислава. Только онъ одинъ, какъ старшій братъ, могъ съ бѣльшимъ основаніемъ, чѣмъ Казиміръ, предъявить право на верховную власть въ Литвѣ. Теперь Казиміръ сдѣлался для по-

ляковъ независимымъ, наследственнымъ обладателемъ Литвы. Лишь призывая его на тронъ Польши, поляки могли сохранить свои до сихъ поръ существовавшія связь и сношенія съ Литвою. Поэтому польскіе паны на съѣздѣ въ Сѣрадзи въ 1445 г. единогласно выбрали Казимира преемникомъ Варненчика, убѣжденные, что при этомъ случаѣ они по своей собственной волѣ продиктуютъ ему условія и главнымъ образомъ осуществятъ ту мысль, которую они дѣлали: торжественное, формальное признаніе Волыни и Подолія провинціями, принадлежащими коронѣ. Они совершенно ошиблись въ расчетахъ. Казимиръ Ягеллончикъ былъ первымъ изъ Ягеллоновъ, который не нуждался ни въ какомъ опекунѣ, благодаря своему зрѣлому возрасту, мужественному характеру, хорошему образованію и точному знанію литовскихъ и польскихъ дѣлъ. Полный сознанія своей самостоятельной монаршей власти, Казимиръ и управлять хотѣлъ самостоятельно и своимъ высшимъ положеніемъ воспользоваться прежде всего для того, чтобы вести далѣе польско-литовскую унію, которой споръ за Подолію и Волынь грозилъ въ данное время полнымъ крушеніемъ. Глубоко обдуманымъ былъ планъ Казимира, чтобы, принявъ польскую корону, не допускать выбора особаго великаго князя на Литвѣ, а соединяя своей особой оба трона, все болѣе и болѣе организуя Литву по польскому образцу, не разрѣшать формальнымъ образомъ вопроса объ обладаніи Подоліей и Волынью и допустить оба народа къ свободному соперничеству въ дѣлѣ заселенія и обработки этихъ плодородныхъ, но пустынныхъ пространствъ. Поляки не поняли этого; но ошибка и вина Олесницкаго въ томъ, что, не желая уступить королю заправленіе государственными дѣлами, онъ сталъ во главѣ оппозиціи противъ него и въ теченіе шести лѣтъ руководилъ ужаснѣйшими смутами.

Чиня проволочки съ принятіемъ предложенной ему короны подъ тѣмъ предлогомъ, что извѣстіе о смерти брата Варненчика еще недостоверно, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожая полякамъ, если бы они осмѣлились подумать о другомъ кандидатѣ на тронъ, Казимиръ до такой степени истомилъ польскихъ пановъ, что они въ 1447 г. позволили ему короноваться королемъ безъ предварительнаго съ его стороны признанія выставленныхъ ему требованій и условій. Но тѣмъ настойчивѣе стали домогаться послѣ коронаціи, чтобы король торжественно призналъ за короной Подолію и Волынь; а до тѣхъ поръ пока не сдѣлалъ бы этого, ему отказывали въ признаніи и подчиненіи, отвергали самые благодѣтельные его проекты, относившіеся къ упорядоченію внутреннихъ

дѣлъ страны, съѣзды одинъ за другимъ оканчивались ничѣмъ. Однако Казиміръ, твердо держась своего рѣшенія, не уступалъ ни на одинъ шагъ, оградился прямо противоположными требованіями литовцевъ, созывалъ общіе съѣзды литовцевъ и поляковъ, угрожалъ призракомъ междоусобной войны, вооружался величайшимъ терпѣніемъ, обходилъ молчаніемъ неприличныя рѣчи, съ которыми выступала противъ него оппозиція и въ 1452 г., по смерти Свидригайлы, удержалъ Волынь за Литвою. Олесницкій, для лучшаго объединенія оппозиціи противъ короля, уже въ 1447 г. вступилъ въ переговоры съ малопольской шляхтой и старался удовлетворить ея требованія по отношенію къ церкви, дѣлая всевозможныя уступки относительно десятиннаго сбора и церковнаго судопроизводства. Въ отместку за это, король поднималъ противъ надменнаго краковскаго епископа великопольское духовное и свѣтское можновладство, которое не было непосредственно заинтересовано въ дѣлѣ Подоліи и Волыни. Когда Сбигнѣвъ въ силу своего кардинальскаго достоинства потребовалъ въ королевскомъ совѣтѣ первенства передъ примасомъ, въ защиту послѣдняго поднялись противъ него великополяне, и король въ 1451 г. рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу, запрещая кому-либо принимать кардинальское достоинство и постановивъ, что онъ по своему усмотрѣнію будетъ призывать въ совѣтъ одинъ разъ примаса, другой разъ—кардинала. Униженный этимъ Олесницкій, не зная мѣры въ раздраженіи, прибѣгалъ къ средствамъ, все болѣе и болѣе анархическимъ; въ 1452 г. послѣ дерзкой рѣчи онъ съ наиболѣе ревностными сторонниками покинулъ залу совѣщаній и оставилъ первый примѣръ ихъ «срыванія»; а потерявъ вслѣдствіе этого поддержку со стороны политически мыслящаго можновладства, онъ привлекалъ къ совѣщаніямъ и съѣздамъ все болѣе и болѣе обширныя группы рыцарства и пріучалъ ихъ поднимать крики противъ короля. На пѣтрковскомъ съѣздѣ въ 1453 г. низшіе чиновники и рыцарство совѣщались уже отдѣльно отъ высшихъ сановниковъ; борьба съ королемъ, которому угрожали лишеніемъ престола, достигла своей высшей точки, но окончилась блестящимъ торжествомъ Казимира. Преграждая оппозиціи почетное отступленіе, король, съ общаго согласія съѣзда, присягнулъ въ незначущей формулѣ, что онъ не оторветъ отъ государства ни одной изъ земель, соединенныхъ съ Польшей, именно: Литвы, Руси, Подоліи, Молдавіи и другихъ, черезъ что очевидно споръ о Подоліи и Волыни, ведшійся

между короной и Литвой, былъ отложенъ, какъ того желалъ и король ¹⁾).

Послѣ такой неудачи Олесницкій утратилъ всякое политическое значеніе. Когда 1454 г. прусскія земли призвали Польшу освободить ихъ отъ тевтонскаго ига, а Олесницкій, наперекоръ королю, отважился противиться и этой, самой жизненной задачѣ Польши, голосъ его не встрѣтилъ себѣ отклика. Окончательно уничтоженный, Сбигнѣвъ умеръ въ 1455 г., переживъ слишкомъ много въ теченіе десяти лѣтъ.

¹⁾ Левицкій на основаніи акта, подлинность котораго является сомнительной, утверждаетъ, что поляки, непремѣнно желая имѣть королемъ Казимира, въ 1446 г. согласились на уступку Подоліи Литвѣ. но послѣ коронаціи Казимира воспротивились этому. Внутреннія дѣла Литвы, см. § 65.

V.

Казиміръ Ягеллончикъ уничтожаетъ сословныя привилегіи.

(1454—1492).

Л И Т Е Р А Т У Р А.

Исторія наша второй половины XV в. представляетъ весьма трудную для разрѣшенія загадку, и не потому только, что это—моментъ большихъ перемѣнъ въ нашемъ внутреннемъ развитіи и великихъ замысловъ въ области внѣшней политики. Главной причиной являются недостатокъ и сомнительность источниковъ. Великій историкъ политики Олесницкаго, Длугошъ, правда, довелъ свое сочиненіе вплоть до 1480 г. и въ немъ завѣщаль потомству богатый историческій матеріалъ; однако, не будучи въ состояніи примириться съ направлениемъ политики Казиміра Ягеллончика и будучи враждебно настроенъ противъ новаго, непріязненнаго для церкви политическаго движенія, онъ умолчалъ обо всемъ, что говорило въ пользу этого послѣдняго, и оставилъ намъ весьма отрывочное и тенденціозно окрашенное изображеніе тѣхъ временъ. Другіе источники неудовлетворительны и до сихъ поръ найдены и изданы въ чрезвычайно маломъ количествѣ. Поэтому, если кто желаетъ на основаніи ихъ пополнить и исправить Длугоша и затѣмъ вести нашу исторію далѣе 1480 г., тому необходимо приняться за чрезвычайно подробныя и самостоятельныя изслѣдованія источниковъ.

Такихъ изслѣдованій Мелевелевская школа не взяла на себя и, проскользнувъ черезъ эту эпоху, шла по большей части за болѣе старыми сочиненіями Альбертранди и Голэмбѣвскаго, которые не умѣли даже исчерпать Длугоша. Въ вопросѣ о тогдашнемъ развитіи польскаго парламентаризма до послѣдняго времени держались взгляда, изложеннаго въ этюдѣ Владислава Бентковскаго: «*De vicissitudinibus comitiarum*», Лейпцигъ. 1838. Авторъ основывается на извѣстіяхъ Длугоша.

Популяризаціей важнаго, занимающаго первое мѣсто послѣ Длугоша источника, но безъ существенно критическаго и историческаго выясненія его, оказалъ услугу Леонъ Вегнеръ въ своемъ трудѣ: «Трактатъ Яна Остроорога объ улучшеніи состоянія Рѣчи Посполитой». («*Jana Ostroroga pamietnik o naprawie Rzeczypospolitey*». *Rocznik Tow. przyj. nauk. rozpańskiego*. 1863). Популярнымъ характеромъ отличается также небольшое разсужденіе Владислава Серединскаго: «Григорій изъ Санока» («*Grzegorz z Sanoka*». *Przegląd polski*. Kraków. 1867).

Самыя цѣнныя прибавленія къ нашей исторіи во второй половинѣ XV в. далъ Г. Цейсбергъ въ указанномъ уже сочиненіи: «Исторіографія Польши въ средніе вѣка» («*Geschichtsschreibung Polens im Mittelalter*». Лейпцигъ. 1873.—Польскій переводъ. Варшава. 1876), въ которомъ находится подробный очеркъ политической и литературной дѣятельности первыхъ нашихъ гуманистовъ: Длугоша, Остроорога, Григорія изъ Санока и Каллимаха, но однако нѣтъ болѣе опредѣленнаго взгляда на политическое развитіе народа. Новыя работы надъ Длугошемъ Семковича, затѣмъ Смольки и Бобржинскаго еще не появлялись въ печати въ полномъ своемъ объемѣ.

Съ болѣе новымъ пониманіемъ нашей тогдашней исторіи я осмѣлился выступить въ двухъ разсужденіяхъ: «О нешавскомъ законодательствѣ Казимира Ягеллончика» («*O ustawodawstwie nieszawskiem Kazimierza Jagellończyka*». Kraków. 1873) и «Янъ Остроорогъ. Этюдъ по политической литературѣ» («*Jan Ostroróg, studium z literatury politycznej*». *Przewodnik nauk*. Lwów. 1877). Первое изъ нихъ, поскольку въ немъ шла рѣчь о развитіи законодательной власти, исправилъ и пополнилъ многими подробностями Ромуальдъ Губе въ трудѣ: «Нешавскіе статуты 1454 г.» («*Statuta nieszawskie z r. 1454*». Warszawa. 1875). По поводу общаго моего взгляда высказался до сихъ поръ только Іосифъ Шуйскій въ рецензій первомъ изданіи настоящей книги и затѣмъ въ обширномъ трудѣ подъ названіемъ: «Возрожденіе и реформація въ Польшѣ» («*Odrodzenie i reformacya w Polsce*»), пять публичныхъ лекцій, изъ которыхъ только первая появилась въ печати (*Przegląd polski* за іюнь 1880 г. Краковъ). Обращая вниманіе на отличныя отъ моихъ воззрѣній Шуйскаго въ примѣчаніяхъ, я тутъ замѣчу лишь, что главныя различія во мнѣніяхъ относятся не столько къ изображенію событій, сколько къ опредѣленію причинъ и оцѣнкѣ ихъ послѣдствій.

По трактату Остроорога также развилась за послѣднее время обширная литература, которая пролила яркій свѣтъ на наши внутреннія отношенія въ среднихъ вѣкахъ. Эту литературу составляютъ разсужденія Якова Каро и Михаила Бобржинскаго въ IV томѣ «Журнала историческаго отдѣленія Академіи» («*Pamietnik wydz. hist. Akademii*». Kraków. 1884),

Е. Свѣжавскаго въ «Ateneum'ъ» (Warszawa. 1884 I), М. Рембовскаго въ «Niwie» (Warszawa. 1884. I, II) и наконецъ отдѣльный этюдъ Адольфа Павинскаго (Warszawa. 1883).

Эпизодъ изъ тогдашней борьбы съ церковью представляетъ Станиславъ Смолька въ разсужденіи: «Споръ съ церковью» («Spór z kościołem». Szkice. II).

Не даетъ того, что обѣщаетъ, разсужденіе Фридриха Папе (Papée): «Переворотъ въ городскихъ отношеніяхъ при Казимірѣ Ягеллончикѣ» («Przełom w stosunkach miejskich za Kazimierza Jagellończyka». Przewodnik. Lwów. 1883. I).

Важные вопросы по поводу отношеній Польши къ Литвѣ поднимаетъ Анатолій Левицкій: «Вступленіе на польскій тронъ Казимира Ягеллончика» («Wstąpienie na tron polski Kazimierza Jag.». Отдѣльный оттискъ изъ XX тома «Разсужденій истор. отд. Акад.». Краковъ. 1886).

Внѣшней политики Казимира Ягеллончика касаются два новыхъ разсужденія Фридриха Папе: «Польская политика въ эпоху паденія Георгія Подибрада 1466—1471». («Polityka polska w czasie upadku Jerzego z Podjebradu 1466—1471». Rozprawy wyd. hist. fil. Akad. um. 1878. VIII) и «Кандидатура Фридриха Ягеллончика на вармійское епископство. 1489—1492». («Kandydatura Fryderyka Jagellończyka na biskupstwo warmijskie. 1489—1492». Альбомъ молодежи, посвященный Крашевскому. Album młodzięzy poświęcone Kraszewskiemu. Lwów. 1879). См. также въ томъ же самомъ сборникѣ Валентина Микрота: «Влодео изъ Домаборжа, каштелянъ накельскій, и его отношенія къ Казиміру Ягеллончику» («Włodko z Domaborza, kasztelan nakielski, i jego stosunki z Kazimierzem Jagiellończykiem»).

Яковъ Каро въ V томѣ своей «Исторіи Польши» («Geschichte Polens». Gotha. 1886) пользуется этими новыми трудами и первый даетъ цѣльную историческую картину за время отъ 1454 г. по 1480 г.

§ 59. Присоединеніе Пруссіи и Поморья.

Почти въ тотъ самый моментъ, когда Казиміръ Ягеллончикъ одержалъ полную побѣду въ борьбѣ съ анархіей, на нашей исторической сценѣ появился тевтонскій вопросъ, но уже въ новомъ, отличномъ отъ прежняго видѣ. Потребовалось сорокъ четыре года, чтобы битва при Грюнвальденѣ принесла плоды. Въ продолженіе этого времени орденъ, лишенный своего обаянія, потерявъ общую помощь Европы, разлагался самъ собою, утратилъ прежній духъ,

разстроилъ свою нѣкогда примѣрную организацію, однимъ словомъ, обратился въ гнѣздо воинственныхъ монаховъ, которые, забывъ о своемъ призваніи, на развалинахъ своего прежняго величія рѣшили до послѣдней минуты пользоваться своимъ положеніемъ, и вслѣдъ за этимъ наступилъ неслыханный грабежъ подвластной имъ страны и населенія. Какъ въ каждомъ средне-вѣковомъ государствѣ, такъ и въ тевтонскомъ существовали три автономныя сословія: церковь съ епископами во главѣ, рыцарство (свѣтское), поселившееся въ своихъ имѣніяхъ, и наконецъ города. Верховной властью обладалъ орденъ, и это исключительное правленіе было до тѣхъ поръ хорошо для подчиненныхъ ему сословій, пока, опираясь на свою собственную силу, оно выполняло великую задачу обороны страны и совершало новыя завоеванія. Но когда эта задача была исчерпана, многоголовое орденское правительство должно было стоять дороже, чѣмъ всякое другое, монархическое правленіе, и падать невыносимымъ бременемъ на все населеніе. Не принося болѣе выгоды, разорительное правленіе ордена казалось прусскому населенію тѣмъ болѣе тяжелымъ ярмомъ, что это населеніе сейчасъ-же за границами своей страны видѣло свободныя польскія земли, цвѣтушія, надѣленные широкимъ самоуправленіемъ, видѣло славный тронъ Ягеллоновъ, который своимъ могуществомъ приносилъ всей странѣ не грабительское и жестокое управленіе, но покровительство закона и щедрыя милости. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ свѣтскомъ рыцарствѣ, которое поселилось въ орденскихъ земляхъ, и которое Тевтоны не успѣли еще совершенно онѣмечить, тогдашняя слава и величіе Польши пробудили польскія воспоминанія, а права и вольности польской шляхты породили зависть. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что прусскіе города, обязанные своимъ цвѣтушимъ положеніемъ торговлѣ съ Польшей, старались устранить тѣ препятствія и освободиться отъ тѣхъ тяжестей, которыя орденъ наложилъ на эту торговлю въ интересахъ своей казны. Эти два сословія прежде всего вступили въ борьбу, добиваясь права участвовать въ управленіи орденскимъ государствомъ; а когда они пріобрѣли это право, то начали стремиться къ полной самостоятельности и къ перевѣсу надъ орденомъ. Съ этой цѣлью они составили обширный союзъ для взаимной помощи и борьбы съ орденомъ. Когда же орденъ, склонивъ на свою сторону папу и императора, разрушилъ этотъ союзъ и готовился силою уничтожить его окончательно, прусское населеніе ни на минуту не поколебалось и черезъ торжественное

посольство, отправленное къ Казимиру Ягеллончику въ 1454 г., просило объ освобожденіи отъ ига ордена и присоединеніи къ великому государству, которое уважало обычаи и права каждой изъ своихъ составныхъ частей и народностей. За рыцарствомъ и городами послѣдовали потомъ и прусскіе епископы, которые менѣе, чѣмъ кто-либо другой, сносили орденское правленіе и издавна вели борьбу противъ него. Была составлена и подписана привилегія относительно присоединенія Пруссіи и Поморья къ Польшѣ, и началась послѣдняя, тринадцатилѣтняя борьба съ орденомъ. Въ сравненіи съ прежними она носила отличный характеръ. Въ это время во всей Европѣ измѣнилась система веденія войны. Выводить въ поле огромныя войска рыцарства оказалось дѣломъ, не достигавшимъ цѣли, потому что это рыцарство, принужденное содержаться на собственные средства, не могло пробыть подъ оружіемъ дольше нѣсколькихъ мѣсяцевъ и, исчерпавъ свои запасы, не разъ въ рѣшительную минуту возвращалось домой, отчего уже никакая сила не была въ состояніи его удержать. Поэтому гораздо лучшихъ результатовъ можно было ожидать отъ наемныхъ войскъ, которыя хотя и уступали численностью, но были лучше обучены военному искусству, твердо держались на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока получали жалованье, и умѣли послѣдовательно воспользоваться каждой пріобрѣтенной выгодой. Тевтоны ухватились за такой способъ веденія войны, и онъ былъ для нихъ самымъ лучшимъ и, кромѣ того, единственно возможнымъ; самымъ лучшимъ, потому что задача ордена состояла уже только въ томъ, чтобы обороняться въ укрѣпленныхъ замкахъ и такимъ образомъ утомлять поляковъ; единственно возможнымъ, потому что взбунтовавшееся населеніе Поморья и Пруссіи, ведя борьбу съ орденомъ, не дало склонить себя къ военной службѣ для защиты ордена, и только громадная казна этого послѣдняго могла привлечь къ нему и вывести въ поле чужихъ защитниковъ. Наемныхъ солдатъ не трудно было найти тому, кто имѣлъ деньги, потому что постоянныя войны въ XV в. оторвали значительную часть населенія во всей Европѣ отъ производительнаго труда и создали солдатъ по профессіи, которые безъ всякой высшей идеи искали войны и хлѣба у того, кто лучше платилъ. Долго поляки пытались одолѣть орденъ большими походами всего рыцарства, но безуспѣшно. Первый изъ этихъ походовъ, по недостатку дисциплины, немедленно кончился въ 1454 г. чувствительнымъ пораженіемъ подъ Хойницею; болѣе поздніе, возобновлявшіеся ежегодно съ большей осторожностью и

силою, служили только къ тому, чтобы придать бодрости городамъ и прусскому населенію и на нѣсколько мѣсяцевъ оградить ихъ отъ ордена; но этими походами нельзя было воспользоваться для систематической, продолжительной осады укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ заперались предусмотрительные Тевтоны. Итакъ, поляки обратились къ наемнымъ солдатамъ, которыми, впрочемъ, уже раньше пользовались, напр., при Грюнвальденѣ, и исходъ всей войны зависѣлъ теперь отъ того, какая сторона сможетъ выступить съ бѣльшими денежными средствами и продолжаться долѣе другой. Мы продержались и побѣдили. Ульрихъ Червонка, главный вождь наемныхъ орденомъ, по преимуществу чешскихъ войскъ, когда орденъ сталъ неисправно платить жалованіе, за 436000 червонцевъ перешелъ съ своимъ войскомъ на сторону болѣе любезныхъ ему поляковъ и передалъ въ ихъ руки столицу ордена Мальборгъ. Новые отряды, прибывшіе на помощь ордену, были въ конецъ истреблены подъ Пуцкомъ, а для другихъ былъ прегражденъ доступъ и съ суши и съ моря. Орденъ еще старался помочь себѣ благопріятствовавшимъ ему посредничествомъ императора и папы; но когда въ 1466 г. поляки добыли главную твердыню ордена Хойницу, Тевтоны признали себя побѣжденными и просили мира. Онъ былъ заключенъ 19 октября 1466 г. въ Торуні. Послѣ долголѣтней, неслыханно истребительной войны, Польша возвратила свои земли: поморскую, хелминскую и михаловскую, приобрѣла Мальборгъ, Эльбингъ, Штумъ, Вармію; и орденъ, оставленный во владѣніи только восточной частью Пруссіи, въ которой онъ успѣлъ удержаться въ теченіе войны, призналъ себя въ вассальной зависимости отъ Польши. Великій магистръ въ продолженіе шести мѣсяцевъ по принятіи сана долженъ былъ давать торжественную ленную присягу польскому королю, доставлять ему ратныя вспоможенія и за то обладалъ почетнымъ мѣстомъ по лѣвую руку короля въ польскомъ сенатѣ.

Возвращеннымъ землямъ было оставлено полное самоуправленіе въ области законодательства, судопроизводства и администраціи, и выраженіемъ этого самоуправления былъ прусскій сеймикъ, составленный изъ представителей трехъ сословій: духовенства, шляхты и городовъ. Край былъ раздѣленъ на три воеводства: поморское, хелминское и мальборгское, и въ нихъ была введена особая автономная іерархія должностныхъ лицъ: воеводъ и каштеляновъ; рядомъ съ этой іерархіей, такъ какъ и въ другихъ провинціяхъ государства, были учреждены представители королев-

ской власти: генераль-староста прусскихъ земель и городскіе старосты. Хелминскій епископъ былъ подчиненъ власти гнѣзненскаго примаса. Нѣсколько особенное положеніе занялъ вармійскій епископъ который съ духовною властью соединялъ и свѣтскую надъ своей епархіей и, подавшия Польшѣ, сохранилъ свою княжескую власть надъ Варміей.

Вслѣдствіе торунскаго мира Польша пріобрѣла устье Вислы и получила доступъ къ морю; снова осуществилась великая мысль Болеслава Храбраго и затѣмъ Кривоустаго, и ея осуществленіе отдавало въ руки Польшѣ вывозъ ея товаровъ и продуктовъ и являлось главной основой ея экономическаго развитія и благосостоянія.

Вислянская торговля развилась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Главными предметами ея были лѣсъ и хлѣбъ. Хлѣбъ собирался со всего того пространства, надъ которымъ господствовала Висла и ея многочисленные притоки. Дунайцемъ, Саномъ и Бугомъ онъ доставлялся изъ Малой Польши и Руси, Наревомъ—съ восточныхъ окраинъ Мазовіи, Пилицей—съ плодородныхъ полей Сандомирскихъ, Вартой и дальнѣйшей сухопутной дорогой на Торунь—изъ Великой Польши,—и весь этотъ хлѣбъ собирался на Вислѣ, чтобы, слѣдуя ея теченію, попасть въ амбары Гданска (Данцига) и оттуда на корабли, ожидавшіе его въ гданской гавани. Дерево для топлива и строевой лѣсъ, дерево невыдѣланное и обработанное получалось по преимуществу изъ Мазовіи; болѣе дорогія породы его доставляло карпатское Подгорье. Древесные продукты: деготь, смола и зола, ископаемые продукты, какъ мѣдь, олово, желѣзо и свинецъ, равно какъ и другіе важные предметы торговли: медь, воскъ, мѣха и шкуры, какъ болѣе удобные для перевозки, прибывали изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Все это сплавлялось на самыхъ различныхъ судахъ. Лѣсъ шелъ связанный въ плотахъ, остальные продукты главнымъ образомъ на плоскодонныхъ баркахъ, а въ нижнемъ теченіи рѣки на болѣе глубокихъ и вмѣстительныхъ дубасахъ и шкутахъ. Суда, прибывавшія въ Гданскъ, тотчасъ разбирались и потомъ продавались, какъ простой лѣсъ, а матросы сухимъ путемъ возвращались домой. Самой торговли было три главныхъ вида. Первый изъ нихъ состоялъ въ томъ, что польскіе производители вели торговлю на свой собственный счетъ; собравъ болѣе или менѣе значительные запасы, они сплавляли ихъ сами или съ помощью собственныхъ матросовъ въ Пруссію, вплоть до самаго Гданска и прямо продавали эти товары уже ожидавшимъ ихъ купцамъ. Другой видъ

торговли былъ тотъ, въ которомъ роль посредниковъ брали на себя польскіе купцы, заключаая съ прусскими договоры по поставкѣ товаровъ, закупаля у польскихъ производителей ихъ продукты и къ означенному сроку доставляли ихъ въ Пруссію и, возвращаясь на родину, привозили съ собою заграничныя товары, пріобрѣтенныя въ Гданскѣ взамятъ своихъ. Образовался наконецъ третій видъ торговли, при которомъ прусскіе купцы вступали въ сношенія съ производителями прямо на мѣстѣ, т. е. сами обѣзжали страну, заказывали нужные имъ продукты, разсматривали доставленныя имъ образцы, выплачивали напередъ известную часть условленной цѣны, обезпечивая себя за то имуществомъ поставщика, и, заключивъ массу подрядовъ, возвращались въ Гданскъ и ожидали доставки. Такою представлялась эта торговля, которая вращалась громадными капиталами и держала въ своихъ рукахъ хозяйство и благосостояніе цѣлаго края.

Присоединеніе Пруссіи было самымъ блестящимъ триумфомъ, который Польша одержала уже не надъ языческой и варварской Литвой, но надъ цивилизованнымъ и во многихъ отношеніяхъ стоявшимъ выше самой Польши нѣмецкимъ элементомъ. Она была обязана этимъ триумфомъ не счастьемъ и военному перевѣсу, но политическому устройству, которое, обезпечивая за государствомъ силу и значеніе, въ то-же время оставляло личности и обществу необходимую свободу для развитія и не позволяло ни деспотизму правителей, ни своеволію феодалныхъ господъ, ни разбойническому рыцарству подавлять эту свободу или злоупотреблять ею, какъ то дѣлалось на Западѣ. Польша не одержала бы этого триумфа безъ рѣшительной поддержки со стороны подданныхъ ордена, именно нѣмецкаго Гданска, который, разъ поддавшись Польшѣ, не поколебался ни на одинъ моментъ въ продолженіе долготѣней войны и оказывалъ въ борьбѣ значительную помощь деньгами и оружіемъ. Во что-же обратились похвалы нѣмецкихъ императоровъ, которые, навязывая себя господами цѣлому свѣту, нѣкогда домогались отъ Польши подчиненія и дани, а позже смѣли ее вмѣстѣ съ Литвою пожаловать ордену! Теперь, же они не были въ состояніи защитить орденъ, это излюбленное дѣтище всего нѣмецкаго народа и государства; теперь тотъ-же самый великій магистръ ордена приносилъ торжественную ленную присягу не императору, а польскому королю.

§ 60. Ягеллоны на тронъ Чехіи и Венгріи.

Нѣтъ болѣе прекраснаго зрѣлища, чѣмъ эта притягательная сила Польши въ XV столѣтіи. Различныя земли, по вымираніи господствовавшихъ въ нихъ пястовскихъ линій, возвращались къ коронѣ: въ 1462 г. такъ поступили земли равская и гостынская, части западной Мазовіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненная князьямъ мазовецкимъ земля бельзская на Руси, нѣсколько же позднѣе, послѣ многихъ споровъ, земля сохачевская (1476) и плоцкая (1496), такъ что только восточная часть Мазовіи сохранила отдѣльныхъ князей, находившихся въ вассальной зависимости отъ Польши. Населеніе въ государство прибывало, и притомъ это было коренное польское населеніе, не питавшее никакихъ сепаратистскихъ попопзновеній. Въ предѣлы короны входили земли, отграничивавшія ее до сихъ поръ отъ Пруссіи и отъ Литвы. И въ Силезіи Польша дѣлала выгодныя приобрѣтенія: еще Олесницкій въ 1444 г. купилъ княжество сѣверское, князья Освенцима и Затора признали свою вассальную зависимость, а нѣсколько позже (въ 1457 и 1494 гг.) совсѣмъ продали польскому королю свои княжескія права. Если въ то время Польша не вернула всей Силезіи, то это слѣдуетъ приписать только тому обстоятельству, что Ягеллоны, стремясь къ обладанію чешской короной, не хотѣли вступить въ открытый раздоръ съ Чехіей, какъ верховной властительницей Силезіи.

Едва только Польша по торунскому миру устроилась съ орденомъ, какъ тотчасъ же обнаружился чешскій вопросъ, отложенный на время, и находившійся въ связи съ нимъ венгерскій, и они почти исключительно заняли собой остальное время правленія Казимира Ягеллончика. Мы уже не разъ упоминали о томъ и о другомъ вопросѣ; но теперь, желая понять ихъ окончательное рѣшеніе, мы должны еще разъ подальше вернуться назадъ.

Начало чешскому, равно какъ и венгерскому вопросамъ было положено прекращеніемъ правившихъ въ нихъ династій. Съ 1306 г. въ Чехіи правила люксембургская династія, въ Венгріи—династія анжуйская съ 1308 г. Послѣ бездѣтной смерти Людовика венгерскаго, въ 1382 г. вступилъ на тронъ Венгріи зять его, извѣстный намъ Сигизмундъ люксембургскій, и въ первый разъ соединилъ короны Чехіи и Венгріи. Это соединеніе не было дѣломъ случая, потому что обѣ эти сосѣднія страны нуждались во взаимной по-

мощи: одной грозило истребленіе со стороны Германіи, другой— со стороны турокъ. Однако люксембургская династія, когда она въ то же время сидѣла на императорскомъ тронѣ Германіи, не могла выполнить эту задачу. И дѣйствительно мы видѣли, что Чехія, благодаря своему гуситскому движенію, фактически освободилась изъ-подъ зависимости Сигизмунду и Германіи, а смерть Сигизмунда въ 1437 г. уничтожила и послѣднюю тѣнь этой зависимости и осиротила оба трона: чешскій и венгерскій. Въ это время въ лицѣ Альбрехта, герцога Австрійскаго, выступила династія Габсбурговъ, какъ неутомимый соперникъ Ягеллоновъ въ борьбѣ за венгерскую и чешскую короны. Но Габсбурги, послѣ Люксембурговъ, получили во владѣніе также и нѣмецкую имперію; а Венгрія и Чехія, не имѣя надежды выработать изъ нихъ народную династію, опасаясь ихъ нѣмецкаго вліянія, отвернулись отъ нихъ. По смерти Альбрехта въ 1439 г. сынъ его Владиславъ Постумъ (Pogrowic) удерживается только въ Чехіи, а тронъ Венгріи занимаетъ Владиславъ Варненчикъ. Послѣ варнинскаго пораженія Венгрія обратилась къ Владиславу Постуму, но этотъ малолѣтній король былъ только мнимымъ государемъ. Въ Чехіи Георгій Подибрадъ, въ Венгріи Янъ Гуніадъ, оба храбрые вожди, были регентами, а по смерти Владислава въ 1457 г. Георгій Подибрадъ и сынъ Яна Гуніада Матвѣй, по прозванію Корвинъ, получили короны. Ихъ правленія были блестящими, но основывались только на личномъ ихъ талантѣ и энергіи характера; имъ недоставало блеска царственнаго величія, и ни тотъ ни другой не сумѣлъ основать новую національную династію. Съ момента ихъ смерти оба народа опять должны были искать новаго государя, выбирать между Габсбургами и Ягеллонами. Чехія должна была еще ранѣе позаботиться о томъ, при жизни Георгія Подибрада. Расколота на двѣ партіи: гуситскую, во главѣ которой стоялъ Георгій, и католическую, усиливающуюся и враждебную Георгію, обреченная на непрерывную внутреннюю борьбу и на бѣдствія крестоваго похода, непрерывно проповѣдовавшагося папою Павломъ II, она въ одной Польшѣ видѣла спасеніе. Настала также и для Польши рѣшительная минута. Если погромъ нѣмецкаго элемента (торжество надъ Тевтонскимъ орденомъ) долженъ былъ принести дѣйствительные результаты, если славянскій элементъ долженъ былъ занять надлежащее положеніе рядомъ съ германскимъ и романскимъ какъ въ политикѣ, такъ равно и въ общемъ развитіи цивилизаціи, то Польша должна была занять Чехію, черезъ то проникнуть въ самое сердце Европы и выста-

вить славянское знамя. Эта идея, глубоко вкоренившись въ умахъ всего народа, представляла самый сильный рычагъ его могущества, была грозной инициативой для всѣхъ сосѣдей. Казиміръ Ягеллончикъ старался осуществить эту идею безъ большихъ жертвъ, одною лишь благоразумной политикой. На всякія упрямства принять участіе въ крестовомъ походѣ противъ «еретика» Георгія, исходившія изъ Рима, равно какъ и отъ польскаго духовенства, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и, защищая Георгія Подибрада успѣшнымъ дипломатическимъ покровительствомъ, склоняя католическую партію въ Чехіи къ прекращенію борьбы, умѣряя излишнюю ревность апостольскаго престола, онъ умѣлъ возбудить къ себѣ большую симпатію со стороны чешскаго народа. Поэтому католическая партія въ Чехіи, не прекращая борьбы съ Георгіемъ Подибрадомъ и не будучи въ состояніи привлечь Казиміра на свою сторону, обратилась къ властителю Венгріи, Матвѣю Корвину, провозгласила его чешскимъ королемъ и вызвала такимъ образомъ новаго и грознаго соперника въ борьбѣ за чешскую корону. Казалось, что споръ можетъ быть рѣшенъ только оружіемъ. Казиміръ Ягеллончикъ выступаетъ съ правами не только на чешскую (какъ мужъ Елизаветы, сестры Владислава Постума), но и на венгерскую корону, колеблетъ этимъ положеніе Матвѣя Корвина, поднимаетъ на него сосѣдей и готовится къ рѣшительной войнѣ. Въ такую критическую минуту внезапно умираетъ Георгій Подибрадъ, всегда считавшійся за еретика-гусита; чешскій народъ обращается къ Польшѣ, Казиміръ въ 1471 г. посылаетъ въ Чехію своего самого старшаго сына Владислава, уже приходившаго въ совершенный возрастъ, а въ Венгрію другого сына Казиміра съ значительнымъ отрядомъ войска. Къ несчастію, великое предпріятіе только на половину увѣнчалось успѣшнымъ исходомъ. Владиславъ короновался въ Прагѣ и успѣлъ удержаться на чешскомъ тронѣ, но Казиміръ не нашелъ въ Венгріи обѣщанной поддержки и долженъ былъ со стыдомъ удалиться. Отношенія между польскимъ королемъ и Матвѣемъ Корвиномъ сдѣлались натянутыми, и на границахъ начались разбойническія нападенія. Наконецъ, въ 1474 г. дѣло дошло до того, что Польша и Чехія предприняли большой походъ противъ Силезіи, которая держалась за-одно съ Матвѣемъ Корвиномъ. Слишкомъ значительное число войскъ, неумѣлое предводительство Яна Рытвянскаго и недостатокъ жизненныхъ припасовъ повели къ тому, что походъ совершенно не достигъ предположенной цѣли, не могли заставить Матвѣя вступить въ битву,

которой тотъ избѣгалъ. Дѣло окончилось долголѣтнимъ перемиріемъ.

Впрочемъ Казиміръ Ягеллончикъ не переставалъ работать далѣе надъ осуществленіемъ великаго плана, который онъ начерталъ для внѣшней польской политики, плана самаго великаго и самаго смѣлаго, какой только вообще выставяла Польша за все время своего историческаго существованія. Намѣреваясь тѣсно связать съ Польшей и присоединить къ ней не только Литву и Пруссію, но также Чехію, Венгрію и даже Валахію, Казиміръ полагалъ, что одинъ государь не сможетъ успѣшно управлять столькими и столь различными государствами и удержать ихъ за собою. Имѣя шестерыхъ сыновей, онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ и, возводя на тронъ cadaго изъ этихъ государствъ того или другаго изъ сыновей, объединить всѣхъ братьевъ тѣснымъ союзомъ подъ предводительствомъ польскаго короля и тѣмъ самымъ создать изъ Польши центръ одной великой федераціи народовъ подъ ягеллонскимъ скипетромъ. Планъ этотъ былъ такъ обстоятельно обдуманъ, что одинъ изъ сыновей Казиміра, Фридрихъ, принялъ посвященіе въ духовенство съ тѣмъ, чтобы получить вармійскую епископскую и вмѣстѣ съ тѣмъ княжескую каедру и стать во главѣ Пруссіи.

Однако Казиміръ не дождался осуществленія своихъ намѣреній. Уже кандидатура Фридриха Ягеллончика на вармійское епископство, сдѣлавшееся вакантнымъ въ 1489 г., вслѣдствіе смерти Николая Тунгена, встрѣтила рѣшительное сопротивленіе не только въ вармійскомъ капитулѣ и въ прусскихъ сословіяхъ, но также и въ папѣ. Равнымъ образомъ встрѣтили пренятствіе и планы, относившіеся къ Венгріи.

Смерть Матвѣя Корвина въ 1490 г. открыла просторъ для этихъ плановъ. Второй по порядку (по смерти королевича Казиміра) сынъ Казиміра, Альбрехтъ, по приказанію отца отправился въ Венгрію съ вооруженнымъ войскомъ, чтобы осуществить права Ягеллоновъ на венгерскій тронъ. Однако въ Венгріи образовалась партія, которая стремилась возвести на этотъ тронъ не Альбрехта, а Владислава, короля чешскаго; а Владиславъ, разрушая отцовскіе планы, принялъ предложеніе. Поэтому между двумя братьями и ихъ сторонниками дошло дѣло до битвы подъ Кошицами въ 1491 г., принудившей Альбрехта удалиться изъ Венгріи. Владиславъ соединилъ въ своихъ рукахъ чешскій и венгерскій скипетры, но династическая политика Казиміра, отъ которой окончательно зависѣла будущность Польши и Ягеллоновъ,

потерпѣла рѣшительный ударъ. Чехія и Венгрія, раздѣленные между его сыновьями, должны были-бы идти за Польшей и въ ней искать свой центр тяжести, какъ къ тому стремился Казимиръ. Объединенныя теперь въ однѣхъ рукахъ, хотя бы въ рукахъ Ягеллончика, эти государства могли существовать самостоятельно и направлять свою политику по особому пути. Въ связи съ Венгріей Чехія отдалялась отъ ближайшаго соприкосновенія съ Польшей; а между тѣмъ отъ него должна была окончательно зависѣть будущность обѣихъ странъ.

Однако эта первая неудача династической политики Ягеллоновъ была очевидной скорѣе внутри, чѣмъ извнѣ. Все-таки въ моментъ смерти Казимира могущество Ягеллоновъ достигло своей вершины и широко распростерлось на три моря: Балтійское, Адриатическое и Черное.

§ 61. Уничтоженіе привилегій.

Это уже были послѣдніе результаты, которыхъ Польша могла и успѣла достигнуть съ помощью своего до сихъ поръ державшагося средневѣковаго устройства. Ее, какъ и весь тогдашній цивилизованный міръ, ожидали задачи гораздо болѣе трудныя; во второй половинѣ XV в. уже пробивался разсвѣтъ новыхъ временъ, въ которыя человѣческая дѣятельность должна была вступить въ болѣе широкіе предѣлы, а мысль человѣческая—стремиться даже за тѣ естественныя границы, какія начертало ей Провидѣніе. Хороши и необходимы были средневѣковыя привилегіи, пробуждавшія самостоятельность въ личностяхъ и обществѣ и защищавшія народный трудъ; но теперь они отжили и утратили свое первоначальное назначеніе. Пользуясь предоставленнымъ имъ самоуправленіемъ, отдѣльныя сословія стали такой большой силой, что государь не могъ сохранить между ними надлежащее равновѣсіе. Нѣкоторыя изъ нихъ и въ особенности церкви, расширивъ до вредныхъ размѣровъ свои привилегіи, угрожала или полнымъ крушеніемъ государства или поглощеніемъ его въ себѣ, т. е. теократіей. Не на шутку скрипѣла не только у насъ, но и на всемъ Западѣ затѣйливая машина средневѣковаго устройства; духъ сословнаго эгоизма подавлялъ мысль объ общественномъ благѣ; среди всевозможныхъ привилегій исчезала идея права. Хотя у насъ не дошло до полной анархіи и кулачнаго права, какъ то было въ Германіи, но примѣръ разбоевъ и насилій, про-

никая изъ-за границы и именно изъ Силезіи, началъ приносить все болѣе и болѣе обильные всходы.

Въ рамкахъ сословнаго самоуправленія развилось земледѣліе, стали процвѣтать торговля и промышленность; но этотъ экономическій прогрессъ заставлялъ отдѣльные государства въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ искать выгодныхъ условий и дѣятельной поддержки. Европейскія государства сближались другъ съ другомъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ прежде, но отъ того самаго появилось соперничество, возникли столкновенія самыхъ жизненныхъ интересовъ, причемъ, только систематически ведя войну, можно было рѣшать споры. Теперь и Польша должна была съ большею, чѣмъ когда бы то ни было, силою, очутившись въ ряду прежнихъ и новыхъ соперниковъ, вести оборонительную и наступательную борьбу, захватывать въ свои руки большія торговыя дороги, занимать прочное положеніе на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Для этого не были достаточны ни тѣ военныя средства, ни та организація, какія имѣлись до сихъ поръ. Только однообразно объединяя всѣ свои общественныя силы, могли народы, а съ ними и наша Польша, приступить къ новому труду, къ новому соперничеству съ надеждой на побѣду.

Какое будетъ новый строй, къ которому устремятся народы, — этого еще никто не былъ въ состояніи отгадать; одно было несомнѣнно: въ общемъ сознаніи утвердился тотъ принципъ, что привилегіи должны рушиться, что около государя, въ его рукахъ должны сосредоточиться всѣ народныя силы. Съ такимъ понятіемъ рождались равно какъ и тѣ люди, которымъ предназначено было занимать тронъ, такъ и тѣ, которые должны были повиноваться даннымъ приказаніямъ или ожидать ихъ. Болѣе трудную задачу должны были выполнить западные народы, средневѣковое устройство которыхъ основывалось на феодализмѣ. Тамъ почти не было никакой власти у государя: до такой степени присвоили ее себѣ могущественные вассалы, которые раздробили великія націи и государства на множество крохотныхъ государствъ. И однако нашлись государи съ очень высокимъ талантомъ, съ безпримѣрной энергіей, которые коварствомъ и силою одолѣли сопротивленіе вассаловъ, уничтожили привилегіи церкви и знати и сосредоточили всю власть въ своихъ рукахъ. Самымъ блестящимъ образомъ выполнилъ это Людовикъ XI, и потому-то Франція, безъ всякаго сомнѣнія, заправляла событіями новой исторіи. Въ Германіи и въ Италіи уже не удалось объединить раздробленное государство; но болѣе могущественные изъ среды прежнихъ

вассаловъ, усилившись, ввели въ предѣлахъ своихъ обширныхъ княжествъ новый порядокъ вещей. Польшу ожидала болѣе легкая задача. И въ Польшѣ церкви, могущественные паны и города оберегали свою обособленность, ограждались привилегіями; но не было зато феодализма, не было, за исключеніемъ части Мазовіи, независимыхъ князей и пановъ; всей страной владѣлъ одинъ господинъ, одинъ король, который въ каждый моментъ могъ апеллировать ко всему народу и искоренить упорное сопротивленіе.

Если однако въ силу измѣнившихся условій должна была измѣниться также политическая средневѣковая организація, должно было возродиться разлагавшееся общество и государство, то для такого измѣненія нисколько не могли оказать услугу ни тогдашняя цивилизація, ни форма, содержаніе и направленіе мысли. Это было извѣстное намъ схоластическое направленіе. Основывая ягеллонскій университетъ, Польша не могла сразу сдѣлать что-либо иное, кромѣ усвоенія современной западной науки. Итакъ, мы ввели у себя схоластику, и это въ тотъ моментъ, когда она уже склонялась къ упадку на Западѣ. Привлекши къ ней цѣлую массу свѣжихъ силъ, мы создали ей у себя, какъ о томъ шла рѣчь выше, эпоху послѣдняго, запоздалаго расцвѣта. Схоластика сблизила насъ съ тогдашнимъ Западомъ, создала впервые литературу, приобрѣла для насъ болѣе прочное положеніе въ «христіанской республикѣ», но за всѣмъ тѣмъ какъ у насъ, такъ и на Западѣ, носила въ себѣ зародыши близкаго упадка. Средневѣковое юное общество, пустившись въ область самыхъ запутанныхъ изслѣдованій, не довѣряло своимъ силамъ, искало руководителей въ этомъ трудѣ, искало авторитетовъ, на которыхъ могло бы безопасно положиться и сосредоточиться. Такими авторитетами сдѣлались священное писаніе, творенія отцовъ церкви, кодексы каноническаго и римскаго права, наконецъ уцѣлѣвшія отъ гибели сочиненія Аристотеля въ невѣрномъ латинскомъ переводѣ. Столь разнообразный матеріалъ, возникшій въ иные времена и при иныхъ условіяхъ, старались соединить въ одно цѣлое и на основаніи его построить философскую систему, которая разрѣшала бы всѣ вопросы, удовлетворяла бы всѣмъ стремленіямъ человѣка. Это можно было выполнить, только создавая себѣ особенную систему пониманія, пропускавая существенное значеніе, духъ тѣхъ сочиненій и людей, за которыми признавали достоинство научныхъ авторитетовъ. Такого рода наука отмстила своимъ адептамъ. Каждое послѣдующее поколѣніе оказывалось болѣе

слабымъ, чѣмъ предшествовавшее. Для ученыхъ XV в. ихъ предшественники въ XIV столѣтїи были уже непоколебимымъ авторитетомъ. Въмѣсто того, чтобы разузнавать и изслѣдовать самостоятельно, цитировали цѣлый рядъ авторитетовъ, говорившихъ за или противъ извѣстнаго положенія, затѣмъ останавливались на томъ, на чьей сторонѣ находятся большіе авторитеты, и такимъ образомъ рѣшали вопросъ. Въмѣсто того, чтобы развивать науку, расширять объемъ познаній и искать ихъ практическаго примѣненія, погружались все болѣе и болѣе въ бесплодныя умствованія, въ диспуты, которые съ полнымъ пренебреженіемъ къ предмету сами по себѣ становились цѣлью. Форма подавляла содержаніе, эрудиція—науку. Философскія, богословскія и астрологическія утонченности стояли на первомъ планѣ, подвергая все большему и большему пренебреженію медицину и даже право.

Такъ какъ эта схоластическая наука составляла опору и основаніе средневѣковыхъ политическихъ понятій, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и эти послѣднія вскорѣ подпали той-же самой участи. Привилегія, которая сначала была только средствомъ, формой организаціи, неизмѣримо разросшись, стала цѣлью сама по себѣ. Политическій авторитетъ среднихъ вѣковъ, теорія о верховной власти папы и императора, вслѣдствіе усиленно развивавшейся самостоятельности государствъ и народовъ, переходилъ въ пустую формулу; но, господствуя въ научной области, препятствовалъ образованію новыхъ, соответствующихъ духу времени институтовъ.

Не лучше впрочемъ творилось и въ нѣдрахъ самой церкви. Политическія привилегіи отвлекли духовенство во всей Европѣ отъ его дѣйствительныхъ задачъ на арену свѣтскихъ интересовъ; упадокъ религіознаго духа вслѣдствіе этого былъ очевиденъ; разстройство дисциплины въ церкви и деморализація во всемъ христіанскомъ обществѣ — безпримѣрны. Схоластическая наука на Констанцскомъ и Базельскомъ соборахъ выказываетъ полное безсиліе удержать это гибельное направленіе.

Итакъ, для смѣны политическихъ средневѣковыхъ учреждений человѣчество нуждалось въ новой побудительной причинѣ, и ее дѣйствительно доставило возрожденіе наукъ и древней классической литературы. Такъ-называемый гуманизмъ доставляетъ новые образцы и содержаніе, новый методъ и форму, постепенно вырывается изъ оковъ односторонняго авторитета, пробуждаетъ свободу человѣческой мысли, дѣлаетъ ее плодотворной и творческой во всѣхъ областяхъ знанія и прежде всего помогаетъ обра-

зованію политической организаціи новаго времени. Фактъ этотъ слишкомъ извѣстенъ во всеобщей исторіи, слишкомъ важенъ въ ней, чтобы намъ нужно было разбирать его здѣсь. За то тѣмъ прилежнѣе должны мы слѣдить, каковы были его проявленія въ польской исторіи.

Схоластическая наука господствовала еще оффиціально въ Ягеллонскомъ университетѣ, но частыя сношенія поляковъ съ Италіей, равно какъ и дипломатическія и научныя путешествія на Базельскій соборъ и въ итальянскіе университеты для научныхъ занятій были причиной того, что классическія науки, возродившіяся въ Италіи, во второй половинѣ XV в. все сильнѣе и сильнѣе проникали въ Польшу, прежде всего очевидно въ избранный кругъ людей, стоявшихъ на самой высотѣ тогдашняго просвѣщенія. Сбигнѣвъ Олесницкій и Длугошъ уже ввели неизвѣстныхъ передъ тѣмъ римскихъ классиковъ; послѣдній въ своей исторіи взялъ руководителемъ себя Ливія; Григорій изъ Санокъ съ огромнымъ успѣхомъ излагалъ древнихъ авторовъ въ университетѣ и называлъ схоластическую мудрость мечтаніями; появился въ Польшѣ извѣстный, бывший въ то время въ модѣ, итальянскій гуманистъ, Филиппъ Каллимахъ Буонакорси; были брошены вымышленныя средневѣковыя формулы, начинали заботиться о чистотѣ и изяществѣ латинскаго языка въ разговорѣ и письмѣ, было дано болѣе простора мысли, уже не связанной схоластическими авторитетами; и, что было самымъ важнымъ обстоятельствомъ: наука распространилась за предѣлами духовнаго сословія.

Вскорѣ новое поколѣніе окружаетъ короля. То не была простая шляхта, но потомки знаменитыхъ фамилій: Рывянскіе, Остророги, первое магнатское поколѣніе въ Польшѣ, которое, не вступая въ духовное сословіе, въ итальянскихъ университетахъ усвоило себя тогдашнюю науку во всемъ ея объемѣ и стремилось воспользоваться ею для блага народа. Гуманисты не приносили съ собою нравственности въ обыкновенномъ значеніи этого слова: древняя, языческая литература не могла возвысить ихъ въ этомъ отношеніи, напротивъ: она создавала въ нихъ извѣстную легкость нравовъ, свободу и отсутствіе моральныхъ принциповъ въ выборѣ средствъ, легче всего ведущихъ къ цѣли. И однако небольшой избранный кругъ людей, тѣсно связанный между собою общимъ направленіемъ своего образованія, выступившій съ солидарностью во имя извѣстной идеи, стремившійся съ искреннимъ жаромъ къ ея осуществленію, являлся великой мо-

ральной силой въ средневѣковомъ обществѣ, которое уже совершенно разложилось въ области своихъ религіозныхъ и политическихъ принциповъ ¹⁾). Наши первые свѣтскіе гуманисты были политиками-правовѣдами, которые изъ долгихъ и утомительныхъ занятій прославленнымъ римскимъ правомъ выносили новую идею античнаго государства, возвышеннаго до величайшей гармоніи и могущества на счетъ общественной свободы, и прежде всего выносили сознаніе необходимости сильной власти государя, безпрекословныхъ распоряженій его и полной послѣдовательности въ образѣ дѣйствій. Подобнымъ людямъ средневѣковое государство, основанное на сословныхъ привилегіяхъ, не могло представляться идеаломъ; имъ было тѣсно и душно въ узахъ схоластицизма, который обосновывалъ автономію сословій; политическая система среднихъ вѣковъ: верховная власть папы и императора—была невыносима для нихъ, потому что «надъ польскимъ королемъ нѣтъ выше никого, кромѣ Бога»; собравшись вокругъ короля, они ревностно помогали ему во всемъ, что имѣло цѣлью уничтоженіе привилегій и возвышеніе правительственной власти. Одинъ изъ этихъ новыхъ людей, Янъ Остророгъ, даже представлялъ планъ для новыхъ стремленій въ трактатѣ, который заключаетъ

¹⁾ Шуйскій, признавая за гуманизмомъ извѣстныя достоинства, однако считаетъ его, съ перваго момента его появленія въ Польшѣ, фактомъ прямо отрицательнымъ, вообще говоря. Гуманизмъ будто бы произвелъ у насъ тотъ упадокъ религіознаго духа и нравственное разложеніе, о которомъ пишетъ Длугошъ подъ 1466 г. Отсюда могло бы казаться, что передъ возрожденіемъ классическихъ наукъ въ Польшѣ и Европѣ господствовалъ золотой вѣкъ для нравственности и религіи. Однако наша и всеобщая исторія прямо противорѣчитъ тому, на каждомъ шагѣ доказывая, что средневѣковая цивилизація, какъ относительно своего содержанія, такъ равно и формы, уже совершенно разложилась въ XV в. и не только въ области государственной, но даже и церковной (доказательство тому—соборы) не сумѣла удовлетворить существеннымъ нуждамъ человѣчества. Невозможно также относить слова Длугоша подъ 1466 годомъ къ вліянію гуманизма, разъ только, по словамъ Шуйскаго, гуманизмъ въ то время проникъ у насъ только въ самыя высшія слои общества.

Впрочемъ, можно замѣтить также и дурныя послѣдствія гуманизма, но вообще нужно привѣтствовать его, какъ положительный и творческій факторъ, который послѣ многихъ переворотовъ и борьбы привелъ человѣчество къ настоящему «возрожденію». Или Шуйскій вправду думаетъ, что средневѣковая организація, церковная и политическая,—я не спрашиваю: лучше ли чѣмъ теперашняя, потому что это вопросъ доктрины,—возможна въ новой исторіи при вполнѣ измѣнившихся условіяхъ? Въ устахъ историка новаго времени я совсѣмъ не понимаю сожалѣній о среднихъ вѣкахъ. Исторія иди назадъ невозможно.

въ себѣ цѣлую реформаторскую программу и по силѣ своей политической мысли составляетъ собою одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ нашей литературы. «Отцы» негодовали на эту молодежь, проникнутую новымъ духомъ, выступившую съ рѣдкою беззавѣтностью и сознаниемъ своего превосходства, отзывавшуюся на мысль о необходимости совершеннаго измѣненія существовавшихъ до тѣхъ поръ отношеній; отъ направленія этой молодежи, непріязненнаго для церкви, приходило въ негодованіе духовенство; противъ опасныхъ новаторовъ поднимала крикъ толпа; и все-таки Казиміръ Ягеллончикъ этою именно молодежью замѣщаль должности городскихъ старостъ и тѣмъ обезпечилъ себѣ безпрекословное исполненіе своей воли; другихъ, такихъ-же, онъ призывалъ къ двору и въ свой совѣтъ. Весьма любопытно то обстоятельство, что даже въ рядахъ духовенства король нашелъ людей новой чеканки, въ родѣ напр. Яна Грущинскаго, который, достигнувъ самыхъ высшихъ церковныхъ должностей, во имя новаго принципа отважился вступить въ борьбу со всей церковной іерархіей.

И для короля дѣло не обошлось безъ борьбы. Если одинъ Олесницкій для защиты личнаго своего положенія, которому грозила опасность, приготовилъ Казиміру столь тяжелыя испытанія, то на сколько же большіе перевороты должны были начаться съ того момента, когда король отважился напасть на юридическое положеніе всего можновладческаго класса!

Прусская война дала для того непосредственный поводъ, и по этой причинѣ мы должны признать за ней исключительное положеніе въ исторіи нашего внутренняго развитія. Мы уже упоминали, что эта война была ведена при помощи наемныхъ войскъ, и знаемъ, что исходъ ея былъ обусловленъ тѣми милліонами гривенъ, которыя Польша съумѣла выставить противъ орденской казны. Но откуда же взяться этимъ деньгамъ, разъ духовенство, могущественные паны и города ограждали себя привилегіями, освободившими ихъ отъ чрезвычайныхъ податей? Вотъ въ это-то время среди молодежи, окружавшей короля, возникъ новый принципъ, что привилегіи тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общественномъ благѣ, о спасеніи отечества, не имѣютъ никакого значенія, что король въ случаѣ крайней необходимости имѣетъ право налагать подати и взыскивать ихъ, имѣетъ право отобрать у каждой личности ея имѣніе и даже забирать церковную казну, сосуды и вклады, принадлежащіе церкви, и обращать все это въ деньги. Это принципъ добровольнаго пожертвованія личности

ради общественнаго блага, принципъ любви къ родинѣ; и однако, когда онъ появился въ первый разъ, то встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе. Паны засѣдавшіе въ королевскомъ совѣтѣ, представляли его опаснымъ, революціоннымъ шагомъ; духовенство кричало о нарушеніи Божескаго права и грозило Божьимъ гнѣвомъ. Но Казиміръ, видя, что всѣ эти крики и угрозы не пополняютъ пустой казны, не отступилъ передъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, въ 1456 г. въ Грауденцѣ (Grudziadz) удалилъ изъ своего совѣта сопротивлявшихся аристократовъ, призвалъ въ него людей молодыхъ, приверженцевъ новаго принципа, составилъ роспись податей, опубликовалъ ее во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ подѣ страхомъ конфискаціи всего имущества и ввѣрилъ сборъ податей старостамъ, всегда оказывавшимся надежными. Это произвело магическое дѣйствіе. Прежніе совѣтники возвратились и, хотя не безъ воплей, предпочли уже сами подумать о высотѣ налога и о способѣ его доставки по требованію короля.

Никто также не умѣлъ лучше энергичнаго Казиміра смирять высокомеріе своихъ вельможъ; никто не умѣлъ лучше его извести ихъ съ присвоенной ими себѣ роли представителей народа и контролеровъ короля на скромное положеніе его совѣтниковъ и чиновниковъ.

Легче было справиться съ свѣтскими сановниками, потому что ихъ назначалъ самъ король и зналъ, кого долженъ былъ назначить, умѣлъ также и пострашать грозной рѣчью и лишить должности, а если бы кто-либо изъ нихъ, подобно гордому каштеляну нагельскому Влодку изъ Домаборжа, попробовалъ упорно сопротивляться, голова его безъ всякой жалости падала подѣ топоромъ палача. Болѣе трудное дѣло предстояло относительно духовенства, относительно епископовъ, которыхъ выбирали капитулы, и которымъ поэтому не нужно было ни страшиться короля, ни добиваться его благосклонности. Переносить это могъ Ягелло, но не Казиміръ Ягеллончикъ. Разъ епископъ засѣдаетъ въ королевскомъ совѣтѣ, его долженъ назначать король, чтобы человекъ, дурно расположенный или измѣнникъ, протершись до епископской кафедры, не надѣлалъ бѣдъ странѣ. Такъ понималъ дѣло король, его канцелярія и придворная партія, предводителемъ которой былъ маршалокъ Янъ Рытвянскій. Первымъ шагомъ со стороны короля къ достиженію этой цѣли было оставленіе нейтралитета, котораго до сихъ поръ держались, и признаніе въ 1447 году панскаго достоинства за Николаемъ V, преемникомъ Евгенія, вопреки Фелпксу V. Польскіе епископы утрачивали че-

резъ то свою независимость, но не могли противиться волѣ короля и правительства, не смотря на все свое нерасположеніе и на громкіе протесты со стороны краковскаго университета. Между тѣмъ Казиміръ Ягеллончикъ въ признаніи папы преслѣдовалъ свои собственные виды, надѣясь при помощи папы завладѣть польскими епископами, и поэтому потребовалъ отъ Николая V признанія за нимъ права раздавать всякія бенефиціи, т. е. церковныя должности, и вмѣстѣ съ тѣмъ уступки части десятиннаго сбора и дани св. Петра на нужды страны. Но когда папа только отчасти склонился на эти требованія, король обманулся въ своей надеждѣ—пріобрѣсти законное вліяніе на польскую церковь, обратился къ силѣ. Всякій разъ какъ епископская кафедра дѣлается вакантною, и капитулъ собирается для выбора, передъ нимъ появляется королевское посольство и приказываетъ выбрать епископомъ того, а не другого кандидата. Капитулы повиновались приказамъ; наконецъ одинъ изъ нихъ, краковскій, въ 1460 году оказываетъ рѣшительное сопротивленіе и вмѣсто указаннаго ему Яна Грущинскаго выбираетъ Лютка изъ Бржезя, королевскаго подгандлера, думая, что король отступится отъ своего распоряженія ради любезнаго ему лица. Король понялъ коварство, и его рѣшительное слово принудило Лютка отказаться отъ кандидатуры. Между тѣмъ папа, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ и не ожидая выбора капитула, назначилъ епископомъ третьяго кандидата, Якова Сененскаго, и капитулъ, довольный, что можетъ отговориться палою, поддерживаетъ Сененскаго. Дѣло было перенесено на съѣздъ, но король поклялся, что онъ предпочтетъ потерять королевство, чѣмъ допустить Якова до епископства. Сененскій оказываетъ сопротивленіе, но Шафранецъ и Пенѣнжекъ гродскіе старосты краковскій и сандомирскій, нападаютъ на Пинчовскій замокъ, въ которомъ тотъ укрѣпился, секвеструютъ епископскія помѣстья и отдаютъ ихъ Грущинскому, разгоняютъ капитулъ и грабятъ его имущество. Противъ папскаго проклятія появляется королевскій приказъ, грозящій смертною казнью всякому, кто осмѣлится поддерживать Сененскаго. Передъ такою рѣшимостью короля склоняется духовенство, Сененскій и папа. Съ тѣхъ поръ польскіе короли сами назначаютъ епископовъ ¹⁾). Цер-

¹⁾ Шуйскій и Калинка рѣшительно осуждаютъ этотъ шагъ Казиміра и считаютъ его послѣдствіемъ крайній упадокъ духовенства. Правда, что послѣдовавшіе дурные и слабые короли часто назначали дурныхъ епископовъ. Но если принять во вниманіе, что Казиміръ, присвоивая себѣ назначеніе епископовъ, стремился къ тому, чтобы привлечь церковь къ участию въ об-

ковная іерархія утратила свою политическую самостоятельность и вслѣдствіе этого надежду, что она когда-либо снова захватитъ въ свои руки управление государствомъ.

Изображая исторію послѣднихъ ста лѣтъ, мы не пропустили ни одного случая, чтобы не отдать должной похвалы этому управленію церковной іерархіи, чтобы хорошія стороны его не выставить въ надлежащемъ свѣтѣ; однако мы не будемъ жалѣть о немъ теперь, потому что дальнѣйшее его существованіе было прямо не возможно. Церковная іерархія умѣла править какъ слѣдуетъ, но только на чужой счетъ, вела широкую политику, пользуясь королевскими помѣстьями, которыя она отдавала внаймы на покрытіе издержекъ, соединенныхъ съ каждымъ военнымъ предпріятіемъ. Однако такой источникъ доходовъ долженъ былъ исчерпаться; походъ подъ Варну почти-что поглотилъ его остатки. Править Польшей могъ теперь только тотъ, кто умѣлъ указать новые источники доходовъ—общественныя подати,—кто былъ готовъ смѣлымъ поступкомъ открыть этотъ источникъ, задержанный привилегіями. Церковная іерархія никоимъ образомъ не хотѣла сдѣлать это, предпочитала упустить изъ своихъ рукъ правленіе государствомъ и устами Олесницкаго поднять протестъ противъ прусской войны, чтобы только свои громадныя имѣнія сохранить свободными отъ общественныхъ повинностей. Одинъ изъ наиболѣе безупречныхъ людей среди тогдашняго духовенства, Длугошъ, искренно радуется возвращенію прусскихъ земель, но не въ состояніи освободиться отъ узкой точки зрѣнія церковныхъ привилегій и словомъ и дѣломъ борется противъ обложенія налогомъ церковныхъ помѣстій для прусской войны. Однако патриотическія тирады Длугоша не пополнили пустой казны, привилегіи церкви должны были рухнуть и уничтожиться въ неравной борьбѣ съ нуждами государства, а съ этими привилегіями, по неумолимой необходимости, уничтожилась также и та политическая самостоятельность, которою осмѣлилась злоупотреблять церковная іерархія ради анархическихъ цѣлей.

Уничтоженіе церковныхъ привилегій повлекло за собой отиѣну и другихъ, свѣтскихъ привилегій, и было необходимымъ условіемъ для реформы общественныхъ повинностей, которая занимаетъ собою все правленіе Казимира Ягеллончика. До сихъ поръ имѣется

щественныхъ повинностяхъ, которыя духовенство, не смотря на все свое матеріальное благосостояніе, отказывалось выполнять,—то поступокъ короля слѣдуетъ признать необходимою времени. Мои уважаемые критики позабываютъ, что ни одно соображеніе культурнаго или церковнаго характера не можетъ замѣнить настоящаго требованія: казны и войска.

слишкомъ мало источниковъ и изслѣдованій, чтобы представить весь ходъ этой реформы; мы отмѣтимъ здѣсь только военное постановленіе 1477 г., въ которомъ Казиміръ Ягеллончикъ, опредѣляя обязанность военной службы, провелъ тотъ принципъ, что каждый обладатель помѣстій,—безразлично духовный ли или свѣтскій, обладалъ ли онъ помѣстьями по праву наслѣдства или въ видѣ духовной бенефиціи, — обязанъ былъ выставить на войну рыцарскій отрядъ, дѣйствительно соответствовавшій доходамъ отъ его помѣстій, а города должны были доставлять пѣхоту.

§ 62. Политическое движеніе шляхты.

Только насильственными средствами и употребленіемъ силы могла королевская власть сокрушить средневѣковыя привилегіи, отдѣлявшія ее отъ народа, могла приблизиться къ массѣ общества. И само общество одинаково стремилось къ тому, и очевидно только благодаря его поддержкѣ король могъ отважиться на открытую борьбу съ могущественнымъ можновладствомъ и выйти изъ нея побѣдителемъ. Однако народная масса не понапрасну поддерживала короля, не понапрасну стремилась такъ высоко поставить и укрѣпить королевскую власть: она преслѣдовала при этомъ свои собственные виды и цѣли и желала, чтобы эта власть взяла ее подъ свое покровительство, обезпечила для нея скорое отправленіе правосудія, устранила эксплуатацію народа знатю и дала ему свободу и поддержку въ его экономическомъ развитіи. Ревностнѣе всего поддерживали короля тѣ, которые болѣе всего терпѣли и болѣе всѣхъ другихъ могли надѣяться на будущее, тѣ, которые, какъ мы уже выше говорили о томъ, до сихъ поръ несли на себѣ всѣ общественныя тяготы—шляхта. Возвышенная задача ожидала здѣсь Казиміра, и отъ того, какъ онъ сдумѣетъ разрѣшить ее, зависѣла вся будущность народа и государства.

Казиміръ обладалъ полнымъ сознаніемъ своей власти, умѣлъ сокрушать сопротивленіе не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ общественныхъ классовъ и сословій; гордый наслѣдникъ ягеллонскаго могущества и блеска, онъ не зналъ преградъ для своей воли и не выносилъ сопротивленія, чѣмъ бы оно ни мотивировалось; но этотъ настоящій самодержецъ не сдумѣлъ сдѣлать надлежащее употребленіе изъ достигнутой власти, не сдумѣлъ направить ее къ тому, чтобы постоянно, систематически поддерживать слабыхъ и угнетенныхъ и улучшать ихъ участь, не

сзумѣлъ распространить на нихъ свое покровительство. Въ этомъ отношеніи у него не было ничего общаго съ его великимъ соименникомъ XIV в. Въ первые годы своего правленія онъ серьезно пытался обуздать злоупотребленія, выступилъ инициаторомъ въ области администраціи; но, встрѣтившись съ анархическимъ, упорнымъ сопротивленіемъ можновладства подъ предводительствомъ Олесницкаго, въ продолженіе этой борьбы онъ, быть можетъ, такъ зачерствѣлъ и озлобился, что впоследствии только въ полномъ произволѣ, въ сокрушеніи всякаго сопротивленія видѣлъ свою цѣль и утѣху. Мы готовы предположить это, потому что въ продолженіе долгаго правленія Казимира мы не видимъ никакого слѣда администраціи, понимающей свою задачу. Король опирался на гродскихъ старостъ, но не довелъ до конца прочной реформы чиновничьей іерархіи, относительно чего Остророгъ въ упомянутомъ трактатѣ подавалъ ему удачныя мысли. Тамъ, гдѣ ему не требовалось одолѣть сопротивленіе: въ рѣшеніи обыкновенныхъ дѣлъ, въ судопроизводствѣ и въ войнѣ онъ выказывалъ чрезвычайное равнодушіе или прямо неспособность. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что та-же самая шляхта, которая послѣ долгаго правленія можновладства съ радостью привѣтствовала въ Казимірѣ настоящаго короля, теперь, видя себя обманутой въ надеждахъ, потеряла наконецъ терпѣніе и свои вѣковыя жалобы проявила сильнымъ взрывомъ. Снова во время похода въ 1454 г. на границы Пруссіи, на нешавскихъ поляхъ, шляхта отдѣльныхъ воеводствъ, составивъ лагерныя партіи, предъявила королю всеобщія требованія и, благодаря угрозѣ разойтись по домамъ, достигла подтвержденія этихъ требованій и торжественнаго обѣщанія, что они будутъ выполнены. Каждое воеводство получило особую привилегію, составленную по одному и тому же образцу, но съ нѣкоторыми отличіями. Шляхта требовала кодификаціи законовъ, подвергшихся забвенію, урегулированія судовъ, устраненія злоупотребленій и безпорядковъ, домогалась того, чтобы чиновники постоянно находились на своихъ должностяхъ и заботились о своихъ обязанностяхъ, а прежде всего заявляла о томъ, чтобы были уничтожены ограниченія для промышленности и торговли, существовавшія для исключительной выгоды городовъ и обусловливавшія собою дороговизну необходимыхъ шляхтѣ товаровъ и продуктовъ. Это дѣйствительно вопль, вырвавшійся изъ глубины массъ и обращенный къ королю, вопль, имѣвшій полное оправданіе и вызванный долготѣнными притѣсненіями и неправдами. Дѣло однако кончилось тор-

жественнымъ общаніемъ, потому что шляхта, еще вовсе незнакомая съ политикой, не доросла до политической жизни и, не принимая въ ней никакого участія, не имѣла случая постоянно поддерживать свои требованія, не обладала силою для того, чтобы принудить короля къ ихъ исполненію. Но этимъ движеніемъ, возникшимъ между шляхтой, отлично умѣли воспользоваться паны. Въ привилегію, подтверждавшую требованія великопольской шляхты, они искусно втиснули постановленіе, въ силу котораго король обязанъ былъ не измѣнять существующихъ законовъ и не объявлять походъ, не освѣдомившись о мнѣніи всей шляхты, особо для этой цѣли созданной на сеймикъ въ Шродѣ. Паны питали надежду, что на такомъ сеймикѣ они будутъ заправлять толпою мелкой, необразованной шляхты, что имъ удастся поселить въ ней смуты и для защиты своего положенія направить ее противъ короля ¹⁾. Однако это было единственнымъ постановленіемъ нешавскихъ статутовъ, которое осуществилось на самомъ дѣлѣ и распространилось на всѣ земли не только великопольскія, но также малопольскія и русскія.

Каждый спроситъ: развѣ-же король не видѣлъ опасности? Какимъ-же образомъ онъ согласился на подобное постановленіе? Единственный отвѣтъ въ данномъ случаѣ тотъ, что король надѣялся на тотъ же самый результатъ отъ сеймиковъ, на какой надѣялись и паны, только въ свою собственную пользу, для поддержки своихъ цѣлей. И король нуждался въ сильной поддержкѣ противъ пановъ и вполнѣ справедливо искалъ ее въ шляхтѣ. Поэтому во второй половинѣ XV в. мы видимъ весьма рѣдкое зрѣлище: короля и можновластво, соперничающихъ другъ съ другомъ въ привлеченіи сеймиковъ на свою сторону. Эти послѣдніе становятся ареною ихъ неустанной борьбы; можновластво, пуская въ ходъ просьбы и угрозы, навязываетъ себя сеймикамъ и систематически бунтуетъ ихъ, но Казиміръ Ягеллон-

¹⁾ Шуйскій приписываетъ самому королю инициативу этого постановленія. Однако вовсе не сходится съ характеромъ Казиміра, чтобы онъ самъ, добровольно, издалъ постановленіе, сформулированное, какъ ограниченіе его власти, хотя бы впоследствии онъ могъ воспользоваться этимъ постановленіемъ для своей выгоды. Кромѣ того, если бы король самъ подалъ мысль о сеймикахъ, то онъ выставилъ бы ее во всѣхъ привилегіяхъ, не въ одной только великопольской. Несправедливо также обвиняетъ Казиміра г. Шуйскій въ распространеніи партикуляризма. Партикуляризмъ, самоуправленіе и обособленность земель,—все это было верховнымъ принципомъ нашей средневѣковой организаціи и напротивъ ослабѣло при Казимірѣ, благодаря учрежденію генеральныхъ сеймиковъ и посольской избы.

чикъ обладаетъ отличнымъ средствомъ противъ этого: онъ самъ появляется на сеймикахъ, лично посѣщаетъ ихъ одинъ за другимъ и, гдѣ бы онъ ни сталъ среди шляхты, въ одинъ моментъ разрушаются всякія интриги знати, шляхта чувствуетъ въ королѣ защитника, вѣритъ ему, полагается на него и чаще всего подчиняется его волѣ.

Однако для короля были невыгодны эти постоянныя поѣздки на сеймики, и потому онъ ввелъ новый обычай. Шляхта нѣсколькихъ сосѣднихъ земель, собравшись на сеймикахъ, выбирала на нихъ по требованію короля своихъ уполномоченныхъ и въ качествѣ депутатовъ отправляла ихъ къ мѣсту, указанному королемъ: Великая Польша—обыкновенно въ Коло, Малая Польша—въ Новый Корчинъ, русскія земли, въ Судовую Вишню (Wisznia Sadowa). Только на такіе генеральныя сеймики, на которые кромѣ выбранныхъ уполномоченныхъ съѣзжалось еще много шляхты по доброй волѣ, прибывалъ король и рѣшалъ съ ними вопросы о налогахъ и войнѣ. Наконецъ, Казиміръ Ягеллончикъ пытался этихъ шляхетскихъ пословъ съ генеральныхъ сеймиковъ призывать къ себѣ въ одно мѣсто, обыкновенно въ Пётрковъ и тамъ склонять ихъ къ полному соглашенію съ собой. Такимъ образомъ возникла посольская изба и вмѣстѣ съ королемъ и его прежнимъ, чиновничьимъ, можновладческимъ совѣтомъ, названнымъ теперь сенатомъ, образовала общій сеймъ королевства. Но каждый разъ, какъ депутаты шляхты, собранные на такой сеймъ, оказывались недостаточно покорными, каждый разъ, какъ они позволяли интригамъ пановъ производить смуту среди себя, король тотчасъ же обращался къ сеймикамъ и съ помощью ихъ проводилъ свои планы: сеймъ въ это время еще не достигъ никакого перевѣса надъ сеймиками.

Такимъ образомъ на политическое поприще выступаетъ новый элементъ, осваивается съ политической жизнью, дѣлается зрѣлымъ для нея: это — шляхта, которая въ тѣсномъ союзѣ съ королемъ окончательно сокрушаетъ средневѣковое государственное и общественное устройство и тѣмъ открываетъ новый періодъ въ исторіи Польши.

§ 63. Города и нѣмецкій элементъ.

Приметь-ли дѣятельное участіе въ этой работѣ третій политическій элементъ—города, этотъ вопросъ еще не былъ рѣшенъ въ правленіе Казиміра Ягеллончика.

Пользуясь широкимъ самоуправленіемъ, нѣмецкіе города въ Польшѣ въ продолженіе четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣка достигли блестящаго положенія. Вся торговля и промышленность находились въ ихъ рукахъ. О торговлѣ мы говорили уже нѣсколько разъ. Окруженная попеченіями могущественнаго государства, она по тому времени приняла дѣйствительно космополитическіе размѣры. Это отражалось на купеческихъ фамиліяхъ, которыя въ большихъ городахъ захватили торговлю въ свои руки. Этотъ городской патриціатъ по матеріальному благосостоянію равнялся съ шляхетскимъ можновладствомъ, роскошью превышала его, соединялся родственными связями съ патриціатомъ Германіи, Чехіи и Венгріи и съ помощью этихъ связей расширялъ и укрѣплялъ свои торговые и денежные отношенія. Рядомъ съ прежними городскими фамиліями появились новыя, которыя только въ XV в. привлекла въ Польшу изъ дальнихъ нерѣдко странъ торговля и удержала въ ней.

Ниже патриціата находился ремесленный классъ, уже на половину польскій. Цеховая организація исключала конкуренцію среди его и не позволяла отдѣльнымъ личностямъ возвышаться надъ прочими, однако соотвѣтствовала тогдашнимъ экономическимъ условіямъ и ничѣмъ не препятствовала развитію промышленности. А какова была эта промышленность, о томъ свидѣтельствуется число цеховъ, доходившее въ наиболѣе значительныхъ городахъ до нѣсколькихъ десятковъ. Всѣ продукты нашей страны обрабатывались на мѣстѣ, промышленность удовлетворяла всѣмъ потребностямъ населенія, за исключеніемъ немногихъ предметовъ роскоши, для которыхъ въ Польшѣ не доставало матеріала. Итакъ, дѣятельная и оживленная жизнь, досугъ и матеріальное благосостояніе господствовали въ ремесленномъ классѣ, и уже былъ близокъ тотъ моментъ, когда элементъ этотъ начнетъ борьбу за участіе въ городскомъ управленіи, когда цехи станутъ противъ купеческаго городского совѣта, плебеи противъ патриціевъ.

Въ то же время необычайно расширилось городское самоуправленіе, именно: въ болѣе значительныхъ городахъ исчезали наслѣдственные, королевскіе войты. Ихъ должность за большія деньги пріобрѣталъ городской совѣтъ или прямо отъ самихъ войтовъ или, какъ въ Краковѣ, отъ короля, и такимъ образомъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ не только административную, но также и судебную власть, становился полнымъ властелиномъ города. Войтъ, назначаемый совѣтомъ, смѣняемый, творилъ судъ отъ имени послѣдняго и въ границахъ, указанныхъ имъ. Наибо-

дѣе важныя дѣла совѣтъ предоставлялъ своему собственному разсмотрѣнію.

Во всемъ этомъ королевскіе города въ Польшѣ ничѣмъ не разнились отъ подобныхъ имъ городовъ на Западѣ. Одинъ только пробѣлъ существовалъ въ ихъ автономіи и то собственно въ Краковѣ, который, въ качествѣ столицы, шелъ впереди всѣхъ другихъ городовъ. Этотъ пробѣлъ ведетъ свое начало съ 1312 г., со времени бунта Альберта. Усмиривъ этотъ бунтъ, Локотокъ отнялъ у города право выбора ратмановъ и назначеніе ихъ предоставилъ воеводѣ. Это поставило городской патриціатъ въ известную зависимость отъ воеводы; его благосклонности должны были добиваться тѣ, кто старался получить должность ратмана. Но такъ какъ воевода могъ назначать ратмановъ только изъ среды краковскихъ мѣщанъ и не имѣлъ признаннаго за собою вліянія на дѣятельность совѣта, то поэтому вмѣшательство его не приносило городской автономіи очевиднаго ущерба. Верховную государственную власть надъ Краковомъ, какъ и надъ прочими королевскими городами, держалъ лично самъ король, но съ многочисленными ограниченіями, представленными въ привилегіяхъ. Такъ, напримѣръ, желая разобрать какую-либо жалобу на краковскихъ мѣщанъ, онъ долженъ былъ пріѣхать въ городъ и производить судъ въ его стѣнахъ.

Нужно было предвидѣть, что эти привилегіи, и именно обширныя освобожденія отъ общественныхъ повинностей, изложенныя въ городскихъ привилегіяхъ, не могутъ удержаться. Вопросъ заключался только въ томъ: взаимнѣ ограниченія привилегій пріобрѣтутъ ли города наравнѣ со шляхтой участіе въ государственной, общественной жизни?

Большимъ препятствіемъ въ этомъ направленіи былъ нѣмецкій характеръ того элемента, который господствовалъ въ городахъ и управлялъ всѣмъ. Это обстоятельство уже не было, какъ нѣкогда при Локоткѣ, враждебнымъ и опаснымъ идеѣ польскаго государства. Это послѣднее dorocло до такого могущества, обезпечивало такую защиту и покровительство городамъ, что нѣмецкіе города изъ-подъ владычества ордена переходили къ польскому правительству. А что же говорить о тѣхъ горожанахъ нѣмцахъ, со времени поселенія которыхъ въ Польшѣ смѣнилось уже нѣсколько поколѣній и которые споконъ вѣка не знали иного подданства? Однако еще было далеко отъ вѣрнопопдавничества до польскаго патриотизма, до пониманія національной идеи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что нѣмецкіе города въ Польшѣ,

довольствуясь своимъ самоуправленіемъ, не принимали постояннаго и дѣятельнаго участія въ политической жизни, что они замыкались въ границахъ своихъ привилегій, защищали себя, насколько могли, отъ налоговъ, которыхъ добивался отъ нихъ король, и вовсе не стремились на съѣзды и сеймики, опасаясь новыхъ, чрезвычайныхъ тяжестей отъ нихъ.

Такая политика была и дурной и опасной. Единственно, кто могъ отвлечь отъ нея горожанъ, былъ король. Какъ шляхта стремилась къ нему, ища защиты отъ можновладства, такъ и города стремились подъ его покровительство изъ опасенія передъ шляхтой. Законы, дотолѣ существовавшіе, благопріятствовали городамъ въ экономическомъ отношеніи въ ущербъ землянамъ. Право «склада» отдавало въ руки горожанъ всю заграничную торговлю, исключая свободную конкуренцію; города также налагали произвольную цѣну на свои и чужіе товары. Не поступали и не могли поступать подобнымъ образомъ крестьяне относительно своихъ продуктовъ, которые они привозили въ города. Поэтому уже давно завязалась борьба. Шляхта требовала уничтоженія законовъ, ограничивавшихъ свободу торговли, требовала, чтобы не сами города, но воеводы назначали таксу на товары; и эти требованія были такъ сильны, возобновлялись съ такой настойчивостью, что города могли рассчитывать только на одного союзника, на самого короля. Итакъ, король, окружая своимъ покровительствомъ существенные интересы городовъ, могъ пріобрѣсти въ нихъ себѣ вѣрную и значительную опору, какъ это въ то же время происходило и за-границей, могъ постепенно вовлекать ихъ въ общественную жизнь, приспособлять къ ней и тѣмъ самымъ готовить почву для будущей неизбежной ихъ полонизаціи.

Понималъ-ли это дѣло Казиміръ Ягеллончикъ, предпринялъ-ли онъ что-нибудь въ этомъ направленіи,—на подобный вопросъ исторія до сихъ поръ не дала намъ отвѣта. Единственный фактъ, который она записала для насъ въ этой области, свидѣтельствуеъ противъ короля.

Въ 1461 г. родной братъ краковскаго каштеляна, Андрей Тэнчинскій, вызвалъ въ Краковѣ уличныя волненія, которыя сдѣлались сигналомъ къ обнаруженію давней непріязни мѣщанства противъ шляхты. Начался мятежъ въ городѣ, народъ, преслѣдуя Тэнчинскаго, безжалостно убиваетъ его въ костелѣ о.о. Францисканцевъ, куда онъ скрылся. Городскіе ратманы не умѣли, а, можетъ быть, и дѣйствительно не хотѣли предотвратить печальное событіе. Извѣстіе объ этомъ фактѣ скоро доходитъ до

Пруссіи, до шляхты, занятой тамъ борьбою съ Тевтонами, и вызываетъ возмущеніе въ лагерѣ, которое король съ трудомъ подавляетъ обѣщаніемъ сурово наказать виновныхъ.

Каря несомнѣнно должна была послѣдовать. Если городское управленіе не наказало дѣйствительныхъ виновниковъ, то тѣ, которые составляли это управленіе, по справедливости должны были отвѣтить за то. Однако наказаніе, опредѣленное королемъ, по своей строгости совсѣмъ не соответствовало величинѣ преступленія, и королевскій судъ состоялся съ нарушеніемъ права. Король не соблюлъ городской привилегіи, произвелъ судъ не въ Краковѣ, но въ Новомъ Корчинѣ. На съѣздѣ шляхты призвалъ къ суду городъ Краковъ; и когда этотъ послѣдній, защищаясь привилегіей, не хотѣлъ защищаться, постановилъ рѣшеніе, заочно приговаривавшее его къ уплатѣ 80000 гривенъ, а наиболѣе виновныхъ—къ смертной казни. Ихъ подъ присягой указалъ обвинитель, братъ убитаго, и дѣйствительно шестеро именитыхъ горожанъ, въ числѣ ихъ три ратмана, были казнены въ краковскомъ замкѣ.

Это было устрашающей расплатой. Король не выказалъ достаточно силы, чтобы чувству шляхетской мести положить твердую преграду, чтобы не переступить законной границы во взаимныхъ отношеніяхъ шляхты и городовъ. Драгоцѣнная городская привилегія рухнула не ради государства, не ради его нуждъ, но для удовлетворенія страстей шляхты.

Черезъ то городъ и горожане не потеряли еще значенія въ Польшѣ; но уже одинъ этотъ фактъ сдѣлался для нихъ зловѣщимъ указаніемъ на будущее ¹⁾.

¹⁾ Казиміръ Ягеллончикъ, сынъ Вл. Ягеллы и Софіи, род. въ 1427 г., правилъ въ Литвѣ съ 1440 г., въ Польшѣ съ 1447, ум. 1492. Отъ жены Елизаветы имѣлъ шесть сыновей, о которыхъ рѣчь будетъ впоследствии, и семь дочерей: Ядвига, Софью, трехъ Елизаветъ, Анну и Варвару. Отъ Софіи, выданной за Фридриха Бранденбургскаго, родился Альбертъ, великій магистръ Тевтонскаго ордена.

Свѣдѣнія по исторической географіи средневѣковой Польши.

Хотя въ послѣднее время опубликовано уже много источниковъ для политической географіи средневѣковой Польши, однако до сихъ поръ никто не занялся ихъ обработкою. Политическая географія, имѣющая громадную важность для пониманія тогдашней исторіи, можно сказать, совсѣмъ не существуетъ ¹⁾. Поэтому свѣдѣнія, которыя я сообщаю изъ этой области знанія,—только попытка изображенія ея самыхъ главныхъ очертаній, попытка, которая на каждомъ шагу требуетъ подробной провѣрки и исправленія.

I.

Въ средневѣковомъ развитіи Польши четыре географо-этнографическіе фактора играютъ первостепенную роль: прежде всего вопросъ о естественныхъ границахъ, затѣмъ отношеніе между населенностью и пространствомъ страны, далѣе географическое единство, представляемое этимъ пространствомъ, наконецъ составъ государства или его территориальное дѣленіе.

¹⁾ Карты средневѣковой Польши, единственныя, которыя опираются на болѣе новыхъ источникахъ, издалъ Як. Каро въ «Историческомъ атласѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени» Шпрунера и Менке (*Handatlas für die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit*. Gotha. 1880. Изданіе третье). Неоцѣненное сочиненіе Балинскаго и Липинскаго: «Старинная Польша» (*Starożytna Polska*. Warszawa. 1843) сообщаетъ множество свѣдѣній, но въ изображеніи политической организаціи держится новаго времени. На новую дорогу ставить историческую географію Адольфъ Павинскій своимъ сочиненіемъ, основаннымъ на податныхъ реестрахъ: «Польша XVI вѣка въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ» (*Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym*). До настоящаго времени вышли четыре тома: I и II — «Великая Польша». Варшава. 1883. III и IV — «Малая Польша». Варшава. 1886.

Надъ первымъ изъ этихъ вопросовъ останавливались уже очень часто. Только съ двухъ сторонъ польское государство обладало прочными, опредѣленными границами: на сѣверѣ то было Балтійское море, на югъ—Судетскія и Карпатскія горы. Съ востока и запада границы были открытыми и трудно защитимыми противъ враждебныхъ сосѣдей. Со стороны нѣмцевъ, проникавшихъ въ нашу страну съ запада, Польша старалась обезопасить себя Эльбою и создать изъ нея укрѣпленную пограничную линію, а впоследствии, потерявъ эту линію, искала новой въ Одерѣ (§ 28), но и этотъ послѣдній не могъ доставить достаточной обороны и положить предѣлъ наступательному движению нѣмцевъ. Отъ нашествій, которыми непрерывно мучили Польшу восточные сосѣди: русскіе, ятвяги, литва, пруссы, Польша въ теченіе долгаго времени ограждалась Вислой, но, не нашедши въ ней надежной защиты, увидѣла себя принужденной переступить ее и только въ наступательной борьбѣ, въ непрерывномъ движеніи на востокъ искать своей безопасности на счетъ враждебныхъ сосѣдей.

Надъ вторымъ вопросомъ останавливались весьма мало и, ошибочно разрѣшая его, извлекали отсюда ошибочныя заключенія для исторіи. Принимая безъ основанія, что государство Болеслава Храбраго изобиловало населеніемъ, искали искусственныхъ причинъ, чтобы объяснить то явленіе, что Польша не могла сохранить свое первоначальное протяженіе, что она не только передъ нѣмецкимъ элементомъ отстываетъ отъ своихъ первоначальныхъ границъ, но съ теченіемъ времени теряетъ Силезію въ пользу Чехіи, удаляется изъ Поморья и даже отъ дикаго племени пруссовъ принуждена ограждаться Тевтонскимъ орденомъ. Для объясненія такихъ потерь должны были служить упадокъ и раздѣленіе монархической власти по смерти Кривоустаго. Однако, если мы болѣе согласно съ истиной примемъ, что значительное по пространству государство Болеслава Храбраго было занято населеніемъ сравнительно чрезвычайно немногочисленнымъ, что первоначальное населеніе было весьма рѣдко (§ 14), и что непрерывныя войны мѣшали болѣе быстрому росту его, то въ этомъ найдемъ другую важную, а можетъ быть и болѣе важную, причину, которая объясняетъ намъ нашу слабость при защитѣ границъ. Притомъ въ глазахъ историка только лишь въ XIII и XIV столѣтіяхъ завершается польская колонизація большей части Малой Польши и Мазовіи.

Надъ третьимъ вопросомъ: «представляла ли изъ себя средне-

вѣковая Польша замкнутое въ себѣ территориальное цѣлое», уже вовсе почти не останавливались. А между тѣмъ это такой факторъ, безъ котораго наша исторія въ среднихъ вѣкахъ непонятна. Укрѣпленныя или открытыя границы только рѣшаютъ вопросъ о легкости или трудности ихъ защиты, но вовсе не обуславливаютъ народнаго и государственнаго быта и развитія. Напротивъ того, ни одно государство не можетъ сохраняться и развиваться, если не успѣетъ распространить свое господство на такое пространство, которое само по себѣ составляетъ извѣстное цѣлое, т. е. доставляетъ государству прочное и хорошее основаніе для его экономическаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, культурнаго развитія. Средневѣковая Польша обладала такимъ пространствомъ. Имъ сдѣлался бассейнъ Одера и Вислы, т. е. пространство, покрытое водною сѣтью Одера и Вислы со всѣми ихъ притоками. Эта сѣть водъ, текущихъ въ одномъ направленіи, расположенная на плоской, слегка понижавшейся отъ юга къ сѣверу поверхности, не прорѣзанной какими-либо болѣе или менѣе значительными горами и однообразной какъ по климатическимъ, такъ и по хозяйственнымъ условіямъ, естественнымъ образомъ объединяла населеніе, жившее въ бассейнѣ Одера и Вислы, создала ей, не смотря на отсутствіе укрѣпленныхъ границъ съ запада и востока, жизненный центръ для внутренняго развитія и народнаго труда, обращала это экономическое и культурное развитіе, въ одномъ и томъ же направленіи, къ берегамъ Балтійскаго моря. Всѣ пріобрѣтенія первыхъ Болеславовъ, произведенныя внѣ бассейна Одера и Вислы, какъ, напримѣръ, завоеваніе полабскихъ «людовъ», занятіе Чехіи и Моравіи, господство надъ закарпатскими словаками, вліяніе и власть на Руси,—имѣютъ временное, непрочное значеніе. Напротивъ того, лишь послѣ долгой борьбы и соперничества съ нѣмцами, Польша утрачиваетъ нижнее и среднее теченіе Одера (§ 28); отказываясь же отъ его возвращенія, она въ 1343 г. естественно и необходимо утрачиваетъ также и верхнее теченіе Вислы, свое старинное наслѣдіе Силезію, которая уже не имѣла естественной связи съ польскимъ государствомъ, отброшеннымъ къ Вислѣ, и не могла искать въ этой послѣдней центра тяжести для своихъ экономическихъ интересовъ (§ 44). Изъ всего бассейна Одера за Польшей остается только бассейнъ ея большаго притока Варты, который, будучи съ трехъ сторонъ окруженъ бассейномъ Вислы, удерживаетъ связь съ нимъ, но черезъ то самое принужденъ уступить первенство княжествамъ, основаннымъ надъ Вислой. Пограничную линію составляетъ съ

этихъ поръ водораздѣлъ между Вартой и Вислой, съ одной стороны, и Одеромъ безъ Варты, съ другой; части Силезіи, лежащія въ бассейнѣ Вислы и Варты, княжества Освѣцимское, Заторское, Сѣверское возвращаются къ Польшѣ. Польская колонизація на правомъ берегу Вислы, надъ восточными ея притоками, непрерывно подвигается впередъ, и ее нельзя удержать никакимъ неприязненнымъ вліаніемъ. Расширяется Мазовія и расселяется надъ Наревомъ. Малая Польша доходитъ вплоть до Сана (§ 46); благодаря совмѣстнымъ усиліямъ обѣихъ этихъ дѣльницъ, въ польскія руки достается весь бассейнъ Буга, заселенный русскимъ элементомъ, земли холмска и бельзская, и вслѣдствіе этого галицкая Русь, ограниченная съ сѣвера и запада бассейномъ Вислы, въ 1340 г. входитъ въ составъ польскаго государства (§§ 45 и 52). Занимая галицкую Русь, Польша перешагнула бассейнъ Вислы, вступила въ бассейнъ Днѣстра, текущаго въ Черное море, и стала лицомъ къ лицу съ новой исторической задачей. Галицкая Русь только тогда могла удержаться во владѣніи Польши, если ее дѣлали исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго движенія на востокъ, вдоль Карпатъ вплоть до Чернаго моря, если овладѣвали всѣмъ бассейномъ Днѣстра и, присоединяя его къ бассейну Вислы, тѣмъ самымъ создавали страну, которая находила свою связь въ соединеніи Чернаго моря съ Балтійскимъ, въ сохраненіи за собою большой торговой дороги черезъ всю Европу. Эту задачу Польша выполняетъ въ продолженіе XV вѣка занятіемъ (въ 1430 г.) и колонизаціей Подолія (§ 56) и въ равной мѣрѣ возвращеніемъ утраченнаго передъ тѣмъ устья Вислы. Въ 1230 году Тевтонскій орденъ, а съ нимъ и нѣмецкій элементъ, обосновался въ части Куявіи, а въ 1309 г. въ Поморьѣ, съ того момента борьба съ орденомъ сдѣлалась для польскаго государства вопросомъ о существованіи и теперь кончается для него побѣдой; миромъ въ 1466 г. Польша возвращаетъ тѣ земли ордена, которыя составляютъ бассейнъ Вислы въ нижнемъ ея теченіи (§ 59).

Наконецъ, самымъ труднымъ для разрѣшенія является четвертый вопросъ: на чемъ основывалось разнообразное территориальное дѣленіе средневѣковой Польши? Первоначальное польское государство возникло изъ соединенія нѣсколькихъ лехитскихъ племенъ, изъ которыхъ каждое состояло изъ нѣсколькихъ мелкихъ «людовъ». Какъ назывались эти племена и «люды», сколько ихъ было, какія были границы ихъ расселенія,—все это вопросы, которые еще требуютъ новаго и глубокаго изученія, въ которыхъ

только ретроспективный методъ, при отсутствіи современныхъ извѣстій, можетъ привести къ болѣе опредѣленнымъ заключеніямъ. Въ составъ польскаго государства постоянно входили племена полянъ, куявяковъ, силезцевъ, мазуровъ, хробатовъ, сверхъ того часть племени поморянъ и часть лютичей (см. § 9).

Этотъ территоріальный составъ польскаго государства сильнѣе всего выказался въ организаціи польской церкви (§ 14). Вся первоначальная Польша въ бассейнѣ Одера и Вислы составляла одну провинцію католической церкви съ архіепископствомъ гнѣзненскимъ во главѣ. Подъ его начальствомъ находились слѣдующія епископства или епархіи, соотвѣтствовавшія отдѣльнымъ племенамъ:

- 1) гнѣзненская и
- 2) познанская для племени полянъ.
- 3) вроцлавская для силезскаго племени.
- 4) краковская для племени хробатовъ.
- 5) плоцкая для племени мазуровъ.
- 6) вроцлавская для племени куявяковъ; она распространяла свою апостольскую миссію и на Поморье.
- 7) любушская для племени лютичей.

Апостольская миссія Польши въ языческой Литвѣ увеличила гнѣзненскую провинцію двумя епархіями:

- 8) виленскую для собственной Литвы, основанною въ 1387 г. (§ 52),
- 9) мѣдницкою для Жмуди, основанною въ 1413 г. (§ 44).
- 10) Присоединеніе земель Тевтонскаго ордена въ 1466 г. повлекло за собой присоединеніе къ гнѣзненской провинціи хелминской епархіи, которая до того времени входила въ составъ рижской церковной провинціи.

Епархія вармійская, присоединенная къ Польшѣ въ то же время, устроила себѣ непосредственныя отношенія къ Риму и находилась въ прямой зависимости отъ апостольскаго престола.

Занявъ южную Русь и распространяя въ ея предѣлахъ католическую церковь, Польша образовала изъ Руси особую церковную провинцію (§§ 45 и 52), во главѣ которой стало архіепископство галицкое, въ 1412 г. перенесенное въ Львовъ. Ему подчинены были епархіи: перемышльская, холмская, каменецкая (для Подоліи), луцкая (для Волыни).

Когда гнѣзненскій архіепископъ, Николай Тромба, получилъ на Констанцскомъ соборѣ достоинство примааса (§ 56), то изъ двухъ церковныхъ провинцій, гнѣзненской и львовской, образова-

лось большее цѣлое, польская церковь, подъ главнымъ начальствомъ примаса.

Каждая епархія дѣлилась на нѣсколько архиіаконовъ, эти въ свою очередь на деканства, составлявшіеся изъ отдѣльныхъ приходовъ (парафій). Зная, что епархія обнимаетъ въ принципѣ территорію одного племени, было бы очень интересно изслѣдовать, не соотвѣтствуетъ ли дальнѣйшее дѣленіе епархій дѣленію племенной территоріи на области отдѣльныхъ «людовъ», входившихъ въ составъ племени. Это—весьма вѣроятно.

Въ политическомъ отношеніи самымъ стариннымъ и первоначально единственнымъ является раздѣленіе польскаго государства на «повѣты» (§ 14). Государи, стремясь стереть границы и различія между отдѣльными племенами, раздѣлили страну въ административно-военномъ, судебномъ и фискальномъ отношеніяхъ на мелкіе повѣты, которые снова дѣлились на еще болѣе мелкія ополья. Каждый повѣтъ имѣлъ свой главный городъ, отъ котораго онъ получалъ названіе, и въ которомъ сосредоточивалась вся его администрація. Какіе существовали повѣты, и сколько было ихъ,—не изслѣдовано до настоящаго времени; вѣрно лишь то, что число повѣтовъ было чрезвычайно велико; первоначально оно было гораздо больше, чѣмъ въ позднѣйшія времена, когда нерѣдко нѣсколько повѣтовъ соединялись въ одинъ.

Не имѣли ли повѣты этнографическаго основанія для своей отдѣльности? Можетъ быть, они соотвѣтствовали территоріямъ отдѣльныхъ «людовъ?»

Не смотря на это искусственное административное раздробленіе, сохранялось сознаніе обособленности отдѣльныхъ племенъ; оно проявилось въ грозномъ видѣ въ беспорядкахъ по смерти Мѣшка II (§ 17), обнаруживалось при раздѣлахъ государства между сыновьями умершаго князя (§ 21) и окончательно утвердилось въ полномъ раздѣленіи страны по смерти Кривоустаго (§ 25). Отдѣльныя дѣльницы назывались «княжествами» или иначе «землями». Говорили, напримѣръ: «князь краковской земли». Однако чаще всего употребляли старинныя племенные названія, напр. Силезія, Мазовія, Куявія.

При первомъ раздѣлѣ въ 1139 г. выступаютъ земли: польская (въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова, т. е. земля, заселенная племенемъ полянъ, съ теченіемъ времени названная Великою Польшею), куявская, мазовецкая, силезская, краковская, сандомирская (на эти двѣ земли уже въ то время была раздѣлена территорія хробатскаго племени) и поморская. Позже, по мѣрѣ раз-

множенія пястовской династїи и увеличенія раздѣловъ, число княжествъ или земель росло безмѣрно. При подобныхъ раздѣлахъ первоначальныхъ племенныхъ дѣльницъ очевидно придерживались существовавшаго дѣленія ихъ на повѣты. Нѣсколько смежныхъ повѣтовъ, а нерѣдко даже и одинъ повѣтъ, образовывали новое княжество.

Образованіе каждаго отдѣльнаго княжества влекло за собой важныя политическія послѣдствія, создавало изъ земли, составившей такое княжество, особое маленькое государство съ цѣлой іерархіей должностныхъ лицъ, зависѣвшихъ отъ князя, которая видѣла опору для своего существованія въ сохраненіи политической обособленности своей земли и всѣми силами защищала эту обособленность. Если встрѣчался случай, что какой-либо князь соединялъ въ своихъ рукахъ двѣ земли, то онъ долженъ былъ уважать ихъ обособленность, каждой управлять отдѣльно и сохранять въ каждой отдѣльныя высшія должности.

Такой принципъ чисто личной уніи сохранился въ XIV и XV вѣкахъ, когда вслѣдствіе вымиранія пястовскихъ князей и побѣды идеи единства отдѣльныя княжества возвращались къ коронѣ. Этотъ принципъ Польша одинаково распространила на возвращенныя и вновь прибрѣтенныя земли какъ отъ Тевтонскаго ордена, такъ и на южной Руси. Каждая, даже самая незначительная земля, которая, въ моментъ ея присоединенія къ коронѣ, составляла отдѣльное политическое цѣлое и имѣла свои особыя должности и власти, сохраняла все это и пользовалась полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ.

Къ раздѣламъ Польши на княжества по смерти Кривоустаго можно отнести также и дѣленіе на «земли» въ позднѣйшей Польшѣ, т. е. на самоуправляющіеся округа, точно также какъ дѣленіе этихъ земель на повѣты обязано своимъ происхожденіемъ первоначальной административной организаціи польскаго государства.

Не каждая земля, вошедшая въ составъ польскаго государства съ начала XIV столѣтія, обладала въ равной мѣрѣ самоуправленіемъ. Существовали земли, которыя обладали полнымъ административнымъ, военнымъ и судебнымъ самоуправленіемъ, и во главѣ которыхъ стоялъ воевода. Другія земли удерживали только особое судопроизводство и свое собственное обычное право; въ другихъ же отношеніяхъ входили въ составъ одной изъ земель перваго рода и, связанные съ ней, подчинялись общему воеводѣ, засѣдали на общихъ съ нею вѣчахъ и въ послѣдствіи сеймикахъ. Эти послѣднія земли постоянно звались «землями», тогда

какъ первыя вмѣстѣ съ названіемъ «земля» носили и новое названіе: «воеводство», которое, очевидно, образовалось отъ имени главнаго начальника ихъ, воеводы. Такъ напр. воеводство или земля (въ болѣе широкомъ значеніи этого слова) сѣрадзская состояла изъ сѣрадзской земли въ тѣсномъ значеніи этого слова и изъ присоединенной къ ней земли велюнской.

Какое княжество, входившее въ составъ польской короны, пріобрѣтало значеніе воеводства, а какое должно было удовольствоваться значеніемъ земли, присоединенной къ другому воеводству,—зависѣло уже отъ историческихъ отношеній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Тутъ очевидно играли роль и величина княжества, и продолжительность его предшествовавшего самостоятельнаго существованія, а черезъ то самое и сознаніе обособленности и наконецъ самъ тотъ фактъ, вслѣдствіе котораго княжество соединялось съ короной. Названіе земель и воеводствъ происходило отъ имени ихъ главнаго города.

Однако существовали и такія земли, именно въ Малой Польшѣ и въ Мазовіи, которыя никогда не составляли передъ тѣмъ особаго княжества, но тѣмъ не менѣе служили отдѣльными жизненными центрами польской колонизаціи, постепенно двигавшейся на востокъ, и въ качествѣ таковыхъ пріобрѣли себѣ названіе «земли» и судебную автономію.

Не смотря на то, что воеводства составляли только часть старинныхъ племенныхъ «дѣльницъ» и ревниво оберегали свое самоуправленіе, все-таки тѣ изъ нихъ, которыя возникли въ предѣлахъ одного и того же племени, чувствовали болѣе близкую связь между собою, чѣмъ съ прочими, и первоначальный составъ Польши изъ нѣсколькихъ племенныхъ дѣльницъ постоянно былъ очевиднымъ и даже все болѣе и болѣе усиливался. Однако теперь это совершалось не въ пользу обособленности дѣльницъ, но въ пользу государственнаго единства. Невозможно было сразу объединить реальной уніей всѣ воеводства, поэтому пытались соединить ихъ въ большія группы, чтобы тѣмъ самымъ проложить путь дальнѣйшей централизаціи. Названіе этихъ группъ было давнимъ племеннымъ названіемъ. Общимъ для воеводствъ, принадлежавшихъ къ одному и тому-же племени, было слѣдующее:

- 1) Обычное право и постепенная его кодификація (§ 47).
 - 2) Генераль-старосты, какъ королевскіе намѣстники, поставленные надъ цѣлой дѣльницей (§§ 47 и 59).
 - 3) Чиновничьи сѣвзды, а впослѣдствіи сеймики (§ 62).
- Сѣвзды и сеймики такъ успѣшно дѣйствовали въ дѣлѣ объ-

единенія, что соединяли даже по нѣскольку давнихъ племенныхъ дѣльницъ въ большія парламентарныя группы.

II.

На основаніи этихъ существенныхъ замѣчаній мы попробуемъ теперь представить себѣ политическую географію Польши въ концѣ среднихъ вѣковъ. Въ то время Польша состоитъ изъ слѣдующихъ дѣльницъ, воеводствъ и земель:

А) Великая Польша

въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова въ среднихъ вѣкахъ заключала въ себѣ кромѣ собственно польской или великопольской дѣльницы также и цѣлую куявскую дѣльницу. Это, конечно, произошло по той причинѣ, что Куявія по малымъ частямъ возвращалась подъ скипетръ польскаго короля, не могла по тому самому создать особую дѣльницу и тинула къ ближайшей для нея Великой Польшѣ.

Чиновничьи сѣзды и генеральныя великопольскіе сеймики отправлялись обыкновенно въ Пётрковъ (въ Сѣрадзскомъ воеводствѣ) или въ Колъ (въ Калишскомъ); генераль-староста былъ только одинъ, въ Познани.

Великую Польшу составляютъ воеводства:

1. Познанское. Столица—Познань на Вартѣ. Въ составъ его входила земля всховская, возвращенная Казиміромъ Великимъ отъ Генриха, князя Жеганскаго (въ Силезіи).

2. Калишское. Столица—Калишъ на Проснѣ, впадающей въ Варту.

Оба эти воеводства составляли одну племенную дѣльницу, Великую Польшу въ тѣсномъ значеніи этого слова. Она была только временно раздѣлена въ XIII вѣкѣ между потомками Мѣшка Стараго на княжества познанское и калишское: отсюда—ея раздѣленіе на два воеводства. Въ 1310 г. она поддалась Локотку уже объединенной. Поэтому-то оба ея воеводства имѣли только одного старосту въ генераль-старостѣ великопольскомъ въ Познани и собирались на общій сеймигъ въ Шродѣ.

3. Сѣрадзское, нѣкогда княжество сѣрадзское, образованное изъ куявской дѣльницы по смерти Казиміра, кн. куявскаго, въ 1268 г., наследство Лѣшка Чернаго, а послѣ него, въ 1288 г., Владислава Локотка, въ 1306 г. снова прибрѣтенное этимъ послѣднимъ по

изгнаніи чеховъ. Столица—Сърадзь на верхнемъ теченіи Варты; сеймикъ—въ Сърадзи.

Въ предѣлахъ сърадзкаго воеводства находилась земля велюнская, которая въ XIII вѣкѣ составляла предметъ споровъ между куявскими и силезскими князьями и, переходя изъ рукъ въ руки, получила нѣкоторую самостоятельность. Въ 1370 г. Людовикъ венгерскій еще пожаловалъ ее въ ленъ Владиславу, кн. опольскому, а Ягелло въ 1396 г. навсегда присоединилъ ее къ сърадзскому воеводству съ сохраненіемъ судебной автономіи.

4. Лэнчицкое, нѣкогда княжество, точно также образованное изъ куявской дѣльницы, наслѣдство Казиміра, князя лэнчицкаго, а послѣ него Владислава Локотка, возвращенное по изгнаніи чеховъ въ 1306 г. Столица—Лэнчица на рѣкѣ Бзурѣ, впадающей въ Вислу; сеймикъ тамъ-же.

5. Бресто-куявское, раньше княжество, образованное тоже изъ куявской дѣльницы, наслѣдство Владислава Локотка, возвращенное имъ по изгнаніи чеховъ въ 1306 г. Столица—Брестъ-куявскій.

6. Иновроцлавское, раньше княжество, тоже образованное изъ куявской дѣльницы, наслѣдство Земомысла, кн. иновроцлавскаго, послѣ его смерти въ 1287 г. раздѣленное между его сыновьями на три небольшихъ княжества: иноврацлавское, быдгощское и гнѣвковское. Два первыхъ захватили Тевтоны; Казиміръ Великій возвратилъ ихъ по калишскому миру 1343 г., а послѣднее приобрѣлъ отъ Владислава Бѣлаго, внука Земомысла (въ 1365 г.). Людовикъ венгерскій въ 1378 г. отдалъ его въ ленъ Владиславу, кн. опольскому; Ягелло окончательно возвратилъ его въ 1396 г. и присоединилъ къ двумъ другимъ. Столица—Иновроцлавъ.

Оба вышеназванныя воеводства, вѣроятно по своей незначительности, держались вмѣстѣ, образуя Куявію въ тѣсномъ значеніи этого слова, и имѣли общій сеймикъ въ Брестѣ.

7. Добржинская земля, раньше княжество, также образованная изъ куявской дѣльницы, наслѣдство кн. Земовита, а послѣ него Владислава Локотка, возвращенная имъ по изгнаніи чеховъ въ 1306 г., занятая Яномъ, королемъ чешскимъ, въ 1329 г., и проданная Тевтонамъ, снова возвращенная по калишскому миру Казиміромъ Великимъ въ 1343 г. Людовикъ венгерскій отдаетъ ее въ ленъ Казиміру, князю Щецинскому (Штетинскому), а по смерти этого послѣдняго въ 1377 г. Владиславу, кн. опольскому, который закладываетъ ее Тевтонамъ, а отъ нихъ выкупаетъ ее Ягелло въ 1404 г. по раценжскому договору.

Добржинская земля представляетъ ту аномалію, что въ ней

нѣтъ воеводы, и потому она не носитъ названія воеводства; однако она вполне самостоятельна, наравнѣ съ другими воеводствами. Столица—Добержинъ на Вислѣ; сеймикъ собирается въ Рыпинѣ.

Къ кувяской дѣльницѣ принадлежали еще земли хелминская и лабовская, которыми Конрадъ, кн. мазовецко-куявскій, въ 1228 г. надѣлилъ Тевтоновъ. Въ 1466 г. онѣ возвратились къ Польшѣ, но принадлежали уже къ польской Пруссіи, а не къ Великой Польшѣ.

Б) Малая Польша

обнимаетъ племенную дѣльницу хробатовъ. Имѣетъ генераль-старосту въ Краковѣ, отправляетъ чиновничьи съѣзды первоначально въ Вислицѣ, потомъ по близости находящемся Новомъ Корчинѣ на Вислѣ, тамъ же и генеральные сеймики. Ее составляютъ воеводства:

1. Краковское, передъ тѣмъ, начиная съ 1139 г., особое княжество, окончательно поддается Локотку въ 1306 г. по изгнаніи чеховъ. Столица—Краковъ, сеймикъ въ Прошовицахъ.

Къ этому воеводству принадлежали сверхъ того двѣ отдѣльныя земли, сондечская и бечская, находившіяся у подножія Карпатъ, имѣвшія отдѣльное судопроизводство и отдѣльный общій сеймикъ въ Чховѣ. Сондечская земля служила приданымъ для женъ краковскихъ князей.

2. Сандомирское, передъ тѣмъ, съ 1139 г., отдѣльное княжество, отнятое Локоткомъ у чеховъ уже въ 1304 г. Столица—Сандомиръ, при впаденіи Сана въ Вислу; сеймикъ въ Новомъ Корчинѣ.

Оно состояло изъ нѣсколькихъ земель, обладавшихъ отдѣльнымъ судопроизводствомъ, именно: сандомирской, радомской, люблинской и лукомской.

2. Люблинское, образованное изъ люблинской и лукомской земель, отдѣленныхъ отъ сандомирскаго воеводства въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка. Столица—Люблинъ; сеймикъ въ Уржендовѣ.

Причина образованія люблинскаго воеводства очевидно заключалась въ обширныхъ размѣрахъ сандомирскаго воеводства, чему еще болѣе содѣйствовало расширеніе польской колонизаціи вплоть до рѣки Буга. Автономія многочисленныхъ малопольскихъ земель, изъ которыхъ составлялись воеводства, имѣетъ свое начало, кажется, въ постепенномъ заселеніи края и въ движеніи на востокъ польской колонизаціи.

В) Русь (Червоная),

приобрѣтенная Польшей въ XVI вѣкѣ, имѣетъ за собой самостоятельное прошлое въ качествѣ галицкаго княжества и свою отдѣльную этнографическую основу въ русскомъ элементѣ. Для нея былъ учрежденъ генераль-староста во Львовѣ и генеральный сеймикъ въ Судовой Вишнѣ.

Червоную Русь, приобретенную въ 1340 г. Казиміромъ Вел., впоследствии занятую венграми, окончательно отобрала королева Ядвига въ 1387 г.; послѣ того изъ нея было образовано особое воеводство. Но Ягелло сѣверную часть Руси (бельзскую) отдалъ въ ленъ Земовиту, кн. мазовецкому; а когда эта часть возвратилась къ коронѣ въ 1462 г., изъ нея было составлено другое воеводство. Наконецъ Подолія, колонизованная поляками изъ Червоной Руси и окончательно занятая въ 1430 г., была сдѣлана третьимъ воеводствомъ. Итакъ, Русь имѣла трехъ воеводъ: русскаго въ Львовѣ, бельзкаго въ Бельзѣ и подоляскаго въ Каменцѣ. Однако въ ея внутренней организаціи болѣе важную роль играло дѣленіе на земли, которое сохранилось здѣсь еще отъ тѣхъ временъ, когда галицкіе князья дѣлили между собой свое государство. Итакъ, Червоная Русь состояла изъ слѣдующихъ земель, надѣленныхъ широкой автономіей:

- 1) львовская, столица Львовъ, сеймикъ въ Судовой Вишнѣ;
 - 2) перемышльская, столица Перемышль на Санѣ, сеймикъ въ Моспискахъ;
 - 3) саноцкая, столица Санокъ, сеймикъ въ немъ-же;
 - 4) галицкая, столица Галичъ на Днѣстрѣ, сеймикъ въ Тербовлѣ;
 - 5) холмская, столица Холмъ, сеймикъ въ Рубешовѣ;
- Эти пять земель вмѣстѣ составляли *русское* воеводство.
- 6) *бельзская* земля и вмѣстѣ съ тѣмъ воеводство, столица Бечъ, сеймикъ въ Бускѣ;
 - 7) *подоляская* земля и вмѣстѣ съ тѣмъ воеводство, весьма обширная, подверженная нападеніямъ татаръ и валаховъ, занимала особенное положеніе, имѣла своего генераль-старосту, однако всегда тяготѣла къ Руси. Столица Каменецъ-Подольскій на Днѣстрѣ, сеймикъ тамъ-же.

Г) Пруссія королевская или польская,

возвращенная отъ Тевтонскаго ордена въ 1466 г., соединенная

съ Польшей династической уніей, имѣла особаго генераль-старосту; генеральный сеймъ собирался въ Грауденцѣ или Мальборгѣ, но этотъ сеймъ не зависѣлъ отъ общаго короннаго сейма и не высылалъ на него пословъ. Пруссія была раздѣлена на три воеводства и одно княжество:

1. Воев. *хелминское*, возникшее изъ прежнихъ куявскихъ земель, хелминской и михаловской, столица Хелмно на Вислѣ.

2. Воев. *поморское*, составленное изъ прежняго Поморья, столица Гданскъ (Данцигъ).

3. Воев. *Мальборгское*, составленное изъ части территоріи, которая была добыта орденомъ отъ пруссовъ; столица Мальборгъ на Вислѣ.

4. Епископское княжество *Вармія*, столица Гейльсбергъ.

Д) Мазовія,

старинная племенная дѣльница, особое княжество съ 1247 года, т. е. со смерти Конрада. кн. мазовецко-куявскаго. Потомки перваго князя ея, Земовита I, дѣлятъ ее между собою разными способами, а въ 1351 г. приносятъ вассальную присягу Казимиру Великому. Вслѣдствіе частныхъ раздѣловъ и непрерывнаго усиленія колонизаціи на востокъ въ Мазовіи образовался цѣлый рядъ земель, которыя, сохраняя свое самоуправленіе, впоследствии нерѣдко соединялись по нѣсколькѣ въ одно княжество. Это были земли:

- 1) плоцкая,
- 2) вышегородская,
- 3) закрочимская,
- 4) черская,
- 5) равская,
- 6) ливская,
- 7) схохачевская,
- 8) гостынская,
- 9) варшавская,
- 10) виская,
- 11) цѣхановская,
- 12) ломжинская,
- 14) нурская.

Въ среднихъ вѣкахъ Мазовія, имѣя особыхъ князей, находится только въ ленномъ отношеніи къ польской коронѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, заселенная польской народностью, принимаетъ во всей

нашей общественной и политической жизни самое дѣятельное участіе. Поэтому, рано или поздно, Мазовія должна была возвратиться къ коронѣ. При Казимірѣ Ягеллончикѣ только нѣсколько мазовецкихъ земель соединяется съ короной, по прекращеніи рода своихъ князей, именно земли равская и гостынская въ 1462 г. и сохачевская земля въ 1475 г. Изъ всѣхъ нихъ было составлено одно *равское* воеводство, которое тянуло къ Великой Польшѣ. Столица его—Рава, сеймигъ тамъ-же.

Изъ этихъ пяти дѣльницъ состоитъ польское государство въ средніе вѣка. Шестая дѣльница, Силезія, въ 1343 г. подпадаетъ владычеству Чехіи и разрываетъ связь съ польскимъ государствомъ. Только три небольшія пограничныя княжества Силезіи возвращаются къ коронѣ. Епископъ краковскій Олесницкій въ 1444 г. покупаетъ княжество сѣверское; Казиміръ Ягеллончикъ и Ольбрахтъ въ 1457 и 1494 г.г. покупаютъ княжества Освѣцимское и Заторское.

Литва въ средніе вѣка составляла особое государство; поэтому политическую географію ея мы дадимъ лишь въ слѣдующемъ періодѣ, послѣ болѣе тѣсной уніи ея съ короной.

Состоявшія въ вассальной зависимости отъ Польши *орденская Пруссія* и *Молдавія* находились только въ слабой связи съ нею.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ГОСУДАРЕЙ ИЗЪ ДИНАСТИИ ПЯСТОВЪ.

Мѣшко I († 992) Болеславъ I Храбрый († 1025) Мѣшко II († 1084) Отто Болеславъ (?) Назимиръ I († 1058) Мѣшко III Сильный (—1081) Владиславъ I Германъ († 1102). Мѣшко IV (1089) Сбигнѣвъ Болеславъ III Кривоустый († 1139)	Болеславъ IV Нудравый (1178) Мѣшко III Старый († 1202) Лѣшко (1186) Одо († 1202) Владиславъ Тонконогий († 1231) Владиславъ († 1239) Отто Пржемыславъ I († 1296) Болеславъ Благочестивый († 1279) Пржемыславъ II († 1296)	Генрихъ († 1167) Лѣшко Бѣлый († 1227) Болеславъ Стыдливый († 1279) Лѣшко Черный († 1288) Владиславъ II Ломотовъ († 1333) Земовитъ добрыньский († 1307) Земомысль мноврацлавскій († 1287) Назимиръ Великий († 1370) Лѣшко Казириъ († 1365) Владиславъ Бѣлый († 1388)	Казириъ II Справедливый († 1194) Конрадъ Мазовецкій († 1247) Казириъ кувяскій († 1268) Земовитъ I мазовецкій († 1313) Казириъ лончцкій († 1294) Бацлавъ Зем. II († 1340) Владиславъ Бѣлый († 1388) Болеславъ, кн. русскій († 1343) Янушъ († 1428) Зем. I Болеславъ († 1455) Владиславъ Конрадъ III († 1503) Зем. V Владиславъ Янушъ († 1526) Станиславъ
--	--	--	---

Линія мазовецкая одна члв

Линія великопольская. Линія кувяская. Линія мазовенская.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЯГЕЛЛОНОВЪ.

Гедиминъ († 1341)	Ольгердъ († 1377)	Владиславъ Ягелло († 1434)	Скиргайло	Свидригайло Болеславъ (1452)	Витовтъ (Александръ) († 1430)	Сигизмундъ Корибутъ († 1440)	Нейтутъ († 1382)	Владиславъ Варненчикъ († 1444)	Назимиръ Ягеллончикъ († 149?)	Владиславъ († 1516)	ев. Казимиръ († 1483)	Янъ Альбрэхтъ († 1501)	Александръ († 1506)	Сигизмундъ I († 1548)	Фридрихъ кардиналъ († 1503)	Софья, жена Фридриха бранденбургскаго	Людовикъ († 1526) Анна, жена Фердинанда австрийск.

Генеалогическая таблица Рюриковичей, княжившихъ въ Кіевѣ и въ княжествахъ Галицкомъ и Владимірскомъ.

Владиміръ Св. († 1016)

